

«Ныне уже совершенной камень во основание
Санкт-Петербурху положен с помощью Божиею».

*Пётр I о значении Полтавской победы,
из письма генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину
от 27 июня 1709 г.*

P.A. Krotov

POLTAVA BATTLE

300th anniversary

St Petersburg
«ISTORICHESKAYA ILLIISTRATSIYA»
2009

П.А. Кротов

БИТВА ПРИ ПОЛТАВЕ

К 300-летней годовщине

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ»
Санкт-Петербург
2009

ББК Ц35(2)461.523.1+Т3(2)462—684.14
УДК 9(47)14
К 83

Кротов П.А. Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине) / Отв. ред. Н.В. Кирющенко. — СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. — 416 с.: ил.

ISBN 978-5-89566-082-9

Монография представляет итоги изучения знаменитой баталии на протяжении более двадцати лет доктором исторических наук, профессором исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, академиком Академии военно-исторических наук П.А. Кротовым.

Читатель найдёт в книге ответы на широкий круг вопросов, связанных с пониманием фигуры Петра Великого как полководца. В чём состоит величие «героя Полтавы»? Как происходило становление Преобразователя в этом качестве? Каковы были личные мотивы постижения первым русским императором секретов полководческого искусства? Ответы сформулированы автором в рамках выдвинутой им оригинальной концепции, позволяющей взглянуть на военную и государственную деятельность Петра Великого с новой стороны. В центре исследования — подготовка русским монархом условий для победы малой кровью, концепция битвы царя и его руководство ходом баталии. В монографии раскрыта природа большого числа исторических мифов Полтавской битвы, которые учащиеся российских школ поныне изучают в качестве реальности прошлого, показано значение Полтавской битвы в истории Отечества для современности и будущего Российского государства.

Книга рассчитана на специалистов и всех интересующихся отечественной историей.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук Н.В. Кирющенко

Рецензенты:
доктор исторических наук профессор В.Н. Барышников,
доктор исторических наук профессор Ю.Н. Беспятых,
доктор исторических наук профессор В.Е. Возгрин

Автор и издательство выражают признательность сотрудникам Научной библиотеки Российской академии художеств и Отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук за оказанную помощь в подборе иллюстраций.

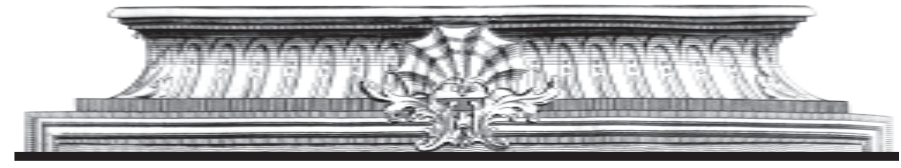
Редактор Л.Н. Образцова
Художник А.В. Спиридонов
Вёрстка А.В. Слободина
Корректор М.В. Фрик

© П.А. Кротов, 2009
© А.В. Спиридонов: макет, оформление, 2009
© «Историческая иллюстрация», 2009

1709 — 2009

Памяти моей дорогой мамы
Валентины Владимировны Кротовой
(19.X.1929 — 31.I.2008)

«Поздравляю вас сим торжественным
днем русского Воскресенья».

*Пётр I о значении Полтавской победы,
из письма супруге Екатерине Алексеевне
от 27 июня 1717 г.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Поздравляю вас сим торжественным днем русского Воскресенья...»¹ — так написал Пётр I супруге Екатерине Алексеевне 27 июня 1717 г. о годовщине Полтавской битвы. День русского Воскресенья! Сколько смысла вложено в эти слова. Первый русский император видел в навеки знаменитой баталии, её победном исходе символический знак Воскресения России. Народы Отечества, Европы осознали: обнимающая своими просторами почти весь север Евразии Россия претерпела, как тогда говорили, чудесную метаморфозу. Гром пушек великолепной русской артиллерии, правильные манёвры российских войск на поле баталии, храброе поведение солдат и офицеров, искусные действия полководцев показали всем, кто способен думать, — патриархальная, развивающаяся медленными темпами Московия канула в прошлое. Ныне с востока «цивилизованную» Европу подпирала модернизированная в итоге впечатляющей

*Белли. Портрет Петра I.
С оригинала Г. Неллера. 1698
ГЭ*

*Мастерская Д.К. Эренстраля.
Портрет Карла XII. Конец XVII в.
Государственное собрание портретов, Грисхольм, Швеция*

государственной реформы мощная держава. К 1709 г. страна возвратила выходы к берегам Азовского и Балтийского морей. На этих морях появились военно-морские флоты. Шла ускоренная индустриализация. Возникли железоделательные заводы на Урале, у Липецка, у Онежского озера. Появились новые, расширялись существующие

Ж.-М. Натье. Портрет царицы
Екатерины Алексеевны. 1717
ГЭ

полотняные мануфактуры и т. п. В 1703 г. царь лично заложил Санкт-Петербург — город, изначально задуманный им как будущая столица преобразованной Новой России.

Екатерина Алексеевна, тонко чувствовавшая умонастроения своего венценосного супруга, 23 июня 1717 г., за несколько дней до годовщины славной битвы сделала ему в письме приятное «напоминание». Малограмотная женщина написала самодержцу следующие строки с трогательной ошибкой в названии битвы, но философской оценкой её значения. Вот они: «...поздравляю Ваше Величество предбудущим днем балтавской баталии, то есть началом нашего благополучия, где Ваше Величество довольно труда имели»².

«Начало нашего благополучия» — именно Полтавская битва стала переломным событием в Великой северной войне 1700—1721 гг.

Для автора несомненно: Полтавская битва — это ключевое, знаковое событие на жизненном пути, в самой жизненной концепции великого российского полководца и реформатора. Полтавская победа стала решающей вехой в созидании Российской империи Петром Великим. Образцовая шведская армия во главе с королём Карлом XII была наголову разгромлена 27 июня 1709 г. Спустя три дня остатки шведских войск были пленены на берегу Днепра без сражения. Русский монарх продемонстрировал героическое поведение в главной битве Великой северной войны. В официальной печатной реляции о битве говорится: «...Его Величество в том случае свою храбрость, великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особе, в вышнем градусе показал, и при том шляпа на нем пулею прострелена»³. Очень хорошо сказал о значении Полтавской победы американский историк П.А. Бушкович:

«...эта победа невероятно усилила власть русского царя. Подобно большинству монархов начала Нового времени, он ничем не мог надёжнее укрепить свой трон и престиж, чем решительной военной победой»⁴.

Как представляется, последовательно укрепляя «свой трон и престиж», русский монарх торил путь к провозглашению себя императором, России — империей. Императорский титул монарха в исторических условиях античности, Средних веков и Нового времени — это внешнее выражение великодержавного положения страны в мире. Совершенно неслучайно в написанной по велению Петра I бароном Г. фон Гюйссеном истории его правления упоминается, что накануне баталии некоторые российские офицеры вспоминали решающую для Юлия Цезаря битву при Фарсале (48 г. до н. э.). Там сказано: «Офицеры... говорили... что некто... говорил Юлию Цезарю в полях Фарсальских прежде побития Помпеуса: „Так буду делать, что похвалиши меня; сего дня жив или убиен буду“»⁵. Кроме того, в истории Г. фон Гюйсена сказано о событиях 25 и 26 июня 1709 г. следующее: «Все солдаты оказывали к Его Величеству, *котораго они называли Отцом* (курсив наш. — П.К.), особливую склонность и любовь...»⁶. Вскоре после победы Юлия Цезаря при Фарсале Сенат даровал ему титулы императора и Отца Отечества. Те же титулы (кроме того, титул Великий) Пётр I получил от Сената по завершении войны со Швецией в 1721 г. Параллели между действиями Юлия Цезаря перед решающей для него битвой на Фарсальских полях и Петра I перед генеральной баталией у Полтавы обозначены в официальном труде чётко. Конечно, русские солдаты кричали царю-батюшке: «Отец наш!», «Батюшка!» — по древнему русскому обычаю. Однако Г. фон Гюйссен, высокообразованный литератор, придал этому факту в собственном изложении литературно-схематический, символический оттенок, усиливая сходство деяний двух великих правителей мировой истории. В его изображении получалось, что сам народ подносил Петру I титул Отца Отечества, подобный дарованному Юлию Цезарю. Учёный иноземец на русской службе вполне понимал смысл сделанного ему историко-литературного заказа. С помощью пера и бумаги он призван был обеспечивать пропагандистскую сторону процесса превращения Московской Руси в Российскую империю. Следовательно, рассмотренной литературной параллелью он подчёркивал, что Полтавская «преславная виктория» — это решающее событие на пути превращения

Российского государства в империю, московского царя Петра I — в Петра Великого, Отца Отечества, императора Всероссийского.

Личность и деятельность Петра Великого — традиционная тема для споров в исторической науке, философии, публицистике. С приходом новых поколений в общественном сознании меняются преобладающие оценки этого титана русского исторического процесса, открываются новые стороны деятельности Преобразователя. Оценка множества деяний Петра Великого, этой мощной знаковой опоры исторического сознания русского народа, не может быть простой и однозначной в принципе. Непросто приблизиться к разгадке побудительных мотивов, первоначальных толчков, внутренних и внешних стимулов в деятельности этого столь необыкновенного человека. Что так неудержимо влекло Петра I к замечательным военным успехам, к впечатляющим достижениям в государственной деятельности? Обычно историки пишут о современных «горизонтальных» влияниях на великого российского реформатора европейских стран⁷, заявляют о «протестантском влиянии»⁸. Однако, как представляется, в государственном строительстве Петра Великого прослеживается сильнейшее воздействие из глубины веков. Это влияние античных моделей государственности, исторического опыта великих государств европейского Древнего мира — империй. Пути этого воздействия на царя могли быть различны: общение с людьми-носителями соответствующих знаний, знакомство с материальными следами античной цивилизации и, конечно, чтение книг о государственной деятельности строителей империй в античном мире. Выдающиеся примеры военной деятельности полководцев и правителей античной эпохи, безусловно, служили образцами для молодого царя. Можно думать, античные образцы воинского искусства и доблести пробуждали амбиции русского монарха.

Можно выявить книжные истоки «имперского мышления» Петра Великого: мысли о впечатляющих военных победах, о грандиозных реформах, о созидании огромной державы с мощным политическим влиянием на окружающий мир, о славе великого правителя, охватывающей весь тот мир, который развивался в рамках европейской цивилизации.

По поручениям Петра I осуществлялись переводы на русский язык выдающихся трактатов древности по государственному строительству и военному искусству. Так, определённо большую роль в формировании имперского стиля мышления Петра Великого сыг-

ла книга римского автора Квинта Курция Руфа (I в. н. э.) о деяниях Александра Великого Македонского. В конце XVII столетия выполнявший издательские поручения Петра I голландец Я. Тессинг предполагал начать свою издательскую деятельность именно с перевода с латыни и напечатания на русском языке этого труда. Книгоиздатель писал царю 18 декабря 1698 г.: «...чаю начать сие житием и мужественными делами Александра Великого, описанных чрез Квинтуса Курцыуса... и намерен тебе, моему государю, покорнейше принести и приписать...». Перевёл с латыни на русский язык книгу, однако, И. Копиевский. В конце 1699 г. она уже предлагалась царю для напечатания. Рукопись этого произведения, выполненная И. Копиевским в конце XVII в., хранится в собрании книг Петра Великого⁹.

Есть основания предполагать, что достаточно рано русский монарх познакомился и с автобиографическим сочинением первого римского императора Гая Юлия Цезаря. Возможно, главным в его «Записках о Галльской войне» для русского монарха было даже не военное искусство. В этом произведении описан значимый фрагмент пути последовательного возвышения к вершине власти человека, исполненного честолюбивых помыслов. Этот путь, как явствует из книги, совпадал у Юлия Цезаря с неустанной службой Отечеству. К великому успеху Цезаря привели негибкая воля, настойчивость в движении к намеченной цели, огромные способности к государственной работе — всё это воплотилось в его выдающиеся деяния. Сочинение освещает в первую очередь последовательность военных действий и дипломатические усилия Юлия Цезаря — экспансию Рима. Согласно концепции «Записок о Галльской войне», именно неугомонная военная деятельность, сопряжённая с искусством дипломатии, многочисленные победы, территориальный рост государства, неустанная забота о вооружённых силах и бдительность в отношениях с внутренней оппозицией — это путь «имперского строительства» Юлия Цезаря.

Одним из первых признаков того, что молодой царь Пётр I следует в своей государственной деятельности имперской идее в её внешних античных формах, идее великих военных и государственных свершений, является внедрение в России древнеримской традиции триумфальных шествий.

Величественным триумфом был отмечен уже первый большой внешнеполитический успех Петровской России. По существу,

*Турецкий город Азов. Конец XVII в.
ОР БАН*

*А. Шхонебек.
Осада турецкой крепости Азов русскими войсками в 1696 году. Фрагмент. 1699*

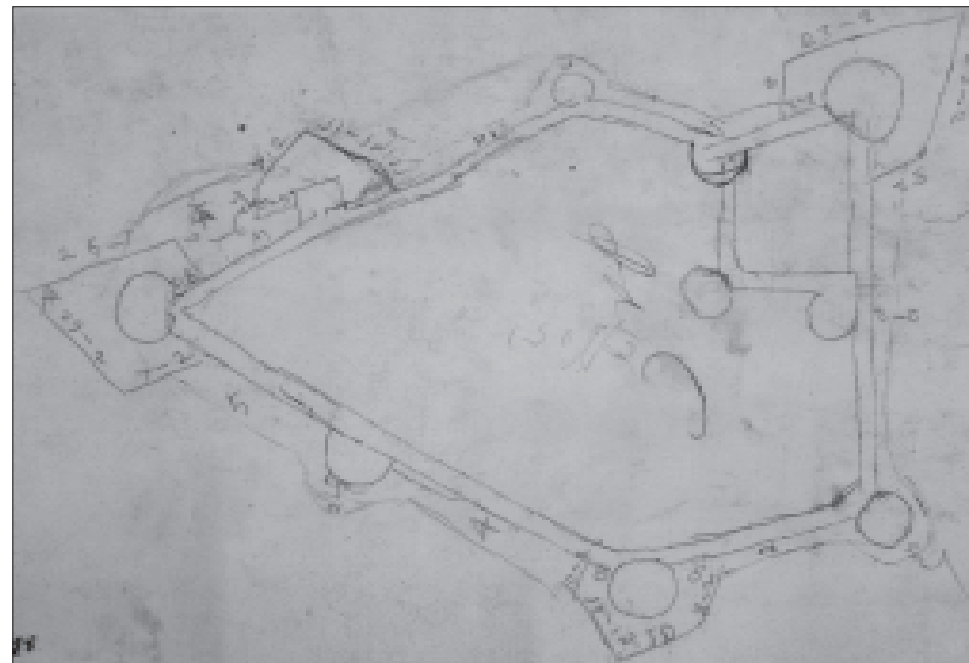
такovým явилось овладение в итоге военного похода сильной турецкой крепостью Азов в устье Дона (июль 1696 г.). Сам монарх принимал непосредственное участие в обоих походах под Азов и в 1695-м, и в 1696 г. Победоносные войска вступили в столицу торжественным триумфальным шествием 30 сентября 1696 г. Москвичей, впрочем, тогда поразило ранее невиданное и непонятное об-

Д. Сорник.
Портрет Ф.Я. Лефорта. До 1756
ГИМ

стоятельство (оно не соответствовало и античной традиции). Сам царь шёл пешком недалеко от генерала и адмирала Ф.Я. Лефорта, который большую часть пути ехал на позолоченных санях. Российский самодержец при этом был облачён в обычный офицерский мундир. Смысл столь необычной для россиян перемены мест монарха и его высокопоставленного служащего-иностранца следует усматривать в том, что сам царь публично показывал, что отныне предпочтение перед родовитостью и даже царственностью происхождения отдаётся служебным заслугам, полученному службой чину¹⁰.

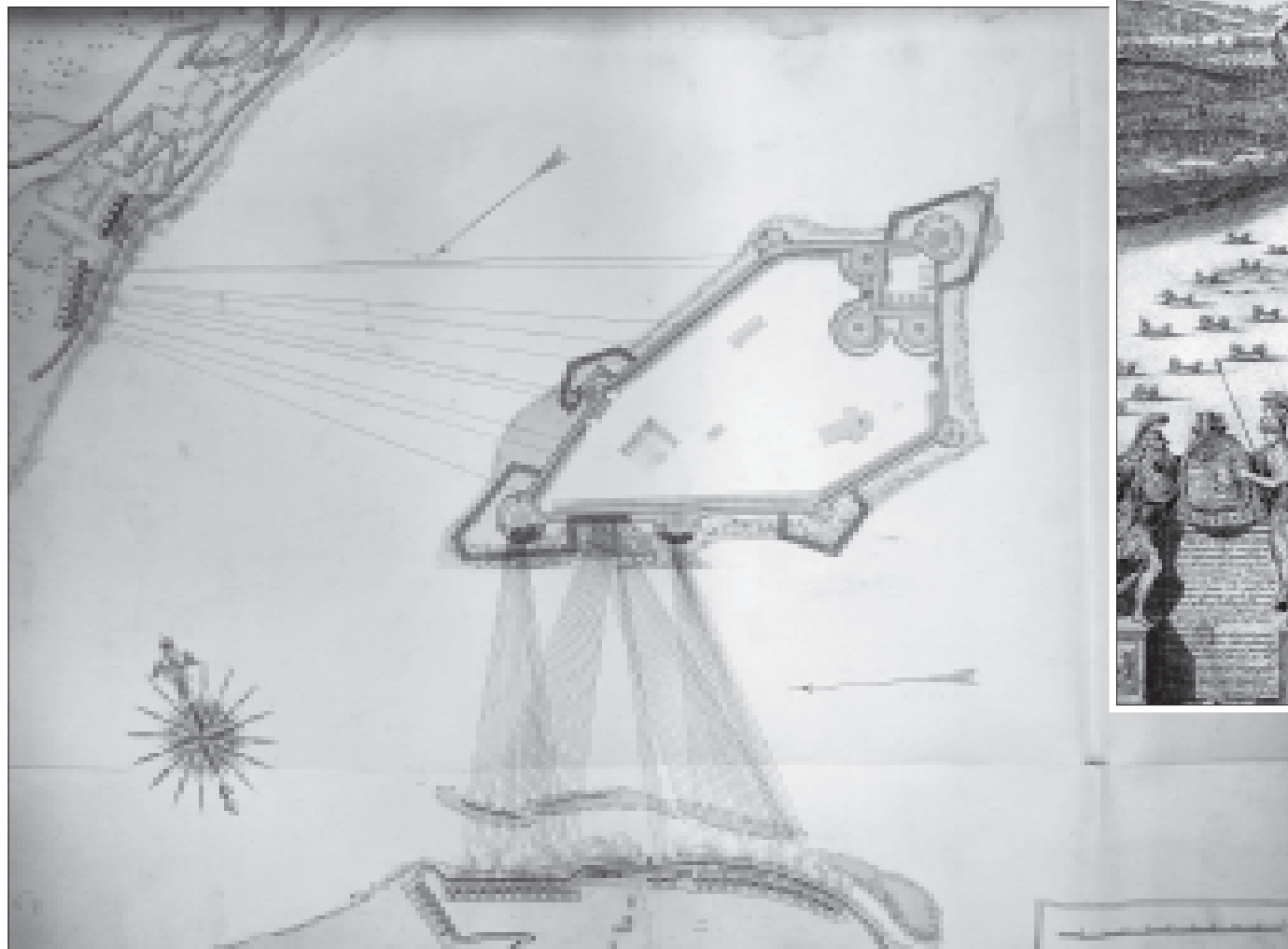
Древнеримская традиция триумфальных шествий органично вошла в российскую жизнь Петровской эпохи. Она не просто поднимала престиж правящего монарха. Она продвигала вынашиваемую им имперскую идею, создавала нужный пропагандистский фон. В годы «свейской войны» Петра I триумфы обозначали зримые вехи продвижения России по пути к воплощению её национальной идеи — величию, великодержавному статусу среди европейских государств. Сам царь отмечал триумфами вехи на своём тернистом пути к получению императорского титула. «Торжественный вход» в столицу с захваченными в том году пленниками и воинскими трофеями монарх произвёл 6 декабря 1702 г. Для встречи царя-триумфатора было воздвигнуто трое триумфальных ворот. Петра I приветствовали высшие духовные лица «и протчих чинов люди»¹¹. Триумф как пропагандистская акция подытоживал русские победы 1701—1702 гг. Среди них выделялось взятие штурмом 11 октября 1702 г. крепости Нотебург/Орешек. Это была первая в начав-

Шлиссельбургская крепость. Собственноручный рисунок Петра I.
Начало XVIII в.
ОР БАН

шейся войне со шведами победа, в которой непосредственное участие принимал сам царь. Триумф 1702 г. позволил Петру I взять столь необходимый пропагандистский реванш за поражение российской армии в генеральной битве при Нарве (1700).

Первая русская газета «Ведомости» (издававшаяся с декабря 1702 г.) тиражировала сведения об очередных триумфах русского царя. Успехи кампании 1703 г. Пётр I продемонстрировал подданным во время триумфа 11 ноября 1703 г. Газета возвещала: «...Его Царское Пресветлое Величество по разных на сухом пути и на море победах над шведами, и по взятии крепостей Шлотбурга, Ямбурга и Капорья возвратился к Москве, и в пришествии Его Царского Величества великий был на Москве триумф, и оустроены были трои врата триумфальные со многим оукрашением»¹². К триумфальному шествию в декабре 1704 г. в Москве были построены семь торжественных арок, которые были украшены «различными историями, симболы и эмблематы»¹³. Главные военные успехи того года — это овладение городами Нарва и Дерпт (Юрьев Ливонский). Роль Петра I во взятии этих городов-крепостей была значительной. В декабре 1705 г. состоялось

План осады Нотебурга. Начало XVIII в.
ОР БАН

А. Шхонебек.
Осада крепости Нотебург. 1703

очередное триумфальное шествие. Главным поводом к нему стало овладение Митавой — столицей герцогства Курляндского. Для торжества предписывалось оставшиеся от предыдущих шествий триумфальные ворота «построить вновь да сделать пирамиду»¹⁴.

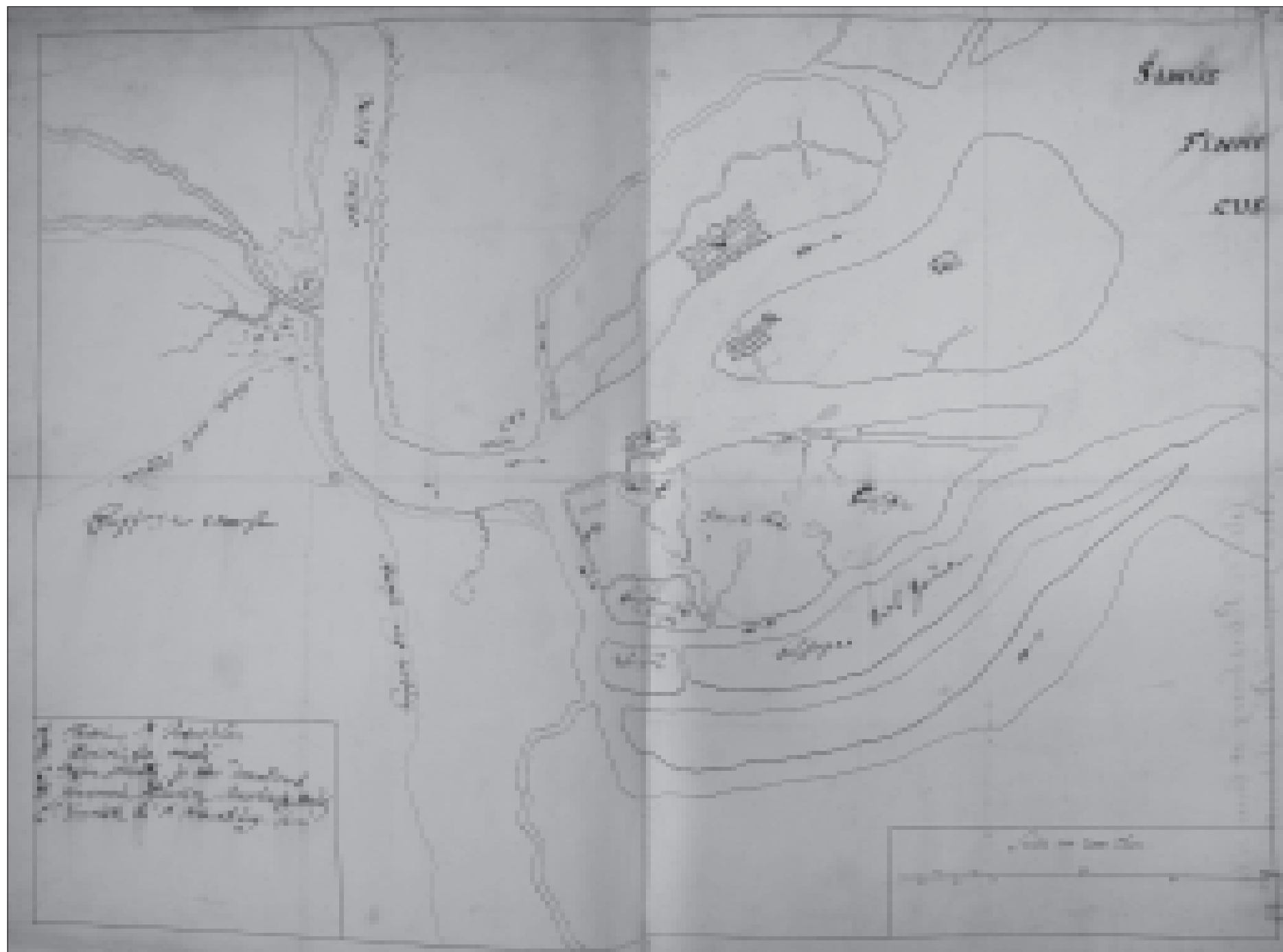
Неизвестный гравёр.
Триумфальные врата, сооружённые на средства
«именитого человека» Г.Д. Строгонова в Москве
в декабре 1710 г. для торжественной встречи русских
войск после Полтавской победы. 1710
ГЭ

Самое масштабное триумфальное шествие было посвящено Полтавской победе: 21 декабря 1709 победоносные войска с многими тысячами пленных и богатыми трофеями вступили в столицу через восемь триумфальных врат «с великим триумфом»¹⁵. пышное торжество соответствовало, как справедливо заметила Г.В. Шебалдина, «имперским амбициям» Петра I, «царским планам» добиться признания России великой державой¹⁶. Триумф 9 сентября 1714 г. был первым, посвящённым морской победе — Гангутской баталии 27 июля 1714 г., в которой авангардом российского галерного флота, пленившим гребно-парусный отряд шаяутбенахта (контр-адмирала) Н. Эреншёльда, командовал сам царь — шаяутбенахт корабельного флота Пётр Алексеев сын Михайлов¹⁷. Более того, триумф проходил в Санкт-Петербурге, что стало одним из свидетельств того, что российская столица переместилась в этот город. Были сооружены двое триумфальных врат, устроена иллюминация. Героя баталии, русского монарха, приветствовал Сенат, даровавший после некоторого совещания шаяутбенахту Петру Алексееву сыну Михайлову «за верно сослуженную им службу Отечеству» следующий чин вице-адмирала¹⁸.

Завершение Великой северной войны российский монарх торжествовал в Санкт-Петербурге и Москве. Для московского триумфального шествия, прошедшего в бывшей столице в декабре 1721 г., были возведены четыре триумфальные арки. Триумфом в Москве было отмечено в декабре 1722 г. и возвращение всероссийского императора из успешного Персидского похода¹⁹.

Смелый и решительный перенос Петром I столицы во вновь основанный Санкт-Петербург своей радикальностью тоже был вполне в духе имперской идеи древности. Александр Великий Македонский, столь почитаемый Петром Великим, переместил столицу созданной им пространной империи в Вавилон. Император Константин Великий (306—337), с которым нередко сравнивали Петра Великого ораторы, публицисты и писатели Петровского времени, оставил Рим и перенёс столицу в необыкновенно расширенный им Византий. Вскоре город на Босфоре получил название Константинополя. Оба великих правителя нарекли столицы собственным именем. Пётр I, согласно символике культуры барокко, назвал город в честь апостола Петра (который вёл в Риме пропаганду христианства и там же погиб). Символическая связь названия нового российского города на берегах Невы с именем города Рим — столицы могущественной Римской империи, колыбели общеевропейской цивилизации, так сказать, налицо. Однако несложно раскрыть и ещё одну из «тайн» имени Санкт-Петербурга. Младенец Пётр, будущий царь, был крещён в Петров день 29 июня 1672 г. Апостол Пётр являлся небесным покровителем царя. Следовательно, косвенно (логическая цепочка в два хода) в названии будущей столицы Российской империи была заложена и память об имени реального основателя города — Петра I. Имя апостола Петра, столь связанного с античным Римом, в наименовании города — тоже указание на имперские амбиции царя.

Показательно, что Пётр I делал соответствующие шаги по превращению Московской Руси в Российскую империю строго своевременно, когда для этого были подготовлены условия. Так, сочинение Квинта Курция Руфа о деяниях Александра Великого в первые годы XVIII в. оставалось ненапечатанным. Пётр I не мог не понимать, что разгром русской армии под Нарвой в ноябре 1700 г., мастерски раскрученный шведской пропагандой, создал самый неблагоприятный фон для её издания. Внутренняя оппозиция курсу реформ не преминула бы воспользоваться случаем и провести крайне невыгодные для русского самодержца параллели с Александром Македонским. Только в октябре 1708 г. Пётр I распорядился готовить первое издание книги. Судья Монастырского приказа боярин И.А. Мусин-Пушкин 10 октября 1708 г. писал об этом Ф.П. Поликарпову-Орлову. Вот его резюме слов российского монарха: «Курциуша вели, не мешкав, исправлять и печатать. Сие дело есть угодно»²⁰.

План Санкт-Петербурга.
Начало XVIII в.
ОР БАН

Письмо И.А. Мусина-Пушкина было написано в Смоленске. С 10 и до 20 октября 1708 г. пребывание российского монарха в этом городе фиксируется по отправленным им оттуда письмам²¹. Нет сомнений, что И.А. Мусин-Пушкин стал доводить до сведения должностных лиц указания царя буквально сразу же после их получения в Смоленске. Приведённые выше доказательства того, что И.А. Мусин-Пушкин выслушивал распоряжения монарха в Смоленске 10 октября того года или несколькими днями ранее, требовались для подтверждения следующего: российский самодержец сделал это указание только вскоре после одержанной им совместно с генералом кавалерии А.Д. Меншиковым яркой победы в ожесточённом сражении со шведским корпусом А.Л. Лёвенгаупта при деревне Лесной (28 сентября 1708 г.).

Всё дело в том, как царь оценивал победу у Лесной. Такая оценка имеется в «Гистории свейской войны» — историческом сочинении о правлении Петра I, в котором сам монарх хотел дать современникам и будущим поколениям официальный, желательный для него самый взгляд на события своего царствования. Монарх собственноручно приписал на отдельном листе особую вставку в текст²². В этом отрывке сражению близ Лесной было придано ключевое, судьбоносное для России значение предтечи Полтавской виктории. Вот эти строки: «Сия у нас победа может первая назватца, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем. И поистинне оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба салдацкая была и людей конечно приободрила. И мать Полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца щастие произнесла»²³. После победы у Лесной грядущий разгром шведской армии, двигавшейся во главе с королём Карлом XII на Левобережную Украину, вдаль от шведских границ, становился всё более очевидным. Согласно античной традиции, яркие военные победы для творцов империй имели важнейшее значение.

Победа при Лесной позволила сделать важный шаг к созданию Российской империи. Пётр I, по мнению автора книги, сознательно и целеустремлённо продолжал идти по намеченному пути. После славной баталии 28 сентября 1708 г., главнокомандующим в которой был сам российский монарх, настало время усилить пропаганду в означенном направлении внутри страны. «Повелением цар-

ского величества» в октябре 1709 г. первым изданием наконец-таки была напечатана в Москве книга Квинта Курция Руфа; второе издание появилось вскоре — в декабре 1711-го, третье — в 1717-м в Москве же. Четвёртое и пятое издания увидели свет уже в новой столице, в императорском Санкт-Петербурге в 1722-м и 1724 г.²⁴

Одновременно с сочинением Квинта Курция Руфа Пётр I распорядился издать «Записки о Галльской войне» первого императора Рима Юлия Цезаря. Указание царя на этот счёт содержится в том же письме И.А. Мусина-Пушкина от 10 октября 1708 г. из Смоленска: «Волкова переводу книгу о войнах цесаря Июлия вели печатать»²⁵. Когда русский монарх познакомился с сочинением о деяниях основателя Римской империи — вопрос открытый. Это сочинение вышло из печати в феврале 1711 г. в Москве. Русское издание является извлечением из книги А. де Роана «Совершенный капитан, или Сокращённое описание Галльских войн из записок Цезаря...». Эта книга выдержала несколько изданий на французском и немецком языках²⁶. Позднее российский самодержец намеревался осуществить перевод с голландского и латыни ещё двух книг о деяниях Юлия Цезаря. Поручение на этот счёт было дано прапорщику Преображенского полка А.Д. Татищеву. Об этом упомянул вице-президент Священного синода архиепископ Феодосий (Яновский) в записке от 2 декабря 1723 г.²⁷

Можно сказать, что сочинения Юлия Цезаря и Квинта Курция Руфа были для Петра I любимым чтением. Об этом имеются прямые надёжные свидетельства. Одно из них принадлежит австрийскому дипломату в России О.А. Плейеру. Оно относится к февралю 1710 г. — времени вскоре после Полтавской виктории. Он писал о замыслах царя: «...после того, как одержал теперь столь счастливые и славные успехи над шведами, он, может быть, позволяет уже себе мечтать о Трапезундской и Греческой империи...». Как свидетельствует дипломат, царь был «намерен, пожалуй, если не превзойти Александра Великого, то, по крайней мере, подражать ему...». О.А. Плейер отметил следующую подробность о часах досуга русского монарха. По его словам, царь «велит читать себе его историю, большею частию идя в постель или ко сну, и как бы в восторге от этой истории хочет вкушать в сонном видении сладость бессмертного имени, приобретённого Александром...»²⁸. То же утверждал пленный швед Л.Ю. Эренмальм. Русский самодержец «приказал перевести... книги Юлия Цезаря и Курция, которыми обычно сам

пользуется для полезного времяпрепровождения». Л.Ю. Эренмальм — выпускник Абоской академии (университета), знаток латинского языка. Его «Заметки о нынешней силе и мощи Русского государства...» были созданы в Санкт-Петербурге (1710—1713). Рукопись уже в 1714 г. поступила в королевскую Коллегию-канцелярию в Стокгольме. Швед имел в городе на Неве широкий круг общения с иностранными дипломатами, представителями купечества, кораблестроителями, военнопленными, но особенно с людьми его среды — офицерами-иностранцами²⁹.

Полтавская победа стала внешним знаком того, что Россия — это одно из ведущих государств Европы, модернизированных в соответствии с духом и потребностями времени. Славная виктория явилась внешним свидетельством успеха радикальных реформ, решительного и последовательного военного строительства Петра I. Британский дипломат Ч. Уитворт, незадолго до отъезда из России, в феврале 1710 г. возведённый в ранг чрезвычайного посла, в том же году дал глубокую характеристику личности и деятельности Петра I. После Полтавской битвы в просвещённых кругах европейских стран стало быстро нарастать понимание величия событий, вершившихся на востоке Европы. В «Отчёте о России, какова она была в 1710 году» пера Ч. Уитворта о царе сказано: «Он чрезвычайно любознателен и трудолюбив и за 10 лет усовершенствовал свою империю больше, чем любой другой смог бы сделать в десятикратно больший срок, и что ещё более удивительно — сделал это без какой-либо иностранной помощи, вопреки желанию своего народа, духовенства и главных министров, одной лишь силою своего гения, наблюдательности и собственного примера. Он прошёл все ступени должностей в армии — от барабанщика до генерал-лейтенанта, на флоте — от рядового матроса до контр-адмирала, а на своих верфях — от простого плотника до корабельного мастера»³⁰.

Полтавская битва была звёздным часом самого русского монарха — она воспета в памятниках литературы, в произведениях изобразительного искусства, прославлена в публицистике, художественной литературе, краеугольным камнем исторической памяти вошла в историческое сознание ряда народов и т. д. Однако путь к Полтавской победе был долог и тернист. Одна из задач настоящей книги — осветить становление Петра I как полководца.

¹ Письма русских государей и других особ царского семейства. СПб., 1862. Вып. 1. С. 71.

² Там же. С. 162.

³ Полтавская битва. 1709 — 27 июня — 1909 / Сост. В.Е. Борисовым, А.А. Балтийским, А.А. Носковым. СПб., 1909. С. 9.

⁴ Бушкович П.А. Пётр Великий: Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. С. 295.

⁵ [Гюйссен Г., фон] Журнал государя Петра I с 1709 по 1710, сочиненный бароном Гизеном // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1788. Ч. 8. С. 93.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985. С. 51—53, 68—73.

⁸ Алакиин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск, 2006. С. 387.

⁹ Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / Автор-сост. И.Н. Лебедева. СПб., 2003. С. 197—198.

¹⁰ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 97.

¹¹ ГСВ. М., 2004. Вып. 1. С. 228.

¹² Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. С. 90.

¹³ Там же. С. 211.

¹⁴ Ильин М.А., Выголов В.П. Московские триумфальные ворота рубежа XVII—XVIII вв. // Материалы по теории и истории искусства. М., 1956. С. 110.

¹⁵ Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века: Проблемы панегирического направления. М., 2005. С. 38—39.

¹⁶ Шебалдина Г.В. Шведские пленные в Сибири в первой четверти XVIII в. М., 2005. С. 32.

¹⁷ Подробнее о фамилии Михайлов (Михаилов), которую избрал себе Пётр I первым из потомков основавшего на русском престоле новую династию царя Михаила Феодоровича, см.: Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга. СПб., 2006. С. 88—89.

¹⁸ Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 164—177.

¹⁹ Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века: Проблемы панегирического направления. С. 39—40.

²⁰ ПБВП. М., 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 938.

²¹ Там же. М.; Л., 1948. Т. 8. Вып. 1. С. 186—193, 207, 214, 226, 227.

²² ГСВ. М., 2004. Вып. 2. С. 106.

²³ Там же. Вып. 1. С. 289.

²⁴ Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати: 1708—январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 92, 122—123, 221, 400, 459.

²⁵ ПБВП. Т. 8. Вып. 2. С. 938.

²⁶ Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати: 1708—январь 1725 г. С. 117—118.

²⁷ Свердлов М.Б. Пётр Великий и историческая наука // Петровское время в лицах — 2008. СПб., 2008. С. 220.

²⁸ [Плейер О.А.] О нынешнем состоянии государственного управления в Москве: Донесение Оттона Плейера в 1710 году. М., 1874. С. 8—9.

²⁹ Беснятых Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 363, 224—227, 241—246.

³⁰ Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века / Статья и комментарии Ю.Н. Беснятых. М.; Л., 1988. С. 73.

Глава I

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕТРА I КАК ПОЛКОВОДЦА

«Царь быстро вознаградил там себя за свои несчастья, а Карл закончил свои подвиги самой большой из неудач. Некоторые говорят, что если первый стал созидателем своей страны, то второй — разрушителем собственной» — такая оценка итога и значения Полтавской битвы 1709 г., которая была дана одним из её участников, драбантом шведского короля французом К. де Турвилем¹, поныне господствует в общественном сознании и едва ли может быть оспорена.

Полтавская битва 27 июня 1709 г. справедливо считается одной из наиболее известных баталий европейской истории. Современников и потомков потряс военный итог побоища. Полтавское поражение шведов было столь однозначным, что через три дня остатки дотоле непобедимой армии Карла XII, прижатые к Днепру, сдались без единого выстрела. Победоносная шведская армия перестала существовать, а сам монарх едва избежал плена и сумел возвратиться

в пределы Швеции в сопровождении нескольких спутников только в конце 1714 г. Разгром и пленение главных сил шведской армии явились неожиданностью для первых лиц европейских государств, не сумевших предвидеть такого исхода. Многоопытный министр иностранных дел Франции Ж.-Б.-К. де Торси, для примера, заявлял в 1708 г. венгерскому дипломатическому агенту барону Л.К. фон Ветесу, что не рассматривает Россию в качестве реальной силы в Европе, поскольку 8000 шведов разгромят 80 000 трусливой русской пехоты².

В битве под Полтавой не только противостояли друг другу два монарха: яркий, непобедимый дотоле полководец Карл XII и великий реформатор Пётр I. По существу, учитывая реальную роль полководцев в баталии, следует считать, что руководили тогда не только монархи, но и их первые помощники: генерал-фельдмаршал К.Г. Рёншильд и генерал, командующий всей русской кавалерией, светлейший князь А.Д. Меншиков. Пётр I подчеркнул особый вклад А.Д. Меншикова в победу тем, что если монархам письма о виктории под Полтавой он рассылал от своего имени, то ключевым деятелям европейских правительств такого рода официальные письма и реляции, как правило, отправлялись светлейшим князем. «Насколько полна одержанная царём победа», убедился 26 августа 1709 г., получив такое послание с нарочным российским офицером от светлейшего князя, прославленный британский полководец герцог Д.Ч. Мальборо³. 10 июля 1709 г. А.Д. Меншиков подписал письмо (на польском языке) великому коронному гетману А.Н. Сенявскому⁴ и т. д.

Главенствующий во всей исследовательской проблематике знаменитой битвы — это вопрос о полководческом искусстве

Ф. Шрек.
Портрет генерал-фельдмаршала
К.Г. Рёншильда

Неизвестный живописец.
Портрет А.Д. Меншикова. 1702 (?)
Нарва-музей

Петра I и его правой руки светлейшего князя А.Д. Меншикова. Исследовательская ситуация характеризуется очевидным противоречием. Российская историографическая традиция с XVIII столетия и до наших дней однозначна:

Г.Ф. Шмидт. С оригинала Г. Хеллера.
Портрет Петра I

Полтавская битва — блестящий пример полководческого искусства; основная заслуга в достижении победы принадлежит самому Петру I и его первому помощнику — светлейшему князю А.Д. Меншикову. Западная историография признаёт колоссальное значение итогов генеральной баталии для резкой перемены ролей России и Швеции в делах Европы. «Полтава была одной из самых решающих битв столетия»⁵ — высказываниям подобного рода несть числа. Вместе с тем оценка российского монарха как полководца обычно вовсе не даётся; если же в редких случаях и приводится, то наличествуют сдержанные или вовсе скептические оценки. Видный историк европейского военного искусства XVIII —

первой половины XIX в. Д.Г. Чандлер сформулировал своё отношение к его полководческим способностям так: «Пётр Великий, хотя не был великим воином, наголову разгромил Карла XII при Полтаве в 1709 г.»⁶. Военные историки Д. Киган и Э. Уиткрофт проводят ту же мысль: «...Пётр не был великим полководцем, хотя некоторые его подчинённые были исключительно способными людьми»⁷. Или В.К. Фуллер писал: «...стратегия Петра I была более важной составляющей русской победы над Швецией по сравнению с его военным искусством. Несмотря на нововведения Петра I, шведы были почти всегда тактически и с точки зрения искусства боя выше их русских противников»⁸.

При перечислении лучших военачальников XVIII столетия в западной историографии трудно встретить имя Петра Великого. Такие случаи в существующем море книг — редкое исключение; они решительно выпадают из главенствующего подхода. Можно привес-

ти в этом плане выдержку из труда того же маститого учёного Д.Г. Чандлера. Он отметил, что большинство генералов тех времён ставили своей задачей не уничтожение живой силы противника, но осады крепостей и вытеснение неприятельских войск с жизненно важных путей сообщения. Далее историк утверждает следующее: «Только горсть великих вождей масштаба герцога Мальборо, принца Евгения Савойского, маршала Виллара и Морица Саксонского (позднее), Карла XII и Фридриха Великого Прусского стремились или же были способны отойти от отживших своё военных приёмов того времени и возродить в определённой мере активность, движение и решительность в ведении войны. Что же касается остальных, то это было время заурядных личностей»⁹. Как видно (если несколько притупить остроту высказывания историка), в его список первых полководцев Европы XVIII в. не включены ни Пётр Великий, ни П.А. Румянцев, ни А.В. Суворов. Авторитетный историк сумел «не заметить» ключевых европейских полководцев XVIII столетия. Обозначенная выше историографическая линия принимает иногда вовсе крайние формы. Немецкий историк О. Хайнц утверждал: «Гениальный план битвы при Полтаве, очевидно, остался совершенно непонятым высшим командованием русских»¹⁰. Историк пришёл к следующим выводам: «Стратегический гений, тактическое превосходство, непоколебимая стойкость духа в битве были целиком на стороне шведов. Непредвиденные случайности и неодолимая рука всем правящей судьбы в конце концов заставили шведскую армию выпустить из рук уже наметившуюся победу, но они не могли отобрать у неё лавров более высокого воинского искусства»¹¹. Такие подходы и оценки, встречающиеся в зарубежной историографии, автором настоящей книги решительным образом не разделяются.

Среди граждан нашего Отечества, среди самых широких слоёв населения, интересующихся историей боевого прошлого России, преобладает мнение, высказанное в 1996 г. военным историком А.В. Шишовым: «Полтавская битва во всех перипетиях давно и подробно описана нашими отечественными и шведскими исследователями, в их оценках и суждениях нет больших расхождений»¹². Главным образом в последующие годы усилиями ряда историков взгляды на многие обстоятельства столь славной для русского оружия баталии коренным образом изменились.

Автор в течение многих лет изучал историю битвы 27 июня 1709 г. — первая публикация вышла из печати в 1989 г. Цель настоящей книги —

исследовать в первую очередь полководческий почерк Петра Великого, характерные черты его полководческого искусства, столь ярко проявившиеся в знаменитой битве. Главный вопрос монографии таков: является ли первый российский император великим полководцем Европы?

Тема книги отнюдь не нова для отечественной и зарубежной исторической науки, поэтому необходимо сказать об избранных исследовательских подходах, которые позволяют достичь научной новизны.

Во-первых, автор считает необходимым поставить Петра Великого и окружавших его полководцев в «рамки эпохи», то есть военных установок, традиций и распространённых в то время теоретических положений. Это будет делаться с помощью публиковавшихся тогда в Европе трактатов по военному искусству и примеров текущего боевого опыта русской и шведской армий. Следующий шаг в задуманной исследовательской схеме — это показать, чему конкретно из накопленного европейской военной традицией опыта следовал Пётр I в качестве российского полководца № 1 на полях под Полтавой и что воплощал тогда в своей полководческой практике полководец № 2 — А.Д. Меншиков. Автор пришёл к пониманию продуктивности такого исследовательского пути недавно и начал движение в этом направлении¹³. Исследований Полтавской битвы под таким углом зрения ранее, пожалуй, не выполнялось. Нет и научных работ, поднимающих в сколько-нибудь заострённой исследовательской форме следующий вопрос — что знали генералы Петровской армии о боевой практике европейских армий времён античности, Средних веков, XVII — начала XVIII столетия: в Европе одновременно шли война за Испанское наследство (1702—1714) и Великая северная война (1700—1721).

Во-вторых, при подготовке книги был сделан упор на поиск новых архивных материалов, малодоступных опубликованных источников и введение их в научное обращение. Выявление источников шло в архивохранилищах и библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы.

В-третьих, придти к научной новизне в освещении многочисленных неясных вопросов знаменитой баталии автор стремился через использование нетрадиционных видов исторических источников: печатных и рукописных карт XVIII столетия, гравюр, рисунков, картин, образцов артиллерийских орудий того времени,

рассказов офицеров о своём служебном пути («сказки»), публикаций в иностранных журналах, газетах и др.

В-четвёртых, в области военной истории обычно приводит к зримым итогам перекрёстное изучение источников о битве обеих противоборствовавших сторон. Сравнительный анализ российской и шведской версий баталии, её видения российскими и шведскими участниками битвы — весьма перспективный подход для исследовательских усилий. Автор пытался двигаться и этой исследовательской колеей.

В-пятых, как оказалось, плодотворен не столь часто используемый историками подход к изучению битвы со стороны раскрытия литературной природы некоторых искусственным путём созданных «фактов», литературных мифологем. Применение этого метода привело к неожиданным результатам. Ряд привычных, глубоко укоренившихся в памяти людей красивых «фактов» из истории баталии на самом деле является плодом литературного вымысла!

Исследование Полтавской битвы под заявленным углом зрения распадается на веер отдельных сюжетов. Начнём с выяснения того, какими путями Пётр I и полководцы из его ближайшего окружения постигали полководческое искусство.

ОСВОЕНИЕ АНТИЧНОГО И ВИЗАНТИЙСКОГО ОПЫТА ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ИСКУССТВА ПЕТРОМ I

Непреложным правилом для Петра I было систематическое изучение богатейшего военного опыта античного мира и Византии. Это был традиционный путь становления великих полководцев того времени. Так начинали постигать военное искусство Анри Тюрэнн (1611—1675), Джон Черчилль Мальборо (1650—1722), Евгений Савойский (1663—1736), Мориц Саксонский (1696—1750), прусский король Фридрих II Великий (1712—1786) и другие известные полководцы.

По поручениям Петра I был осуществлён перевод на русский язык ряда выдающихся трактатов древности по военному искусству. В 1692 г. царь распорядился перевести знаменитый труд римского автора Секста Юлия Фронтин «Стратегемы» («Военные хитрости»)¹⁴, созданный в конце первого века при римском императоре Домициане (81—96)¹⁵. На следующий год царь уже имел «Книгу о

хитростях ратных» — заказанное им переложение на русский язык сочинения Фронтинана. В предисловии к переводу античного труда выполнивший его справщик (редактор) Печатного двора К. Истомин так написал о значении полководческого искусства: «Иже благополучнаго конца желает в брани, да ратует хитростию, а не случаем. Случай бо едва когда победу над хитростию воюющими, то есть над искусными вои, получает. А хитрость, или воинское искусство, едва когда от случаев, а не хитростию воюющих побеждается, но всегда оных побеждает и славу себе приобретает»¹⁶. Книга Фронтинана, имевшаяся в распоряжении Петра I, и теперь производит сильное впечатление благородством своего оформления, внушительностью. Л.Н. Пушкарёв отметил, что трактат Фронтинана был довольно точно переведён на русский язык¹⁷. По всей видимости, именно выдающееся творение Фронтинана стало для молодого Петра I некими «вратами» в мир хитростей военного искусства.

В библиотеке Петра I, очевидно, находилось издание (1612) на латинском языке «Тактики» византийского императора Льва VI Мудрого¹⁸ — трактата по военному искусству, созданного на грани IX—X столетий. Это произведение считается наиболее полным военно-теоретическим руководством Византийской империи. По распоряжению царя из него было сделано извлечение. Оно было напечатано в Амстердаме в 1700 г. на русском языке¹⁹. Вторую часть этой книги составляют выдержки из подборки военных трактатов прошлого; она была опубликована С. Старовольским на латыни в 1641 г. в Амстердаме. Русский издатель добавил включения, взятые «от разных летописцев»²⁰.

В библиотеке Петра I есть также список с перевода с греческого языка трактата Льва VI Мудрого. Греческий пергаменный манускрипт был привезён в Москву в 1693-м или 1694 г. из Иерусалима. Его перевод на русский язык выполнил учитель Славяно-греко-латинской академии Ф.П. Поликарпов-Орлов. Свой труд он закончил к 20 февраля 1697 г.²¹ Этот перевод был скопирован в Холмогорах писцами архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия в 1699 г. В собрание рукописных книг Петра I книга попала, по всей видимости, после смерти архиерея (1702). Дело в том, что сочинение императора Льва VI названо в перечне оставшихся после кончины архиепископа Афанасия книг, но в хранящемся ныне в Библиотеке Российской академии наук собрании манускриптов этого архиерея такая рукопись отсутствует²².

В реестре книг библиотеки Петра Великого указан также древнегреческий трактат по военному искусству Элиана Тактика, напечатанный в 1552 г.²³

Очевидно, что знакомство Петра I с трудами по истории деяний великих стратегов античности и по теории военного искусства не ограничивалось изучением только вышеназванных трактатов. Так, трудно предположить, что он не был знаком с классическим трудом Флавия Вегеция Рената «Краткое изложение военного дела» (рубеж IV—V в. н. э.) — сокровищницей мыслей античности по военному делу и государственному управлению. Это сочинение имело широкое распространение в Европе того времени, число его переизданий с трудом поддаётся учёту. Только в Баварской государственной библиотеке хранится 23 издания труда Вегеция XVI—XVII веков: 19 книг на латыни, три на немецком и одна на английском языке²⁴. Многочисленны и издания в переводах на итальянский и французский языки²⁵. Есть косвенные свидетельства хорошего знакомства монарха с сочинением Вегеция. К примеру, после получения новых титулов, включая императорский, в ответной программной речи Сенату 22 октября 1721 г. Пётр Великий привёл выражение из Вегеция. Император заявил: «...надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле...»²⁶. В трактате Вегеция именно так и сказано (учитывая возможные варианты перевода): «...кто хочет мира, пусть готовится к войне...»²⁷.

Осветить вопрос о знакомстве Петра I с теми или иными античными и византийскими сочинениями по военному делу в большей степени не позволяет скудость и отрывочность имеющихся материалов.

ИЗУЧЕНИЕ ПЕТРОМ I ЕВРОПЕЙСКОГО ВОЕННОГО ОПЫТА XVII — НАЧАЛА XVIII СТОЛЕТИЙ

Русский монарх изучал военное дело с его практических основ — со службы в нижних чинах. Венценосный отрок начал службу в «потешных» ротах барабанщиком в 1683 г. Шесть месяцев он служил в этом качестве, ходил в караулы, жил в палатке²⁸. Годом начала службы монарха в офицерском списке гвардейского Преображенского полка 1724 г. не случайно поставлен 1683-й²⁹. Это год начала государственной реформы, службы Отечеству Петра Великого. Именно так

за год до кончины монарх осмыслил собственный жизненный путь. Полковником этого полка царь служил и на Полтавском поле, и в год своей кончины. Самодержец постепенно восходил по ступеням служебной лестницы, продвигаясь к её вершине — постижению полководческого искусства. Чрезвычайный посланник британской королевы Анны при русском дворе Ч. Уитворт так отзывался об этом подходе русского монарха к несению военной службы (1708): «Царь, находясь при своей армии, до сих пор никогда не являлся её начальником. Он состоит только капитаном Бомбардирской роты и несёт все обязанности этого звания... это, вероятно, делается с целью

Д. Смит. С оригинала Г. Неллера.
Портрет герцога Д. Ч. Мальборо. 1705
ГЭ

подать пример высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным делом, не воображая... что можно родиться полководцем, как родишься дворянином или князем»³⁰. За победу при Полтаве царь получил чин генерал-поручика. Наряду с этим царь продолжал оставаться капитаном Бомбардирской роты Преображенского полка и полковником этого полка гвардии. Современник Петра I французский дипломат Ж.-Л. д'Уссон, маркиз де Боньяк, в записке, поданной французскому королевскому двору в сентябре 1711 г.³¹, выделял эту его необычную для монархов черту: «Сделавшись барабанщиком и солдатом, он желал узнать мельчайшие подробности того искусства, которое приводит вели-

ких личностей к славе, и поэтому, следуя таким путём, он достигает вершины в том, чему обучился в деталях»³².

Пётр I постепенно приобрёл богатый практический полководческий опыт, в том числе постоянно шло изучение тактики боевых действий шведской армии. Чтобы одержать верх в войне, следовало знать сильные и слабые стороны своих вероятных противников на полях баталий. Царь также был осведомлён о военном творчестве других европейских военачальников Нового времени. Он следил за боевой практикой современных ему западных полководцев. Одновременно с Великой северной войной в Европе шла тоже затяжная война за Испанское наследство, в ходе которой с блеском

раскрылись полководческие дарования Джона Черчилля герцога Мальборо и Евгения Савойского. Царь стремился получать своевременную и подробную информацию о полководческих достижениях в области стратегии и тактики, о происходивших изменениях в материальной части военного дела. Сведения об этом поступали по разным каналам: сообщения российских дипломатов, военачальников, аналитические записки, газеты.

С точки зрения получения информации надо обратить внимание на следующую фигуру в окружении Петра I — Генриха фон Гюйсена (1666—1740). Летом 1701 г. он получил назначение адъютанта генерала саксонской службы Я.Г. фон Флеминга. В этом качестве он принял участие в баталии со шведскими войсками под командованием полководческой двоицы: короля Карла XII (1682—1718) и генерал-фельдмаршала К.Г. Рёншильда (1651—1722) — при Клишове 8 (19) июля 1702 г. Сражение закончилось полным разгромом объединённых саксонско-польских войск. Очевидно, Г. фон Гюйсену довелось хорошенько понюхать пороха в пылу баталии. Его непосредственный командир Я.Х. фон Флеминг, тогда уже генерал-фельдмаршал, был в ходе сражения ранен. По уговору с российским послом И.Р. фон Паткулем Г. фон Гюйссен едет в Москву. Он прибывает туда в марте 1703 г.³³ В России он первоначально получил звание генерал-аудитора; его стали именовать бароном Гизеном. Спустя некоторое время он получил звание тайного военного советника (*in senatu bellico consiliarius intimes*). Очевидно, уже в конце июля 1703 г. Г. фон Гюйссен появился в только что основанном Санкт-Петербурге. Глава Посольского приказа Ф.А. Головин писал 3 июля 1703 г. «ис Петрополя» в Москву посольским дьяком: «Пошлите в Немецкую слободу (Москвы. — П.К.), где стоят люди господина Паткуля, и велите сказать господину Гизену, которого он, Паткуль, принял в службу великого государя в генералы-аудиторы, что указал ему великий государь ехать ему

Х. Фальк.
С оригинала М. Мериана Младшего.
Портрет принца Евгения Савойского.
Начало XVIII в.
ГЭ

сюды в обоз, и дайте ему в зачет государева жалования сто рублей с роспискою или двести и, дав подводы и провожатого, отпускайте сюды немедленно»³⁴. Согласно указанию российского монарха, прибыть «в обоз», в стан русских войск в устье Невы, Г. фон Гюйссен должен был в самое ближайшее время, «немедленно». Тут-то, надо полагать, он и рассказал подробно царю о сражении со шведами при Клишове. Русский монарх получил из первых рук, от очевидца и осведомлённого участника баталии сведения, которые давали богатую пищу для размышлений. Сражение снова показало эффективность приёма охватов флангов неприятеля, выхода ему в тыл. Карл XII ударил главными силами по самому слабому месту неприятельского боевого порядка — правому флангу саксонско-польской армии. Саксонцы не имели резерва, который смог бы противостоять шведскому охвату справа с выходом в тыл. Они не провели манёвр силами на поле сражения: батальоны и артиллерия центральной позиции, которым противостоял крайне слабый центр шведского боевого порядка, не были переброшены на самое угрожаемое направление. Шведам удалось сковать центр и левое крыло саксонцев атакой. Сильный центр саксонского боевого порядка вёл по существу только пассивный орудийный обстрел шведских войск. В ходе сражения инициативой сумели овладеть шведы.

Через Г. фон Гюйсена были получены и другие ценные сведения по тактике современных военных действий. В 1703-м и 1704 г. он опубликовал книги о жизни и полководческом искусстве прославленного полководца Р. Монтекукколи (1608—1681)³⁵. Этот знаменитый военачальник предпочитал не атаковать первым, но выжидать неприятельское наступление на выгодной позиции. Неприятельской атаке он противопоставлял сильный огонь и прочность, неразрываемость выстроенного боевого порядка³⁶. В 1704 г. он описал баталии при Шелленберге (2/13 июля 1704 г.) и Гохштедте (или по-другому при Бленхайме 2/13 августа 1704 г.). Г. фон Гюйссен представлял царю и иные сочинения по военному искусству³⁷. Баталия при Гохштедте, произошедшая между франко-баварскими войсками и войсками Великого союза (англо-австро-голландскими) в Баварии, по масштабу задействованных в ней сил весьма сходна с битвой при Полтаве. Войска Великого союза возглавляли британец Джон Черчилль Мальборо и австрийский генералиссимус Евгений Савойский. Великий союз имел 67 батальонов и 181 эскадрон³⁸ — примерно столько же войск было у Петра I в час реше-

тельной битвы при Полтаве. В битве был пленён французский маршал К. Таллар, при Полтаве — генерал-фельдмаршал К.Г. Рёншильд. Концепция битвы при Гохштедте была иной, чем при Клишове. После того как линейные боевые порядки франко-баварцев были связаны атаками на флангах, Д.Ч. Мальборо бросил превосходящие силы против центра противника, прорвал его и перерезал коммуникационную линию — удобный путь для отступления. Франко-баварцы потеряли две трети своей армии — самый большой урон (в относительных цифрах) в генеральных баталиях XVIII в.³⁹, если забыть об итогах битвы при Полтаве — полном пленении шведской армии.

Тактика Д.Ч. Мальборо приобрела черты шаблона: сковать линейные боевые порядки противника на флангах и разгромить, прорвав центр мощным ударом. Так он действовал при Гохштедте, Рамилы (23.5.1706; н. ст.) и грандиозной битве у Мальплаке (11.9.1709; н. ст.). Его тактика исходила из высокой степени мужества и обученности вверенной ему пехоты. В итоге при Мальплаке соединённая армия Великого союза (117 000 чел.), упорно таранившая под началом Д.Ч. Мальборо центр французов, потеряла 24 000 чел.! Французские потери составили из 90-тысячной армии 14 000 чел. Французы оставили поле битвы⁴⁰, но сохранили армию на новых позициях. При оценке полководческого искусства Д.Ч. Мальборо при Мальплаке многое может прояснить выяснение эффективности действий войск: потери противника (убитые, раненые, пленные) делятся на численность собственных войск. Эффективность полководческого искусства Д.Ч. Мальборо при таком расчёте составит 12%, К.-Л.-Э. Виллара — 27%!

Пётр I внимательно следил за развитием современного ему военного искусства, но кому, в чём и в какой степени следовал? Ответ на этот вопрос будет дан ниже.

ПОМОЩНИКИ ПЕТРА I НА ПОЛЯХ БРАНИ

Петру I противостояла образцовая армия Шведского королевства, ведомая прославившейся на полях баталий полководческой «двоицей»: «северным львом» Карлом XII и К.Г. Рёншильдом. Первые же сражения войн за Испанское наследство и Великой северной в очередной раз показали: бесталанные полководцы в состоянии погубить самые превосходные армии. Напротив, военный гений

полководцев позволял преодолевать невыгодное соотношение сил и достигать эффектных побед. Стало ясно: ключ к грядущему успеху едва ли не в первую очередь — в воспитании в войсках выдающихся полководцев, в привлечении в российскую армию показавших себя с наилучшей стороны на полях сражений иностранных военачальников, своевременном увольнении недостойных. В годы Великой северной войны Пётр I целенаправленно в соответствии с собственными воззрениями формировал отечественную школу военного искусства, соответствовавшую требованиям того времени, особенностям русских офицеров и солдат. Полтавский триумф русского оружия со всей очевидностью показал итоги этой многолетней планомерной работы: в российской армии ключевые должности занимали выдающиеся генералы. Их действия в огромной степени способствовали достижению оглушительного успеха при Полтаве.

Ко дню Полтавской битвы Пётр I сумел преодолеть одну из главных черт «синдрома Нарвы 1700 года» — полное отсутствие выдающихся полководцев и острый недостаток просто достойных генералов с большим опытом современных военных действий, имеющих прочные связи с русской армией, с русской средой, готовых верно служить именно Российскому государству.

Неизвестный живописец XVIII в.
Портрет М.М. Голицына.
ГИМ

Прежде всего, во главе Российской армии стоял великий государственный деятель царь Пётр I. Официальная государственная пропагандистская версия событий именно царя подавала в качестве главнокомандующего российского воинства в ходе битвы. Так говорилось в заглавии печатной реляции о битве. В официальной гравюре — карте-схеме Полтавской битвы, выполненной по правительственному заказу Я. Кайзером и напечатанной в Нидерландах, битва тоже подавалась как битва двух монархов: российского и шведского. Её заголовок так и возвещал: «Изиавление баталии меж Его Царского Величества Российского и Его Королевского Величества Свейско-

го, при Полтаве <...> в нынешнем 1709 году...». В помещённом на этом офорте «Ордере де баталии войск российских и швейских» главнокомандующим российских войск был тоже назван «Его Царское Величество». При Лейб-гвардии Преображенском полку, полковником и капитаном Бомбардирской роты которого являлся царь, на карте-схеме его присутствие не обозначено вовсе! Гвардейской бригадой, согласно «Ордеру», командовал генерал-поручик (то же — генерал-лейтенант) М.М. Голицын. При гвардейском Преображенском полку показано присутствие подполковника гвардии князя В.В. Долгорукова, при Семёновском — подполковника князя Б.И. Куракина⁴¹. Кроме того, в решающей битве Великой северной войны с российской стороны участвовал генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев. При нём в середине линии баталии в «Ордере» названы опытный русский пехотный генерал князь А.И. Репнин и достойный пехотный генерал-иноземец Л.-Н. де Алларт.

Последний вступил в русскую службу в генеральском чине в 1700 г. (генерал-поручик) — это безусловный показатель опытности и осведомлённости о состоянии и тенденциях развития военного дела Европы. При Л.-Н. де Алларте находился генерал-поручик пехоты Ф.И. фон Беллинг. Генерал-поручик пехоты М.М. Голицын командовал гвардейской бригадой (полки Преображенский, Семёновский, Ингерманландский и Астраханский). Генерал-поручик С. фон Ренцель находился в резерве в ретраншементе и с успехом выполнил в ходе битвы операцию по разгрому шести шведских батальонов. В боевой линии пехоты командовал также генерал-майор Н.Г. фон Верден. Итого: монарх-главнокомандующий, генерал-фельдмаршал, два полных генерала, три генерал-поручика и генерал-майор.

Э. Бреннер.
Портрет Л.-Н. де Алларта.
1700–1706

Неизвестный гравёр.
Портрет Я.В. Брюса.
1710-е

П. Пикарт.
А.Д. Меншиков на коне.
1707

Российская кавалерия в часы битвы тоже имела более чем достойный генеральский корпус. Во главе был триумфатор Калиша, герой Лесной и Батурина, генерал от кавалерии светлейший князь А.Д. Меншиков. На поле брани высокопрофессионально выполняли свой долг генерал-поручики К.Э. Рённе, Р.Х. Боур, И.К. Хейнске (Генский), генерал-майоры Бём, А.И. Волконский, Г.С. Волконский и граф О.Р. фон Шаумбург (Шонбург).

Артиллерией в день битвы командовали генерал-поручик артиллерии Я.В. Брюс и генерал-майор, полковник артиллерии И.Я. Гинтер, оставленный с артиллерийским резервом (полевая артиллерия) в ретраншементе.

Претензий по итогам баталии 27 июня 1709 г. не было предъявлено ни к одному из российских генералов.

Среди помощников Петра I на полях брани в предполтавский период на первое место, безусловно, выдвинулся А.Д. Меншиков (1673–1729). Царь, как известно, имел к нему высочайшую степень доверия. Прояснить причины такой привязанности, надо думать, могут свидетельства датского чрезвычайного и полномочного посланника в России Г. Грунда (1705–1710). Датский дипломат собрал для своего аналитического доклада королю Фредрику IV (1710) надёжные данные от самых осведомлённых людей. По его словам, мальчик Меншиков был «настолько удачлив», что попал в денщики к царю Петру в бытность того ещё царевичем. Следовательно, это произошло не позднее 1682 г. Как сообщает дипломат далее, юный Александр «при всех затруднениях выказал большую верность, а также впоследствии проявил такую живость ума и рассудительность, что царь постоянно поручал ему сообщать боярам все приказы и известия; советы Меншикова были порой бесполезны, благодаря чему расположение к нему государя возрастало день ото дня, особенно же потому, что он прилежно занимался вместе с царём механикой и почти всегда был у него на глазах»⁴².

Роль А.Д. Меншикова в военной области британский дипломат Ч. Уитворт оценил в послании от 17 сентября 1708 г. из Москвы следующим образом: «Князь Александр Меншиков, командующий кавалерией, второй по рангу (после Б.П. Шереметева. — П.К.), но первый по значению. Его влияние на гражданские и военные дела равно безгранично, так как царь обыкновенно следует его решениям, подчас даже вопреки собственному мнению»⁴³. Британец явно увидел внешнюю сторону отношений монарха и его первого сподвижника — именно ту, которую русский монарх нарочито демонстрировал обществу. Царь, исходя из собственной модели управления страной, осознанно и умело создавал в собственных интересах видимость именно такого положения. Когда это было необходимо, А.Д. Меншиков жёстко ставился монархом на «второе место»⁴⁴. Полководческий почерк А.Д. Меншикова отличали быстрота принятия решений, мастерство в руководстве манёврами на местности, упорство и изобретательность при достижении намеченной цели. Свойственна А.Д. Меншикову была и личная храбрость.

Откуда главным образом черпал А.Д. Меншиков знания по военному делу?

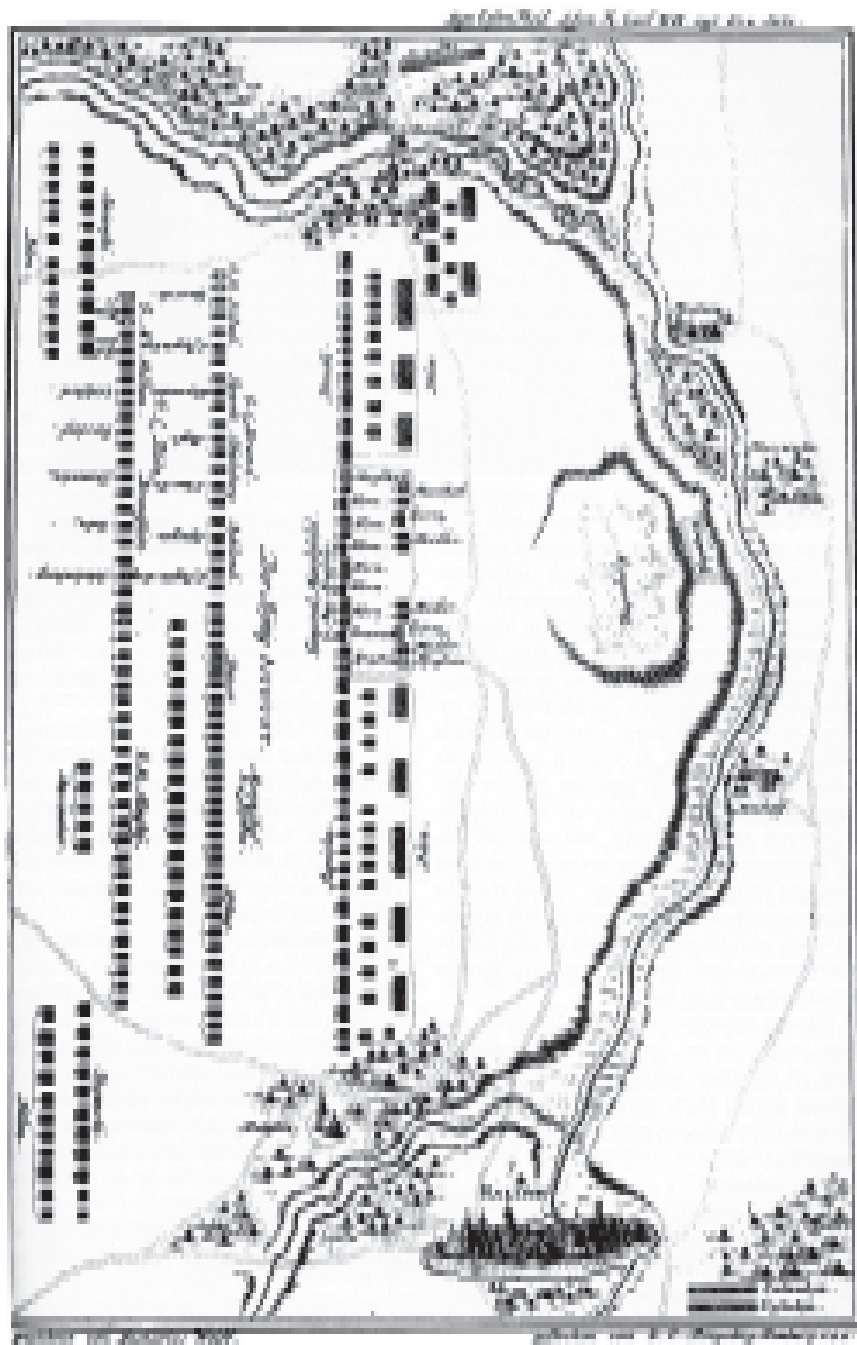

Схема сражения при Калише 18 октября 1706 г.
Из книги Й.А. Нордберга «Жизнь Карла XII, короля Швеции». 1744

Мнение автора созвучно мыслям И.В. Саверкиной: «А.Д. Меншиков, чьи дни были с раннего утра и до поздней ночи заполнены разнообразными делами, всё же находил время для постоянного пополнения своих знаний. Но главным источником его познаний была практическая деятельность, дававшая опыт, который позволял принимать ответственные решения»⁴⁵. Он год за годом наращивал собственный опыт, выполняя ответственные поручения царя, впитывал знания из общения с окружавшими его русскими и иноземными генералами. Тем не менее, библиотека светлейшего князя А.Д. Меншикова относилась к числу крупных книжных собраний России первой четверти XVIII в. Как и царское книжное собрание, она носила прикладной характер — помогала в процессе его столь разнородной государственной деятельности, в том числе и военной. Уступая количественно, по своему профилю она приблизительно соответствовала книжному собранию российского самодержца. Некоторые «единицы хранения» переходили из одной библиотеки в другую, то есть они были даже взаимосвязаны. В момент опалы (1727) в книжном собрании Меншикова насчитывалось 394 единицы чертежей, планов и рисунков⁴⁶. В его дворце на Васильевском острове перед высылкой из столицы хранилось 311 книг. Они были на голландском, немецком (на которых владелец дворца бегло разговаривал), французском, латинском, итальянском и польском языках. Среди них имелись сочинения по артиллерии, фортификации, но показательно, что трактаты по тактике военных действий в реестре книг не перечислены⁴⁷.

Как уже сказано, в первую очередь А.Д. Меншиков осваивал полководческое искусство в ходе своего участия в военных действиях. Он руководил в июне 1704 г. отражением нападения шведских войск генерала Г. Майделя на Санкт-Петербург. С 1705 г. командовал конным корпусом, действовавшим в Речи Посполитой. Особое значение для его становления как полководца имело сражение при Калише в Великой Польше 18 октября 1706 г. Тогда он командовал правой половиной союзных русско-саксонско-польских войск (24 000 чел.; 10 000 чел. — резерв). Реальное командование, основная роль в достижении победы при Калише принадлежала не саксонскому генерал-лейтенанту М. Брандту (левая половина войск), но русскому генералу кавалерии А.Д. Меншикову. Шведско-польское войско (17 000) было наголову разгромлено⁴⁸. В первый раз россиянам удалось захватить тогда в плен командующего шведским полемым

корпусом (генерала А.А. Мардефельда). Выход из печати в 2007 г. новаторского исследования В.А. Артамонова «Калишская баталия 1706 года» показал: в ряду великих полководцев России «появилось» ещё одно славное имя. Не меньшее значение для развития полководческого дара А.Д. Меншикова имело командование им русской конницей в сражении при Лесной 28 сентября 1708 г. — генеральной репетиции Полтавской баталии.

Неизвестный гравёр.
Портрет генерал-фельдмаршала
Б.П. Шереметева. Середина XVIII в.

Большая заслуга А.Д. Меншикова — взятие штурмом 2 ноября 1708 г. Батурина, резиденции перешедшего на сторону Карла XII гетмана Левобережной Украины И.С. Мазепы, вследствие чего шведы лишились крупных запасов воинского снаряжения и продовольствия. Во время Полтавской баталии А.Д. Меншиков руководил действиями российской пехоты и конницы при разгроме отряда шведского генерал-майора К.Г. Рууса перед линией редутов. На второй фазе Полтавской битвы А.Д. Меншиков командовал шестью полками кавалерии — конницей левого фланга. При Переволочне он подписал с российской стороны 30 июня 1709 г. почётный акт о сдаче военнопленными остатков армии Карла XII.

Завершить эту характеристику А.Д. Меншикова следует, подчерк-

Если светлейший князь А.Д. Меншиков командовал на поле брани 27 июня 1709 г. конницей, генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев (1652—1719) — пехотой. Как полководец он отличался чрезвычайной осторожностью, медлительностью. Его полководческий стиль сложился в 80—90-е годы XVII века в военных действиях против крымских татар и турок. Он успешно руководил российской армией на Днепре в походах 1695 и 1696 годов. Командуя 6-тысячным отрядом дворянской конницы, Б.П. Шереметев не сумел задержать продвижения шведской армии к Нарве в ноябре 1700 г. 19 ноября 1700 г. он предлагал вывести русские войска из укреплений и дать шведам полевою баталию. Это было бы, пожалуй, наиболее верное решение, которое, однако, не было осуществлено. Б.П. Шереметев, располагая большим численным перевесом в людях, разгромил шведские войска в сражениях в Эстляндии: у Эраствере (29.12.1701), у мызы Хуммули (18.7.1702). Он командовал русской армией в походах к Орешку/Нотебургу (1702), Ниеншанцу (1703), при овладении крепостями Дерпт (Юрьев; ныне Тарту; 1704), Нарва (1704). В сражении при Мур-мызе в Курляндии 15 июля 1705 г. он потерпел поражение от войск генерал-майора пехоты А.Л. Лёвенгаупта. По мере накопления полководческого опыта Петром I, А.Д. Меншиковым, М.М. Голицыным роль Б.П. Шереметева в руководстве войсками становилась всё менее заметной. В Полтавской битве он лишь формально занимал второе место после монарха-главнокомандующего. В последующие годы Б.П. Шереметев руководил осадой Риги (1709—1710), командовал войсками в Прутском походе (1711), армией на южных границах (1712—1713), русским корпусом, вступившим в Померанию (1715—1717). Завершая оценку Б.П. Шереметева, полезно привести слова хорошо осведомлённого Ч. Уитворта (1710): «...его чрезвычайно любят солдаты и почти обожает народ. Шереметев бодр в свои шестьдесят с лишком лет, имеет хороший характер, честен и как никто другой обладает личной храбростью, но недостаточно опытен в действиях против регулярных войск. Он часто подвергался преследованиям фаворита и не раз просил об отставке, однако неизменно получал отказ»⁵⁰.

Из подчинённых А.Д. Меншикову кавалерийских военачальников, сыгравших исключительно высокую роль в Полтавской битве, следует выделить генерал-поручиков К.Э.М. фон Рённе (1663—1716) и Р.Х. Боура (1667—1717). Курляндский барон К.Э. Рённе начал службу в России полковником кавалерии (1702) и делал стремительную

карьеру: генерал-майор (1704), генерал-поручик (1705), генерал-аншеф (1709). Его заслуги в Полтавской битве были по достоинству вознаграждены производством в чин полного генерала от кавалерии. Он непосредственно командовал российской конницей в сражении на линии редутов, находясь на её левом крыле. Ч. Уитворт упомянул о громадной заслуге К.Э. Рённе, позволившей русской кавалерии

Неизвестный гравёр.
Портрет генерал-поручика К.Э. Рённе.
1708

встретить нападение шведов в полной боеготовности. Дипломат писал 6 (17) июля из Москвы в Лондон, сообщая первые сведения, полученные из-под Полтавы, что в ночь на 26 июня генерал-поручик К.Э. Рённе, командовавший авангардом русской армии, проявляя бдительность, сам выехал с отрядом в разведку, приблизился к передовым постам шведов и услышал в лагере непрерывный шум. Опасаясь внезапного нападения шведов, неожиданного для россиян начала битвы, военачальник «немедленно приказал кавалерии сесть на конь и занять один проход, разделявший армии», то есть прогалину между лесными массивами, перекрытую двумя линиями редутов. Как сообщал Ч. Уитворт, «не успели русские выполнить это приказание, как явилась шведская конница и атаковала генера-

ла»⁵¹. Тяжело раненного в сражении у редутов К.Э. Рённе заменил генерал-поручик Р.Х. Боур.

Р.Х. Боур, тоже немец, выходец из Голштейн-Готторпа, на русской службе пребывал с 1700 г. Чин генерал-майора он получил в 1705 г., генерал-поручика кавалерии — в 1706 г. В сражении при Лесной он в значительной степени споспешествовал общему успеху. Во главе вновь подошедших драгунских полков он атаковал шведские войска на заключительной стадии битвы. В Полтавской битве он заменил К.Э. Рённе после его тяжелого ранения в битве у редутов. Под его командованием был успешно осуществлён сложный манёвр отвода конных полков от редутов к проходу между балкой Побыванкой и возвышенностью, на которой был сооружён ретраншемент. На решающей фазе битвы он командовал всей кавалерией

правого крыла боевых порядков русской армии. Вечером 27 июня 1709 г. во главе драгунских полков он был послан преследовать уходящую к Днепру разбитую армию Карла XII. Как объяснить, что его имя отсутствует среди лиц, получивших главные награды за свой вклад в победу под Полтавой? На взгляд автора, для этого есть вполне естественная в глазах монарха причина. На Р.Х. Боура падает большая доля ответственности за то, что преследование Карла XII и Мазепы было организовано с опозданием. Король и бывший гетман-изменник переправились через Днепр за несколько часов до подхода российских войск. Узнав о появлении на другом берегу русских войск, беглецы с отрядом сопровождения пустились в конный путь к турецкой границе. В итоге эти два столь ценных для Петра I «приза» за викторию при Полтаве сумели ускользнуть от плена. Конечно, Р.Х. Боур должен был разделить ответственность вместе с А.Д. Меншиковым, командовавшим всеми русскими войсками при Переволочне. Однако ясно, что «полудержавный властелин», конечно, смог найти, как обосновать свою полную невиновность и на кого указать. Заслуги Р.Х. Боура 27–30 июня 1709 г., тем не менее, были столь велики и очевидны, что генерал-поручик никак не пострадал более — он лишь отсутствовал в числе главных российских военачальников, награждённых за победу при Полтаве. Следующий чин генерала от кавалерии он получил-таки, но только в год собственной кончины (1717).

Таким образом, и К.Э. Рённе, и Р.Х. Боур получили генеральские чины на службе в России в годы Великой северной войны. Они проходили службу на протяжении ряда лет под началом первого генерала от кавалерии (с 1705 г.) А.Д. Меншикова. Очевидно, светлейший князь заметил их способности, знания, умения и содействовал быстрому продвижению по служебной лестнице. В битве при Калише они, собственно говоря, уже с блеском проявили себя под началом А.Д. Меншикова. В той битве генерал-поручик К.Э. фон Рённе командовал первой линией русских драгун. Его помощниками были генерал-майоры Р.Х. Боур и К.Г. Пфлуг. Второй линией драгунских полков командовал генерал-майор И.Х. Хейнске⁵². Генерал-майор И.Х. Хейнске тоже достойным образом проявил себя как военачальник на полях генеральной битвы при Полтаве. Он командовал центром русской конницы в сражении у редутов, потом командовал пятью конными полками, участвовавшими в разгроме остатков шести батальонов генерал-майора К.Г. Рууса.

17 января 1709 г. с подачи светлейшего князя в чин генерал-майора кавалерии был произведён Александр Иванович Волконский. Он, находясь при А.Д. Меншикове, командовал шестью конными полками на левом крыле русской линии на второй фазе генеральной баталии. Легко предположить, что у всех перечисленных полководцев, по существу являвшихся выдвиженцами А.Д. Меншикова, имелось полное служебное взаимопонимание со светлейшим князем — главнокомандующим кавалерией — и между собой. Боевая спайка этих кавалерийских генералов ко дню Полтавской битвы явно была крепкой, что явилось одной из многочисленных предпосылок победы.

Перед тем как дать шведам генеральную баталию, Пётр I также особым указом вызвал в распоряжение главных сил русской армии из корпуса генерал-фельдмаршала-лейтенанта Г. фон Гольца с Волыни пехотного генерал-поручика Михаила Михайловича Голицына (1675—1730). В «Экстракте о службах» М.М. Голицына сказано: «В 709-м же... получил указ за собственною Его Императорского Величества рукою, чтоб ему ехать к полкам гвардии, и по тому указу прибыл под Полтаву, и имел команду над полками лейб-гвардии Преображенским, Семеновским, да от инфантерии Ингерманландским, Астраханским, и июня 27 дня был на генеральной баталии»⁵³.

Сделанный царём шаг — признание исключительных заслуг М.М. Голицына как военачальника, его великих дарований в воинском деле. Монарх отвёл ему, природному русскому, представителю знатного рода, давшего стране множество военачальников, офицеров армии и флота, почётную и ответственную роль в генеральной битве войны — командовать гвардейской бригадой из четырёх полков. В одном из этих полков полковником и капитаном Бомбардирской роты служил сам самодержец всея Руси.

Ко дню Полтавской битвы за плечами у 33-летнего (!) генерал-поручика было 22 (!) года военной службы. В военную службу он определился в 1687 г. солдатом в Семёновский полк. Прошёл вместе с полком весь путь становления регулярной армии при Петре I. Участник похода «потешных» вслед за Петром I в Троице-Сергиев монастырь (1689), кораблестроения и «потех» в Переславле-Залесском, Семёновском, Кожухове, походов к Азову 1695 и 1696 годов, разгрома стрельцов у Новоиерусалимского Воскресенского монастыря (1698), он отличался необычайной храбростью. Был ранен под

Азовом (1696) и Нарвой (1700). За доблесть при штурме Нотебурга (1702) получил чин полковника гвардии. С 1706 г. генерал-майор, за заслуги в сражении у Лесной (1708) пожалован в генерал-поручики. С 1708 г. кавалер ордена Андрея Первозванного (за командование в баталии при Добром). Вечером 27 июня 1709 г. во главе полков гвардии он был послан преследовать отступавшие к Днепру шведские войска. 30 июня 1709 г. вместе с А.Д. Меншиковым принудил шведскую армию сложить оружие у Переволочны. После Полтавы М.М. Голицын прошёл славный боевой путь, причём он одерживал победы и на суше, и на море. Так, 19 февраля 1714 г. М.М. Голицын наголову разгромил войска шведского генерала К.Г. Армфельта в сражении у деревни Лаппола вблизи города Васа на севере Финляндии. За эту победу он был пожалован в полные генералы. С октября 1714 до 1721 г. командовал русскими войсками и галерным флотом в Финляндии. 27 июля 1720 г. силами галерного флота М.М. Голицын сумел разгромить большую эскадру шведского вице-адмирала К.Г. Шёблада в морском сражении в Аландских островах. Поражение в этой баталии стало для шведов толчком к началу переговоров о завершении войны. С 1725 г. — генерал-фельдмаршал. С 1728 г. — президент Военной коллегии, член Верховного тайного совета, сенатор.

Помимо М.М. Голицына Пётр I призвал под Полтаву из корпуса Г. фон Гольца с Волыни и перспективного генерал-майора кавалерии Григория Семёновича Волконского⁵⁴. М.М. Голицын и Волконский были отозваны только после того, как корпус Г. фон Гольца разгромил войска великого гетмана литовского, старосты Бобруйского Я.К. Сапег. Это сражение произошло 13 мая 1709 г. при городке Подкамне на Волыни (не доходя Львова). Тем самым была разрушена всякая надежда на подход военной помощи к армии Карла XII от союзных ему сил в Речи Посполитой. Перевод двух перспективных русских военачальников к Полтаве полностью оправдал себя во время генеральной баталии и при преследовании шведов к Днепру, где оба деятеля сыграли значительную роль.

По вдохновенным словам поэта, избранная часть генералитета Петровской армии в часы Полтавской битвы — это именно «птенцы гнезда Петрова», «его товарищи, сыны», которые «в премежах жребия земного, в трудах державства и войны» созидали великое будущее России, славили её имя на поле Полтавской битвы. Как известно, в их число у А.С. Пушкина попали:

*И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И счастья баловень безродный
Полудержавный властелин.*

ПОЛКОВОДЧЕСКИЙ СТИЛЬ КАРЛА XII И ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА К.Г. РЁНШИЛЬДА

Чтобы сокрушить военную машину Шведского королевства, Пётр I обязан был в тонкостях изучить полководческий почерк Карла XII и его постоянного сподвижника на полях брани — К.Г. Рёншильда⁵⁵.

Полководческий стиль «северного льва» складывался под руководством его учителей в военном деле и закрепился во время богатой боевой практики Великой северной войны. В качестве главных наставников Карла XII в военном искусстве следует выделить К.М. Стюарта и К.Г. Рёншильда, чьё становление и обучение приходится на время Карла XI (правил в 1660—1697). Их учителями в военном деле были видные специалисты, включая Э. Дальберга.

Первоначально юного короля обучал воинскому искусству К.М. Стюарт (ок. 1650—1705), искусный инженер-фортификатор, сторонник наступательной тактики, отдававший должное фактору внезапности. Юноша-король участвовал в осуществлённом под руководством К.М. Стюарта десанте шведских войск под Копенгаген (с 25.7.1700)⁵⁶. К.М. Стюарт старался, чтобы его ученик глубоко изучил войны Густава II Адольфа (1594—1632) и Карла X (правил в 1654—1660). Будучи взрослым, Карл XII был способен воспроизвести подробности кампаний этих двух полководцев, а в 1702 г. совершил особую поездку с целью осмотреть место битвы у Варшавы (1656), поле славной победы Карла X над поляками⁵⁷.

В битве под Нарвой король прошёл хорошую практическую школу военного искусства у О. Веллингга (1649—1708) и К.Г. Рёншильда, который вскоре начинает оказывать решающее влияние на становление Карла XII как полководца. В битве под Нарвой 1700 г. К.Г. Рёншильд выступил с предложением атаковать превосходящие в три раза силы русских, засевшие за длинным валом и земляным ретраншементом в центре позиции. Авторство этой смелой идеи признавали за К.Г. Рёншильдом как вся верхушка тогдашнего пол-

ководческого окружения Карла XII — К.М. Стюарт, О. Веллингк и М. Стенбок, так и сам король⁵⁸. Под командованием К.Г. Рёншильда и осваивавшего теорию и практику полководческого искусства Карла XII шведская армия одержала яркую победу при Клишове (9.7.1702). Как уже было сказано, в первой половине войны сложилась и руководила войсками своего рода «полководческая двоица»: Карл XII и К.Г. Рёншильд. Осведомлённый британский дипломат Ч. Уитворт дал в своей сентябрьской депеше 1708 г., за девять месяцев до Полтавской битвы, весьма проницательную характеристику Карлу XII как полководцу. По его сведениям, шведский король стремился следовать в первую очередь примеру своего предшественника на троне Густава II Адольфа. Жизнь и деяния последнего, как слышал британский дипломат, «он только и изучает, стараясь подражать ему во всём». Полагая, что следует опыту великого короля-полководца, он «всегда относился с полным пренебрежением к устройству магазинов и к артиллерии и до сих пор успешно обходился без дорогих и тяжёлых обозов»⁵⁹.

Карл XII, этот, можно сказать, воплотившийся Марс, сделал войну своим ремеслом с 17-летнего возраста (с начала в 1700 г. Великой северной войны). Постепенно в его полководческой практике выработался некий шаблон или полководческая концепция. Согласно сложившейся у него тактической схеме полевого сражения, численно уступающее противнику, но превосходящее его боевым духом шведское войско настигало неприятельскую армию. У противника были удобная укреплённая позиция, большое превосходство в артиллерии. Эти преимущества врага ни в коей мере не смущали шведов. Они выстраивали боевые порядки и стремительно атаковали. Дружный натиск шведских полков ломал сопротивление неприятеля, и разбитый противник спасался бегством. Большое место Карл XII отводил фактору внезапного нападения на неприятеля. При Головчине 3 июля 1708 г. войска Карла XII, например, атаковали на рассвете, в тумане, на неожиданном участке.

Достойное лучшего применения упорство шведского короля, отсутствие гибкости, его бытовую мстительность (которой нельзя допускать в международной политике) отмечали многие современники. Эти качества «северного льва» уже при его жизни стали нарицательными. Лорд Г.С.-Д. Болингброк, известный политик и мыслитель, современник шведского монарха, столь яркой кометой блеснувшего на небосводе политических отношений Европы XVIII столетия,

упоминал Карла XII как человека, «который принёс в жертву мщению свою страну, свой народ и в конце концов самого себя»⁶⁰. О вере короля в божественное предопределение своего жизненного пути писал его драбант К. де Турвиль, находившийся рядом с монархом во время роковой для него битвы 27 июня 1709 г.: «Он верил лишь в себя и казался великим сам по себе; его доблесть и его гений как будто делали судьбу его же оружием»⁶¹. Француз-гвардеец усматривал в действиях короля «огонь злопамятства к царю», его «непреклонное желание отомстить»⁶². В конечном счёте К. де Турвиль склонился к крайней оценке: «Он оказался на деле лишь недалёковидным государем и известным смельчаком, которого просто хранила удача и которого она же низвергла»⁶³. Историк С. Уредссон отметил ещё одну крайне важную для оценки Карла XII как полководца неотъемлемую черту его натуры. Это — фатализм, вера в божественное предопределение и склонность к крайним, радикальным решениям⁶⁴. Другой авторитетный историк Д.В. Вулф писал о харизматической личности шведского короля следующее: «...он лелеял наивные мысли, которые рассматривал как принципы и которые он пытался применить ко всем людям и ко всем обстоятельствам. Его ранние победы уверили его в своём интеллектуальном величии и непобедимости... Его скучный год в Саксонии, крах в России, унижительное пребывание в Турции и окончательное крушение его карьеры на Севере — всё это иллюстрирует его упорную приверженность заданным идеям, невзирая на действительность»⁶⁵.

Иллюстрацией к сказанному является и тот факт, что Карл XII после 1700 г. ни разу не посетил Стокгольм. Конечно, это было неслучайно. Надо думать, король желал прибыть в столицу только в одном качестве — триумфатором после победоносного завершения войны. Своего счастья король-воин так и не нашёл. Он пал, сражённый картечью (из пушки либо мушкета), под стенами осаждённой им в Норвегии пограничной крепости 30 ноября 1718 г.

Ударная армия Карла XII обычно была мала. На остров Зеландия вблизи Копенгагена во главе с королём 25 и 26 июля 1700 г. под прикрытием соединённых флотов Британии, Голландии и Швеции высадилось только 8 батальонов пехоты — 4800 чел. Всего же, вплоть до завершения десантирования 9 августа, на датский берег сошло 10 800 чел.⁶⁶ Несмотря на незначительность сил, шведская армия решительно двигалась к Копенгагену, и 8 (18) августа 1700 г. по договору в Травентале Дания вынуждена была выйти из войны.

Переправленная морем из Карлсруны в Эстляндию 10-тысячная шведская армия под стенами Нарвы нанесла поражение 28 738 русским солдатам, драгунам и стрельцам (19.11.1700). Русское дворянское ополчение (6600 всадников) позорно бежало вплавь через реку Нарову, даже не приняв боя⁶⁷. В Великий Новгород из-под Нарвы возвратилось 22 967 чел.; дворянская конница потеряла утонувшими более 1000 чел.⁶⁸ Общий урон погибшими следует считать примерно в 8000 чел. Шведы же потеряли убитыми и ранеными 1914 чел. По формуле расчёта эффективности действий войск (искусство боя), где потери противника убитыми, ранеными, пленными и беглыми делятся на численность собственных войск⁶⁹, эффективность действий шведских войск составила 76% (русских — 6%): каждая сотня шведов вывела из строя убитыми и ранеными 76 неприятельских солдат.

Некоторые государственные деятели Швеции после Нарвской битвы пытались внушить королю, что одержанная победа представляет собой чудо, граничащее с авантюрой. Чудо это никогда не должно было повториться⁷⁰. «Гистория свейской войны» содержит оценку исхода этой баталии, выверенную последующим ходом событий: «...ежели б нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискусстве во всех делах... то в какую б беду после нас оное щастие вринуть могло. Которое оных же шведов, уже давно во всем обученных и славных в Европе (которых называли французы бичем немецким), под Полтавою так жестоко низринуло...»⁷¹. Вольтер чуть позднее (1731) высказывал ту же мысль: «Память о Нарве послужила главной причиной несчастья Карла при Полтаве»⁷².

В баталии при Клишове 8 (19) июля 1702 г. противники шведов также обладали заметным превосходством: едва не двойным преимуществом в людях и несопоставимым в артиллерии. Каролинцы имели 8000 пехоты, 4000 конницы и только четыре полковых, небольшого (3-фунтового) калибра пушки. Остальная шведская артиллерия перед сражением при Клишове отстала в пути. Скандинавам противостояло 7500 саксонской пехоты, 9000 саксонской и 6000 польской конницы при 46 (!) артиллерийских орудиях⁷³. При натиске на русские позиции 27 июня 1709 г. под Полтавой под командованием всё той же полководческой «двоицы», Карла XII и К.Г. Рёншильда, у шведов было столько же орудий — только четыре полковых пушки! Любопытно: это простое совпадение или в этом проявился некий мистический замысел Карла XII? Автор полагает,

что ближе к истине второе предположение. Слишком невелика возможность простого случайного совпадения: король легко мог взять гораздо большее количество полковой артиллерии — это повелительно диктовалось здравой логикой предстоявшей баталии.

В сражении при Клишове саксонско-польские войска занимали сильную позицию. Во главе соединённого воинства присутствовал сам суверен — саксонский курфюрст и польский король Август II. Обойти левый фланг саксонской боевой позиции было невозможно — он примыкал к непроходимому болоту с текущей через него рекой. Перед фронтом саксонской позиции по болотистой низине протекал ручей — это делало крайне рискованной лобовую атаку. Когда пришли вести о приближении шведских войск, встревоженные саксонские офицеры вынуждены были покинуть беззаботный пикник и отправиться на позиции. Впрочем, офицеры потребовали у слуг сохранить яства горячими — они рассчитывали вскоре возвратиться. Быстро оценив ситуацию, шведский король избрал смелый манёвр, который и решил исход баталии. Главной слабостью

Л. де Сильвестр.
Портрет польского короля
Августа II Сильного. XVIII в.
Государственное собрание портретов,
Грисхольм, Швеция

саксонской позиции был правый фланг. Там вытянули поперёк низменной долины свой линейный боевой порядок неустойчивые в бою польские конники. Правый фланг (поляки) упирался в растущий на возвышенности лес. Ручья и заболоченных участков здесь не было. Артиллерии тоже. Победа над поляками создавала возможность кавалерийского прорыва в тыл и во фланг саксонцам. Карл XII усилил именно свой левый фланг, противостоявший полякам. Именно здесь, в слабейшем месте неприятельского расположения, шведский король предпринял смелое наступление с угрозой охвата фланга неприятеля. Первый шведский натиск был отражён. Поляки предприняли, в свою очередь, два больших наступления на шведов, которые тоже провалились. Одновре-

менно ослабленный центр и правый фланг шведского боевого порядка сумели устоять против предпринятых через болотистую долину с ручьём выпадов саксонцев. Неудача двух предпринятых поляками наступлений подорвала их дух, расстроила боевой порядок, и они покинули поле битвы. Развивая успех, шведы стали охватывать справа оголённый центр саксонской позиции. Шведский центр и правый фланг также перешли в общее наступление. Саксонцы, имевшие укреплённый центр, усиленный с фронта многочисленной артиллерией, сражались с ожесточением, но охватываемые с тыла левым флангом шведов и настойчиво атакующей с правого фланга шведской кавалерией, постепенно были раздавлены неумолимо сжимавшимися «клещами» — двойным охватом шведов. Победа каролинцев была решительной. Однако, одержав победу, захватив брошенный врагами обоз, шведы не преследовали искавших спасения в бегстве неприятелей. Потери каролинцев были незначительны: около 300 павших и 500—800 раненых. Саксонцы потеряли примерно 2000 убитыми и 1000 пленными⁷⁴. Эффективность шведской армии равнялась 25%, польско-саксонской — не выше 4,8%.

При Фрауштадте 2 (13) февраля 1706 г. шведская армия одержала блестящую победу. Под командованием К.Г. Рёншильда 8000—9000 шведов, не располагая артиллерией, разгромили 18 373 саксонцев и русских, имевших 32 пушки. Шведская пехота, конечно, решительно атаковала. Она построилась в одну линию глубиной в пять шеренг солдат. Копейщики были размещены между второй и третьей шеренгами. Снова был опробован испытанный тактический приём двойного охвата войск неприятеля с флангов кавалерией. Основной удар шведов пришёлся на левый фланг союзников. Павшими северные союзники потеряли до 8000 чел., включая пленных русских, которые все были умерщвлены разнообразными глумливыми жестокими способами. Потери шведов павшими составили 452 чел., ранеными — 1077 воинов⁷⁵.

На полтавских полях Карл XII тоже рассчитывал одной молниеносной атакой на укреплённые позиции главных сил русской армии добиться стратегического успеха и завершить войну на продиктованных им условиях. Об этом свидетельствует его послание шведской Комиссии по обороне от 10 июля 1709 г. из турецкого Очакова. Король, оставивший армию и бежавший в пределы Турции, приписал на этом послании следующее: «...предполагалось получить в короткий срок столь большое превосходство над неприятелем, чтобы

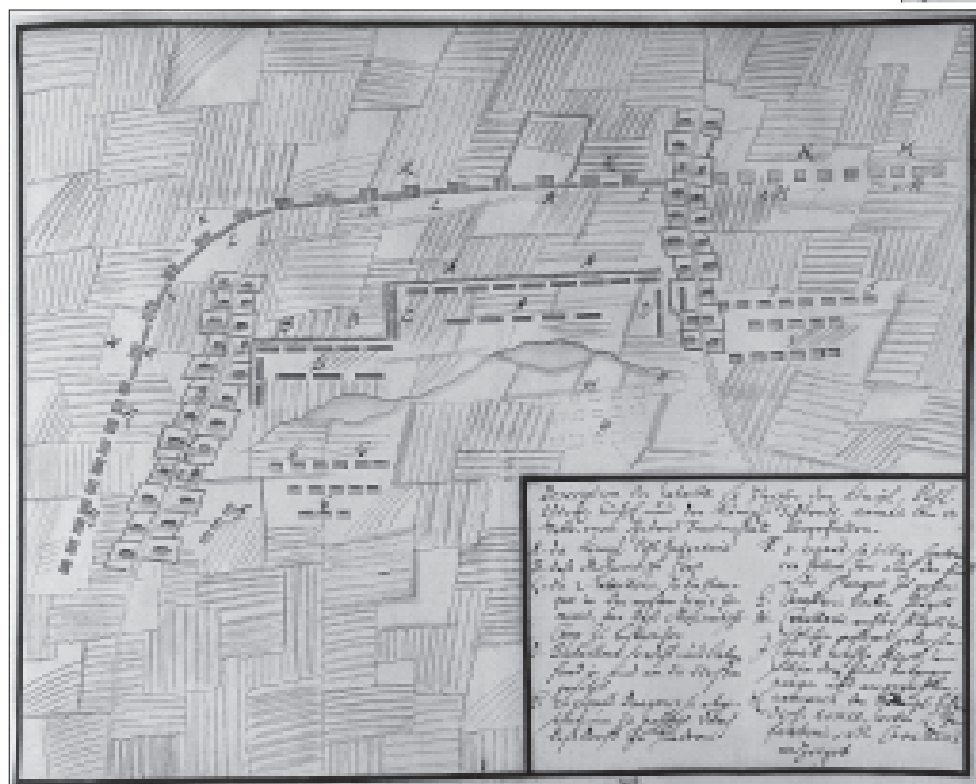

Схема сражения при Фрауштадте 2/13 февраля 1706 г.
Из материалов Походной канцелярии Петра I.
ОР БАН

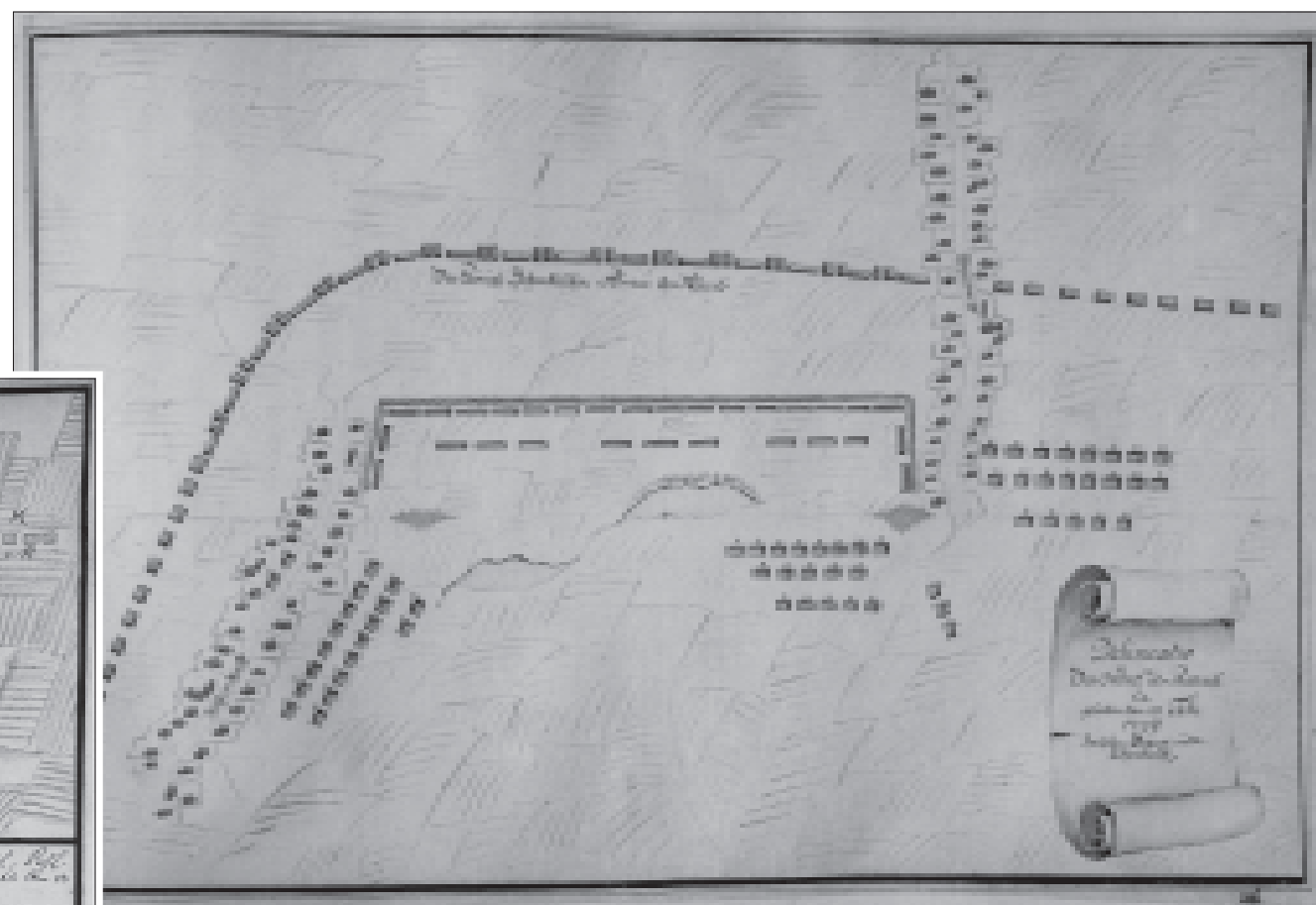

Схема сражения при Фрауштадте 2/13 февраля 1706 г.
Из материалов Походной канцелярии Петра I.
ОР БАН

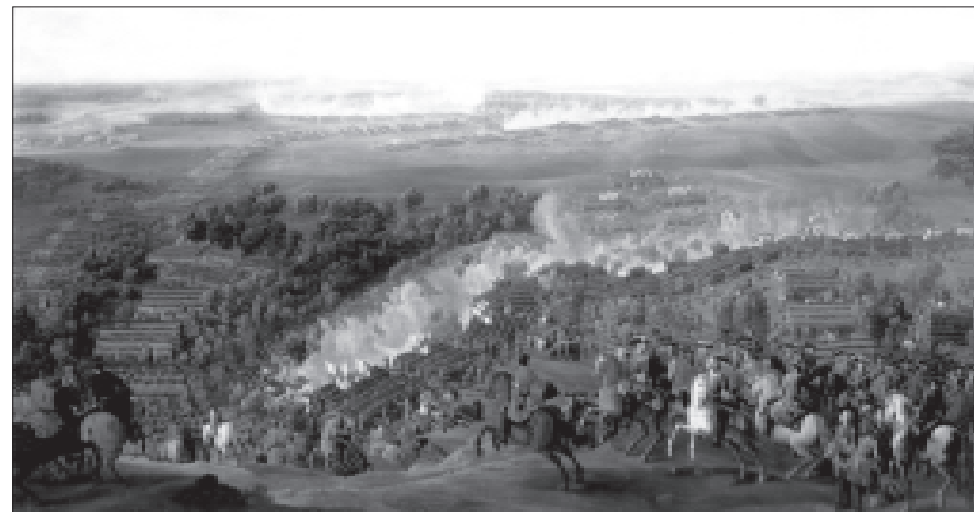
заставить его пойти на такой мир, какой от него потребуют»⁷⁶. В этом высказывании Карла XII заключена суть его концепции русского похода 1707–1709 годов.

Сходство ситуаций 1700-го и 1709 г. действительно было большим, но только внешним, иллюзорным: приблизительно трёхкратное численное превосходство россиян, укрывшихся в укрепленном лагере, которых решительно атаковало шведское войско. Можно уверенно полагать, что Карл XII оценивал сложившееся к 26–27 июня 1709 г. положение подобным тому, что было 19 ноября 1700 г. Впрочем, некоторые факты свидетельствуют о том, что Карл XII пытался осмыслить происходившие радикальные перемены. Если первоначально он посмеивался над перехваченными русскими донесениями о победе при деревне Лесной, то осмотр остатков корпуса А.Л. Лёвенгаупта вверг его в уныние и бессонницу. Даже в мае 1709 г. он мог по два с половиной часа выпытывать у участника той баталии старшего прапорщика Р. Петре её подробности⁷⁷. Сломить свои устоявшиеся стереотипы, переосмыслить ситуацию король, однако, так и не смог.

В новых условиях следование привычному полководческому шаблону носило характер авантюры и закономерно привело к катастрофе. Последующие строки в послании Карла XII выдают его обескураженность полученным результатом. При этом король, видимо, ещё не хотел верить в сдачу без единого выстрела остатков своей армии на берегу Днепра 30 июня 1709 г. Во всяком случае, он не написал о гибели всей армии: «Но по непредусмотренному и несчастному случаю произошло так, что шведские войска потерпели 28 числа прошлого месяца (по шведскому календарю; 27 июня ст. ст. — П.К.) неудачу в полевом сражении... при этом обнаружилось, что большая часть пехоты потеряна и кавалерия тоже понесла большой урон»⁷⁸.

Что же в шведской тактике Пётр I признавал полезным для использования россиянами?

При Головчине 3 июля 1708 г. войска Карла XII атаковали на рассвете, в тумане, переправились через реку на неожиданном участке и напали на изолированную часть российских войск. При Головчине, как и при Нарве в 1700 г., показали свою недостаточную эффективность, уязвимость непрерывные линии полевых земляных укреплений. Этот опыт будет учтён в последовавшей Полтавской баталии, где с таким успехом были применены отдельно стоящие

*Неизвестный художник середины XIX в. С оригинала П.-Д. Мартена Младшего.
Сражение при Лесной. 1829–1831
ГЭ*

укрепления: две линии редутов и ретраншемент. Шведская схема боя при Головчине была с успехом повторена россиянами под Добрым 30 августа 1708 г. Русская пехота ночью перешла через водные протоки, болото и на заре решительно атаковала шведский отряд генерал-майоров К.Г. Рууса и К.Г. Крейца, используя его удаление от главных сил⁷⁹.

Следует особо выделить уроки ожесточённого сражения при деревне Лесной 28 сентября 1708 г. Опираясь на личный опыт, Пётр I дал в письме адмиралу Ф.М. Апраксину от 6 октября 1708 г. следующую установку для предстоявшего сражения со шведами: «...возможно вам дать... баталию. Толко зело прошу, чтоб не гораздо на чистом поле, но при лесах, в чем превеликая есть полза [как я сам видел], ибо и на сей баталии, ежели б не леса, то б она выиграла, понеже их шесть тысяч болше было нас»⁸⁰.

Опыт, полученный русским самодержцем в 1708 г., созвучен тому, что был обобщён в трактатах древности. Так, Вегеций писал: «...если мы хвалимся конницей, то нам нужно желать ровных полей; если пехотой, то нам нужно выбирать места узкие, пересечённые рвами, болотами, заросшие деревьями, несколько холмистые»⁸¹. Русская армия тогда более сильна была пехотой, чем кавалерией. Спустя девять месяцев Пётр I навязал шведам близ Полтавы именно такую битву — «не гораздо на чистом поле, но при лесах».

Запомнилось российским военачальникам, конечно, и то, какую губительную угрозу для исхода всей баталии представляла попытка правого фланга шведской пехоты в самом начале сражения произвести охват левого фланга боевой линии русской пехоты. Угрозу удалось отвести только своевременной переброской сразу же семи батальонов гвардейской бригады с русского правого фланга для помощи левому. При Клишове такого манёвра проведено не было и последовало закономерное поражение. В «Правилах сражения», написанных на основании в первую очередь свежего опыта сражения у Лесной 1708 г., Пётр I отразил безусловную необходимость поддержки оказавшегося в критическом положении фланга: «Також накрепко надобно смотреть, чтоб друг друга секундовать (*лат. secundo* — помогать, содействовать. — П.К.), и когда неприятель пойдет на одно крыло, то другому крылу неприятеля с тылу или фланку атаковать»⁸². Именно такой манёвр в начале сражения у Лесной спас левый фланг русской боевой линии. Вообще же охват фланга (флангов) неприятеля как приём полководческого искусства показал высокую эффективность в условиях полевых сражений XVIII столетия. Охват русскими правым и левым флангами боевого порядка шведов привёл на Полтавском поле к желаемому: шведы побежали⁸³.

Если подвести итог, то российская сторона в высшей степени внимательно изучила тактику военных действий Карла XII и К.Г. Рёншильда, их излюбленные приёмы действий в полевом сражении и психологию. Было хорошо усвоено, что шведы самоуверенны, готовы атаковать, даже плохо зная силу позиции неприятеля (как при Клишове). Слишком большое внимание шведы уделяли обеспечению фактора внезапности нападения на противника. Шведы, веря в себя, в успех, в Божественное провидение, готовы были идти на риск. Имея хорошо обученную манёврам, отчаянную в поиске воинского счастья, верившую в своего короля, в защиту Бога и презиравшую неприятеля пехоту и кавалерию, шведы атаковали, атаковали и готовы были снова атаковать. Однако они были достаточно шаблонны. Если кто-то действует по одной схеме, по одному шаблону, естественно, что этим надо пользоваться. Следовательно, не сообразить (логическая комбинация в два хода), что уверенных в победе шведских генералов, офицеров и солдат выгодно и довольно легко заманить в ловушку (нужно было только дать неотразимый соблазн — положить пахучий и ноздреватый кусок

«сыра»), мог только ленивый или глупый. В Полтавском сражении Пётр I сыграл на этих хорошо изученных им особенностях шведской шаблонной тактики и добился в генеральной битве такой победы, которая редко отмечается в мировой истории.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ПЕТРА I И КАРЛА XII

Военное противоборство российского и шведского монархов началось на уровне стратегии. Это, понятно, произошло задолго до того, как обе армии сошлись в решительной битве у Полтавы. В августе 1706 г. шведская армия во главе с королём, нарушив нейтралитет Священной Римской империи германской нации, вступила на территорию Саксонии. Август II Сильный, курфюрст Саксонии и король польский, отказался от борьбы. 13 сентября того года он втайне от Петра I в замке Альтранштедт вблизи Лейпцига подписал с Карлом XII договор. По его условиям Август II разрывал союзные отношения с монархом России, признавал шведского ставленника Станислава I Лещинского королём Речи Посполитой, узаконивал вторжение шведских войск в Саксонию и их пребывание там. Северный союз прекратил существование, Россия осталась в одиночестве перед лицом грозного противника. Ясно было, что, по крайней мере, до весны 1707 г. Карл XII будет оставаться в Саксонии, укрепляя свой военный потенциал и решая внешнеполитические задачи. Достоверно планов Карла XII не знал почти никто. Однако логика простого здравого смысла (впрочем, часто обманчивая) предполагала, что весной или летом шведский король двинет свои победоносные войска на восток против оставшегося без государств-союзников русского царя. Посол в Гааге А.А. Матвеев выразил это более чем естественное предположение в письме Петру I от 28 февраля 1707 г. весьма образно: «...одна горячность апрельского солнца понудит его или выполсть вон из кожи своей, или больший яд отрыгнуть на Польшу или ее союзников»⁸⁴.

Совершенно очевидно, что руководители Российского государства, генералитет должны были планировать собственные действия, в первую очередь исходя из этого самого вероятного сценария развития событий — грядущего шведского похода на восток. Русский план был принят в местечке Жолква к северу от Львова на Волыни. Собственно говоря, его суть чётко изложена в пропагандистском сочинении

«Гистория свейской войны». Пётр I прибыл в это местечко 28 декабря 1706 г. и прожил там до 30 апреля следующего года. Возле Жолквы и неподалёку от неё близ Яворова тогда зимовали драгунские полки русской армии, а пехотные стояли восточнее — рядом с Дубной и Острогом. В Жолкве собрался цвет российских полководцев, включая А.Д. Меншикова, Б.П. Шереметева, А.И. Репнина. Туда же съехались и некоторые «российския министры» — ключевые деятели царской администрации. Генеральный совет, состоявшийся в этом местечке, был посвящён выбору стратегии борьбы против шведской армии во главе с королём Карлом XII: «...давали с неприятелем баталию в Полше или при своих границах». Как собственноручно вписал в «Гисторию» Пётр I⁸⁵, на генеральном совете насчёт битвы было «положено, чтоб в Полше не давать, понеже, ежели б какое нещастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду. И для того положено дать баталию при своих границах, когда того

необходимая нужда требовать будет. А в Полше на переправах и партиями, также оголоженьем правянтну и фуражу томить неприятеля...»⁸⁶. Тогда же были ознакомлены с принятым в Жолкве планом и «несколько персон сенаторов полских»⁸⁷. Утечка сведений в лагерь шведского короля в связи с этим фактом была более чем вероятной, но это ничего не меняло.

Последовательное воплощение стратегического замысла Петра I хорошо изучено. Карл XII двинул армию из Саксонии на восток в августе 1707 г. Шведский венценосец и некоторые лица из его окружения оценивали сложившееся положение глубоко. Россия в итоге кипучей деятельности Преобразователя усиливалась год от года. С геополитической точки

зрения это представляло насущную военную и политическую угрозу для Швеции, для её главенствующего положения в регионе Балтики. Было ясно, что по большому счёту вопрос встаёт остро: Швеция или Россия будут доминировать в регионе Балтийского моря и Восточной Европы? Карл XII, как достоверно можно судить, видел радикальное решение поставленного Историей вопроса.

Неизвестный живописец.
Портрет князя А.И. Репнина. 1724
ГЭ

Целью его русского похода являлся масштабный разгром российских вооружённых сил и последующие принудительные перемены в России! Только они были способны обезопасить пространные владения Швеции на берегах Балтийского моря от новых конфликтов с Россией.

Фактов для документального подтверждения обозначенных выше целей радикальной стратегии Карла XII против Российского государства имеется достаточное количество. Российский дипломат Г. фон Гюйссен сообщал в 1707 г. барону П.П. Шафирову: Карл XII с царём «не хочет никакого картелю учинить... и миру с ним не заключит, донеже Москва в такое состояние не будет приведена, что впредь никогда шведом вреду не сможет учинить»⁸⁸.

Французский наблюдатель при шведской армии Грофей в феврале 1707 г. сообщал, что намерения шведов не сводятся к военному разгрому московитов. Король желал поставить под полный контроль торговлю России с Западом, завладеть Великим Новгородом и Псковом. Карл XII собирался погнать русских в глубь их страны и сместить Петра I, заменив его, к примеру, царевичем Алексеем, неприязнь которого к иноземцам стала уже известной за рубежом. Агент считал эти планы обоснованными: «Известно, что царя любят только его солдаты, а дворяне и народ его смертельно ненавидят — те и другие за жестокость и за новшества, которые он ввёл в образе жизни»⁸⁹.

Австрийский император Иосиф I предложил Карлу XII в 1708 г. посредничество в достижении мирного договора с царём. Первый министр шведского монарха, начальник его Походной канцелярии К. Пипер, отвечая, сделал красноречивое признание о скрытой цели русского похода. Даже полное возвращение Петром I занятых русскими войсками территорий не может удовлетворить короля. В будущем нападение на Швецию со стороны России, по вполне, впрочем, разумной мысли К. Пипера, легко может повториться, если мир будет достигнут посредством переговоров. Необходим именно разгром русской армии,

И.Г. Таннауэр.
Портрет царевича
Алексея Петровича. 1710-е
ГРМ

усилившейся «благодаря иноземной дисциплине». К. Пипер заключал: «...не может быть ни выгодней, ни верней мира, чем заключённый в Москве»⁹⁰. Дипломаты Карла XII высказывались в 1706—1708 гг. о принципиальной неприемлемости заключения мирного договора с Петром I, выдающимся реформатором. Для надёжной безопасности Швеции необходимо было сместить с российского престола Петра I, заменить его марионеточной фигурой по польскому сценарию (возможно, Якубом Собеским), разделить Россию на небольшие протектораты под эгидой Швеции, вернуть боярской аристократии утраченный вес, отменить проведённые преобразования⁹¹.

Шведы в 1707—1708 годах надеялись на то, что в России вспыхнет восстание против Петра I. Французский посол в Швеции Ж.-В. де

Безенваль получил соответствующие письменные сведения от статс-секретаря О. Хермелина. Посол немедленно отписал на родину из Данцига в декабре 1707 г.: «...они тешат себя надеждой на то, что подданные царя восстанут против этого государя, как только армия [шведов] появится в их владениях, под воздействием манифестов, которые велит напечатать король Швеции, гласящих о его намерении освободить их из ярма рабства»⁹².

Таким образом, шведы имели замысел раздуть социальное и политическое недовольство в России. Подорвав стабильность общества, развязав гражданскую войну, можно было значительно легче добиться осуществления своих планов по отбрасыванию России в прошлое.

С осени 1707 г. и в 1708-м на Дону и в сопредельных областях уже пылало большое антиправительственное восстание К.А. Булавина. Оно внушало русской элите опасения о возможном развитии событий по уже случившемуся сценарию, а именно: повторение Смутного времени. Царские министры полагали, что, если шведы подойдут к российской границе, «следует страшиться восстания со стороны здешнего очень недовольного народа и в то же время ждать, что со всех сторон на них хлынут татары, казаки и поляки»⁹³.

Л. Вейандт.
Портрет О. Хермелина. Около 1690
Государственное собрание портретов,
Грипсхольм, Швеция

Царь воспринимал нависшую над страной опасность шведского нашествия самым серьёзным образом, предвидел его и готовился к решительной обороне — к полному и безоговорочному сокрушению шведского наступления. Выступление неприятельской армии к русским границам из Саксонии ещё не состоялось, тем более было неизвестно направление будущего продвижения шведов, а 25 апреля 1707 г. монарх уже издал указ о подготовке Москвы к обороне⁹⁴. Карл XII был к тому времени уже неплохо изучен, и его будущие действия в общем и главном, иногда даже и в деталях, вполне просчитывались в русском правительстве. С 10 июня 1707 г. в московском Кремле и Китай-городе начали «делать вал и рвы копать». Фортификационные работы приобрели большой размах. С каждого столичного тяглого двора следовало выставить двух землекопов. Присылались работники и из других городов. Укреплялись также Можайск, Серпухов и Троице-Сергиев монастырь⁹⁵. Когда шведский монарх во главе своего воинства был ещё только на самых дальних подступах к Варшаве, британский дипломат сообщал из столицы России в октябре 1707 г.: «Укрепление Москвы ведётся по-прежнему весьма деятельно...». В фортификационных работах по приведению Москвы в готовность к обороне было занято до 20 000 человек⁹⁶.

Пётр I мыслил, как обычно, на несколько логических ходов вперёд. Поэтому по видимости некоторые его действия противоречили логике здравого смысла, свойственной умным людям обычного уровня. Так, в ноябре 1707 г. пребывавший в Санкт-Петербурге царь начал воплощать масштабную кораблестроительную программу, принятую тогда же! Исполненный амбиций замысел русского монарха предусматривал создать на Балтийском море флот из 27 линейных кораблей, шести фрегатов и шести шняв⁹⁷. Реализация программы сделала бы Россию одной из наиболее сильных военно-морских держав Балтики наряду со Швецией и Данией. Стране грозило страшное вражеское вторжение, а царь бросил большие ресурсы на создание флота открытого моря! Такой флот мог стать нужным только после того, как на повестке дня появилась бы задача борьбы со шведским флотом за господство на открытых просторах Балтийского моря. Это противоборство могло стать злободневным только после гибели шведской армии вторжения! Создание большого корабельного флота требовало нескольких лет, а разгром и пленение шведской армии, по царскому уверенному расчёту, должны были случиться раньше.

Зиму 1707–1708 гг. шведские войска провели вблизи Варшавы. Весной 1708 г. шведская армия продолжила с боями путь на восток. На дальних подступах к Смоленску отступление русских войск завершилось. Шведский король остановился совсем близко к границе России. Пружина сопротивления российской армии оказалась сжатой едва не до крайнего предела. Можно было предполагать, что в любой удобный для российского командования момент она распрямится со всей накопленной силой. Однако 14 сентября 1708 г. Карл XII повернул армию в направлении на юг — к Стародубу. Как ныне доказано, Карлу XII необходимо было сворачивать куда-то, не теряя ни дня. Русские войска неуклонно применяли тактику оголожения местности на пути движения шведов. В условиях полного истощения запасов продовольствия шведское воинство должно было двинуться туда, где можно было добыть продукты питания⁹⁸. К 14 сентября 1708 г. продуктов и фуража оставалось ровно на сутки⁹⁹. На собранном накануне военном совете некоторые генералы предлагали идти к Могилёву. Там следовало дожидаться шедшего на соединение к главной армии 13-тысячного корпуса генерала А.Л. Лёвенгаупта. Сведениями о месте, где А.Л. Лёвенгаупт находился в данный момент, Карл XII не располагал. Некоторые лица в окружении шведского монарха считали оправданным продолжать двигаться на Смоленск¹⁰⁰.

Вариантов же для выбора нового направления движения было несколько. Оценка решения Карла XII о стратегическом повороте его армии со смоленско-московского направления на юг — традиционная тема учёных прений.

Выбор нового направления для движения королевской армии был неразрывно связан с вопросами, когда же состоится генеральная баталия и при каких условиях для противников. На кону тогда стояли не только шведские претензии на великодержавную роль. Радикальный проигрыш шведской стороной русско-шведской военно-политической «шахматной партии», разыгравшейся в 1708 — первой половине 1709 г. один на один, с неизбежностью привёл бы к разделу шведских владений, которые едва не цельным кольцом охватывали Балтийское море с севера, востока, запада и юга. Поворот шведской армии в середине сентября 1708 г. к югу продлил действие плана стратегического отступления, принятого в Жолкве. Русские войска действовали в соответствии с ним вплоть до июня 1709 г. — именно тогда был совершён переход от стратегической

обороны к наступлению, целью которого были разгром и пленение неприятельской армии.

В чём состоял замысел короля, можно судить только предположительно — он очень мало с кем им делился (к примеру, явно осведомлены о нём были К. Пипер и статс-секретарь короля О. Хермелин). Такая позиция короля согласуется с наставлениями древних авторов, которых Карл XII читал и почитал, как это делал и его противник — российский монарх. В книге императора Византии Льва VI Мудрого из библиотеки Петра I по этому поводу говорится: «...которая дела хощеши учинити, с немногими твори. Лучшую же мысль избрав, держи про себя, чтобы сопостатом явна не была и чтобы навет не учинили...»¹⁰¹.

В любом случае перемещение главной армии шведов на юг создавало новую военно-политическую ситуацию. Появлялась заинтересованность для вступления в «игру» ранее не задействованных в русско-шведском противоборстве сил. Последовавшее развитие событий привело к тому, что в конечном итоге Карл XII стратегически проиграл Петру I партию на «большой шахматной доске» европейской политики по всем без исключения существенным вопросам. Рассмотрим ниже этот тезис предметно.

Во-первых, поворот армии Карла XII с направления Смоленск — Можайск — Москва на Кричев и далее на Стародуб к югу 14 сентября 1708 г. имел следствием то, что всего только спустя две недели шведы потерпели крупную военную катастрофу. В момент начала движения армии предполагалось, что вскоре к королю должен присоединиться со своим 13-тысячным корпусом генерал А.Л. Лёвенгаупт, поспешавший из Риги. Этим надеждам не суждено было воплотиться. В тот день, 14 сентября, в русской Ставке были получены сведения, что корпус А.Л. Лёвенгаупта находится близ Орши у Днепра. В тот же самый день командование узнало и о выступлении главной шведской армии во главе с королём от русской границы из Старишей тремя колоннами к Кричеву. По всей видимости, 14 сентября 1708 г. и

Д. фон Крафт.
Портрет А.Л. Лёвенгаупта.
Национальный музей, Стокгольм

состоялся военный совет с участием Петра I. На совете было решено воспользоваться разделением корпуса А.Л. Лёвенгаупта и шведской армии, выступившей в тот день по дороге в направлении, удалявшем её от войск, шедших к ней на помощь из Риги¹⁰². Этот просчёт шведского короля (следовало бы двинуться навстречу войскам А.Л. Лёвенгаупта) привёл к катастрофе. Последовавший вскоре проигрыш шведами сражения во многом предопределил и разгром шведов под Полтавой, и проигрыш ими войны в целом. Созданный россиянами «летучий корпус» из посаженных на лошадей солдат гвардейской бригады и драгунских полков настиг шведов 28 сентября 1708 г. Произошла жестокая баталия. Курляндский корпус А.Л. Лёвенгаупта был разгромлен наголову, потерял весь обоз, всю артиллерию. Лишь 6503 шведа, деморализованных и голодных, присоединились к войскам короля вблизи Стародуба — это был остаток корпуса отборных войск, которыми командовал А.Л. Лёвенгаупт¹⁰³. Разгром шведов при Лесной — первый крупный военный провал Карла XII в его русском походе 1707—1709 годов.

Во-вторых, осенью 1708 г. шведским командованием предполагалось, что спустя некоторое время на соединение с армией Карла XII двинутся оставленные им в Польше 10-тысячный корпус генерал-майора кавалерии Э.Д. фон Крассау и 16-тысячное войско нового польского короля Станислава I Лещинского. Предварительно эти войска должны были утвердить положение Станислава I на землях собственного государства — Речи Посполитой¹⁰⁴. Присоединение этих войск, понятно, самым существенным образом увеличило бы военные возможности Карла XII. Пётр I приложил все необходимые усилия, чтобы этого не случилось, и добился своего.

Активными мерами Пётр I сохранил своё влияние на части украинских и белорусских земель. Сандомирская конфедерация во главе с великим коронным гетманом А.Н. Сенявским в 1706—1709 годах оставалась единственным союзником царя в Речи Посполитой. Чтобы удержать А.Н. Сенявского на своей стороне, Пётр I предложил ему поддержку в получении польской короны после свержения шведского ставленника Станислава I, присылал денежные средства и отправил для содействия ему на Волынь сильный корпус генерал-фельдмаршал-лейтенанта Г. фон Гольца. Пошатнувшееся в связи с изменой Мазепы (23—25 октября 1708 г.) влияние России на Правобережной Украине было восстановлено возвращением из ссылки в Сибирь на Правобережье Днепра соперника Мазепы и

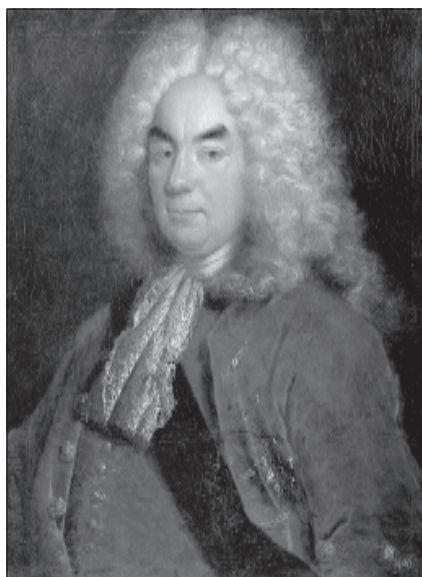
жертвы его интриг С. Палея, популярного в народной среде. Царь использовал даже недовольство Станислава I и его сторонников тем, что Карл XII мало считался с его марионеточным режимом. С конца 1708 г. русским дипломатам удалось наладить со Станиславом I постоянную связь. Польский король заверял их в стремлении прекратить войну и даже предлагал своё посредничество в переговорах между Петром I и Карлом XII о мире¹⁰⁵! В результате этих усилий ни Станислав I, ни корпус генерал-майора Э.Д. фон Крассау не могли оказать никакой помощи шведскому королю, изолированному со своей сильно поредевшей армией за Днепром вблизи Полтавы. Такое положение являлось крупным достижением, существенным военно-политическим успехом Петра I, его дипломатов и военачальников.

В-третьих, осенью 1708 г., когда шведский король начал поход на юг, им уже велись переговоры с крымскими татарами, турками, запорожцами о совместных действиях против России, были надежды на измену царю гетмана Мазепы¹⁰⁶. Однако и эти возможности создания широкой антироссийской коалиции были разрушены усилиями российских дипломатов и войск.

Особенно следовало опасаться вовлечения Карлом XII в войну против России Турции. Присоединение многочисленных турецких войск к образцовой шведской армии во главе с королём Карлом XII, корону которого по-прежнему окружал ореол непобедимости, взорвало бы военно-политическое положение в регионе. Россия получила бы на своей южной границе мощнейшую армию вторжения. Наиболее очевидным направлением для военной экспансии объединённых шведско-турецких сил являлся путь на Москву. В этом случае под непосредственной, более чем реальной угрозой уничтожения оказалось бы Адмиралтейство в Таврове и Воронеже — тыловая база взлелеянного Петром I Азово-Черноморского флота. О намерении Карла XII соединиться с турецко-татарскими войсками свидетельствовало постепенное продвижение его армии на юг. В противном случае медленное смещение шведских войск к Днепру военного смысла не имело. Весной-летом 1709 г. шведы медленно двигались к югу уже вдоль Ворсклы. Здесь пролегал Муравский шлях — традиционный путь крымско-татарских походов в сердце России вплоть до Москвы.

Царь придавал исключительную важность обеспечению невмешательства Османской империи в русско-шведский конфликт на

его решающей фазе. Монарх предпринял самые энергичные действия, оказавшиеся эффективными. Он лично прибыл в Азов. Обветшавшие военно-морские корабли Пётр I повелел не восстановить, но разломать. Это было проделано в присутствии турецкого представителя Алея-аги. Тем самым подчёркивалось, что с турецким султаном «благословенный мир содержится в крепости без нарушения до окончания уреченных лет»¹⁰⁷. Энергичные действия по обеспечению нейтралитета Османской империи в русско-шведской войне предпринимал в Стамбуле российский посол П.А. Толстой. «С великим труда иждивением и с немалою дачею» ему удалось добиться запрета со стороны турецкого правительства крымскому хану открывать военные действия против русских¹⁰⁸. В.Е. Возгрин пишет, что в первой половине 1709 г. султан Ахмет III занимал твёрдую позицию невмешательства в Великую северную войну. Историк полагает: «И если шведы выбрали в Восточном походе путь не

Г. Гзель.
Портрет графа П.А. Толстого.
1722–1727
ГРМ

на Санкт-Петербург и не на Москву, то это лишь в расчёте укрепиться за счёт татар и казаков, а никак не турок»¹⁰⁹. Как итог — эта могучая держава Среднего Востока и Европы не вступила к лету 1709 г. в войну с Россией.

Упомянутый важнейший дипломатический успех на турецком направлении предопределил позицию вассального Османской империи Крымского ханства — строгий нейтралитет. По словам В.Е. Возгрина, крымский хан Девлет-Гирей II (1708–1713) «был единственным в Европе правителем, интересы которого в отношении России полностью совпадали со шведскими и который никогда не торговался с королём, а предлагал свою помощь на любых условиях»¹¹⁰. Расчёт шведов на военную помощь крымцев был велик. Деятели из походного окружения

Карла XII выражали уверенность в её близости. Статс-секретарь шведского короля О. Хермелин писал в Стокгольм в марте 1709 г.: «Мы стоим на пути, по которому татары обычно ходили на Москву. Теперь они пойдут туда с нами!»¹¹¹. Крымский хан в начале лета

1709 г. двинул-таки (без указа султана!) своё конное войско к Днепру. По пути он разорил несколько укреплённых русских городков. Главная часть военных сил хана подступила к реке Самаре. Меньшая же остановилась в Кобеляках на нижней Ворскле. Татары остановились на этих рубежах, ожидая решения о заключении нового шведско-турецкого договора, уже согласованного в принципе. Но, как пишет В.Е. Возгрин, «грянула Полтавская битва и разом всё переменяла». Примечательно, что крымско-татарское войско оставалось в походном лагере на берегу Днепра до августа, «неизвестно чего ожидая». В.Е. Возгрин замечает: «Скорее всего, хану попросту не верилось, что полтавская катастрофа необратима...»¹¹². Отсутствие деятельной дипломатической борьбы шведов за свои интересы в Стамбуле, торжество там русской дипломатии, удачный психологический манёвр Петра I со сломом и сожжением военно-морских кораблей в Азове не позволили шведам иметь при Полтаве союзную 40-тысячную крымско-татарскую конницу.

Полностью провалилась попытка заполучить в союзники левобережное украинское казачество. То состояние авантюры бывшего гетмана Мазепы, в каком пребывала эта антироссийская и антиукраинская интрига к 27 июня 1709 г., можно считать агонией. Смещённый со своего поста гетман контролировал, благодаря шведской поддержке, лишь несколько сёл вблизи Полтавы и имел под рукой около десяти тысяч запорожских казаков и сердюков — своей наёмной охраны. Левобережное казачество возглавил новоизбранный гетман И.И. Скоропадский. Украинские казаки выполняли указы Петра I, своего сюзерена, приняли участие в Полтавском разгроме шведской армии, преследовали остатки шведского воинства до Днепра и далее до Южного Буга.

Мазепа сумел вовлечь в антироссийскую интригу Запорожскую Сечь. Однако в итоге военной операции, проведённой с использованием судов на Днепре против Запорожской Сечи, корпус войск под командованием полковника П.И. Яковлева разорил 14 мая 1709 г. это «изменническое гнездо». Тем самым была разорвана непосредственная территориальная связь шведской армии и находившегося при ней казацкого отряда Мазепы с враждебным России Крымом.

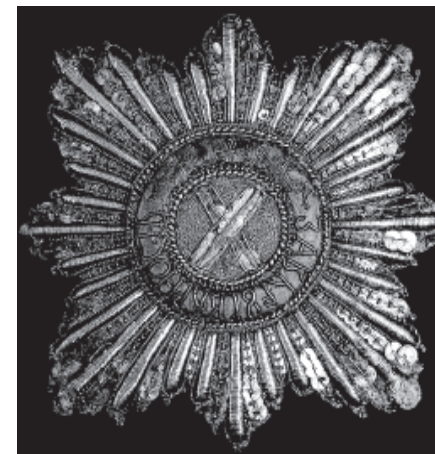
Выше обрисовано положение, в котором оказались в июне 1709 г. Карл XII и Мазепа, — это полная стратегическая и тактическая изоляция в районе нескольких сёл под Полтавой. Военной помощи, по крайней мере, в течение ближайших одного-двух месяцев (учи-

тывая всю сложность и изменчивость международной обстановки) было ждать неоткуда. Рядом со ставкой шведского короля и старого интригана Мазепы, перехитрившего самого себя, как символ их военного бессилия возвышались валы слабой в инженерном отношении, с незначительным гарнизоном, но так и не захваченной врагами Полтавской крепости. Близилось время разгрома, бегства и покорной сдачи без выстрелов образцового шведского воинства на берегу Днепра — общие условия для гибели шведской армии, для конца интриги Мазепы в пределах украинской земли были созданы. Это был итог последовательного воплощения на протяжении более двух лет стратегического плана, принятого в Жолтве. Заканчивая сюжет о стратегии Карла XII в 1707—1709 годах, можно привести слова крупного военного аналитика, начальника Николаевской академии Генштаба Г.А. Леера (1829—1904): «Никогда ещё стратегией не пренебрегали в такой мере и никогда ещё азарту не отводилось такого простора перед сражением, как то сделано Карлом перед Полтавой. Зато и поражение редко бывало так полно, как под Полтавой, после которой шведская армия не существовала более. Карл играл *va banque*»¹¹³.

У Петра I накопилось много вопросов, граничащих с высшей степенью удивления и недоумения, в связи со стратегией и тактикой короля Карла XII. При Переволочне в палатке графа Г.И. Головкина, главы внешнеполитического ведомства, 31 июля, на следующий день после сдачи шведской армии, царь учинил в размягчающей обстановке застолья и возлияний подлинный допрос шведскому главнокомандующему генералу А.Л. Лёвенгаупту и окружавшим его другим пленным генералам. По воспоминаниям пленного генерала: «Он... спросил, почему мы с армией столь далеко углубились, не прикрыв тыла? И почему наш король не держал военного совета? С какой целью шёл он под Полтаву? И почему мы атаковали русских в том месте, где наше положение было наиболее тяжёлым? Почему в деле мы не использовали пушек? Почему после первого натиска мы отступили влево и столь долго стояли на месте? И почему пехота и кавалерия не встретились на сходящихся направлениях?». Генералы не смогли сказать многого. Царь заявил, что весьма удивлён, что генералы ничего не знают¹¹⁴.

Итак, Карл XII как стратег, на «макроуровне», в 1707—1709 годах проиграл противоборство с Петром Великим по всем позициям. Частные успехи Карла XII (обнадеживающие контакты с Крымским

ханством, мятеж Мазепы, антироссийское выступление Запорожской Сечи) чёткими и последовательными действиями были устранены (нейтрализация крымско-татарской угрозы) или сведены к ничтожному значению (интрига Мазепы, бунт запорожцев). Тонкие аналитики европейских стран продолжали верить в 1708—1709 годах в победу шведского короля над русским самодержцем — ранее приводилось для примера мнение многоопытного министра иностранных дел Франции Ж.-Б.-К. де Торси (1708). Пётр I же предпринимал действия совсем иного характера. Вскоре после поворота Карлом XII своей армии в южном направлении (14.9.1708) и убедительного разгрома корпуса А.Л. Лёвенгаупта при Лесной (28.9.1708) — генеральной репетиции Полтавской битвы, царь приказал сделать для наград семь орденов св. Андрея Первозванного! Дело в том, что после крушения шведского нашествия русский монарх должен был вознаграждать усилия своих сподвижников самыми высокими наградами и щедрыми пожалованиями. Пётр I получил для ознакомления первый орден 24 декабря 1708 г. в Сумах. Знак ордена «угоден явился Его Царскому Величеству». Однако на лицевой стороне орденского знака («на той стороне, где орел и святой Андрей на кресте») монарх предписал выскрести эмаль красного цвета на полях и сделать их золотого цвета. Это необходимо было потому, что «герб государев — черный орел в желтом поле». Царь потребовал в связи с этим и «орел, чтоб немного был сего черноватее». На оборотной стороне орденского знака, «где имя великого государя», цвет полей следовало оставить прежним — красным. Царь дал указания не только идеологического характера, но и технического. Финифть «в тело святого Андрея сделать вели покрепче, чтоб за тонкостью не испортилось». Место, на которое крепилось кольцо для продевания знака ордена на цепь, тоже следовало сделать «поплотнее»¹¹⁵. Орденские знаки, украшенные бриллиантами, делал известный ювелир Я. Вестфаль¹¹⁶. Все семь орденских знаков были доставлены к царю и главе Посольского приказа графу Г.И. Головкину в Воронеж 14 апреля 1709 г.¹¹⁷

Звезда ордена св. Андрея Первозванного, принадлежавшая Петру I.
ГИМ

Таким образом, новые орденские знаки св. Андрея Первозванного были готовы к апрелю 1709 г. Оставалось ещё доделать цепи для орденских знаков по одобренному царём образцу — подходило время награждений и торжеств. Теперь требовалось главное: нужно было триумфально выиграть генеральную баталию с обязательным полным пленением шведской армии и крайне желательным — самого короля! Время генеральной баталии неумолимо приближалось.

Заказанные ордена св. Андрея Первозванного Пётр I начал жаловать на полях под Полтавой в июле 1709 г. Развитие военно-политической ситуации русский монарх, как обычно, просчитывал на несколько ходов вперёд. В кавалеры ордена св. Андрея были пожалованы в связи с победой генералы А.И. Репнин, Л.-Н. де Алларт, генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс, генерал-поручик С. фон Ренцель и чрезвычайный и полномочный посол в Речи Посполитой князь Г.Ф. Долгоруков. Два ордена тогда не нашли своих кавалеров: король сумел-таки укрыться в пределах Османской империи, клятвопреступник и государственный изменник Мазепа избежал четвертования.

ТАКТИКА БОЯ ПЕХОТЫ И КОННИЦЫ, РАЗРАБОТАННАЯ ПЕТРОМ I ПРОТИВ ШВЕДОВ

«За здравие учителей моих в искусстве воинском!» — якобы провозгласил тост Пётр I на пиру в день победы в генеральной баталии при Полтаве в присутствии пленных шведских генералов. Когда шведский генерал-фельдмаршал К.Г. Рёншильд спросил, кого именно царь почтил столь лестным титулом, русский монарх ответил: «Вас, господа шведские генералы»¹¹⁸. По всей видимости, этот рассказ Вольтера имеет художественно-литературную природу и является вымыслом. Этот колоритный эпизод не отражён в дошедших до нас базовых источниках, современных событию. Как бы то ни было, воздействие шведского военного дела на русское в годы Великой северной войны несомненно. Жёстким толчком, показавшим молодому царю необходимость прилежного изучения всех составляющих военной мощи Швеции, безусловно стало поражение русской армии в первом же сражении едва начавшейся войны — генеральной баталии под стенами шведской крепости Нарва 19 но-

ября 1700 г. Сердце русского воина-патриота, участника Нарвского разгрома русских войск, разрывалось от горя: «Где убо полков урядство? Где ... артикулов учение? Где оружием владенье? Где свирепство человеческого сердца салдацкого и драгунского? Где сличныя (достойные, красивые. — П.К.) лица? Где многоцветныя их ризы и полков политики?»; «Где московского храброго воинства сила и мочь?»¹¹⁹. Спустя много лет разгром русских войск при Нарве получил в официальном историческом труде «Гистория свейской войны» оценку в таком ключе: «...когда сие нещастие (или, лучше сказать, великое счастье) получили, тогда неволя леность отогнала и к трудолюбию и искусству день и ночь принудило...»¹²⁰.

Как ни парадоксально на первый взгляд, шведская тактика на «макроуровне» не могла быть позаимствована у шведов как раз в силу её высокой успешности в ряде сражений против россиян. В генеральном сражении при Нарве 1700 г. 10 537 шведов нанесли поражение в три раза превосходившим их по численности главным силам русской армии, засевшим в земляном ретраншементе. Успех был ошеломляющим. Шведскую армию привели к победе 18-летний король Карл XII и его учителя в военном деле, опытные генерал-лейтенант от кавалерии К.Г. Рёншильд (1651—1722) и генерал от кавалерии О. Веллингк (1649—1708). Столь яркая победа ослепила многих. Ч. Уитворт в 1708 г. подметил этот недостаток полководческого стиля Карла XII: «...полагаясь исключительно на выдержку армии и правоту своего дела, он, кажется, недостаточно ценит многие второстепенные пути успеха и до сих пор ведёт войну вопреки всем общепринятым приёмам, умея даже из наиболее тяжёлых обстоятельств выходить самыми невероятными и неожиданными способами»¹²¹. Граф К. Вреде спустя несколько дней после битвы писал отцу из Нарвы: «Мы не сможем никогда в достаточной мере высоко восхвалить эту великую победу, ибо она в некотором роде небывалая — атаковать с 8000 человек 40 000 в ретраншементе, столь хорошо устроенном...»¹²². Блестящая виктория при Нарве, очевидно, положила основание для формирования в сознании Карла XII в качестве едва ли не универсального ключа к успеху некоего полководческого шаблона. Суть его можно свести к следующей схеме: небольшое шведское войско, сильное духом, во главе с королём смело атакует неприятеля, располагающего многочисленной артиллерией и засевшего в укреплениях, и после короткой решительной схватки торжествует победу. В любом случае в битве под Полтавой

Карл XII и генерал-фельдмаршал (с 1705 г.) К.Г. Рёншильд попытались воспроизвести схему битвы при Нарве: внезапная атака в три раза превосходящего русского войска, занимавшего земляные укрепления.

Видный современный шведский специалист в области истории военного искусства Г. Артеус отметил: «Манера ведения боя армией Карла XII стоит особняком как самая наступательная в тогдашней Европе»¹²³. Вот как ярко пишет о шведской наступательной тактике маститый историк П. Энглунд: «Как характер вооружений, так и способ сражаться — предпочтение, отдаваемое холодному оружию, штыковой атаке и кавалерийскому наскоку, — отражали почти что фанатическую веру в атаку как универсальное средство добиться победы. Тактика боя полностью строилась вокруг атаки, военная наука была принципиально наступательной. Шведская армия превратилась в машину для наступления... в машину, которая знала лишь одно средство для достижения победы: атака, атака и ещё раз атака»¹²⁴. Русскому воину, участнику битвы при Нарве, стремительный напор шведов на русский вал вспоминался таким: «Наперед идут солдаты с фузеи, потом роты з длинными копья, а за ними конница; передняя роты приступным боем стреляют, по ним копья колют, конница рубит...»¹²⁵.

Итак, шведская тактика на поле боя была тактикой стремительного и решительного удара по противнику. Она опиралась на очень высокий боевой дух армии, мужество солдат. Высокое качество личного состава армии Карла XII в первый период Великой северной войны (до Полтавской баталии включительно) не вызывало сомнений у осведомлённых современников. На поле боя шведская пехота руководствовалась в первой половине войны уставным положением «Новый манер... боевых действий батальона» (1694). Суть шведской полевой тактики изложена в этом боевом уставе весьма кратко и ёмко: «Если командир батальона приказывает: „Готовься!“, то пикинёры поднимают свои пики, выдвигаясь вперёд, пока они не сблизятся с противником на 70 шагов. Как только будет командовано: „Две задние шеренги, изготовиться к бою!“, эти шеренги выдвигаются вперёд и сдваивают две передние шеренги. Как только две задние шеренги произвели выстрел, они обнажают шпаги. И как только две передние шеренги выдвинулись, две задние шеренги тесно смыкаются с тыла с двумя передними шеренгами, после чего весь батальон марширует таким образом сомкнутым

строем в глубину и в ширину рядами на противника, пока не сблизится с ним на 30 шагов. Тогда отдаётся команда: „Две передние шеренги, изготовиться к бою!“ Как только произведён выстрел, они обнажают шпаги и врываются в ряды противника»¹²⁶.

В чём конкретно можно усмотреть влияние шведского военного дела на Петра I?

Г. Артеус сделал важный вывод, что русская пехота в течение первых лет Великой северной войны «переучилась, овладев боевой практикой, совершенно похожей на шведскую»¹²⁷. Историк полагает, что «с 1708 г. в русской пехоте боевая тактика была типично наступательной»¹²⁸. Оба заключения учёного вызывают у автора книги решительное несогласие.

Как представляется, разработанная Петром I и внедрённая в войсковую практику тактика полевого сражения являла собой разительную противоположность шведской. В русском «Учреждении к бою по настоящему времени» (1708) в сжатом виде изложены рекомендуемые пехотинцам действия во время боя, в которых им следовало совершенствоваться. В этом полевом воинском уставе сказано, что уже освоивших основы военного дела старых солдат следовало учить вытягивать боевые линии, отступать и наступать, совершать повороты, охватывать фланги неприятеля, а также совершать манёвр выдвижения на помощь той части сил, которая оказалась в трудном положении. Показательно, с чего начат перечень необходимых солдатских умений на поле брани: «...надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать, то есть справною и неспешною стрельбою, добрым прицеливанием...»¹²⁹. Неспешная ружейная стрельба с тщательным прицеливанием построившихся в линию солдат несовместима со стремительным приближением к противнику с целью последующей рукопашной схватки. Примечательно, что в «Учреждении к бою по настоящему времени» было предусмотрено обучение не только наступлению, но и отступлению.

Иными словами, если шведской пехоте следовало быстро приблизиться к противнику и каждый пехотинец, сделав всего один выстрел, должен был ворваться с холодным оружием в ряды противника, то, напротив, внедрённая русским царём ко времени Полтавской битвы тактика делала упор на огневом бое — прицельной стрельбе из фузей, маневрировании на поле сражения. Об обучении приёмам рукопашной схватки в русском «Учреждении к бою по настоящему времени» ничего вообще не сказано.

По свежим впечатлениям от баталии при Лесной в 1708 г. были написаны Петром I «Правила сражения» — другое уставное военно-полевое положение русской армии. Царь возвращался к тексту этой инструкции, правил её, делал приписки. Что же говорится в ней о тактике русской пехоты?

Задачей пехоты опять-таки называется, во-первых, нечастая и как можно более прицельная стрельба («инфантерии надобно нечасто стрелять... дабы лутче высматреть и челнее стрелять возможно было») ¹³⁰. Царь утверждал, что когда пехота «выстрелов своих бережет... то кавалерия на нее наступать не смеет, и токмо надобно ружье показать, чтоб кавалерию от себя удержать» ¹³¹. Предусматривался вид действий российской пехоты, когда она бы не наступала, но «твердо стояла» ¹³².

Во-вторых, в случае наступления на неприятеля важнейшей задачей пехоты было вывести из строя пушки противника. Для этого предлагалось несколько способов. Можно было послать отдельные отряды для истребления орудийной прислуги и лошадей для перевозки орудий. В случае оставления противником пушек следовало их немедленно, «не теряя ни мгновения ока», захватить. Если же от орудийного огня неприятеля пехота претерпевала «великой урон», то нужно было «прямо маршировать на оныя» пушки, «ибо коль ближе к пушкам, толь меньше вреду и опасности от них» ¹³³.

В-третьих, Пётр I (в отличие от каролинцев) придавал огромное значение усилению действий пехоты огнём артиллерии. Из промежутков в боевой линии пехоты должны были вести огонь картечью 3-фунтовые полковые пушки ¹³⁴. «На высоких местах» следовало разместить полевые пушки 12- и 6-фунтовых калибров, «и из оных, сколько возможно, по неприятелю стрелять», естественно, через головы наступающих войск. По мере продвижения войск вперёд полковник от полевой артиллерии должен был следить за соответствующим перемещением вслед за наступающими полками артиллерийских орудий крупных калибров ¹³⁵.

В-четвёртых, русский монарх требовал, чтобы в случае бегства части нижних чинов генералам и офицерам следовало «остатца при тех, кои устоят, хотя конныя при пехоте или пехотныя при коннице» ¹³⁶.

Свойственными тактике каролинской конницы чертами в первой половине Великой северной войны Г. Артеус называет, во-первых, её атаку лишь со шпагами в руках без какой-либо стрельбы вплоть до сшибки с кавалерией неприятеля. Во-вторых, шведские

кавалерийские атаки проводились в высоком темпе — рысью, переходящей в галоп на её заключительной фазе. В-третьих, это чрезвычайно плотное, не распространённое в Европе того времени построение боевой линии «колени в колени» ¹³⁷.

Приоритеты для русской драгунской конницы были расставлены Петром I совсем по-другому. В инструкции, написанной царём для Б.П. Шереметева 1 августа 1705 г., говорится: «Сказать всем под смертью, чтоб по тем „Статьям“ делали, каковы даны 703 году, когда шли на Крониорта; також отнюдь бы не скакать за неприятелем, хотя оной бежать будет, но шагом или по нужде малой грудью. Ритер» ¹³⁸. Итак, перед сражением с генерал-майором А. Крунийортом, произошедшим 7 июля 1703 г. к северу от Санкт-Петербурга у реки Сестры, в котором царь командовал двумя полками гвардии и четырьмя полками драгун, им были написаны «Статьи» — военно-полевой устав. «Статьи» 1703 г. донныне не обнаружены в архивах. Однако из процитированного письма Б.П. Шереметеву ясно, что тактика для русской кавалерии в нём рекомендовалась отнюдь не шведская. Атаковать шведов русской коннице (под угрозой смертной казни в случае нарушения!) в 1703-м и 1705 г. следовало шагом (!), при крайней необходимости — лёгкой рысью («малой грудью»); атака галопом запрещалась. Следовательно, главным, в понимании царя, ключом к успеху для конницы было сохранение строя в линейном порядке.

По «Правилам сражения» 1708 г. Пётр I давал кавалерии такие установки. Коннице необходимо было поддерживать собственную пехоту, стремиться от неё не отрываться. Неприятеля не нужно было преследовать «с излишнею горячестию» и «гораздо далеко». Кавалерии предписывалось стараться выполнить высокоэффективный манёвр: неприятельскую пехоту «с тылу или со фланка атаковать» ¹³⁹. Прежде всего царь был озабочен (как и в 1703-м, и в 1705 г.) тем, чтобы русская драгунская конница сохраняла во время сражения боевой строй: «И сие есть дело такой важности, что не можно одного довольно явственно кавалерии изобразить, ни довольно рекомендовать» ¹⁴⁰.

Таким образом, царь попытался свести к минимуму действенность наступательной тактики шведской пехоты и конницы не перениманием манеры действий противника на поле брани, но противопоставив ей собственную манеру полевого сражения, столь противоположную тактике противника.

Во-первых, тактика полевого сражения, внедрённая Петром I в русские войска, на взгляд автора, учитывала слабые и сильные сто-

роны русских воинов того времени. Автор аналитического сочинения о России Петра I швед Л.Ю. Эренмальм, имевший большую свободу во время пребывания в русском плену (1710–1714) и самый широкий круг общения, писал (1714), что русский солдат не является «истинным храбрецом» от рождения и только постепенно приобщается к храброму поведению. Он утверждал, что особенно это применимо к пехотинцам, а «шведы, для которых храбрость является врождённым качеством и которые считают её присущей только им, должны признать, что они никогда не предполагали русских способными на столь большие успехи в обучении солдатского сословия. В этом шведам неоднократно довелось с ущербом [для себя] убедиться»¹⁴¹.

Ч. Уитворт в депеше из Москвы от 17(28) сентября 1708 г. отметил как сильные, так и слабые стороны русских нижних чинов: «Армия <...> составлена из здоровых, статных, хорошо обученных молодцов и очень изменилась со времени последней кампании в Польше; многие полки будут, несомненно, драться хорошо, когда придётся. Но <...> раз рассеянные, они не умеют снова собраться в строй и дерутся, только пока держатся вместе. Ободренные последними успехами, они, вероятно, атакуют бодро и горячо, но поддержать постоянный напор они не способны. Потерпи они раз чувствительное поражение, вряд ли их удастся собрать и выстроить снова...»¹⁴². Другой англичанин, бывший офицер российского флота, Д. Ден, написал в 1723 г., что русский солдат имеет «добрую славу более при действии из засад или при обороне местности, где он может скрытно лежать, чем в сражении в открытом поле»¹⁴³.

Во-вторых, царь создавал такую тактику, которая была бы эффективной на полях сражений именно против шведов, учитывала особенности их манеры боевых действий. Тактика Петра Великого исходила из хорошо изученных царём особенностей полководческого стиля Карла XII и его учителя, а в дальнейшем правой руки на полях сражений К.Г. Рёншильда. Особенности стиля этих двух выдающихся полководцев только тогда могли стать их слабостями, если бы против них была применена действенная система контрмер. В противном случае присущие их тактике черты являли собой сильные стороны каролинской армии.

Шведское влияние и в данном случае было мощным, но, так сказать, от обратного, то есть Пётр I избегал в данной сфере прямого подражания, заимствований и противопоставил тактике Карла XII

созданную им самим тактику, столь не похожую на шведскую. С другой стороны, тактика Петра Великого исходила из особенностей русских солдат того времени, подчёркивала их сильные стороны и сглаживала недостатки. По мысли автора, Пётр I в наиболее ярком виде применил свою тактику в знаменитой битве под Полтавой.

В чём же существо тактики полевого сражения, которую Пётр I разработал для сокрушения военного могущества шведов в полевых баталиях? Какими способами царь сумел обратить ряд своеобразных черт полководческого искусства Карла XII и К.Г. Рёншильда в слабости?

Во-первых, русский монарх явно стремился по возможности не допустить шведов довести свою первую стремительную атаку до решающей стадии боя холодным оружием. Он предполагал самым серьёзным образом ослаблять эту атаку с помощью такого средства, которое каролинцы явно недооценивали, — с помощью мощного артиллерийского огня.

Во-вторых, самая существенная роль во всех намечаемых Петром I вариантах баталии у Полтавы отводилась полевым укреплениям (ретраншемент, редуты). Как стремился показать автор в своих работах, на шведов надвигалась накануне баталии при Полтаве именно «наступающая крепость»¹⁴⁴. Нет ни одного историка, серьёзно изучавшего битву 27 июня 1709 г., который бы отрицал большое значение земляных укреплений россиян в достижении столь впечатляющей победы над образцовым шведским воинством в Полтавской битве.

В-третьих, важной составной частью тактики Петра I, которую он счёл нужным противопоставить шведам, являлось его неизменное стремление создать над неприятельскими войсками превосходство в численности личного состава. Царь желал во всех крупных боевых столкновениях иметь преимущество в числе ружейных (и орудийных) стволов. В день решающей Полтавской битвы Пётр I последовательно и с неизменным успехом реализовал названный подход. Достигнутый Петром I численный перевес в пехоте и коннице позволил одержать победу с огромным запасом прочности и малыми потерями. Количественное превосходство дало возможность царю создать более плотную и протяжённую боевую линию на решающей фазе баталии.

В-четвёртых, неизменное личное участие Карла XII в полевых сражениях, которые завершались для шведов победами, послужило

примером и уроком для русского монарха. В битве при Нарве 1700 г. Пётр I не счёл необходимым участвовать. Тогда он имел скромное воинское звание бомбардира Бомбардирской роты Преображенского полка и доверил командование полководцам. Как выяснилось, деятельное участие монарха в сражениях существенно повышало боевой дух войск. Накануне Полтавской битвы царь, учтя отрицательный опыт Нарвской битвы, специально объезжал войска, обращался к воинам со словами ободрения. В решающий час Полтавской баталии Пётр I был в гуще сражавшихся, вдохновляя своим присутствием и, возможно, возгласами солдат первой линии русской пехоты.

Русская сторона обращала внимание и на материальную часть войск государства, с которым пришлось выдержать столь продолжительную войну. Можно выявить примеры некоторых заимствований в этой области в дополтавский период. Два примера такого рода обнаружены в делопроизводстве Приказа артиллерии.

13 июня 1705 г. служивший в Приказе артиллерии дьяк Н.П. Павлов писал (уже повторно) начальнику этого ведомства генерал-майору от артиллерии Я.В. Брюсу из Москвы в Полоцк об «обрасцовой большой телеге, которая зделана с швецкой телеги». По его словам, её изготовление обошлось в 29 руб. 30 коп. Н.П. Павлов спрашивал у Я.В. Брюса, для изготовления скольких телег такой конструкции нужно готовить материалы и какое количество телег следует сделать¹⁴⁵. Впрочем, остаётся неизвестным, началось ли изготовление для русской армии телег по армейскому шведскому образцу. 23 июня 1705 г. в Полоцке Я.В. Брюс наложил резолюцию: «О телегах поумедлить»¹⁴⁶, и в Приказе артиллерии констатировали: «В почте июля 3-го дня писано, что до указу не делать»¹⁴⁷. Образцовый чертёж 1710 г. российской фурманской повозки (с указанием её размеров) есть в архиве¹⁴⁸. Для ответа на поставленный вопрос остаётся сопоставить её размеры с теми, которые имели повозки армии Карла XII.

Другой пример касается конкретного влияния материальной части шведской артиллерии на русскую. Об этом факте есть сведения в письме Я.В. Брюса Н.П. Павлову в Москву от 7 февраля 1707 г. По словам Я.В. Брюса, капитан артиллерии В.Д. Корчмин передал князю Ф.Ю. Ромодановскому, обеспечивавшему из Москвы поставки в действующую армию необходимых припасов для артиллерии, устное распоряжение царя. Оно касалось вопроса о том, какие изго-

тавливать колёса к станкам, на которых крепились артиллерийские орудия. Как сообщал Я.В. Брюс, Пётр I указал, «чтоб колеса под те станки делать самым добрым мастерством против шведского обрасца»¹⁴⁹. В.Д. Корчмин вручил Ф.Ю. Ромодановскому чертежи, по которым следовало изготавливать колёса для орудий 24-х, 18-ти, 12-ти, 8-ми, 6-ти и 3-фунтовых калибров. Речь, следовательно, шла о замене колёс у всех основных калибров артиллерии в действующей армии. Когда писалось упомянутое письмо Я.В. Брюса, на Московском пушечном дворе уже началось изготовление, согласно присланным чертежам, колёс для полковых орудий 3-фунтового калибра¹⁵⁰.

Можно констатировать, что Пётр I внимательно изучал как тактику военных действий шведской армии, так и её материальную часть. Это изучение носило критический характер. Царь желал позаимствовать и применить в русской армии только тот шведский опыт, который подходил к условиям России. Что касается шведской тактики военных действий, то русский монарх не считал полезным в большинстве случаев подражать шведам. Он выработал собственную тактику — «науку побеждать» императора Петра Великого. С одной стороны, она учитывала свойства русской пехоты и драгун того времени, а с другой — те черты шведской манеры военных действий, которые предстояло нейтрализовать или обратить в слабость на полях сражений.

КАЧЕСТВО ЛИЧНОГО СОСТАВА РОССИЙСКИХ ВОЙСК

Успех или неудача в грядущей генеральной битве определялись не столько численностью войск противоборствующих сторон, сколько качеством личного состава. «Конфузия» русской армии в генеральной баталии под Нарвой в 1700 г. показала — одержать с такими вооружёнными силами победу в войне с отлично обученной мужественной армией Шведского королевства она не в состоянии. Конное дворянское ополчение (6600 всадников) пустилось при Нарве в безудержное бегство от одного вида шведов. Приблизительно тысяча дворян нашла тогда позорную смерть, утонув в стремительных и глубоких водах реки Наровы. Русский публицист Петровского времени И.Т. Посошков откровенно написал об этом служебном нерадении дворянства в «Доношении о ратном поведении». Оно

было написано под свежим впечатлением от разгрома русских войск при Нарве на рубеже 1700–1701 гг. По его словам, многие дворяне «попечения о том не имеют, чтоб неприятеля убить, о том лиш печетца, как бы домой быть <...> И на службе того и смотрят, чтоб где во время бою за кустик притулитца. А иные... и целыми ротами притуляются в лес или в долу, да того и смотрят, как пойдут ратные люди з бою, и они такожде будто з бою в табор приедут. А то я у многих дворян слышал: „Дай де Бог великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать“. И по таким их делам и по всем их поступкам, не воины они, лучши им дома сидеть, а той нечего и славы чинить, что на службу ходить»¹⁵¹. Общая оценка дворянской конницы в 1700 г. уместилась в нескольких строках: «А естли на конницу посмотреть, то не то, что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно, вначале у них клячи худые, сабли тупые, сами нужны и безодежны, и ружьем владеть никаким неумелые... иной дворянин и зарядить пищали не умеет...»¹⁵².

Относительно пехотинцев И. Т. Посошков замечал, что даже лучшая пехота из Преображенского и Семёновского полков вела в Нарвской битве малорезультативную стрельбу. Солдаты сделали по 20 и более выстрелов, но при этом «убитых шведов мало явилось»¹⁵³. Публицист полагал (заметим, весьма наивно), что если бы тысяча солдат повалила с одного выстрела 500–600 человек, то «каков бы ни был неприятель жесток, умякнул бы, и нехотя, рожу свою отворотил вспять»¹⁵⁴.

В конце войны царь оценил поражение при Нарве как стихийный диалектик: «...ныне, когда о том подумать, воистину не гнев, но милость божию исповедати долженствуем, ибо ежели б нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискустве во всех делах <...> то в какую б беду нас оное щастие вринуть могло. Которое оных же шведов, уже так давно во всем обученных и славных в Европе <...> под Полтавою так жестоко низринуло, что всю их максимум низ к верху обратило»¹⁵⁵.

Между двумя генеральными баталиями, между двумя битвами русской и шведской армий, при Нарве и при Полтаве, прошло почти девять лет. Таков был временной разрыв между национальным унижением, позором и триумфом. Это время было отдано царём преобразованиям, неустанной работе над совершенствованием российских вооружённых сил. Совершенствовалось всё. Проходило перевооружение пехоты и конницы. Вырабатывалась новая тактика полевого

боя против шведов; велось обучение войск. Армия насыщалась опытными генералами и офицерским составом. Большое внимание уделялось развитию артиллерии: полковой, полевой, осадной.

Британский посланник в России Ч. Уитворт уделял в своих донесениях большое внимание состоянию российских вооружённых сил. Его донесения от года к году показывают уверенный рост боеспособности русских войск. 14 (25) марта 1705 г. он сообщал на родину из Москвы: «Пехота вообще обучена очень хорошо, и офицеры говорили мне, что не могут надивиться рвению простых солдат к делу с тех пор, как им выяснили лежащие на них обязанности. Оба гвардейские полка и Ингерманландский полк хорошо вооружены и хорошо одеты, а большая часть остальных полков довольно посредственно снабжена амуницией и огнестрельным оружием. Как бы то ни было, на всю эту армию можно смотреть покуда не иначе как на собрание рекрут, потому что большинство полков сформировано не более двух лет тому назад. Эта слабая сторона могла бы, конечно, в значительной степени восполниться способными офицерами, но как слышно, в них, особенно в генералах, чувствуется большой недостаток»¹⁵⁶.

13 (24) сентября того же 1705 г. Ч. Уитворт давал уже более высокую оценку боевых качеств русской пехоты, ссылаясь на мнение российского генерал-фельдмаршал-лейтенанта барона Г. Б. фон Огильви. Он писал из лагеря российских войск под Гродно: «Не могу достаточно выразить, как высоко Огильви ставит свою пехоту. Он считает, что она много лучше немецкой и не уступит пехоте какой бы то ни было нации. Вчера он повёз меня взглянуть на лагерь и, случайно встретив какой-то батальон, заставил его экзерцировать; все эволюции выполнены были очень отчётливо и ловко. Однако Огильви признаётся, что русское войско всё ещё не умеет делать больших передвижений. Когда по пути из Вильны оно двигалось двумя колоннами, генерал,

М. Бернигерот.
Портрет генерал-фельдмаршал-лейтенанта барона Г. Б. фон Огильви.
1706

в виде опыта, захотел построить их в боевой порядок — правое и левое крыло смешались, и ему стоило больших хлопот восстановить порядок, хотя о неприятеле и помину не было. Особенно ощущается недостаток в хороших офицерах, их очень мало»¹⁵⁷.

Высокую оценку русской пехоте дал датский посланник в России в 1705–1710 гг. Г. Грунд. Она содержится в его докладе о России (1710): «У простого солдата нет также недостатка в военном умении; он не только чрезвычайно хорош и искусен в обращении с оружием, очень хорошо выглядит и при весьма скудном питании, состоящем из сухарей и соли, способен совершать самые длинные пешие переходы... но уже привычен и к огню, и теперь расстроить порядки русских солдат стало куда труднее, чем прежде, когда их можно было перебить или связать словно овец»¹⁵⁸. Прибывший на место Г. Грунда посланник Ю. Юль в сентябре 1709 г. дал сходный отзыв о качествах русской пехоты. Нарвский обер-комендант К.А. Нарышкин пригласил его посмотреть на строевое и огневое учение одного батальона своего собственного полка. Вот записанные в его дневнике впечатления: «[Солдаты этого батальона] были обучены так же хорошо, как любой датский полк. Разница заключалась [разве] в том, что [все приёмы] они делали быстрее, чем наши солдаты, хотя делали [их] также одновременно. Стрельбу они равным образом производили отлично, подобно любому [иностранному] полку, как [общими?] залпами, так и повзводно»¹⁵⁹.

В качестве проблемы, с большим трудом решаемой русскими властями, Г. Грунд видел укомплектование войск достойными офицерами. По его мнению, «в пехоту и в кавалерию всегда трудно найти умелых офицеров из их народа, ибо русское дворянство, хотя гордо собой и довольно-таки высокомерно, но в душе не имеет истинного честолюбия и любви к войне, предпочитая... сидеть в имениях или же, скорее, подарками добиваться гражданской службы, нежели по собственной охоте сражаться за отечество»¹⁶⁰.

Вывод наблюдательного датского дипломата вполне согласуется с данными русских источников. Очевидно, у русского дворянства в Петровскую эпоху был широко распространён настрой как можно дольше оттягивать начало службы — отсиживаться в отеческих имениях. В.Н. Татищев (1686–1750), знаменитый в последующем историк, вместе с братом Иваном именно так и поступал. Чтобы скрыть собственное своевольное оттягивание момента вступления в воинскую службу в драгуны, своё «нетство», в 1705 г. в Разрядном

приказе «в допросе» братья приуменьшили свой возраст: Василий — на два года, Иван — на 4 года¹⁶¹! Исследователь А.В. Захаров, выявивший и изучивший эти нелестные подробности биографии великого русского историка, сделал вполне оправданный имеющимся материалом вывод. По его мысли, такие случаи, «по-видимому, были типичными и, во всяком случае, не исключительными для его сверстников»¹⁶². В «Духовной» сыну (1734) В.Н. Татищев упомянул об этой «философии» бездеятельного нерадения к службе русских дворян на рубеже XVII–XVIII веков. Такой подход к службе был вполне в духе известной пословицы: «Дают — бери, бьют — беги». В.Н. Татищев откровенно изложил отцовское наставление при отправлении его на службу: «Родитель мой в 1704-м году, отпуская меня с братом в службу, сие нам накрепко наставлял, чтобы мы... от... положенного на нас не отрицались, и ни на что сами не назывались...»¹⁶³. Сам Василий Никитич, пребывавший тогда в состоянии душевного кризиса, высказался насчёт подтверждения этой жизненной установки собственным и чужим опытом. Он написал прямо: «...когда я оное сохранил совершенно, и в тяжчайших трудностях благополучие видел; а когда чего прилежно искал или отрёкся, всегда о том сожалел, равно же и над другими то видел»¹⁶⁴.

Известные ему примеры злостных отсиживаний в имениях (полученных именно для обеспечения несения службы!) приводил публицист И.Т. Посошков. В «Книге о скудости и богатстве» (1724), написанной для Петра Великого, он, в частности, упоминал известного ему дворянина Ф.М. Пустошкина, который «уже состарелся, а на службе никакой и одною ногою не бывал». И.Т. Посошков в цвете и подробностях изложил его «историю»: «И какие посылки жестокие на него ни бывали, никто взять его не мог, оных дарами угобзит, а кого дарами угобзить не может, то притворит себе тяжкую болезнь или возложит на ся юродство и возгри по бород[е] попустит. И за таким его пронырством инии и з дороги отпускали, а егда из глаз у посыльщиков выедет, то и юродство свое отложит и, домов приехав, яко лев рыкает. И аще никаковые службы великому государю кроме огурства не показал, а соседи его боятца. Детей у него четыре сына выращены, и меньшому есть лет семнадцать, а по 719 год никто их в службу выслать не мог <...> и не токмо сей Пустошкин, но многое множество дворян веки свои проживают»¹⁶⁵.

Продолжая освещение проблем, связанных с комплектованием русской армии офицерами, трудно не упомянуть «случай», так

сказать, «вопиющего позора русского дворянства» — Ю.С. Дохтурова (1683 или 1685 — после 1746 г.). Он начал службу в качестве солдата корабельного флота только в возрасте 28 или 30-ти лет (1713)¹⁶⁶! В декабре 1721 г. Адмиралтейская коллегия определила дать ему (а он продолжал «служить» солдатом) отставку (!) по его прошению. Циничным условием крепостнического государства было заявлено: «...вместо ево принять людей ево десять человек добрых и в службу годных, також нестарых и неувечных»¹⁶⁷. Вопреки юридической норме «Морского устава», 8 марта 1724 г. Ю.С. Дохтуров, «живой укор дворянству», получил свидетельство Коллегии об отпуске из службы. В свидетельстве подтверждался приём от него 10 крепостных, зачисленных в матросы 2-й статьи¹⁶⁸. В последующем злостный бездельник Ю.С. Дохтуров, бывший солдат корабельного флота, «служил» воеводой (!) в нескольких провинциальных городах¹⁶⁹.

Об иноземных офицерах на русской службе Г. Грунд высказался тоже не без критического настроя: «С иностранными же офицерами бывает по-разному, так как большинство их вызывается ехать в Россию из необходимости, поскольку за границей они не могут остаться на службе; других привлекает туда жадность, ибо за границей им обещают много такого, чего потом могут и не выполнить. И все до сих пор требовали себе слишком высокие роли, обязанностей которых, по крайней мере поначалу, не понимали, вследствие чего было совершено много промахов, но милость Божия и счастье царя покамест предотвращали всё худое»¹⁷⁰.

Состоянию русской кавалерии иностранные дипломаты в России давали в те годы поразительно сходные оценки. Ч. Уитворт, давая характеристику русской армии в донесении от 14 (25) марта 1705 г., сообщил в Лондон следующее: «...здесь негде добыть рослых и сильных лошадей, потому в царской армии собственно кавалерии нет. Зато государь в последнее время сформировал 16 драгунских полков преимущественно из дворян и землевладельцев, которые обязаны отправлять службу как простые солдаты, но на собственный счёт. Они ездят на лёгких татарских лошадях и выдержали несколько удачных стычек со шведскими отрядами в Лифляндии; но сомнительно, чтобы в правильном бою они могли устоять против шведских кирасир, которые имеют значительное преимущество перед ними, так как снабжены и лучшими лошадьми, и лучшим оружием»¹⁷¹.

Г. Грунд дал краткую, но глубокую характеристику (1710): «Однако с правильным устройством кавалерии трудностей явно больше, так как все их лошади татарские и слишком горячи и дики, чтобы можно было, сидя на них, применять огнестрельное оружие, а саблём русские всегда предпочитают рубить, а не колоть, из-за чего шеренга раскрывается и эскадроны легко могут быть опрокинуты»¹⁷².

Те же сильные и слабые стороны, о которых упоминали цитированные выше иностранные дипломаты, увидел в русских войсках Петровской эпохи и ганноверский резидент немец Ф.Х. Вебер. Он отзывался о созданной при Петре Великом военной силе следующим образом (1720): «Русская пехота в настоящее время держится в строжайшей дисциплине и весьма порядочно выучена, хотя по ничтожности жалования русских офицеров она не стоит так высоко у царя, как в других странах. Русская пехота не уступит никакой другой, кавалерия же хотя также состоит из истинно достойных воинов, но в ней следовало бы кое-что изменить, при том же лошади в России малорослы, и русский человек никак не привыкнет настоящим образом блюсти и беречь своего коня»¹⁷³.

Лёгкая нерегулярная конница получила у Ч. Уитворта в марте 1705 г. такую оценку: «Что касается казаков, они несколько похожи на имперских гусар и скорее пригодны для секретов и перестрелок, чем для правильных военных действий. Из них одни вооружены коротенькими ржавыми ружьями, другие — луками и стрелами. Они обязаны являться на службу по призыву царя и в том количестве, в каком царь сочтёт нужным созвать их»¹⁷⁴. Упоминая о стрельбе из луков стрелами, Ч. Уитворт, надо полагать, обобщая, имел в виду не казаков, но конных калмыков и татар. Нерегулярная конница была исключительно полезна при разведке, нападениях на фуражиров, арьергардные команды и особенно при преследовании бегущего неприятеля. А.Д. Меншиков сообщил Ч. Уитворту в письме, что приданные его драгунским полкам калмыки и казаки «оказали большую помощь в преследовании» разбитого в сражении при Калише 18 октября 1706 г. шведско-польского войска¹⁷⁵.

Энергичные меры проводились по улучшению полковой и полковой (особый артиллерийский полк) артиллерии. Во главе артиллерийского ведомства был поставлен крупный учёный, уроженец России граф Я.В. Брюс (1670—1735). Проводившаяся работа не замедлила принести результаты. В 1705 г. генерал-фельдмаршал-

лейтенант Г.Б. фон Огильви давал высокий отзыв о навыках русских артиллеристов. Его слова передаёт Ч. Уитворт: «Артиллерия в настоящее время замечательно хорошо устроена, и генерал Огильви говорил мне, что ни у одного народа не встречал такого умения обходиться со своими пушками и мортирами, как прошлого года у русских под Нарвой»¹⁷⁶.

В Приложении к книге помещены два документа, дающие представление — какой личный состав армии успел подготовить, воспитать ко дню генеральной баталии при Полтаве русский монарх. Оба источника — это так называемые «сказки», официально данные военнослужащими, записанные с их слов рассказы о собственной службе «за Веру, Царя и Отечество». Они были получены весной 1720 г., в предпоследний год Великой северной войны. Первая из «сказок» (Прилож. № 4) принадлежит прапорщику Шлиссельбургского пехотного полка Мелентию Мелентьеву. Скупой на подробности источник даёт самое яркое впечатление о том, как ревностно он служил Отчизне. На службу он был взят из южнорусского Белевского уезда только в 1703 г. М. Мелентьев имел весьма невысокое сословное положение — «из людей боярских», то есть холопов помещика И.Р. Челюскина. Он даже не умел писать — «сказка» подписана по его просьбе товарищем по службе. В 1719 г. неграмотный доблестный воин получил чин прапорщика. Следовательно, ему удалось верной службой повысить свой сословный статус до дворянина.

На седьмом году службы, в год Полтавской битвы, М. Мелентьев имел богатый послужной список. Он брал приступом Нарву (1704), сражался при Мур-мызе с войсками генерал-майора А.Л. Лёвенгаупта (1705), был при осаде и взятии Митавы (1705), на баталии под местечком Добрым (1708). В день Полтавской битвы он, тогда сержант Шлиссельбургского полка, в час решительной сшибки двух армий был «наперед перед фрунтом» и сумел захватить трофеи: три шведских знамени «с пушки»! В последующие годы ему довелось осаждать Ригу (1710), участвовать в сложнейшем Прутском походе (1711) и даже штурмовать шведский фрегат «Элефант» во время славной морской баталии при Гангуте (1714)!

Следующий пример связан с воином Петровской армии, который и фамилию носил соответствующую его доблестному воинскому поведению — Орлов Григорий Иванович. Он, кстати, — отец пятерых братьев Орловых, оставивших столь заметный след в исто-

рии России осмнадцатого столетия. «Сказку» он давал в 1720 г. в качестве подполковника Ингерманландского пехотного полка, входившего в состав гвардейской бригады — гордости, чести и славы Российской армии, в которую входили также Преображенский, Семёновский и Астраханский полки. Начал же он службу в 1698 г. на Днестре в походе против крымских татар. Ко дню Полтавской битвы Г.И. Орлов уже участвовал в десяти боевых «акциях», из которых две были связаны с захватом языков, и в одной генеральной битве. Он успел послужить и драгуном, и конным гренадером. Накануне же Полтавской битвы в июне 1709 г. он был определён майором в Ингерманландский пехотный полк — отборную воинскую часть, в которую, кстати, брали наиболее рослых, сильных и видных мужчин. Во второй половине войны боевой путь Г.И. Орлова был не менее славным, чем в первой (Прилож. № 5).

Как видно, эти взятые для примера два воина армии Петра Великого, один из холопов, другой из дворян, не бежали от службы Отечеству, не смотрели «на службе того... чтоб где во время бою за кустик притулитца» (слова И.Т. Посошкова). На поле брани с непобедимой дотоле главной армией Карла XII они были в первой боевой линии и даже ближе к врагу (М. Мелентьев). Таких-то людей подготовил царь ко дню генеральной баталии. Произошедшая трансформация не осталась незамеченной современниками. Британский осведомитель при шведской армии капитан Д. Джеффрис после баталии при Добром пришёл к выводу о новом качестве русской армии. Он написал тогда в Лондон: «Шведы теперь знают, что московиты гораздо лучше усвоили их уроки... и что они сравнялись с саксонцами, если не превосходят их, как дисциплиной, так и доблестью; хотя их кавалерия не способна справиться с нашей, но их пехота твёрдо стоит на своих позициях»¹⁷⁷.

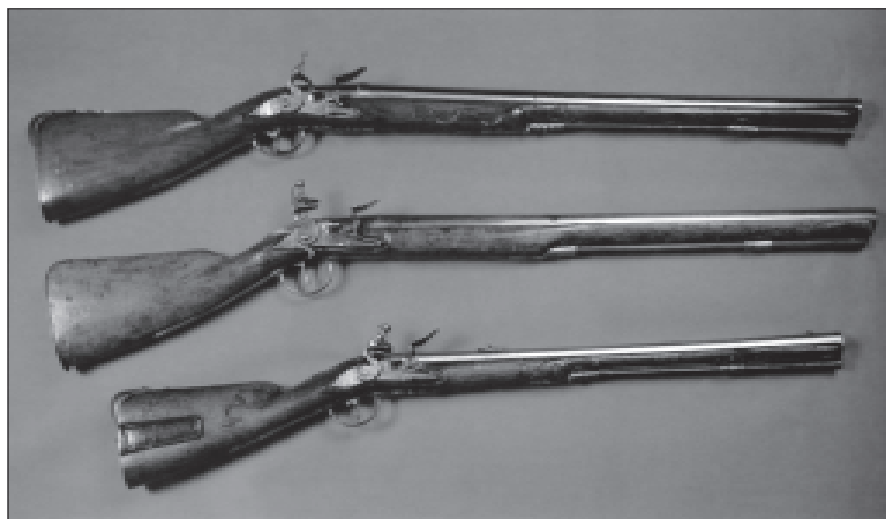
Последние сведения о состоянии русской армии перед решающей битвой войны Ч. Уитворт, внимательно отслеживавший ситуацию с российскими вооружёнными силами по долгу службы, отправил из Москвы в Лондон 15 (26) июня 1709 г. Полученная им информация пропитана духом подготовки к генеральной баталии: «Царь, возвратясь в армию 3-го июня, нашёл её в полном составе и в очень хорошем виде. Его Величество сам писал сюда, что решился дать шведам генеральное сражение, может быть, уже в этом месяце; надлежащие приготовления к этому решительному делу совершаются с большим усердием»¹⁷⁸.

ВООРУЖЕНИЕ РУССКОЙ И ШВЕДСКОЙ ПЕХОТЫ И КОННИЦЫ, СОСТОЯНИЕ АРТИЛЛЕРИИ

Огромную роль в достижении победы, конечно, должно было сыграть вооружение, имевшееся у российских войск: пехоты, кавалерии и артиллерии.

Начало XVIII столетия, время господства линейной тактики, всё ещё являлось временем приблизительно одинаковой боевой ценности ручного огнестрельного и холодного («студеного») оружия. Гладкоствольные ружья, составлявшие основную часть вооружения пехоты регулярных армий Европы, характеризовались малой дальностью полёта пули, низкой кучностью прицельной стрельбы и небольшой скорострельностью. Вследствие этого значимость холодного оружия, как сказано, была в этот период исключительно высокой.

Прояснить вопрос о вооружении пехотных и драгунских полков позволяют данные полковых архивов о наличии, поступлении и выбытии вооружения. Основная масса полковых архивов русской полевой армии была сожжена или брошена по приказу командования во время Прутского похода, поэтому сведения о периоде до 1711 г. сохранились фрагментарно. Особенно интересен вопрос о наличии в пехотных полках багинетов и штыков. Дело в том, что багинет — длинный и широкий нож с односторонним лезвием и рукояткой — перед рукопашной схваткой вставлялся в дуло, в итоге

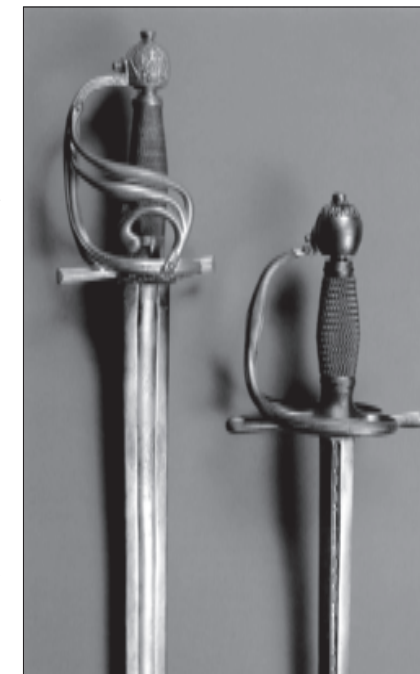

Русские фузея, штуцер и ружьё. 1712, 1713, 1717
ГЭ

чего зарядить фузею снова и продолжать стрельбу оказывалось невозможным. Штык в отличие от багинета не вставлялся в дуло, крепился в передней части фузеи с помощью имевшегося в его основании кольца. Штык имел, таким образом, некоторое преимущество перед багинетом в рукопашном бою. Внедрение в европейские армии штыка вместо багинета — элемент прогресса европейского военного дела. Считается, что ранее всего в Европе копья (пики) были заменены багинетами в имперской армии в 1687—1689 гг. К началу войны за Испанское наследство (1702) багинеты стали стандартной частью экипировки во всех европейских армиях¹⁷⁹.

Принципиален вопрос — успели ли перевооружить штыками вместо багинетов русские войска, сражавшиеся в Полтавской битве? В русской «Обстоятельной реляции» о Полтавской битве сказано, что преследуемые русскими пехотинцами шведы были «от наших шпагами и багинетами колоты». Генерал Л.-Н. де Алларт писал сразу же после битвы (29 июня 1709 г.), что солдаты его дивизии на решающей фазе баталии теснили шведскую пехоту «с багинетами» (mit den bajonetten)¹⁸⁰.

Итак, обратимся к разрозненным, но надёжным статистическим данным полковых архивов. Сформированные на рубеже веков солдатские полки, можно полагать, все вооружались фузеями с багинетами. Иногда даже вместо багинета на вооружение поступал носившийся отдельно от фузеи тесак. Так, в 1700 г. в Пермский пехотный полк поступило 1000 фузей, 841 багинет и тесак¹⁸¹. Или: в Троицкий полк при его создании (1700) поставили 1200 фузей и столько же багинетов. В последующие годы в полк поставлялись фузеи с багинетами. В 1709 г. зафиксирован приход 363 фузей со штыками¹⁸², но в том году после Полтавской битвы происходило массовое распределение трофейного шведского оружия по полкам. Весьма вероятно, что это могли быть фузеи со штыками, доставшиеся от шведов уже после баталии.

Русский палаш, русская офицерская шпага. 1715, 1711
ГЭ

Когда же началось, как шло и когда завершилось перевооружение русской полевой армии штыками?

Начать ответ на этот вопрос можно с имеющихся примеров по перевооружению штыками отдельных полков. Так, в Санкт-Петербургском полку, набранном в 1703 г., в том году на 716 фузеев было 705 багинетов, но уже и 9 штыков. Получение 339 штыков зафиксировано только в 1708 г.; в 1709-м — ещё 369, в 1710-м — 108, в 1711-м — 539¹⁸³. Перевооружение полка штыками, можно считать, завершилось в 1711 г.

Азовский полк снабдили фузеями со штыками единовременно — в 1704 г. Тогда в полк поставили сразу же 1143 фузеи¹⁸⁴.

Ярославский полк получил первую партию фузеев со штыками (248 шт.) в том же 1704 г. Процесс вытеснения багинетов штыками в полку завершился в 1709 г. Поступление штыков в полк шло постепенно: в 1705 г. — 59, в 1707-м — 56, в 1709-м — 770. В последующие годы, очевидно, фузеи поступали для замены вышедших из строя и утерянных: 22 — в 1710-м, 60 — в 1711 г.¹⁸⁵

В Галицкий полк в первый раз доставили штыки (200 шт.) в 1706 г., но тогда поступило и 93 багинета. В следующем 1707 г. в полк прибыло ещё 990 штыков¹⁸⁶. Таким образом, перевооружение этого полка штыками было завершено в 1707 г.

Первый гренадерский полк был вооружён фузеями со штыками уже при создании в 1708 г. Полк изначально получил 961 фузею со штыками, 1001 шпагу и 937 гренадерских сум (для гранат)¹⁸⁷.

По имеющимся неполным сведениям только в Новгородском пехотном полку в 1711 г. оставались на вооружении багинеты (866 багинетов на 1018 фузеев)¹⁸⁸.

Сохранившиеся статистические сведения по нескольким пехотным полкам за 1711 г. показывают, что только в тот год перевооружение полевой армии штыками для фузеев в принципе завершилось. Среди полков, участвовавших в Полтавской битве, по которым есть сведения, в том году только фузеи со штыками (иногда и несколько штуцеров) были в 11-ти полках. Это Белгородский, Бутырский, Вологодский, Ингерманландский, Казанский, Киевский, Копорский, Московский, Нарвский, Нижегородский и Ренцелев полки. Следовательно, в Полтавской битве русские пехотинцы одержали победу, имея ещё главным образом багинеты; процесс замены багинетов штыками тогда не был завершён¹⁸⁹.

Следовательно, внедрённое в историографию мнение, что в русской армии «в 1709 году был введён трёхгранный штык с труб-

кою»¹⁹⁰, нуждается в уточнении, согласно имеющимся документам. Штыки стали внедряться в российских войсках не позднее 1703 г. Некоторые полки были полностью вооружены штыками ещё до 1709 г. Ко времени же Полтавской битвы, насколько можно судить по имеющимся материалам, в пехоте по-прежнему преобладали багинеты, но в 1711 г. переход на штыки в полевой армии в принципе был завершён.

Чтобы представить вооружение боевых частей приближённо к реальной картине, полезно привести имеющуюся статистику наличия оружия в нескольких полках, участвовавших в битве 27 июня 1709 г. (но на 1711 г.).

Так, в Ингерманландском полку имелось 1594 фузеи, 905 штыков, 906 шпаг с железными эфесами и 505 — с медными¹⁹¹; в Бутырском — 1079 фузеев, 816 штыков, 600 «новых штыков без трубок», 52 пистолета, 1107 шпаг и 64 алебарды¹⁹². В Казанском полку состояло на вооружении 847 фузеев, 727 штыков, 62 пистолета, 8 штуцеров, 799 шпаг, 48 капральских копий и 16 алебард¹⁹³. Белгородский пехотный полк защищал во время битвы редуты. В 1711 г. его воины имели 604 фузеи, 604 штыка, 8 штуцеров, 72 пистолета, 443 шпаги, 16 алебард, 8 подпрапорщичьих копий¹⁹⁴.

Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что подавляющее большинство рядового состава российской пехоты полевой армии имело на вооружении в год Полтавской победы гладкоствольные ружья с кремнёвыми замками — фузеи с багинетами или реже со штыками, в единичных случаях нарезные ружья — штуцеры; из холодного оружия — шпаги; меньшая часть нижнего состава пехоты — капральские копья. Гренадеры, помимо фузеев и шпаг, вооружались ручными гранатами. Капралы имели вместо фузеев короткие полупики, подпрапорщики — алебарды. Офицерское вооружение, кроме шпаги, включало пистолеты. Солдатские фузеи имели калибр 19,8 мм, длину 1,42 м, вес около 5,2 кг. Пули были круглые, свинцовые; весили примерно 34 г. Для стрельбы использовались бумажные патроны с зарядом пороха (ок. 13 г). Дальность стрельбы равнялась 300 шагам (225 м)¹⁹⁵. Дальность полёта пули во многом определялась плотностью её забивания в дуло. Скорострельность в боевых условиях — приближённо один выстрел в 2 минуты. Офицерские шпаги имели общую длину 85–91 см, клинки — 71–75 см; шпаги гвардейских офицеров — 1,2 м, клинки — 1,01 м (образцы 1711–1712).

Чем была вооружена в час битвы российская регулярная конница (драгуны и конные гренадеры)?

Наиболее полные и достоверные сведения можно извлечь опять-таки из статистики полковых канцелярий. Такие материалы, сохранившиеся в бóльшем или меньшем объёме, введены в научное обращение для предполтавских лет по 16-ти полкам и «шквadroнам»¹⁹⁶ из 29-ти, принимавших реальное участие в битве. Ещё по одному драгунскому и трём конно-гренадерским полкам есть данные за 1709 г.¹⁹⁷, но нет ясности, положение до или после баталии они характеризуют. Иными словами, налицо богатый комплекс источников.

Названные материалы показывают, что драгуны имели на вооружении по фузее, в большом числе случаев — по паре пистолетов. Поставки в полки фузей со штыками до 1709 г. включительно были нечастым явлением. Так, в Вятский полк в 1707 г. поступили 110 штыков для гренадер¹⁹⁸, в Астраханский полк в 1708-м — 110 штыков¹⁹⁹, в Тверской в 1708-м — 80, во Владимирский в 1709-м — 89²⁰⁰.

Редким исключением в драгунских полках были карабины — укороченные фузеи, изготавливавшиеся специально для удобства стрельбы с коня. В Новгородский полк в 1706 г. поступили 8 карабинов, в Троицкий в том же году — 12, в Вятский полк в 1707-м — 71, во Владимирский полк в 1709-м — 6²⁰¹.

Из холодного оружия у драгун обязательно имелось по палашу, реже — по шпаге. Случаи использования сабель были единичны. Одна сабля поступила в Новгородский драгунский полк в 1705 г., две сабли — в 1706-м²⁰². Первоначально целиком вооружённый саблями Троицкий полк, набранный в 1701 г. в Поволжье из дворянских детей, в 1705-м получил 749 палашей, в 1707-м — ещё 300 палашей и 129 шпаг, то есть перевооружение состоялось²⁰³.

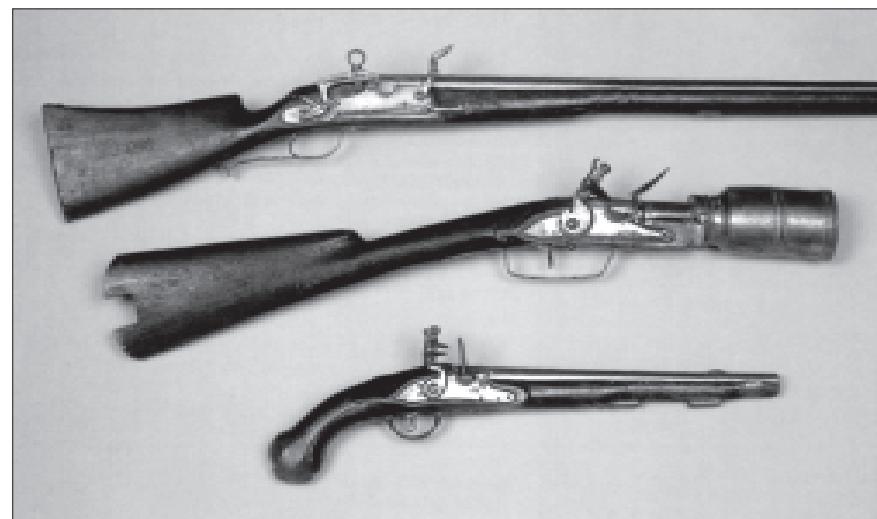
Полковая документация отмечает наличие в ряде полков и копий. Так, можно

Шведские палаш драгунский и шпага кавалерийская. Начало XVIII в. ГЭ

думать, что в Вятском, Невском и Тверском полках все драгуны имели по копьё — в 1707 г. в каждый полк поставили по 1000 копий. В Нижегородский полк доставили в 1706 г. 186 копий; в Новгородский полк в 1706 г. — 187, в 1707-м — ещё 100; в Тверской в 1706 г. — 187, в 1707-м — 1000, но в следующем году убыло 732 копия, а в 1709-м — убыло ещё 8. В Троицкий полк в 1707 г. доставили 1000 копий, в Сибирский — 260²⁰⁴.

Что называется «до зубов» были вооружены конные гренадеры, три полка которых принимали участие в Полтавской баталии. В конно-гренадерском полку Г.С. Кропотова в 1709 г. было следующее вооружение (конечно, часть хранилась в обозе): 1808 фузей (и 158 штыков), 1169 пар пистолетов, 751 палаш, 166 шпаг и 4 ручных конно-вьючных мортирки для стрельбы гранатами. У гренадеров имелось 712 гренадерских сум²⁰⁵, в которых, понятно, хранились гранаты, которые отважные люди бросали с близкого расстояния рукой. На вооружении другого конно-гренадерского полка (после баталии возглавленного полковником С.Т. Хлоповым) до битвы в 1709 г. числились 891 фузея (и 483 штыка), 689 пар пистолетов, 979 палашей и шпаг, 12 ручных мортирок, 784 гренадерских сумы — косвенный признак наличия гранат²⁰⁶. Вооружение конно-гренадерского полка К.К. фон дер Роппа известно для 1711 г.: 796 фузей (и 92 штыка), 522 пары пистолетов, 713 палашей и шпаг, 540 гренадерских сумок с гранатами²⁰⁷.

Шведская фузея, русские ручная мортира и пистолет с кремнёвым замком. Начало XVIII в. ГЭ

Таким образом, гренадеры имели единообразный набор оружия: фузея (иногда со штыком), пара пистолетов, палаш (реже шпага), сумка с ручными гранатами. Было небольшое число ручных мортирок.

В сражении при Калише (18.10.1706) имевшиеся в русских драгунских полках ручные мортиры, перевозившиеся конно-вьючным способом, сыграли выдающуюся роль в достижении победы²⁰⁸. Велика роль этого вида ручного оружия драгунских и конно-гренадерских полков была и в получении Полтавской виктории.

Составить представление о наличии ручных мортир в драгунских и конно-гренадерских полках позволяют списки личного состава, вооружения и обмундирования в 1709 г. Приведу данные только по полкам, участвовавшим в битве под Полтавой. В Московском драгунском полку на 937 капралов и драгун — «мартир 4, мартирных седел 5, мартирных сум 4»²⁰⁹. Во Владимирском драгунском полку было на 27 марта 1709 г. по 6 мортир в чехлах, «мартирных» седел и сум, на 1 и 27 мая того года — «мартир конных 6»²¹⁰. В Первом конно-гренадерском полку имелось в январе 1709 г. «мартир 4», во Втором Г.С. Кропотова в марте 1709 г. — «мартир 7», но на 1 мая 1709 г. — уже 40²¹¹. Последнее число исключает возможное предположение, что речь в первом случае («мартир 7») могла идти не о ручных мортирах (ручницы), но о пушках-мортирах, которые могли вести стрельбу 3-фунтовыми ядрами, картечью и 6-фунтовыми гранатами. В Троицком драгунском полку было на 3 июня 1709 г. «мартир с седлы 10»²¹². Новгородский драгунский полк имел на 11 февраля 1709 г. «мартирцов 12»²¹³; Астраханский на 7 мая 1709 г. — «мартир 9, седел мартирных 9, сум мартирных 9»²¹⁴; Смоленский на 6 февраля 1709 г. — «мартирцов 10... седел мартирных 11, сум мартирных 6»²¹⁵. Приведённые выше скудные известия источников в совокупности ясно показывают, что речь в списках идёт именно о ручных мортирках, но не об артиллерийских орудиях. Наличие в Московском драгунском полку двух «пушек на станках» отмечено в изученной совокупности списков особо²¹⁶.

В полках имелись на вооружении 3-фунтовые пушки, то есть ядро весило три фунта. Эти артиллерийские орудия обладали высокой подвижностью и скорострельностью. Калибр русской полковой артиллерии составлял три дюйма; длина ствола медных пушек была равна 17 калибрам, железных — 18. Дальность прямого выстрела, иначе стрельбы прямой наводкой, составляла 250 шагов (188 м), по

«верхней производящей» — 420 шагов (315 м), при угле подъёма 45° (элевационно) — 2600 шагов (1950 м). Картечью стреляли только прямой наводкой; ядрами — и на большее расстояние. Пушки драгунских полков имели близкие характеристики. Они были несколько короче: длина ствола медных 14–15 калибров, железных — 16. Трёхфунтового калибра драгунские пушки стреляли прямой наводкой на 200 шагов (150 м), по «верхней производящей» — на 400 (300 м), элевационно — на 2500 шагов (1875 м)²¹⁷.

Распространение в европейских армиях со времён Густава II Адольфа, Р. Монтекукколи и А. Тюренна подвижной малого калибра полковой артиллерии сделало возможным усилить ею боевую линию, перемещать пушки вместе с движением войск. К 1700 г. значение артиллерии на поле боя возросло настолько, что она могла решать исход сражений. Уже к 1685 г. соотношение «одна пушка в полках на тысячу воинов» редко выдерживалось. К 1709 г. в войсках Великого союза на полях военных действий во Фландрии обычно было от двух до трёх полковых пушек на тысячу бойцов; иногда в начале кампании — даже четыре орудия²¹⁸. Пётр I уловил эту тенденцию усиления значения артиллерии в полевых военных действиях и следовал ей. В армии, сосредоточенной в Гродненском укрепленном лагере, в октябре–ноябре 1705 г. насыщенность полков пушками 3-фунтового калибра оказалась очень высокой. Тогда в пребывавших в Гродно 11-ти солдатских полках двухбатальонного состава имелось по четыре пушки (!), в 8-ми — по две пушки. В гвардейской бригаде 4-батальонный Преображенский полк имел восемь пушек, 3-батальонные Семёновский и Ингерманландский — по шесть орудий²¹⁹. Ускоренный вывод пехотных частей русской армии из Гродно в марте 1706 г. (Гродненский манёвр) показал необходимость сохранения в войсках высокой манёвренности, и число орудий в полках было сокращено.

Вооружение шведской пехоты и кавалерии не имело принципиальных отличий от российского. В начале Великой северной войны соотношение ручного огнестрельного и колющего оружия у шведской пехоты носило характер, более свойственный XVII столетию. Если две трети рядовых имели на вооружении фузею — гладкоствольное ружьё с усовершенствованным кремнёвым замком образца 1692 либо 1704 г., то остальные — длинную пику (5,2–5,8 м). Обер-офицеры снабжались полупикой, урядники — короткой (бардизан; больше 2 м). Однако ко времени Полтавской битвы копьё

(пики) в значительной мере вышли из употребления: Карл XII распорядился заменять их после поломки ружьями со штыками. Этот процесс отражал общее направление эволюции набора вооружения пехотинца в Европе, но в Швеции он проходил с небольшим запозданием. Впрочем, хотя багинет или же штык ощутимо превосходили по боевому значению копье (пику), даже во французской армии, когда-то признанной законодательнице воинских «мод», процесс его вытеснения носил затяжной характер и не закончился в 1703 г.²²⁰

Основным огнестрельным оружием шведской пехоты являлись фузеи. Они были гладкоствольными, имели кремнёвые замки. Это означало, что в сырую погоду фузеи могли давать частые осечки, а в дождь вести стрельбу из них было невозможно. Дальность полёта пули тоже была невелика — 300 шагов (225 м). Пехотинцам положено было иметь при себе по 25 патронов, помещавшихся в специальной кожаной сумке, носившейся на правом боку. Каждое ружье снабжалось длинным штыком (до 50 см), насаживавшимся на ствол с помощью крепившегося к нему кольца и поэтому не препятствовавшим стрельбе. Фузеи весили от 4,7 до 5 кг. Калибр фузей равнялся 20,04 мм. Офицерам полагались шпаги с позолоченными эфесами, унтер-офицерам — с посеребрёнными. Шведские пехотинцы имели также шпаги (клинок длиной 90—93 см) в кожаных ножнах; гренадеры, помимо кремнёвых ружей, — ручные фитильные гранаты и короткие шпаги²²¹.

Повсеместное внедрение багинетов и гладкоствольных кремнёвых ружей (фузей) в европейских армиях в 90-е годы XVII столетия дало новый толчок развитию линейной тактики, позволило пехоте отбивать конные атаки. Классические образцы этой тактики с противостоящими линиями солдат, стреляющих из ружей залпами, оставили именно войны за Испанское наследство (1702—1714)²²² и Великая северная (1700—1721).

Шведские кавалеристы вооружались укороченным ружьём для драгун — карабином, имели по два пистолета. На груди у рядовых был металлический панцирь, у офицеров панцирем была защищена также спина. Калибр карабинов — 18,55 мм, пистолетов — 16,33 мм. Боезапас для карабина и пистолета составлял по 10 патронов. Главным оружием шведского всадника, однако, являлась шпага — холодное оружие, рассчитанное прежде всего на укол. Тактика кавалерии была ударной: атака с холодным оружием в руках. Эскадрон

скакал рысью до противника до расстояния в 200—300 шагов, после чего переходил на галоп. С дистанции от 75 до 50 шагов всадники на полном скаку производили выстрел по противнику²²³.

Шведские полковые пушки, согласно Положению 1700 г., были трёх калибров: 3-, 6-, и 12-фунтовые. Полковые пушки 3-фунтового калибра (7,7 см; вес ядра — 1,5 кг) имели вес 460 кг, длину 1,85 м, три коня в упряжке; 6-фунтового калибра (9,6 см; 3 кг) соответственно — 910 кг, 2,3 м, шесть коней; 12-фунтового калибра (12,2 см; 6 кг) соответственно — 1700 кг, 2,93 м, 12 коней. Артиллерия могла начинать огонь с 1200 м на ровной местности, приблизительно с 900 м — на бугристой. Картечью стреляли с дистанции не более 200 м²²⁴.

Таким образом, и российская, и шведская армии были вооружены современным оружием. Нельзя сказать, что какая-то из противоборствовавших на полях сражений Великой северной войны сторон имела в этой области превосходство. Имеющиеся в обеих армиях достоинства и недостатки в этой области, на взгляд автора, приблизительно уравнивали друг друга.

¹ Кротов П.А. Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию // ВИ. 1989. № 3. С. 129.

² Actenstücke zur Geschichte Franz Rakoczy's und seiner Verbindungen mit dem auslande / Aus dem Papieren Ladislaus Kökenyesdi's von Vetus, seines Agenten in Baiern, Frankreich, Preussen und Ryssland. 1705—1715. Wien, 1855. S. 34.

³ [Churchill J.] Letters and dispatches of John Churchill, first duke of Marlborough, from 1702 to 1712. L., 1845. Vol. 4. P. 583.

⁴ РГАДА. Ф. 198 (А.Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 1196. Л. 1—2 об.

⁵ Black J. European Warfare. 1660—1815. New Haven, L., 1994. P. 73.

⁶ Chandler D. G. The Art of Warfare on Land. L., 2000. P. 130.

⁷ Куган Д., Уиткрофт Э. Кто есть кто в военной истории с 1453 года по настоящее время. Лондон, Нью-Йорк, М., 2000. С. 289.

⁸ Fuller W.C. Strategy and the Power in Russia. 1600—1914. N.Y., 1992. P. 71.

⁹ Chandler D. G. The Art of Warfare on Land. P. 128, 129.

¹⁰ Haintz O. Karl XII und Peter der Große vor Poltawa. 1709 // Preussische Jahrbücher. 1929. Bd. 215. H. 2. S. 150.

¹¹ Ibid.

¹² Шишов А.В. Повторить Нарву шведы уже не могли... // Родина. 1997. № 10. С. 76.

¹³ Кротов П.А. 1. Полководческое искусство Петра I и А.Д. Меншикова в Полтавской битве (К 300-летию Полтавской победы) // Меншиковские чтения — 2007. СПб., 2007. Вып. 5. С. 37—92; 2. «Золотой мост» для шведской армии в битве под Полтавой? (К оценке полководческого искусства Петра I) // Чтения по военной истории. СПб., 2007. С. 143—148.

¹⁴ Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 338—339.

- ¹⁵ Там же. С. 105.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки Московского государственного архива Министерства иностранных дел). Оп. 1. Д. 257. Л. 6 об.
- ¹⁷ *Пушкарёв Л.Н.* Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: Очерки. М., 1982. С. 215.
- ¹⁸ *Боброва Е.И.* Библиотека Петра I. Л., 1978. С. 134, № 1265.
- ¹⁹ *Кучма В.В.* Военная организация Византийской империи. С. 338–339.
- ²⁰ *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. М.; Л., 1958. С. 282–283.
- ²¹ ОР БАН. П. I. Б. 7. Л. 4, 5.
- ²² *Лебедева И.Н.* Библиотека Петра I: Описание рукописных книг. С. 133–134.
- ²³ *Боброва Е.И.* Библиотека Петра I. С. 105, № 860.
- ²⁴ Bayerischer Staatsbibliothek alphabetischer Katalog 1501–1840. München, L., N.Y., Oxford, P., 1990. [Bd. 54]. S. 459–460.
- ²⁵ Catalogue of books printed on the continent of Europe, 1501–1600 in Cambridge libraries. Cambridge, 1967. Vol. II. P. 312.
- ²⁶ ГСВ. Вып. 1. С. 539.
- ²⁷ *Греческие полиоркетрики. Флавий Вегаций Ренат.* Краткое изложение военного дела. СПб., 1996. С. 211.
- ²⁸ *Bonac de.* Mémoire du marquis de Bonac sur les affaires du Nord de 1700 à 1710 // *Revue d'histoire diplomatique.* P., 1889. Année 3. P. 98.
- ²⁹ *Кротов П.А.* Сословность в политике самодержавия по комплектованию личного состава военно-морского флота при Петре Великом // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: Международная конференция памяти акад. Л.В. Черепнина. Ч. 1. С. 255, 262.
- ³⁰ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 58.
- ³¹ *Bonac de.* Mémoire du marquis de Bonac sur les affaires du Nord de 1700 à 1710 // *Revue d'histoire diplomatique.* P., 1888. Année 2. P. 610.
- ³² Ibid. Année 3. P. 97.
- ³³ *Petschauer P.* In search of competent aides: Heinrich van Huyssen and Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. Bd. 26. 1978. Heft 4. S. 485–486.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам на русском языке). Оп. 1, 1703 г. Л. 138 об.
- ³⁵ *Пекарский П.П.* Барон Гюйссен – учёно-литературный агент русского правительства в начале XVIII столетия // ОЗ. 1860. Т. СХХIX. Отд. I. С. 53.
- ³⁶ *Пузыревский А.К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 115.
- ³⁷ *Пекарский П.П.* Барон Гюйссен – учёно-литературный агент русского правительства в начале XVIII столетия. С. 53.
- ³⁸ *Dumont J.* Batailles gagnées par le Sérénissime Prince Fr. Eugen de Savoye. La Hague, 1725. Vol. I. P. 33.
- ³⁹ *Брукс Р.* Герцог Мальборо отправляется на войну // История войн / Пер. с англ. М., 2004. С. 87.
- ⁴⁰ *Шишов А.В.* Полководцы и военачальники: Краткий биографический словарь. М., 2002. С. 322.
- ⁴¹ *Борисовская Н.А.* Старинные гравированные карты и планы. М., 1992. С. 190.
- ⁴² *Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1706 годах. М.; СПб., 1992. С. 133–134.
- ⁴³ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 64.
- ⁴⁴ *Андреева Е.А.* А.Д. Меншиков – «полудержавный властелин» или балансирующий на краю пропасти? // Меншиковские чтения – 2008. СПб., 2009. С. 8–14.

- ⁴⁵ *Саверкина И.В.* Как и чему учился Александр Данилович Меншиков // Петровское время в лицах – 2004: Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 198.
- ⁴⁶ *Долгова С.Р.* О библиотеке А.Д. Меншикова // Русские библиотеки и их читатель (Из истории русской культуры эпохи феодализма). Л., 1983. С. 90–92.
- ⁴⁷ *Саверкина И.В., Сомов В.А.* Реестр книг А.Д. Меншикова // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 146, 148, 152–160.
- ⁴⁸ *Артамонов В.А.* Калишская битва 18 октября 1706 г. М., 2007. С. 27–36.
- ⁴⁹ *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитворта / Ст. и комментарии Ю.Н. Беспярых. М.; Л., 1988. С. 75.
- ⁵⁰ *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитворта. С. 77.
- ⁵¹ Сб. РИО. Т. 50. С. 195.
- ⁵² *Артамонов В.А.* Калишская битва 18 октября 1706 г. С. 27.
- ⁵³ Сб. ВИМ. СПб., 1892. Вып. 1. С. 318.
- ⁵⁴ *Wienerisches Diarium.* 1709. May 17. № 604. S. 10.
- ⁵⁵ А.В. Беспалов ввёл в отечественную литературу обильный материал о начале рода Рёншильдов из книги шведского исследователя Ю. фон Конова (2001). Согласно полученной отцом К.Г. Рёншильда в 1640 г. грамоте на причисление к шведскому дворянству, его фамилия была утверждена именно в таком написании – на немецкий лад. Сам генерал-фельдмаршал К.Г. Рёншильд подписывался всегда на шведский манер: Ренскёльд. Существуют и другие варианты передачи его фамилии. Как и у А.В. Беспалова, в настоящей книге употребляется привычное для отечественного читателя написание его фамилии в варианте, данном при пожаловании в шведское дворянство его отца: Рёншильд. – См.: *Беспалов А.В.* Сподвижники Карла XII. М., 2003. С. 59–60.
- ⁵⁶ *Уредссон С.* Карл XII // Царь Пётр и король Карл: Два правителя и их народы. М., 1999. С. 42.
- ⁵⁷ *Frost R.I.* The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe. Harlow; L., 2000. P. 277.
- ⁵⁸ *Беспалов А.В.* Сподвижники Карла XII. С. 82.
- ⁵⁹ Сб. РИО. Т. 50. С. 61.
- ⁶⁰ *Боллингброк.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 124.
- ⁶¹ *Кротов П.А.* Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию. С. 130.
- ⁶² Там же. С. 128, 130.
- ⁶³ Там же. С. 130.
- ⁶⁴ *Уредссон С.* Карл XII. С. 42, 69, 70.
- ⁶⁵ *Wolf J.B.* The Emergence of the Great Powers, 1685–1715. New York, cop. 1962. P. 56.
- ⁶⁶ РГАВМФ. Ф. 1331 (Атласы, карты и планы Архива Центрального картографического производства ВМФ). Оп. 1. Д. 1. Шведская рукописная карта «Лагерь на Зеландии у Хумблебека». 1700 г. Подлинник.
- ⁶⁷ *Артамонов В.А.* Эффективность полевых сражений русской армии в Северной войне // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг.: Сб. материалов Всероссийской научной конференции, посвящённой 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб., 2001. С. 8.
- ⁶⁸ ГСВ. Вып. 1. С. 206, 209–210.
- ⁶⁹ См.: *Артамонов В.А.* Эффективность полевых сражений русской армии в Северной войне. С. 8.
- ⁷⁰ *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 96.

- ⁷¹ ГСВ. Вып. 1. С. 209.
- ⁷² *Voltaire*. Histoire de Charles XII, Roi de Suède // Œuvres complètes de Voltaire. P., 1878. Vol. 16. P. 248.
- ⁷³ *Frost R.I.* The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe. P. 272.
- ⁷⁴ Ibid.
- ⁷⁵ Ibid. P. 274–276; *Беспалов А.В.* Битва при Фрауштадте // Рейтар. 2005. № 1. С. 46–51.
- ⁷⁶ [Karl XII]. Die eigenhändigen Briefe König Karl XII / Gesammelt und herausgegeben von E. Carlson. Berlin, 1894. S. 353.
- ⁷⁷ *Артамонов В.А.* 1708. Мать Полтавской победы. 2008: К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008. С. 160.
- ⁷⁸ [Karl XII]. Die eigenhändigen Briefe König Karl XII. S. 353–354.
- ⁷⁹ ГСВ. Вып. 1. С. 280, 285.
- ⁸⁰ ПБИПВ. М., 1952. Т. 8. Вып. 1. С. 183.
- ⁸¹ *Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела. С. 232.
- ⁸² ПБИПВ. С. 10.
- ⁸³ См.: *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 173–174, 176–177, 179.
- ⁸⁴ *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). Л., 1986. С. 158–160, 168.
- ⁸⁵ ГСВ. Вып. 2. С. 93.
- ⁸⁶ Там же. Вып. 1. С. 274, 275.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). С. 204–205.
- ⁸⁹ *Бушкович П.А.* Пётр Великий: Борьба за власть (1671–1725). С. 265.
- ⁹⁰ *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). С. 205.
- ⁹¹ Там же. С. 204–206.
- ⁹² *Бушкович П.А.* Пётр Великий: Борьба за власть (1671–1725). С. 272.
- ⁹³ Там же. С. 286.
- ⁹⁴ ПБИПВ. СПб., 1907. Т. 5. С. 191.
- ⁹⁵ *Желябужский И.А.* Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 352.
- ⁹⁶ Сб. РИО. Т. 34. С. 423, 425, 430.
- ⁹⁷ *Кротов П.А.* 1. Создание линейного флота на Балтике при Петре I // ИЗ. М., 1988. Т. 116. С. 314–316; 2. Рождение Балтийского военно-морского флота // ВИ. 1991. № 3. С. 209–210.
- ⁹⁸ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 44.
- ⁹⁹ *Беспалов А.В.* Северная война. Карл XII и шведская армия. М., 2000. С. 67.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 66.
- ¹⁰¹ ОР БАН. П. I. Б. 7. Л. 43 об.
- ¹⁰² *Подъяпольская Е.П.* Военные советы 1708–1709 гг. // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 124.
- ¹⁰³ *Беспалов А.В.* Сподвижники Карла XII. С. 32.
- ¹⁰⁴ *Возгрин В.Е.* 1. Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). С. 201.
- ¹⁰⁵ *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 26–29.
- ¹⁰⁶ *Возгрин В.Е.* 1. Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). С. 201.

- ¹⁰⁷ *Глаголева А.П.* Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. С. 142.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 142.
- ¹⁰⁹ *Возгрин В.Е.* Военно-политический конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) (по неопубликованным источникам) // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора). СПб., 2008. С. 58.
- ¹¹⁰ Там же. С. 60.
- ¹¹¹ *Возгрин В.Е.* 1. Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). С. 224; 2. Военно-политический конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) (по неопубликованным источникам). С. 58–59; *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 67.
- ¹¹² *Возгрин В.Е.* Военно-политический конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) (по неопубликованным источникам). С. 60.
- ¹¹³ *Леер Г.А.* Стратегия. СПб., 1898. Ч. 1. С. 186.
- ¹¹⁴ *Шарышкин Д.М.* Полтавские дневники шведов — полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе: Очерки. Л., 1975. С. 72–73.
- ¹¹⁵ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1, 1709 г. Д. 1. Л. 2 — 2 об.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 164 об., 195.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 83.
- ¹¹⁸ *Вольтер*. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999. С. 136.
- ¹¹⁹ Летописец 1700 года / Публ. П.П. Пекарского // Летопись занятий Археографической комиссии 1865–1866. СПб., 1868. Вып. 4. II: Материалы. С. 150, 153.
- ¹²⁰ ГСВ. Вып. 1. С. 209.
- ¹²¹ Сб. РИО. Т. 50. С. 59.
- ¹²² *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2: Приложения. С. 181. На франц. яз.
- ¹²³ *Артеус Г.* Карл XII и его армия // Царь Пётр и король Карл. Два правителя и их народы. С. 172.
- ¹²⁴ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 121.
- ¹²⁵ Летописец 1700 года. С. 146–147.
- ¹²⁶ Цит. по: *Артеус Г.* Карл XII и его армия. С. 167–168.
- ¹²⁷ *Артеус Г.* Карл XII и его армия. С. 169, 172.
- ¹²⁸ Там же. С. 172.
- ¹²⁹ Военные уставы Петра Великого. М., 1946. С. 60.
- ¹³⁰ ПБИПВ. Т. 8. Вып. 1. С. 8.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же. С. 7–8.
- ¹³⁴ Там же. С. 11.
- ¹³⁵ Там же. С. 12.
- ¹³⁶ Там же. С. 13.
- ¹³⁷ *Артеус Г.* Карл XII и его армия. С. 169–171.
- ¹³⁸ ПБИПВ. СПб., 1893. Т. 3. С. 403.
- ¹³⁹ Там же. Т. 8. Вып. 1. С. 8–11.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 9.
- ¹⁴¹ *Беспятых Ю.Н.* Иностранцы по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмалль). СПб., 1998. С. 305.
- ¹⁴² Сб. РИО. Т. 50. С. 63–64.

- ¹⁴³ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 122.
- ¹⁴⁴ Кротов П.А. 1. «Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой (К изучению инженерно-фортификационного обеспечения батальи) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 85–100; 2. Полководческое искусство Петра I и А.Д. Меншикова в Полтавской битве (К 300-летию Полтавской победы). С. 46–52.
- ¹⁴⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 509 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 537.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 552 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 49. Л. 1169.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 33. Л. 611 об.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ Посошков И.Т. О ратном поведении (1701 г.) // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. СПб., 2004. С. 268.
- ¹⁵² Там же. С. 268.
- ¹⁵³ Там же. С. 250.
- ¹⁵⁴ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. С. 47.
- ¹⁵⁵ ГСВ. Вып. 1. С. 209.
- ¹⁵⁶ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 34. С. 55.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 162.
- ¹⁵⁸ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1706 годах. М.; СПб., 1992. С. 104.
- ¹⁵⁹ Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 57.
- ¹⁶⁰ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1706 годах. С. 104.
- ¹⁶¹ Захаров А.В. Открывая страницы о юности В.Н. Татищева (по документам Разрядного приказа) // Петровское время в лицах – 2008: Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 124–126.
- ¹⁶² Там же. С. 126.
- ¹⁶³ [Татищев В.Н.] Духовная Василия Никитича Татищева. Казань, 1885. С. 14.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. С. 94.
- ¹⁶⁶ Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 304.
- ¹⁶⁷ Кротов П.А. Сословность в политике самодержавия по комплектованию личного состава военно-морского флота при Петре Великом // Сословия и государственная власть в России. XV– середина XIX вв. Международная конференция памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1994. Ч. 1. С. 261.
- ¹⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 784 (Собр. Ф.А. Толстого). Д. без номера. Л. 1–10б.
- ¹⁶⁹ Областные правители России. 1719–1739 гг. С. 304.
- ¹⁷⁰ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1706 годах. С. 105.
- ¹⁷¹ Сб. РИО. Т. 39. С. 55–56.
- ¹⁷² Грунд Г. Доклад о России в 1705–1706 годах. С. 104.
- ¹⁷³ Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера / Пер. с немецкого П.П. Барсова // РА. 1872. Вып. 6. Стб. 1102.
- ¹⁷⁴ Сб. РИО. Т. 39. С. 56.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 329.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 56.
- ¹⁷⁷ Бушкович П.А. Пётр Великий: Борьба за власть (1671–1725). С. 289.
- ¹⁷⁸ Сб. РИО. Т. 50. С. 187.

- ¹⁷⁹ Wolf J.B. The Emergence of the Great Powers, 1685–1715. P. 11.
- ¹⁸⁰ Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel [...]. Haag, 1709. Th. 1. S. 132.
- ¹⁸¹ Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 230.
- ¹⁸² Там же. С. 245.
- ¹⁸³ Там же. С. 238.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 179.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 251–252.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 205.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 208.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 228.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 186, 189, 194–195, 213, 215, 216, 219, 223, 225, 227, 228, 233.
- ¹⁹⁰ Нилус А.А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904. Т. 1. С. 203.
- ¹⁹¹ Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. С. 213.
- ¹⁹² Там же. С. 189.
- ¹⁹³ Там же. С. 215.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 186.
- ¹⁹⁵ Мышковский Е.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны 1700–1721 гг. // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959. Вып. 4. С. 60–61; Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков: Каталог. М., 1990. С. 187–188.
- ¹⁹⁶ Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. С. 254, 256, 260, 262, 269, 272, 278, 281, 283, 285, 296, 298, 299–301, 305, 307.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 258, 263, 265, 267.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 262.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 256.
- ²⁰⁰ Там же. С. 258.
- ²⁰¹ Там же. С. 258, 262, 285, 305.
- ²⁰² Там же. С. 285.
- ²⁰³ Там же. С. 305.
- ²⁰⁴ Там же. С. 262, 281, 285, 300, 302, 305.
- ²⁰⁵ Там же. С. 263–264.
- ²⁰⁶ Там же. С. 267.
- ²⁰⁷ Там же. С. 265.
- ²⁰⁸ Wimmer J. Die Schlacht bei Kalisz am 29. Oktober 1706 // Um die polnische Krone. Sachsen und Polen während des Nordischen Krieges. Berlin, 1962. S. 200.
- ²⁰⁹ РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 39. Л. 6 об.
- ²¹⁰ Там же. Л. 11, 43, 43 об.
- ²¹¹ Там же. Л. 26 об., 28, 29.
- ²¹² Там же. Л. 36–36 об.
- ²¹³ Там же. Л. 46 об.
- ²¹⁴ Там же. Л. 51 об.
- ²¹⁵ Там же. Л. 57.
- ²¹⁶ Там же. Л. 6 об.
- ²¹⁷ Нилус А.А. История материальной части артиллерии. Т. 1. С. 192–193.
- ²¹⁸ Wolf J.B. The Emergence of the Great Powers, 1685–1715. P. 11.
- ²¹⁹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 607, 685.
- ²²⁰ De la Barre, Duparcq. Éléments l'art et les histoires militaires. P., 1858. P. 164.

²²¹ Karl XII på slagfältet: Karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling från äldsta tider. Stockholm, 1918. D. 1. S. 221.

²²² *Wolf J.B.* The Emergence of the Great Powers, 1685–1715. P. 11.

²²³ Karl XII på slagfältet [...]. S. 226.

²²⁴ *Ibid.* S. 228, 229, 231.

Глава II

ПОДГОТОВКА К РЕШАЮЩЕЙ БИТВЕ

ВЫБОР МЕСТА ДЛЯ БИТВЫ И ИНЖЕНЕРНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ ЗАНЯТЫХ ПОЗИЦИЙ

«Место к бою высмотре загоде, откуда лучше ополчение подвигнути»¹ — такая рекомендация содержится в русском издании труда императора Льва VI Мудрого. Правитель Византии писал о предпочтительности избрать для расположения войск места «нагорныя и высокия»² — такие слова употреблены в принадлежавшей Петру I рукописи. Фронтин советовал то же самое — выбирать для устройства лагеря возвышенные места, холмы, ибо при атаке благоприятный уклон обеспечивает «силу натиска солдат»³. «Часто больше пользы приносит местность, чем храбрость», — авторитетно заключал Вегеций⁴.

В русском издании Льва VI Мудрого рекомендовалось возводить земляные укрепления сразу же после передвижения войска на новую

позицию: «Табор устроивши, тотчас окопом обведи...»⁵. В трактате особое внимание обращалось на важность доступа войска к достаточному количеству питьевой воды⁶. Лев VI Мудрый высказывался и насчёт необходимости искать при устройстве лагеря естественную защиту его с одной или нескольких сторон. Такой защитой могла быть труднопреодолимая река, крутые склоны или ущелья⁷. В рукописи этого современника древнерусского князя Олега Вещего из библиотеки Петра I сказано: «...аще же мощно, добро есть, чтоб или неудобходную реку, или блато, или езеро создади ополчения имети...»⁸. Другой важный совет Льва VI Мудрого: «Путь им заступи на месте злом»⁹. При избрании места для предстоящей битвы византийский император полагал необходимым ставить войско на таких местах, где неприятель не сможет его окружить¹⁰. У Вегетия читаем примерно то же: «Лагерь, особенно если враг по соседству, нужно всегда устраивать на безопасном месте, где имеются вполне достаточные запасы дров, травы и воды»¹¹.

Пётр I действовал в соответствии со всеми вышеперечисленными мудрыми установками древности. Продвижение вперёд шло вдоль высокого обрывистого берега большой реки Ворсклы и неуклонно закреплялось устройством земляной крепости для пехоты. Достаточные пространства полей справа по пути движения русской армии давали место для её действий, для маневрирования в случае необходимости. Для защиты размещавшейся в поле кавалерии от неожиданного нападения и для того, чтобы в случае необходимости опереть фронт и фланги на фортификационные сооружения, возводилась линия сравнительно небольших, отдельных, замкнутых со всех сторон укреплений, которые играли роль опорных пунктов.

Когда генеральный совет российской армии принял решение о переходе к наступательной фазе военных действий? В какой день российские генералы во главе с монархом определили, что следует завершить стратегическое отступление, согласно плану, принятому в Жолкве, и уничтожить неприятельскую армию в генеральной баталии?

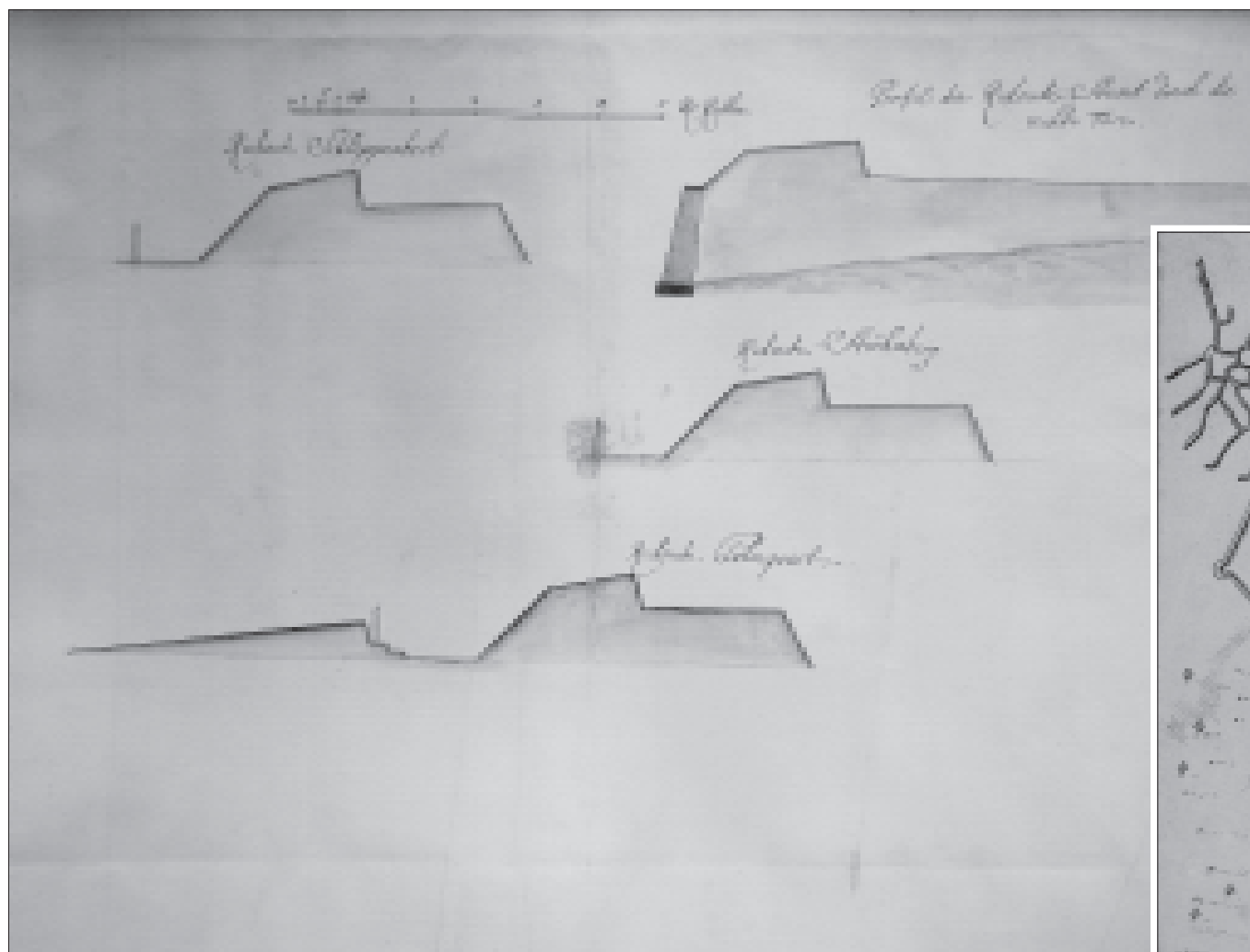
Согласно «Гистории свейской войны», по определению военного совета с 16 июня 1709 г. россияне начали сооружать новые апроши с правого берега Ворсклы к осаждённой шведами Полтаве. Целью этих действий было установить непосредственное сообщение с крепостью, избежав при этом «генеральной баталии (яко зело опасного дела)»¹². Лишь после полного провала этой попытки по причине

сложности ведения земляных работ в болотистой пойме реки и ответных фортификационных усилий шведов было принято принципиально иное решение. «Гистория свейской войны» содержит лишь самую обобщённую формулировку резолюции: «...инаго способа нет о выручке города, только что перейти реку к неприятелю и дать главную баталию»¹³.

Подробное изложение этого исторического решения военного совета имеется в письме Петра I коменданту Полтавы от 19 июня 1709 г. Царь сообщил в нём общую волю верхушки российского генералитета. А.С. Келину возвещалось о ней в следующих словах: «...покинув все шанцы, пойдем со всем войском к Петровскому мосту (где уже наш пост еще четвертово дни занят и укреплен) и тамо, перешед и осмотрясь, пойдем <...> на неприятеля искать со оным баталии и чтоб пробитца всем войском к городу»¹⁴. Иными словами, вся стоявшая на левом берегу Ворсклы напротив Полтавы российская армия должна была перейти на неприятельский берег реки. Решение, чем-то подобное приказу Дмитрия Донского о переходе через Дон и Непрядву для общей битвы за свободу и независимость русских земель с татарами Золотой Орды (1380)! В любом случае оставление всем войском труднопреодолимой вброд реки в тылу — это решительный выбор полководца и его воинства. Это вызов вражеского войска на решительное бранное дело!

По мере продвижения русских войск к лагерю дотоле непобедимого Карла XII, располагавшемуся близ Полтавы, концепция грядущей битвы, несомненно, имевшаяся в голове монарха, воплощалась в конкретных мероприятиях, принимавшихся сообразно рельефу местности и изменявшейся обстановке. Можно сказать, шёл целенаправленный поиск поля, в наибольшей степени подходившего для предстоявшей битвы, и неизменно проводилась его инженерная подготовка.

Это важнейшее отличие тактики Петра I — продвижение русской армии к неприятелю — неизменно сопровождалось возведением полевых фортификационных сооружений. На шведскую армию неуклонно надвигалась «наступающая крепость». Выдающийся русский военный историк А.К. Пузыревский так оценил этот вид боевого продвижения: «...в полевой фортификации Пётр Великий обнаружил гениальную изобретательность и дал единственный в своём роде образец укреплённой наступательно-оборонительной позиции (Полтава)»¹⁵.

Типы профилей шведских земляных укреплений.
Трофейный чертёж из Походной канцелярии Карла XII.
Начало XVIII в.
ОР БАН

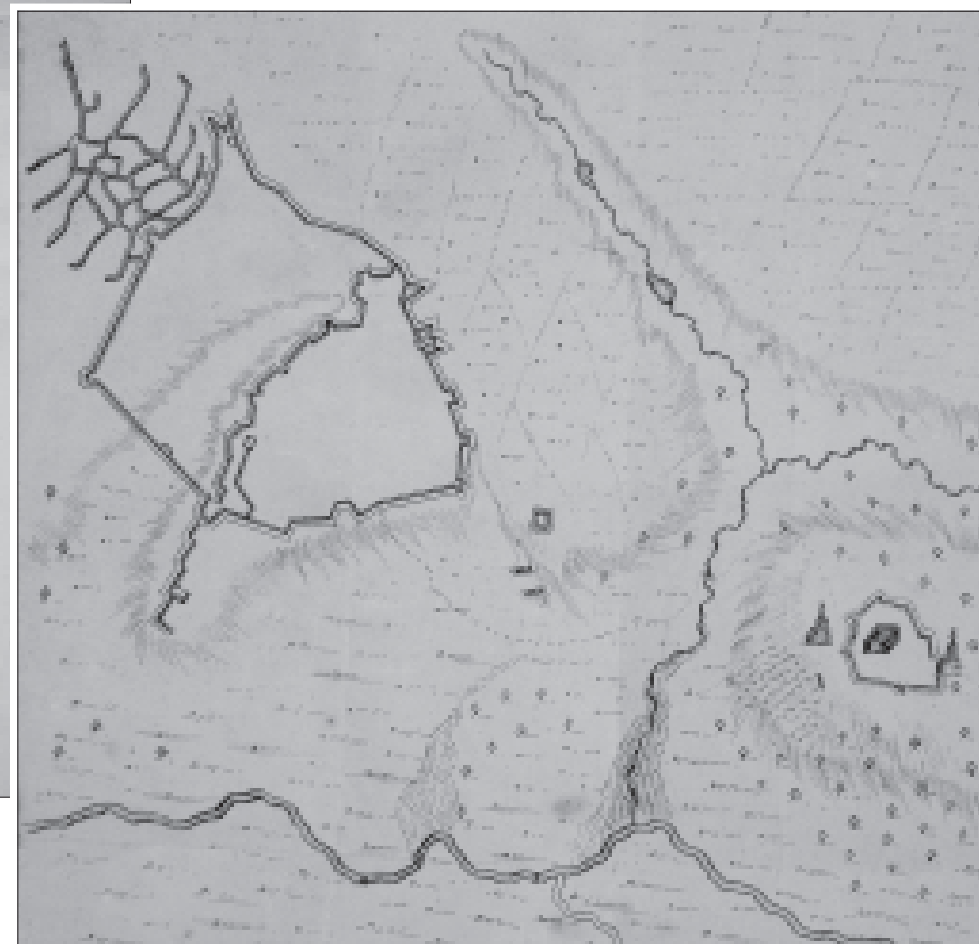

Чертёж Полтавской крепости.
Фрагмент рукописной карты битвы при Полтаве.
Из Походной канцелярии Петра I. 1709
ОР БАН

Переход первых трёх российских пехотных и нескольких кавалерийских полков во главе с К.Э. Рённе на «шведский» берег Ворсклы совершился в ночь с 15 на 16 июня. Это произошло у деревни Петровки (10–11 км севернее Полтавы)¹⁶. На противоположном берегу Ворсклы немедленно были «несколько редут с линеею учинены»¹⁷. Позади сооружённых укреплений, следовательно, имелась переправа. Согласно дневнику Г. Адлерфельта, историографа походов Карла XII, неотлучно пребывавшего при королевской ставке, передовой русский отряд, едва перейдя в ту ночь через реку, ещё «прежде чем занялся новый день», соорудил земляную насыпь из семи бастионов (*un parapet de sept bastions*). Россияне в тот день продолжали беспрерывно окапываться¹⁸. Сообщив о совершённом несколькими тысячами русских драгун в ночь на 16 июня переходе через Ворсклу, А. Юлленкрук тоже отметил, что «неприятель окопал себя ретраншементами»¹⁹.

Утром 16 июня К.Г. Рёншильд передал королю тревожную новость: минувшей «ночью неприятель построил на поле перед Петровскою семь небольших редутов, обставил их пушками и занял пехотою»²⁰. На созванном днём 16 июня военном совете шведские генералы посчитали, что наступать на русские фортификационные сооружения у Петровки опасно: путь к ним болотист. Вечером того же дня король одобрил это решение. По Г. Адлерфельту, к концу дня 16 июня остальная часть отряда К.Э. Рённе переправилась на правый берег Ворсклы. Эти войска вступили «в свой новый лагерь» близ Петровки²¹. На следующий день русские опять-таки продвинули свои земляные работы ближе к расположению шведов²². 18 июня они перешли «в новый ретраншемент» — вдоль Ворсклы возвели 17 редутов²³.

Таким образом, по данным шведской разведки, укрепленные позиции передовой группы русских войск всё теснее продвигались в сторону осаждённой шведами Полтавы.

Переправа главных сил русской армии на правый берег Ворсклы прошла с вечера 19-го в ночь на 20 июня 1709 г. Одновременно с осуществлением перехода войск на другой берег реки был возведён укрепленный лагерь для пехоты и артиллерии у деревни Семёновки (примерно 8 км от осаждённой шведами Полтавы). Поле, на котором расположились лагерь пехота и артиллерия, было шириной около 800 м. С севера и юга оно было окаймлено естественными препятствиями — оврагами. С востока — обрывом, спускавшимся в

долину Ворсклы. Открытая западная сторона лагеря была прикрыта насыпными земляными сооружениями. По прошествии 200 лет на прямой линии, соединявшей западные оконечности оврагов, спускавшихся к Ворскле, сохранилась идущая вдоль реки цепь малых и больших курганов. Естественно думать, что это остатки полевых укреплений армии Петра I²⁴. Большие курганы, надо полагать, представляли собой остатки бастионов, малые — реданов. Между ними, вероятно, имелись широкие проходы, которые были прикрыты рогатками, — следов на местности они оставить не могли. Под прямым углом от укрепленного лагеря пехоты и артиллерии уходила к западу в поля вдоль северного склона болотистой балки Побыванки прямая линия из отдельных полевых укреплений. Спустя 200 лет военные специалисты фиксировали здесь «невысокие холмы, несомненно, искусственного происхождения»²⁵. Теперь уже трудно установить, представляли ли они собой остатки реданов или редутов, но цель их возведения ясна — защита российской кавалерии, стоявшей лагерем на полях с запада от укрепленного лагеря пехоты и артиллерии.

Эти важные с точки зрения фортификационного искусства наблюдения, итог обстоятельного изучения местности в начале XX в., по существу, остались не оценёнными исследователями последующего времени. Однако, если сравнить конфигурацию земляных укреплений у Семёновки, то в своей основе она будет повторена в следующем лагере россиян — на поле, где и произошла знаменитая битва. И здесь, и там система российских земляных укреплений представляет собой сочетание земляного лагеря пехоты, обращённого тылом к обрыву, спускающемуся к реке, и идущей от него в западном направлении линии редутов — передовой вспомогательной позиции для защиты и опоры фронта и флангов конницы!

Русские войска постоянно занимались совершенствованием собственных укреплений. Г. Адлерфельт отметил 22 июня 1709 г. в дневнике: «...неприятель продолжает беспрестанно окапываться»²⁶. На следующий день он записал: «...противник приступает всё ближе, постоянно возводя земляные оборонительные сооружения»²⁷.

Е.П. Подъяпольская обоснованно считала, что именно о военном совете 24 июня 1709 г. подробно рассказал в написанной в 1732 г. книге Мориц Саксонский (1696–1750), тогда бригадный генерал. Как видно из этого сочинения, будущий прославленный главный маршал Франции тщательно изучал битву близ Полтавы и являлся большим почитателем полководческого искусства Петра

Великого. Е.П. Подъяпольская, впрочем, полагала, что этот «его рассказ является литературным вымыслом»²⁸.

Есть резон усомниться в столь однозначном суждении. Мориц, внебрачный сын польского короля, саксонского курфюрста Августа II Сильного, служил с 12-ти лет в саксонской армии, потом в австрийской, и, наконец, в 1720 г. он перешёл во французскую. Имея обширнейший круг общения в высшей военной среде в силу своего королевского происхождения, Мориц (с 1711 г. он носил титул графа Саксонского), конечно, желал и мог услышать рассказы о знаменитой биталии от генералов-иностранцев на русской службе. Среди них в первую очередь следует назвать имя француза-эмигранта генерала Л.-Н. де Алларта (1659–1727), предпочитавшего писать по-немецки. Он командовал в Полтавской битве одной из трёх пехотных дивизий; за заслуги, показанные 27 июня 1709 г., генерал был пожалован в 1709 г. в кавалеры ордена св. Андрея Первозванного. Мориц Саксонский в своём живом повествовании как раз ссылается на мнение, высказанное перед началом решающей фазы Полтавской битвы генералом Л.-Н. де Аллартом. В 1712 г. последний был назначен главнокомандующим датских, русских и саксонских войск, действовавших против шведов в Померании, но в том же году вышел в отставку и после того пребывал за пределами России. В 1721 г. он вновь вернулся на русскую службу. Молодой офицер-аристократ Мориц вполне мог записать рассказ наилучшим образом осведомлённого очевидца о воинском совете у царя накануне битвы, столь знаменитой в Европе. Рассказ о Полтавской битве Морица Саксонского слишком выпадает из его общего повествования, отличается большой живостью, подробностями, некоторыми неточностями, которые можно списать на погрешности памяти или неполную осведомлённость встретившегося ему рассказчика.

Г.С. Мусиковский.
Конный портрет Петра I. 1719
В основе изображения гравюра П. Пикарта
«Полтавская баталия». 1710
Частное собрание. Нью-Йорк, США

Когда на совете было принято решение дать шведам сражение, царь, по словам Морица Саксонского, выступил с заключительной речью, которая была одобрена генералитетом. Это устное выступление очень показательное для характеристики полководческого искусства Петра I: «Так как мы решили сражаться со шведским королём, то надо сговориться о способе, избрав наилучший. Шведы стремительны, хорошо дисциплинированы, хорошо обучены и подвижны. В наших войсках нет недостатка в твёрдости, но они не имеют этих преимуществ — надо попытаться обезвредить эти преимущества шведов. Они часто брали наши ретраншементы, и в открытом поле наши войска были всегда биты искусством и ловкостью, с которыми они маневрируют, — надо, следовательно, расстроить этот манёвр и сделать его бесполезным. Я того мнения, что для этого надо приблизиться к шведскому королю, возвести вдоль всего фронта нашей пехоты несколько редутов с глубокими рвами, занять их пехотой, укрепить их и обнести палисадом; это требует только несколько часов работы, и мы будем ждать противника позади этих редутов. Ему нужно будет разделиться, чтобы их атаковать. Он потеряет здесь людей и ко времени атаки будет ослаблен и в беспорядке. Нет сомнения, что, увидав нас близко от себя, он снимет осаду и нас атакует. Надо двинуться с таким расчётом, чтобы быть в виду его к концу дня, дабы он отложил атаку на следующий день, а за ночь мы возведём эти редуты»²⁹.

В российских источниках есть разногласия известий насчёт даты передвижения русской армии от лагеря у Семёновки южнее — на позиции севернее селения Яковцы. В «Обстоятельной реляции» о битве сказано: «...24 числа пошли далее со всею армеею и стали с четверть мили от неприятеля, и дабы оной на нас нечаянно не напал, учинили около обозу траншемент»³⁰. В последней редакции «Гистории свейской войны», более позднем источнике, та же фраза исправлена и дополнена. При этом 24-е число изменено на 25-е: «...25-го числа пошли далее со всею армиею и стали с четверть мили от неприятеля к вечеру, дабы неприятель не мог принудить к главной баталии прежде, нежели траншемент будет учинен, и дабы оной на нас нечаянно не напал»³¹. Заключительная часть фразы после слов «к вечеру» до «учинен» приписана самим Петром I³². «Журнал» барона Г. фон Гюйсена повествует об этом перемещении войск другими словами: «В 24 день ввечеру подались еще ближе версты с полторы или с две и сделали другой траншемент вновь и стояли до 27-го дня»³³.

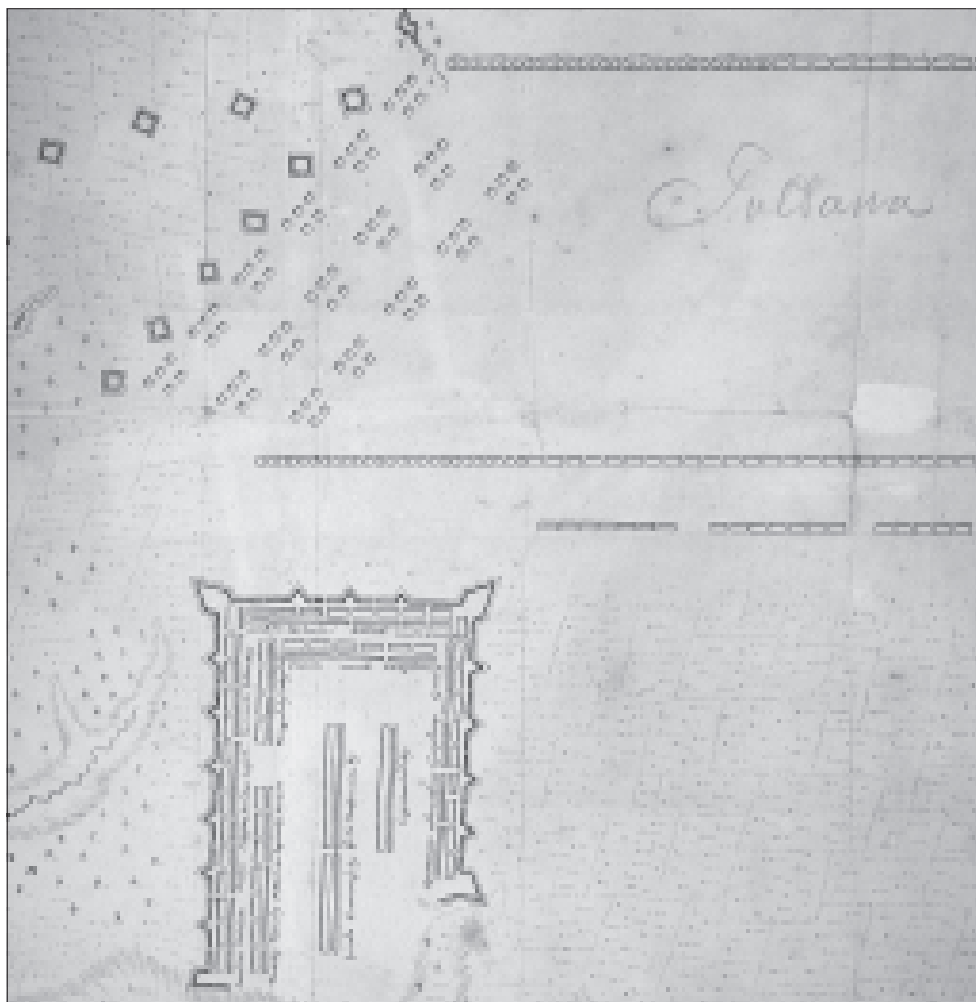
Эти противоречащие друг другу сообщения источников удаётся привести в гармонию благодаря делопроизводственным документам гвардейского Семёновского полка. Согласно им, в течение 22–24 июня личный состав полка ежедневно получал приказания вязать фашины³⁴. Замысел командования вполне очевиден. Эти вязаные охапки из сучьев, кустарника должны были быть использованы для стремительного сооружения нового земляного укреплённого лагеря на следующей позиции, уже присмотренном месте ближе к расположению неприятеля. Только 25 июня 1709 г. в полку был отдан приказ: «К походу быть в готовности; взять с собою хлеба на сутки, да на каждого человека по фашине; кирки и лопатки взять все с собою ж»³⁵. Приказ более чем красноречивый. Он в сопоставлении с известиями ранее приведённых источников не оставляет сомнений в том, что ещё днём 25 июня 1709 г. Семёновский полк продолжал пребывать в лагере у Семёновки. «К вечеру» 25 июня, как писал Пётр I, армия, включая гвардейскую бригаду, передвинулась на новую позицию, где был спешно возведён ретраншемент. Вечером же 24 июня на место, где предполагалось возвести укреплённый лагерь, для разметки будущих строительных земляных работ выдвинулась, естественно полагать, только передовая часть войск. Остальная часть армии присоединилась к ним ближе к вечеру следующего дня.

Согласно Г. фон Гюйссену, именно царь «после малого совету» 25 июня 1709 г. принял решение о переносе базового лагеря к деревне Яковцы. Сам Пётр I устроил и порядок движения, и боевой строй войск на случай битвы (ордер де баталии). Затем монарх поставил армию «в лагере, которой он избрал, осмотрев сперва все дороги и приходы, чтоб незапного нападения не потерпеть»³⁶. Г.И. Головкин писал российскому послу в Стамбуле П.А. Толстому, что во втором часу того дня построившиеся для боя российские войска подошли на расстояние пушечного выстрела к постам противника. Русская армия была готова при необходимости «с ним в бой вступить». Неприятель в тот день, впрочем, не проявил желания завязать баталию. Когда Г.И. Головкин писал своё послание, россияне окапывались на новых позициях, а царь с генералитетом осматривал место, «откуда бы удобнее отаковать», то есть продумывал план продолжения наступательных действий, включая фортификационные. «И тако вскоре главной акции ожидать, в чем дай Вышний щастие», — подытоживал письмо Г.И. Головкин³⁷.

Почитатель военного искусства Петра Великого прусский король Фридрих II Великий так оценил бездействие Карла XII при выдвижении русских войск на новую позицию вечером 25 июня 1709 г.: «Это была непоправимая ошибка — позволить царю выбрать позицию и дать ему время хорошо укрепиться. Он и так уже имел численное превосходство, причём большое; теперь ему было отдано преимущество на местности — и, с точки зрения военного искусства, это уже слишком»³⁸.

Что же представляли собой русские земляные укрепления — лагерь (ретраншемент) и редуты (иначе, основная и передовая позиции), устроенные 25 июня 1709 г.?

Сделать новые выводы позволяет введение в научное обращение двух чертежей ретраншемента из Военно-походной канцелярии Петра I³⁹. Чертежи позволяют отвергнуть заключение, что ретраншемент имел форму трапеции, обращённой своим основанием к Ворскле⁴⁰. На обоих планах укреплённого лагеря россиян он показан прямоугольным. Широко использовавшийся исследователями гравированный план Полтавской битвы Я. Кайзера⁴¹, как можно теперь утверждать, выполнен на основании официальных русских чертежей, отправленных за рубеж в 1709 г. Значит, его тоже следует рассматривать как надёжный источник. На плане Я. Кайзера наиболее опасная для неприятельской атаки западная сторона имеет два угловых бастиона, три редана между ними, четыре выхода для войск, пропорционально размещённых по всем сторонам от реданов. Наиболее протяжённая южная сторона имеет шесть реданов, семь выходов для войск между ними и угловой полубастион, построенный там, откуда начинался крутой откос берега вниз в болотистую пойму Ворсклы. Северная сторона ретраншемента менее всего была подвержена опасности. Чтобы обойти с севера земляную крепость россиян, нужно было совершить сложный, самоубийственный манёвр, подвергаясь огню мощной артиллерии, угрозе удара пехоты из лагеря во фланг, кавалерии навстречу и т. д. Тем не менее, согласно гравюре, от северо-западного бастиона на восток тянулась укреплённая линия с четырьмя реданами и четырьмя проходами между ними. Северная укреплённая линия на гравюре Я. Кайзера немного не достигает вдающегося к западу языка оврага, идущего от Ворсклы. Однако первоисточник — чертёж из походной канцелярии царя — показывает, что это только недоработка гравёра. На чертеже с северной стороны показаны также четыре

*Чертеж редутов и ретраншемента для гравировки офорта.
Из Походной канцелярии Петра I. 1709
ОР БАН*

редана, пять проходов, но ещё — замыкающий линию с востока полубастион на самом краю языка оврага, спускающегося в долину Ворсклы. Северная сторона земляной крепости заметно короче южной, поскольку она удачно упиралась в природное препятствие — овраг, далеко вдающийся в равнину над поймой Ворсклы⁴².

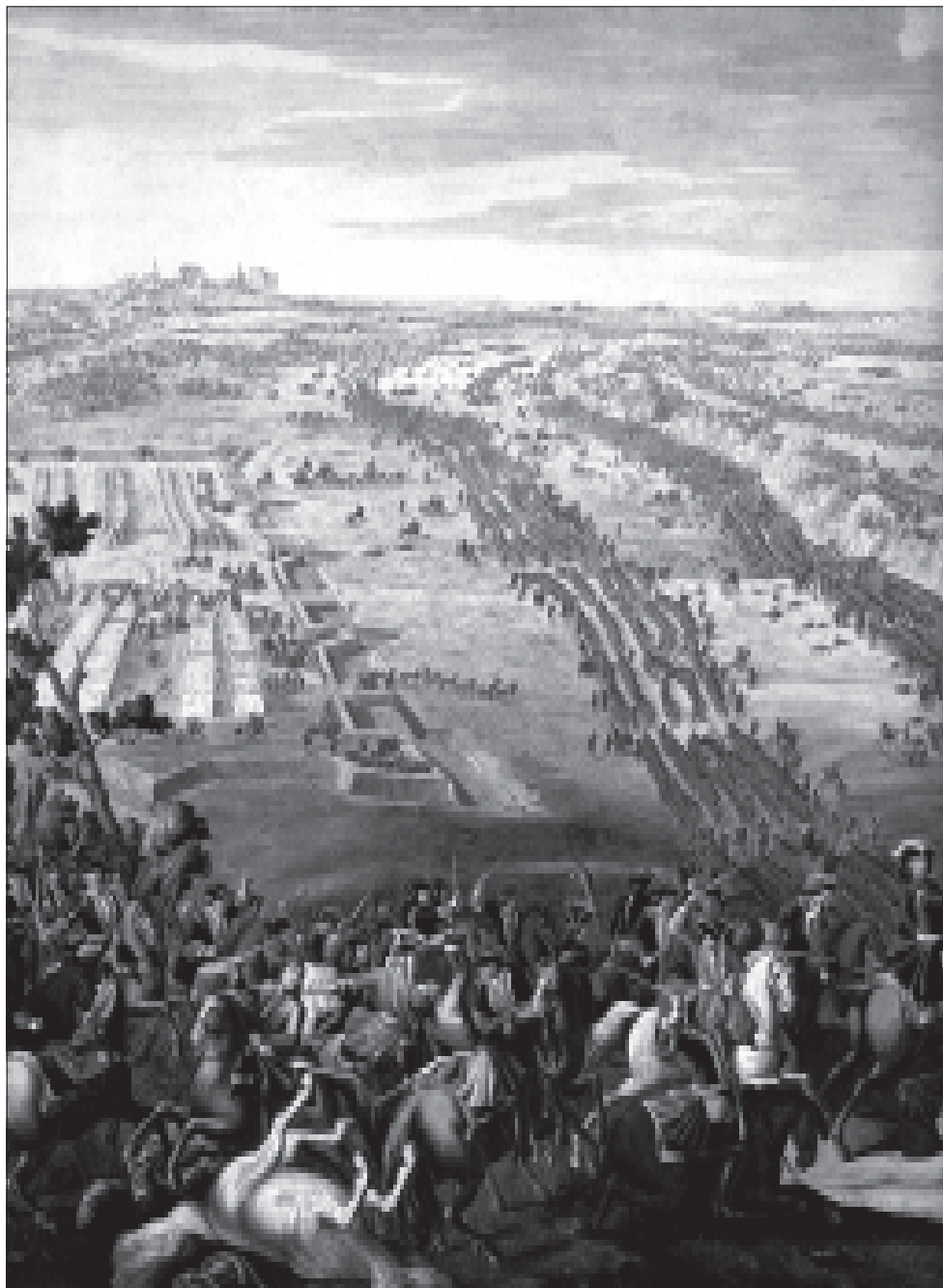
Важные подробности устройства ретраншемента сообщил пребывавший в нём перед битвой генерал Л.-Н. де Алларт. По его авторитетному свидетельству, соорудить ретраншемент по всем правилам просто не успели. Насыпали только реданы, а промежутки между

ними для защиты пехоты закрывали рогатками. Генерал писал, что реданы «изрядно были пушками удовольствованы»⁴³. Л.-Н. де Алларт не упомянул угловых бастионов. Трудно предположить, что они не были построены и вместо них имелись реданы. Очевидно, Л.-Н. де Алларт высказался обобщённо, желая в первую очередь подчеркнуть, что промежутки между реданами (и бастионами) не были соединены валами, но только закрывались рогатками.

«Пусть форма лагеря не ставится выше полезности, всё же более красивым считается, если длина на треть превышает ширину», — советовал Вегеций⁴⁴. Что показывают замеры на чертеже, одна из копий которого была положена в основу гравюры Я. Кайзера? Поразительно: отношение западной стороны ретраншемента (ширина; 7 см) к южной стороне (длина; 10,5 см) составляет ровно 0,66⁴⁵. На втором из названных выше чертежей, хранящихся сейчас в «Галерее Петра I» в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге, отношение ширины укрепленного лагеря (10,4 см) к длине (15,6 см) также равняется 0,66⁴⁶.

Можно попытаться приблизительно рассчитать размеры сооружения тогда ретраншемента, исходя из рельефа местности. Ясно, что укрепленный лагерь должен был заключать внутри себя вершину возвышенности, которая охватывалась двумя языками оврагов, шедших от низменной поймы Ворсклы. Северный язык не заходил столь далеко, как южный, проходивший вдоль всего южного фаса ретраншемента. Если следовать военно-топографическим съёмкам 1909 г., то южный фас лагеря можно считать равным примерно 960 м, западный — 634 м. Площадь ретраншемента при таком расчёте составит около шести квадратных километров. В предложенном подсчёте важен именно порядок цифр, а не скрупулёзное их соответствие реальности прошлого. Изучение карт позволяет с высокой степенью надёжности утверждать, что кадеты Полтавского корпуса в своё время правильно восстановили существующий поныне участок южного фаса Петровского ретраншемента 1709 г. — на некотором расстоянии от начала крутого склона возвышенности, идущего в глубь оврага.

Рисунок земляной крепости на втором чертеже из Военно-походной канцелярии Петра I при внимательном изучении оказывается не тождественным первому. Можно утверждать, что он выполнен чуть-чуть позднее. На втором чертеже изображён несколько более усиленный лагерь, чем на первом. Во-первых, на западном

Ш. Симонно.
Копия с оригинала П.-Д. Мартена Младшего.
Фрагмент с изображением ретраншемента. Картина «Полтавская битва». 1722
ГЭ

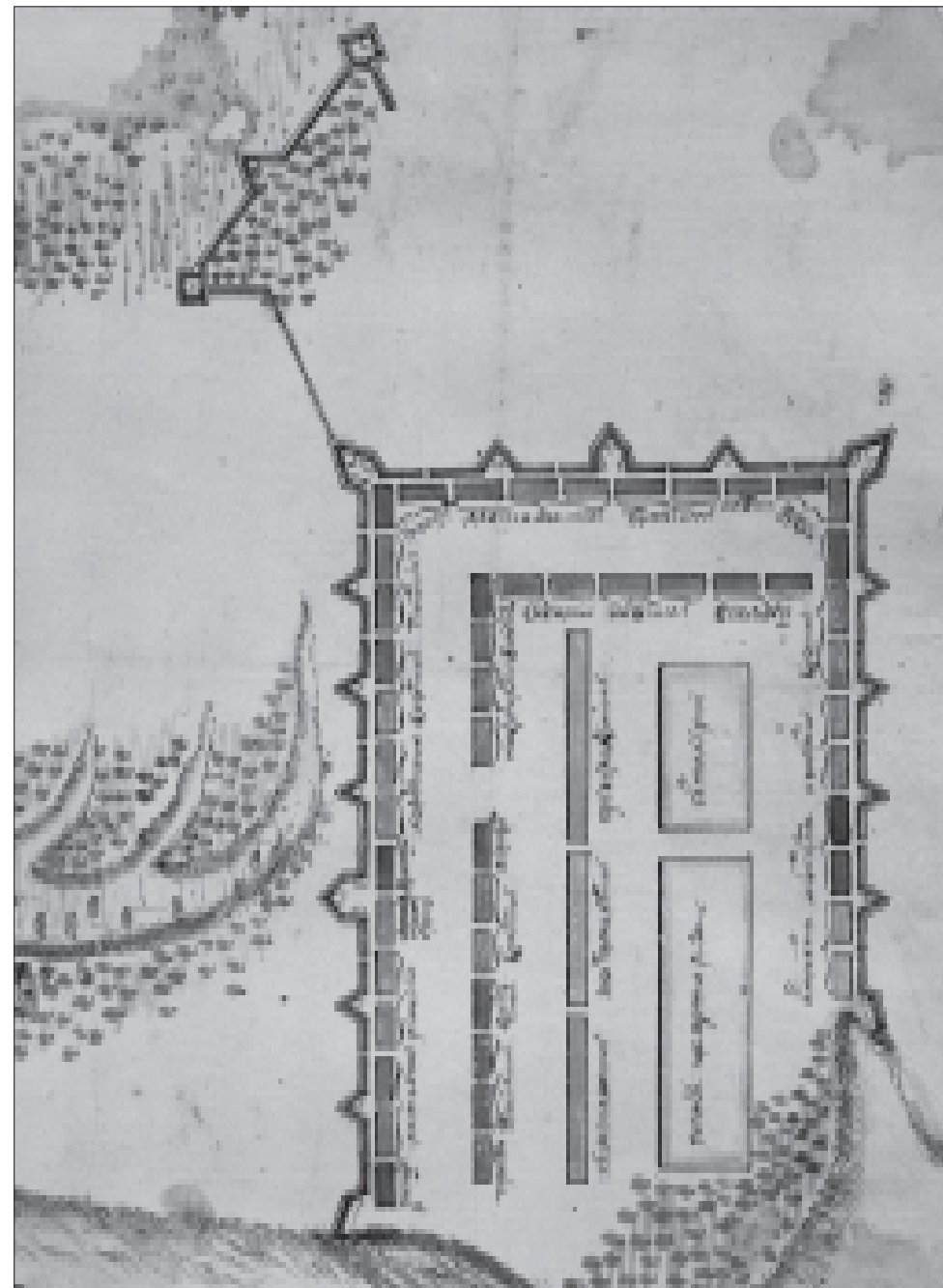

Чертёж ретраншемента с передовой позицией
из редана и двух редутов (которые не успели построить).
Из Походной канцелярии Петра I. 26 июня 1709
ОР БАН

валу ретраншемента средний из трёх реданов показан уже как бастион. Во-вторых, южный вал тоже изображён с бастионом. Переделан в бастион, согласно чертежу, был третий по счёту редан от края крутояра, спускающегося в пойму Ворсклы. Значение устройства новых бастионов для усиления укрепленного лагеря было слишком очевидным и, естественно, хорошо известным Петру I. В рукописи, поднесённой русскому монарху в 1696 г. бароном Э.Ф. Боргсдорфом, известным инженером-фортификатором, роль бастионов была подчёркнута более чем выпукло. Когда в 1708-м и феврале 1709 г. полученная царём рукопись была издана в Москве в переводе на русский язык под заглавием «Побеждающая крепость», то в ней это положение звучало так: «1. Главное правило: коль болши крепость бастионов имеет, толь крепче есть то место»⁴⁷. В-третьих, на втором чертеже из Походной канцелярии царя на наиболее угрожаемом направлении атаки со стороны шведов, юго-западнее бастиона, на стыке южного и западного валов ретраншемента, изображено новое фортификационное сооружение, о котором ещё не писали исследователи Полтавской баталии.

Что представляет собою это земляное укрепление?

Это прямая линейная земляная насыпь, вал с двумя редутами на обоих его оконечностях и с реданом посередине. Укрепление показано с тыла открытым. Именно с этого направления и попытался пробиться к русскому лагерю с частью шведской пехоты в день Полтавской битвы А.Л. Лёвенгаупт. Протяжённость этого укрепления, по чертежу, велика: 0,68 от длины западной и 0,46 от длины южной сторон ретраншемента. Вал, завёрнутый на некоторое расстояние от южного редута укрепления к тылу, переходит в идущую непрерывно до юго-западного углового бастиона лагеря пехоты и артиллерии линию рогаток. Следовательно, в случае воплощения этого фортификационного замысла шведская кавалерия не смогла бы атаковать вынесенное вперёд укрепление в тыл с южной стороны. Автор настоящей книги ранее показал, что изображённое на чертеже сооружение передаёт лишь оставшийся нереализованным план Петра I по усилению русских инженерно-фортификационных сооружений на вероятном поле битвы⁴⁸.

Есть основания считать, что первый из рассмотренных чертежей фиксирует положение на вечер 25 июня 1709 г., когда русская армия, передвинувшись южнее, начала возводить новый укрепленный лагерь — основную укрепленную позицию. Второй чертёж мог

быть выполнен днём позже — 26 июня. Часть отражённых в нём изменений могла быть воплощена в действительность. Так, два редана на западной и южной сторонах лагеря могли успеть перестроить в бастионы. Другую же часть чертежа совершенно определённо не успели реализовать на практике — это мощное укрепление с юго-запада от лагеря.

25 же июня 1709 г., в первую очередь для защиты регулярной русской конницы, разместившейся на поле перед ретраншементом, от неожиданного нападения, построили линию из шести редутов. Она перекрывала проход между двумя лесными массивами (Малобудищенским и Яковецким) — единственно возможный путь наступления на позиции русской армии. Русский офицер А.А. Носков, повторивший через два столетия, в 1909 г., маршрут наступавшей в ночь на 27 июня 1709 г. шведской армии, описал эти лесные массивы. По его осмотру: «...и теперь в связи с глубокими оврагами они представляют весьма серьёзное препятствие для стройного движения сколько-нибудь сомкнутых частей. Нет сомнений, что 200 лет тому назад, когда лес и овраги были более дики, здесь нельзя было и думать действовать обычными в то время линейными порядками. В этом, скорее всего, и заключается разгадка безумно смелого движения Карла XII в прогалину между лесами без попыток искать успеха в обходе лесами флангов противника»⁴⁹. Проход между двумя лесными массивами являл собою как бы некие широкие ворота, которые вели на север с широких равнин, благоприятных для манёвров шведской кавалерии. Ворота эти приглашали зайти в некую западню — стеснённое и закрытое со всех сторон естественными препятствиями и искусственными земляными сооружениями пространство. Прорвавшиеся туда войска оказывались вынужденными действовать только на одном направлении — к ретраншементу русских. Шведская кавалерия, славная своим ударом холодным оружием, с неизбежностью потеряла бы там свободу манёвра. Этот сценарий битвы был самым благоприятным для россиян.

Редуты на чертеже показаны одинакового размера (0,7 × 0,7 см). Они имели по одному узкому выходу. Расстояния между редутами на чертеже по сути равные: 1,0–1,2 см⁵⁰. Если последовать предложенной выше привязке к местности размеров ретраншемента, то редуты будут иметь размеры 70 × 70 м; промежутки между ними в поперечной линии — от 100 до 120 м. Само же расстояние между крайними из шести поперечных редутов равнялось южному фасу

ретраншемента, поэтому ширину прогалины между лесами (считая между крайними редутами) в год битвы можно округлённо полагать равной одному километру.

В ночь с 26-го на 27 июня по распоряжению Петра I соорудили ещё четыре редута, выступающих вперёд, один за другим, перпендикулярно к линии остальных шести редутов. На рассмотренном чертеже от 25 июня 1709 г. отражён иной замысел насыпки передовой линии из трёх редутов (не четырёх!). Они должны были отходить под косым углом от наиболее удалённого от укрепленного лагеря крайнего редута и также перекрывать всё пространство прогалины между двумя лесными массивами. Эта передовая линия, следовательно, должна была иметь примерно в два раза большие промежутки между редутами. Изложенный нереализованный замысел свидетельствует о раздумьях Петра I, российских военачальников, показывает ту усиленную работу военной мысли, которая имела место накануне генеральной битвы. Показательно, что даже Л.-Н. де Алларт оказался неосведомлённым, что в конечном счёте решено было возвести не три, но четыре дополнительных редута, то есть всего не девять, но десять. Генерал уверенно полагал, что атаку шведов на рассвете 27 июня 1709 г. встретили именно девять российских редутов. Он думал также, что все редуты были одинаковыми и относительно небольшими. По его сведениям, в каждом из них будто бы размещалось от двух до трёх сотен пехотинцев⁵¹. Очевидно, Л.-Н. де Алларт не присутствовал на том военном совете 26 июня, когда было принято новое решение о постройке в ночь на 27 июня второй очереди редутов в прогалине между лесами. Генерал не знал и о том, что в действительности возведённые редуты представляли собой сильные земляные форты с более многочисленным, чем он полагал, гарнизоном и большим количеством артиллерии.

Не все редуты также в действительности были одинакового размера. Третий из них, если считать со стороны шведов, был особенно большим. Прапорщик Далекарлийского полка А. Пильстрём, участник штурма редутов, отметил, что «третий шанец был достаточно велик и хорошо укреплён»⁵². О том же писал издатель исторического обозрения «Theatri Europaei» К. Вейланд (1720). По его сведениям, генерал-майора К.Г. Рууса с его пехотой втянули «в атаку одного из самых больших ... московитских редутов, занятого 1500 человеками, но был отбит 2 или 3 раза с большими потерями офицеров и солдат»⁵³. К. Вейланд имел в виду тот же третий редут (если считать

со стороны наступавших шведов). Полковой лекарь Далекарлийского полка Я. Шульц, пребывавший на поле баталии среди батальонов К.Г. Рууса, относительно этого редута заметил, что наступавшие шведы столкнулись «с большим и полностью отстроеным земляным укреплением»⁵⁴.

Два передовых редута из вынесенной вперёд перпендикулярной линии к началу битвы не успели закончить. Это обстоятельство названо причиной их взятия не только в официальных пропагандистских материалах: «Обстоятельной реляции» и «Гистории швейской войны». В последней говорится: неприятель «двумя редутами (которые той ночи зачаты были и не отделаны) овладел»⁵⁵. Генерал Л.-Н. де Алларт тоже писал об этом на третий день после битвы⁵⁶ и много лет спустя⁵⁷. Кроме того, как сказано, два ближних к шведам редута были меньше по размерам.

Нельзя согласиться с высказанным В.А. Молтусовым утверждением, что к северу от Яковцов — там, где заканчивался лес, а дорога от Полтавы по-над обрывом к пойме Ворсклы выходила на небольшое поле перед южным фасом русского укрепленного лагеря, — имелось ещё два редута — больших многоугольных шанца. Они изображены на ряде гравюр, сходно показывавших ход боевых действий и местность, где произошла битва⁵⁸. Однако на гравюрах этой группы имеется масса грубо противоречащих надёжным источникам данных. Достаточно сказать, что русских редуты квадратной формы на них показано только пять, причём в неожиданном месте — вдоль северного края Яковецкого леса; ретраншемент россиян изображён вытянутым вдоль косогоров, уходящих вниз к Ворскле, и имеет неправильное многоугольное начертание и т. д.⁵⁹ О существовании двух названных редуты нет сведений и в письменных источниках.

Строительная деятельность россиян на поле, где произошла битва, стало быть, была чрезвычайно усиленной вплоть до самого начала генеральной баталии. Как показано, существовали и новые обширные замыслы, которые не успели воплотить. Нужно повторить, что к шведам неуклонно приближалась русская «наступающая крепость».

Созданная комбинация полевых укреплений, наилучшим образом учитывавшая рельеф местности, при наличии соответствующих мер поддержания постоянной боеготовности давала возможность снять опасность внезапного нападения. Она позволяла подвергнуть

наступавшие войска противника губительному перекрёстному огню. Столь выгодное и столь разветвлённое инженерное оборудование занимаемых русской армией позиций сыграло огромную роль в достижении победы над образцовой шведской армией. А.Д. Меншиков подытожил результаты этой первой фазы битвы в письме великому коронному гетману А.Н. Сенявскому. Послание датировано 10 июля 1709 г. А.Д. Меншиков выделил в нём то отчаянное положение, в которое попал отряд генерал-майора К.Г. Рууса. Этот каролинец, по верной оценке А.Д. Меншикова, не имел ни возможности отступить к обозу собственной армии, ни присоединиться к основным силам армии во главе с королём. В письме говорится: «...мы так счастливо разбили неприятеля, что не только с большим конфузом отступить, но и всю свою силу он принужден был разделить, не имея возможности без главной армии вернуться к своему обозу»⁶⁰.

Ф.Ф. Ласковский справедливо подчеркнул и то огромное значение, которое призваны были сыграть редуты в случае, если бы Пётр I вынужден был воплощать наступательный вариант баталии. Историк фортификации писал о действиях царя с этой точки зрения: «...он расположил ряд редутов, под защитой которых отступившее войско могло придти в порядок, отразить неприятеля и при благоприятных обстоятельствах снова перейти в наступление. Нападение Карла XII изменило эти планы и заставило русских принять оборонительный бой»⁶¹.

Общий вывод очевиден: российский монарх придавал огромное значение сооружению земляных полевых укреплений, видел в них важнейшую предпосылку для достижения уверенной победы с малыми потерями. Особое внимание Петра I к возведению инженерно-фортификационных укреплений — это неотъемлемое свойство русского монарха как полководца. Прусский генерал-фельдмаршал Д. Кейт, прослуживший в России 20 лет (1727—1747) и, как писал король-полководец Фридрих II Прусский, хорошо «обследовавший эту местность, ставшую столь знаменитой, был убеждён, что даже если бы Карл XII располагал армией в сто тысяч человек, ему не удалось бы одержать верх над царём на этой позиции»⁶². Если в этой оценке и есть доля преувеличения, то вызвано это безусловным восхищением прусского короля Фридриха II и Д. Кейта действиями Петра I, предпринятыми для усиления своих позиций близ Полтавы полевыми фортификационными сооружениями.

Петру I удалось навязать противнику то поле битвы, которое россияне тщательно обследовали и на котором успели с 24-го и в ночь на 27-е июня 1709 г. выполнить большие фортификационные работы. «Не делайте того, чего хочет неприятель, единственно потому, что он хочет этого; избегайте поля битвы, которое он обозрел, изучил и ещё более, на котором он укрепился и окопался»⁶³, — так ярко сформулировано одно из «правил» Наполеона I. Эта установка из области полководческого искусства в полной мере соответствует тому уроку, который с блеском гениальности преподавал Пётр I под Полтавой Карлу XII. Само же приведённое выше «правило», конечно, было хорошо известно ещё со времён античности.

Новаторство царя проявилось в том, что в эпоху господства в военном деле Европы сплошных земляных укрепленных линий царь первым применил в большой баталии комбинацию из отдельно стоящих редутов. Это облегчило манёвры на поле боя, способствовало организации не пассивной, но именно активной обороны. Применённая Петром I на поле битвы комбинация редутов в форме буквы «Т», обращённой ножкой в сторону неприятеля, тоже является плодом самостоятельного творчества Петра I⁶⁴. Сугубая новизна военно-полевого инженерного искусства Петра I, впервые внедрившего в практику сражений линии сильных, отдельных замкнутых укреплений — редутов, была и остаётся в целом непризнанной западной историографией. Об этом писал ещё Ф.Ф. Ласковский (1861): «Подобная система укреплений для обороны боевой позиции представляла для того времени совершенно новое явление. Но иностранные писатели мало обратили на это внимание, и поэтому, встретив впоследствии подобное же расположение, неправильно приписали первую мысль употребления отдельных укреплений для обороны позиций маршалу Де Саксу»⁶⁵, то есть Морицу Саксонскому.

Современные зарубежные историки по-прежнему проходят мимо новаторства Петра Великого в этом отношении. Для примера, англоязычный исследователь Р. Брукс воспроизводит всё тот же закостенелый историографический штамп, столь далёкий от реальности: «Единственным реформатором, сумевшим применить свои воззрения на практике, стал Мориц Саксонский: при Фонтенуа он разбил англичан (и британскую тактику наступательного огня) с помощью полевых укреплений в стиле Мальплаке и продуманной системы артиллерийского огня»⁶⁶. Применения «стиля Мальплаке»

при Фонтенуа (1745) не было. Как автор стремился показать выше, и Мориц Саксонский, и прусский король Фридрих II углублённо изучали именно опыт применения комбинации из редутов в великой битве при Полтаве. Именно эту идею Петра Великого вторично воплотил в батальной практике Европы при Фонтенуа Мориц Саксонский. При Мальплаке (11.9.1709) отойти от рутины маршал К.-Л.-Э. Виллар не смог — он использовал традиционные сплошные линии земляных укреплений.

Непрерывные линии полевых укреплений с небольшими выходами для вылазок получили большое распространение в практике полевых сражений Нового времени со времени войн Нидерландов за обретение независимости (1567—1609). Такого типа укрепленные линии, к примеру, были возведены русскими войсками ко времени баталии при Нарве (1700), в Гродно (1705—1706), при Головчине (1708). Именно они были использованы, как сказано, в битве при Мальплаке, самой кровавой и масштабной баталии войны за Испанское наследство, состоявшейся вскоре после Полтавской битвы. Французский маршал К.-Л.-Э. Виллар перекрыл тогда равнину между двумя лесными массивами двумя сплошными линиями земляных укреплений. Они были одинаковой силы на всём протяжении. На этой фортификационной линии французы приняли удар объединённых сухопутных сил Великого союза⁶⁷.

Автор диссертационного труда о Полтавской битве В.А. Молтусов по-новому подошёл к оценке роли редутов (2002). По мысли исследователя, следует различать то большое значение, которое редуты сыграли на практике в достижении столь яркой победы над шведами, и то первоначальное, более скромное назначение, которое им отводилось при начале их сооружения, — служить защитой кавалерии, ставшей лагерем на поле позади них. Автор диссертации пишет о роли редутов так: «Оценка по конечному результату, безусловно, подчёркивала их значимость и создавала иллюзию предрешённости сражения и гениальности мер командования, обрекавшего шведов на неминуемую гибель»⁶⁸. Историк исполнен сомнений в изначальном предвидении Петром I той исключительно важной роли, которую редуты действительно сыграли в ходе битвы. «Как будто возможно было предусмотреть всё заранее и расписать бой чуть ли не по нотам», — выражает свои опасения исследователь⁶⁹.

Сомнения в военном гении Петра I, с таким блеском воплотившего в полевой баталии новую для военного искусства Европы идею

отдельно стоящих линий редутов, как представляется, неуместны. Что царю по силам было предвидеть ситуацию, которая возникла бы на поле битвы, используя шахматную терминологию, через «два хода», не приходится терзаться сомнениями. Кстати, русский монарх любил древнюю мудрую игру, нередко проводил за шахматной доской часы досуга. Катастрофическая ситуация, которая с неизбежностью возникала для шведов в случае прорыва главных сил их армии за комбинацию двух линий из десяти редутов, требовала предвидения, по существу, надо повторить, только на «два хода». Выжидательный вариант битвы для россиян, вне всякого сомнения, был наиболее предпочтительным. Неслучайно поэтому царь написал коменданту Полтавской крепости полковнику А.С. Келину за день до битвы, 26 июня 1709 г., следующий указ: «...ныне ... вам повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою, до половины июля и далее...»⁷⁰. Русский монарх, следовательно, был в высшей степени исполнен терпеливого выжидания. Российские войска находились всего лишь в нескольких верстах от главных сил шведской армии, но за лесом с глубокими оврагами и ручьями, в сильном ретраншементе, примыкавшем к непреодолимой в данном месте без сооружения мостов реке (надёжный тыл и неограниченный источник питьевой воды) и за двумя цепями редутов. Ситуация, при которой неприятель может атаковать укрепленные позиции россиян «по своей обыкновенной запальчивой отваге» (выражение печатной реляции 1709 г. и первой редакции «Гистории свейской войны» о начале нападения шведов на русские редуты⁷¹), была достаточно предсказуемой. Царь и наиболее опытные полководцы из его окружения, можно предполагать, допускали, что внешнее сходство модели предстоявшей битвы (в случае решительной атаки шведов на земляные укрепления россиян) с поражением русской армии при Нарве 1700 г. будет являться для Карла XII едва ли преодолимым соблазном. Черты психологического склада личности шведского короля были к тому времени вполне изучены царём и использовались при моделировании вероятных действий «горячего Карлуса» и его правой руки К.Г. Рёншильда.

В.А. Молтусов обосновывает свой взгляд следующим образом: «Историки подпадают под влияние такого авторитета военного дела, как маршал Мориц Саксонский, с чьей лёгкой руки в русской историографии распространилась преувеличенная оценка редутов»⁷². Автору книги, напротив, представляется, что понимание роли

редутов Морицем Саксонским чрезвычайно глубокое, взвешенное и помогает дать непредвзятую оценку планов и действий двух венценосных военачальников. Знаменитый полководец, в самом деле, очень убедителен в своих доказательствах и рассуждениях. Он, в частности, писал следующее: «Невозможно было наступать на московитскую пехоту, не взяв этих редутов, так как нельзя было ни оставить их позади, ни пройти между ними, не подвергаясь опасности быть уничтоженным их огнём»⁷³.

В.А. Молтусов, укоряя историков в том, что они «не делают никаких разграничений между первичными требованиями, предъявлявшимися к редутам, и их реальной отдачей, то есть той ролью, которую они действительно сыграли в бою»⁷⁴, по существу, лишь по-иному расставляет ударения. Нельзя подвергать сомнению, что первичная роль, задача-минимум редутов — это защитить кавалерию, разместившуюся походным лагерем на поле, раскрывавшемся за проходом между двумя лесными массивами, который царь указал перекрыть двумя линиями редутов. Однако задача-минимум, существовавшая со всей очевидностью, не отрицает того, что была и задача-максимум: искушить шведов на прорыв на поле за редутами. Выше приведено одно из доказательств этого — выдержка из письма царя полтавскому коменданту А.С. Келину, посланного за день до битвы: русский монарх не торопился атаковать шведов. Судя по письму, Пётр I готов был выжидать ещё три недели и даже больше. Может быть, сомнения в военном гении, прозорливости Петра Великого, расчёте им возможных вариантов развития событий далеко не на один ход вперёд, но на несколько отпадут, если исследовать сюжет о так называемом «золотом мосте». В конструировании ситуации, когда в грядущей битве противнику могло быть предложено неотразимое искушение этой иллюзией, значение редутов было ключевым. Итак, следует перейти к изучению поставленного вопроса.

ГОТОВИЛ ЛИ ПЁТР I ДЛЯ ШВЕДОВ НЕОТРАЗИМОЕ ИСКУШЕНИЕ «ЗОЛОТЫМ МОСТОМ» ДЛЯ БЕГСТВА?

С глубокой древности замечено, что попавшие в полное окружение воины, которые сумели сохранить строй и боевой порядок, способны оказать самое ожесточённое сопротивление и нанести

существенный вред, казалось бы, уже одержавшему победу противнику. До тех пор пока воины держали строй и продолжали сражаться, у них оставалась надежда спастись. Силы попавшего в критическое положение противника, бывало, удесятерялись. Практические наблюдения над психикой и поведением человека в сражении привели теоретиков военного дела европейского Древнего мира к выведению правила так называемого «золотого моста». Рекомендация была эффективна по отношению к неприятелю, пребывавшему в отчаянном положении и готовому бежать (если будет видна возможность для этого). Потерпевшего поражение противника, видящего более чем вероятную близкую гибель, но ещё не исчерпавшего потенциал сопротивления, следовало искушить иллюзорной возможностью сохранить жизнь бегством. Это искушение безошибочно играло на врождённом человеческом чувстве самосохранения, на глубоко укоренённом в подсознании эгоизме людей, выходявшем наружу в случае смертельной опасности. Внесённое этим в ряды противника разобщение создавало условия для полного расстройств его боевых порядков, панического бегства толп разгромленных врагов в открытом для этого направлении, что использовалось для истребления либо пленения вражеского войска при его преследовании. Предоставление неприятельским войскам «золотого моста» для бегства не делало победу усечённой, но, как показал опыт, она достигалась гарантированно, скорее, с меньшими жертвами и часто в большем объёме. Высокую действенность правила «золотого моста» подтверждает вся история военного искусства Древнего Рима и Византии. Неизвестно более ни единой победы, полученной в итоге полного окружения главных сил неприятеля, которая была бы подобна грандиозному побоищу, устроенному римлянам Ганнибалом при Каннах в 216 г. до н. э.⁷⁵

Вот как формулирует правило «золотого моста» Вегеций: «Многие неопытные в военном деле думают, что победа над врагом полнее, если они запрут врага или в узком месте, или множеством своих вооружённых так, что ему не будет никакой возможности уйти. Но у запертого врага вследствие отчаяния растёт смелость, и когда нет уже надежды, то страх берётся за оружие. Охотнее умирает вместе с другими тот, кто наверное знает, что ему предстоит умереть. И поэтому заслуживает всякой похвалы мысль Спигиона, который сказал, что для врагов надо поправить дорогу, по которой они хотят бежать. Когда путь к отступлению открыт, все единодушно обращают тыл,

и тогда врагов безбоязненно можно избивать, как стадо скота. И для преследующих нет никакой опасности, когда побеждённые, убегая, повернули от врагов своё оружие, которым они могли бы защищаться. В этом случае, чем больше будет численность врагов, тем легче будет уничтожить большую их часть»⁷⁶. Или: Полиен в трактате «Стратегемы» («Военные хитрости»; 162 г. н. э.) утверждал, что Ликург издал следующий закон для жителей Спарты: «Не преследуйте бегущего неприятеля, который в таком случае, не находя спасения в бегстве, может остановиться»⁷⁷. По его свидетельству, спартанский царь Агесилай (правил в 399 — ок. 361 г. до н. э.) тоже «советовал не преграждать пути бегущему неприятелю»⁷⁸.

Что Пётр I был знаком с правилом «золотого моста», с античным и византийским опытом его боевого применения, не подлежит сомнению. В сочинения Фронтин, русский перевод которого, как сказано выше, был сделан для Петра I в 1693 г., имеется особый раздел, излагающий его с многочисленными примерами. Он называется следующим образом: «Как выпустить неприятеля, чтобы он, будучи заперт, не возобновил сражения»⁷⁹. В переводе К. Истомина, которым пользовался Пётр I, наименование этой главы сформулировано следующим образом: «О искушении врага. Дабы во отчаянии паче не бился»⁸⁰. Чёткая формулировка правила имеется и в напечатанном в 1700 г. на русском языке извлечении из военных трактатов прошлого. Там содержится рекомендация не держать неприятелей в полном окружении: «...супостатов не держать посреде в бою». В этом случае противник, обороняясь, мог нанести слишком большой урон. Открытый же для попавшего в отчаянное положение неприятеля путь к бегству приводил к дезорганизации его сопротивления и вполне гарантировал от того, чтобы враги «не поразили воинства нашей стороны». В качестве примера в издании 1700 г. приведён случай из боевого опыта Юлия Цезаря, заимствованный в свою очередь из сочинения Фронтин: «Кай Кесарь, видя немцов посреде (в окружении. — П.К.) крепко биющихся, повеле выпустить, бежащих же гони»⁸¹.

Правило «золотого моста», можно уверенно полагать, было известно среди российского генералитета не только самому царю. Любопытно привести отрывочный факт. В 1741 г. после одного из боёв со шведами вблизи Фридрихсгама инженер-поручик М.А. Муравьёв доложил о бегстве противника с занятой укрепленной позиции. Показательны сказанные ему в ответ на устное донесение слова

генерал-аншефа В.Я. Левашова (1667—1751): «Дай, Бог, неприятелю золотой мост»⁸². В.Я. Левашов начал военную службу солдатом. С 1700 г. служил поручиком. Он был участником множества военных событий Великой северной войны, в том числе и Полтавской битвы.

Вероятно, решение применить к шведскому воинству едва ли преодолимое в критическом положении искушение возможностью бегства с поля битвы было коллективным мнением, принятым на военных советах. Однако последнее слово, конечно, было за Петром I — царь уверенно держал в руках управление войсками накануне решающей битвы.

Ключевое доказательство того, что Пётр I применил в битве при Полтаве хорошо известное ему правило «золотого моста», на взгляд автора, — конфигурация полевых укреплений, созданная по указаниям царя на местности, где произошла битва, и расположение русских войск в ожидании возможного нападения шведов. Система российских земляных укреплений исходила из того обстоятельства, что шведы могли атаковать силами всей армии только в одном месте — через полностью перекрытую двумя линиями редутов прогалину между двумя лесными массивами. Редуты образовывали своей конфигурацией букву «т», обращённую ножкой в сторону противника, и были заняты сильным отрядом русской пехоты (шесть полков) с артиллерией на валах. Промежутки между редутами были таковы, что простреливались на всём пространстве плотным артиллерийским и ружейным огнём с близкого расстояния. Прогалина же вела на поле, раскинувшееся перед русским укрепленным лагерем. Если бы «горячий Карлус» рискнул вырвать победу путём стремительного прорыва через линии редутов (что он и предпринял 27 июня 1709 г.), то он бы оказался, так сказать, «в мешке с одним выходом». На поле, куда, миновав редуты, попадали шведские полки, они оказывались охваченными с трёх сторон полевыми укреплениями россиян и естественными препятствиями. С востока перед шведами возвышался российский полевой ретраншемент, в котором стояли лагерь, согласно чертежам из Походной канцелярии царя, 29 регулярных пехотных полков с приданной им артиллерией и весь парк полевой артиллерии⁸³ (ещё 32 орудия). С севера поле ограничивала болотистая лощина, непреодолимая без устройства гатей, на которой брала исток речка Побыванка. Вдоль этого болота, к северу от него, шла возвышенность, по которой проходила линия насыпных земляных

укреплений. Во время битвы этот высокий гребень местности, усиленный полевыми инженерными сооружениями, занимали украинские казаки под командованием гетмана И.И. Скоропадского. Рядом же с казаками стояли в боевом строю шесть драгунских полков под командованием Г.С. Волконского (тактический резерв). К югу от шведов после их прорыва на поле, где должна была произойти решающая схватка, оставалось восемь полностью отстроенных редутов, занятых шестью полками россиян⁸⁴.

Пётр I, как стремится показать автор, вероятное сражение у редутов мыслил как часть общего тактического замысла приведения в действие правила «золотого моста». В этом случае боевое столкновение на линии редутов имело целью задержать продвижение шведов, снять эффект внезапности, дать возможность пехоте в укрепленном лагере подготовиться к сражению, измотать неприятельские войска и при возможности разделить их на отдельные отряды, чтобы реализовать старинное правило военного искусства — бить неприятеля по частям.

Во время битвы значительная часть шведской пехоты не смогла прорваться сквозь линию из шести редутов, расположенных поперёк прогалины между лесными массивами, и вынуждена была пробираться в обход редутов через лесные чащобы и устроенные в них завалы. Шесть шведских батальонов (в сражение было двинуто всего 18 батальонов) не смогли пройти на поле за редутами, были отброшены, разгромлены и пленены. Шведская кавалерия пронеслась в промежутках между редутами на полном скаку, но с определёнными потерями⁸⁵.

После того как шведы прорвались-таки на поле к северу от редутов, стало понятно, что обратного пути для них нет. Безумная попытка обратного прорыва грозила им ударом в тыл более чем 20-тысячной массы русской регулярной кавалерии, а русская пехота из укрепленного лагеря должна была обрушиться на левый фланг шведов. Это грозило очевидным избиением. Когда шведская пехота и конница были опрокинуты во время решающей фазы битвы на поле за редутами, то шведским пехотинцам не пришлось в голову искать спасения бегством в сторону редутов — туда, откуда они пришли. Путь назад был хорошо знаком, но шведы не могли не помнить произошедшего там побоища.

Итак, очевидно, что в случае складывания для шведских войск на поле перед русским ретраншементом критической ситуации (для

этого Пётр I создал все предпосылки), у скандинавов оставался только «выбор», который вряд ли слишком многих вдохновлял: скорая гибель, плен или же бегство через лес, замыкающий поле с запада. С трёх других сторон, как показано, располагались сильные инженерно-полевые сооружения россиян, занятые многочисленными войсковыми группами; с востока же построившееся в боевые порядки шведское войско атаковали главные силы русской армии. Это и есть случай предложения неприятелю «золотого моста» для бегства.

В «Гистории швейской войны», правившейся рукою первого российского императора, говорится, что образцовое шведское воинство 27 июня 1709 г. удалось обратить в безостановочное бегство на второй фазе битвы достаточно быстро («непобедимыя господа шведы скоро хребет показали») и не столь чрезвычайными усилиями. Об относительной «лёгкости» и малой «цене победы» в этом официальном источнике сказано в следующих словах: «И тако... совершенная виктория (которой подобной мало слыхано) с легким трудом и малою кровию против гордаго неприятеля... одержана»⁸⁶. По словам российского монарха, высказанным в беседе с К. Пипером, который сдался в плен близ Полтавы, шведы были принуждены к бегству «без особого противостояния»⁸⁷.

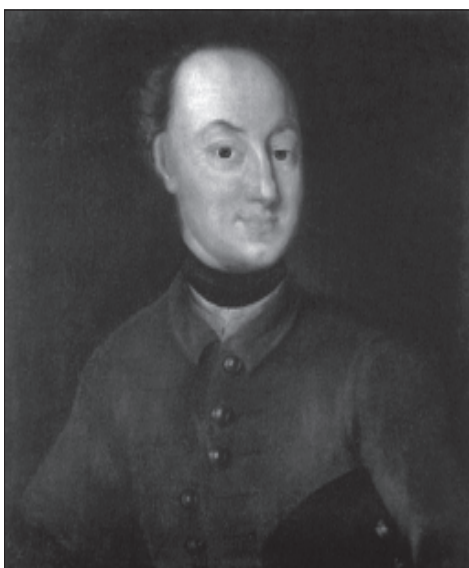
Можно утверждать, что достаточно быстрое обращение на Полтавском поле в беспорядочное бегство значительной части превосходящих по боевой подготовке и опыту шведских войск — пехоты и конницы — далеко не в последнюю очередь являлось следствием столь искусно устроенного им «золотого моста» для бегства.

Правило «золотого моста», как сказано, предполагало организацию преследования беспорядочно бегущего неприятеля с целью его истребления либо пленения. «Гистория швейской войны» свидетельствует: «...швецкое войско ни единожды потом не остановилось, но без остоновки от наших шпагами и багинетами колоты и даже до обретающегося лесу, где оныя пред баталиею строились, гнаны»⁸⁸.

Полное пленение либо истребление всей шведской армии замыслилось стратегическим гением Петра I, как можно уверенно утверждать, не на полях близ Полтавы, но на берегу Днепра. Возможный уход шведской армии за Днепр означал бы резкое ухудшение перспектив России на успех в тянувшейся уже девять лет войне.

Едва ли царь имел мысли, отличные от высказанных во «Мнении» генерала Л.-Н. де Алларта от 5 июня 1709 г. Генерал с пылом

возражал тогда против мысли «короля шведского за Днепр перепустить». Вот строки из его «Мнения»: «...сие Его Царского Величества к высокому интересу не токмо весьма вредительно, но и к вящему безславию будет, ибо может с нашей стороны ещё 10 лет войну продолжать, а никогда такого авантажу не получим: короля шведского в такое утеснение, нужду и окружение меж двумя реками привести, в каком он ныне есть. И опасатися надлежит, что ежели мы нынешняго случая не употребим, то король шведской вновь усилится, и Станислава в своё расположение, також по времени поляков и Литву к своей стороне привести может. И ежели генеральной мир в Европе учинится, как к тому надежда есть, то не надлежит сомневаться, что король французской короля шведскаго, яко вечнаго своего приятеля, вспомогать как советами, так деньгами и людьми будет...»⁸⁹.

Неизвестный живописец.
Портрет Карла XII.
Фрагментарная копия с оригинала
Д. Крафта. 1717
ГМК «Кусково», Москва

Царь действительно был крайне обеспокоен тем, что шведы могут переправиться за Днепр. Как только Пётр I получил сведения от перебежчиков, что неприятель начал разведку, «как возможно за Днепр перебраться», он 23 июня 1709 г. отправил предписание гетману И.И. Скоропадскому. Ему следовало указать казацким военачальникам, «дабы они весьма того накрепко смотрели, чтоб оных шведов за Днепр не перепустить»⁹⁰. Гетман должен был поставить отрядам украинских казаков задачу — изъять на Днепре все возможные средства для переправы шведской

армии в местах, где она могла осуществиться⁹¹.
Следовательно, полезно ещё раз подытожить: «золотой мост» для шведов планировался только до края ловушки — до берега Днепра. Пленение без сражения на берегу Днепра оставшейся части шведской армии (ок. 15 900 чел., включая нестроевые чины⁹²) на третий день после битвы является логичным и заранее задуманным завершением разгрома шведов на Полтавском поле.

Важно оговориться, что как среди полководцев XVIII в., так и среди отечественных историков XIX — начала XXI в. широко распространено упрощённое понимание полководческого приёма «золотого моста». Целью его объявляется не возможно более полное и лёгкое истребление либо пленение противника, но желание лишь вынудить его отступить с поля битвы. Конечно, некоторые военачальники в определённых ситуациях считали выгодным и такой исход баталии. Г.А. Леер писал о таком толковании этого «правила»: «...когда дело доходило до боя, не ставили себе целью окончательное низложение противника, а обыкновенно ограничивались только вынуждением его к отступлению, честью выиграть поле сражения, нисколько не заботясь о преследовании его (по тогдашней поговорке: разбитому неприятелю следовало строить золотые мосты)...»⁹³.

Такое понимание полководческого приёма «золотого моста» следует рассматривать как усечённое. Это своего рода цель-минимум. Действия Петра I в Полтавской битве решительным образом расходятся с таким толкованием цели устройства противнику «золотого моста». Неоспоримая цель русского монарха — полный разгром и пленение всей шведской армии во главе с Карлом XII. Следовало не упустить победу, не дать врагу возможности для реванша в ходе плохо организованного преследования. Применение Петром I в битве при Полтаве выработанного долгим военным опытом античности и средневековья правила «золотого моста» лишний раз характеризует русского монарха как полководца, углублённо изучавшего военный опыт прошлого и творчески применявшего его в подходящей обстановке. Одно из прямых следствий этого — блестящий успех русского оружия в Полтавской битве.

СТЯГИВАНИЕ РОССИЙСКИХ ВОЙСК К МЕСТУ БИТВЫ И ИХ РАССРЕДОТОЧЕНИЕ НА ПОЛЯХ БРАНИ. ВЫДЕЛЕНИЕ РЕЗЕРВОВ

В главе о приготовлениях к сражению Лев VI Мудрый давал полководцам установку соединить вместе все части действующей армии: «Близ наступающая... брани, все рати в едино ополчение совокупить...»⁹⁴. Пётр I в полной мере осознавал важность этой рекомендации. Для генерального сражения русский монарх желал сосредоточить

как можно больше войск. Меры принимались заблаговременно. Когда же было принято решение о близком вступлении в генеральную баталию, царь стал усиленно стягивать войска непосредственно к месту близившейся битвы.

Царь предусматривал активное участие в предстоявшей битве мужественного гарнизона Полтавской крепости. 19 июня 1709 г. самодержец послал в нескольких экземплярах предписание на этот счёт коменданту крепости полковнику А.С. Келину: «...ежели мы когда с неприятелем в бой вступим близ города, тогда и вы с своей стороны учините выласку, как силно можете»⁹⁵.

К вечеру 24 июня по требованию царя к Семёновскому лагерю с застав на реке Псёл подошёл «со всем своим войском» гетман И.И. Скоропадский⁹⁶. Вместе с главными силами украинского казачьего войска к армии присоединились регулярные полки: 2 пехотных и 4 драгунских. Они находились при министре князе Г.Ф. Долгоруком⁹⁷, пребывавшем при гетмане. Показательно, что только на следующий день после подхода этих войск Пётр I счёл возможным занять с армией новую укреплённую позицию — ближе к расположению шведской армии, севернее деревни Яковцы.

Немалое значение монарх придавал присоединению к войскам ещё одного отряда калмыцкой конницы («зело нужно»⁹⁸). Ещё 7 февраля 1709 г. Пётр I написал казанскому воеводе П.М. Апраксину обеспечить содействие калмыцкой конницы. Царским посланием были определены сроки, численность отряда и вознаграждение за службу: «По получении сего потрудитесь, дабы от Аюки получить к будущей весне, а имянно: к маю месяцу в службу нашу сюда к главной армии колмык добрых и с нарочитым и верным тайшоу тысячи три. А буде толикого числа получить невозможно, то хотя две или по последней мере одну тысячу человек, и обещать им на рядовых против прежних примеров денги и прочее, а тайше тому, також и знатным мурзам, дать знатную дачу, дабы конечно притить могли сюда к маю...»⁹⁹

Калмыцкий хан Аюка выделил отряд по численности более, чем было царское пожелание. Во главе отряда встал старший сын Аюки Чактор-Джаба (Чапдержап). Однако совершенно очевидно замедление со сроком выступления калмыцкой конницы на помощь к российским войскам. Только 8 июня 1709 г. 3300 калмыцких всадников, получив жалованье от воеводы, «со всяким усердием охотно» выступили в поход, но ещё только «от Волги»¹⁰⁰. Царь желал

ускорить движение отряда. Он предписал своему представителю при калмыках 21 июня 1709 г.: «...как возможно скоряя, сюда во армею поспешайте...»¹⁰¹. Продвижение калмыков было стремительным, но 25 июня 1709 г. отряд ещё находился довольно далеко — на пути к Изюму и Харькову¹⁰². Эти калмыцкие всадники прибыли в окрестности Полтавы только 3 июля 1709 г.¹⁰³

Важно отметить, что царь и его правая рука в грядущей битве А.Д. Меншиков считали необходимым держать все силы армии сосредоточенно, в пределах часа пути. Светлейший князь оценивал произошедшее 25 июня 1709 г. передвижение армии на новую позицию такими словами: «Вчера обоз свой перенесли мы сюда и хотя ближе к неприятелю, только зело в удобном месте стали и траншемент построили... и опасности никакой нет, понеже все стоим в одном месте и наша армия вся здесь в совокуплении»¹⁰⁴.

Пётр I не последовал настойчивым советам многих российских генералов разделить армию на две отдельно действующие половины. 4 июня 1709 г. генерал-лейтенант С. фон Ренцель предлагал, чтобы одна часть армии осталась в лагере напротив Полтавы «для обороны... апрош». Другой части пехоты и конницы следовало перейти на «шведский» берег Ворсклы, выше по течению у Будищ, продвигнуться на расстояние одной мили до неприятеля «и тамо наскоро остановиться и окопаться»¹⁰⁵. 5 июня 1709 г. генерал Л.-Н. де Алларт был сходного «мнения, что ежели город Полтава во опасении, то б половину войска здесь оставить, а другую половину переправить во удобном к тому месте и стать во ошанцованном обозе в миле от неприятеля» и беспокоить его беспрестанными действиями кавалерии¹⁰⁶. Генерал-лейтенант Ф.И. фон Беллинг тоже считал целесообразным переправить на другой берег Ворсклы 10 000 кавалерии и 16 000 пехоты с землекопными инструментами. Задачу их он видел в том, «дабы крепкой окоп сделать могли, чтоб от неприятельской кавалерии безопасным быть»¹⁰⁷. Руководивший артиллерией Я.В. Брюс в те дни тоже полагал полезным 8000 или 10 000 пехотинцам переправиться на другой берег Ворсклы выше Полтавы. Там им следовало построить «транжамент, которым возможно неприятелю в его намерение великое [вреди-; помеша-?]тельство учинить». В случае штурма крепости шведскими войсками следовало идти «на выручку городу и напасть на неприятеля»¹⁰⁸.

Общее превосходство российской стороны в численности войск и артиллерии накануне генеральной битвы было очевидно. Это

давало русскому монарху возможность создать большой запас прочности, подстраховаться на случай возможных неожиданностей, получить лучшие возможности для управления войсками через выделение многочисленных резервов. Как показали действия Петра I по руководству русской армией 27 июня 1709 г., при подготовке и во время самой битвы он придавал огромное значение созданию тактических резервов — частей боевого порядка, находившихся под его командованием собственно на поле брани и в непосредственной близости, готовых по приказу вмешаться в ход баталии.

Царь в этом вопросе внимал голосу полководцев древности в полной мере. В девятой главе русского издания трактата Льва VI Мудрого, посвящённой приготовлениям военачальника к сражению, этому сюжету отведено немало места. Византийский современник русского князя Олега Вещего убедителен в своих рассуждениях: «...многие бо ... погибоша, иже все рати своя в ополчение совокупиша. С сиеца (такого. — *П.К.*) ополчения помощи мало. Лучше есть благоразумно оуправляти, нежели великою силою наступати. На две рати, или части, разделить имать ополчение, дабы одно другому было на помощь. Первая рать, яже имеет назади помощь, смелей ударит на супостаты. Аще бы побеждена, в бежестве устремлятися восхотела, задняя содержит, дабы не убежали...»¹⁰⁹. Мыслям Льва VI Мудрого соответствует положение, заимствованное из трактата Вегеция и помещённое в том же издании 1700 г. Оно гласит, что войско «лучше... на многие рати разделить, нежели воинство широко ставити»¹¹⁰.

Пётр I не пренебрёг и тем, чтобы поставить войско шире боевого порядка противника, но при этом разделил его на несколько частей: выделил тактические резервы. На второй фазе битвы регулярные русские пехотные и конные полки, как известно, построились в две линии. Вторая линия служила тактическим резервом. Напротив, Карл XII не смог создать пехотного резерва на поле брани в виде второй линии, и это стало одной из многочисленных предпосылок столь полного, быстрого и относительно малокровного разгрома шведов на решающей фазе битвы.

Лев VI Мудрый давал и такой совет полководцам, вступающим в битву с большим превосходством в численности войск («с великими силами»). Резервные отряды он рекомендовал поставить «сбоку или сзади»¹¹¹. Этой рекомендации русский царь следовал также в полной мере. Часть резервов была оставлена в тылу, другая — вблизи

правого фланга. За второй линией русских войск размещался сильный тактический резерв за реданами и бастионами укрепленного лагеря. Он включал, по ведомости за подписью Б.П. Шереметева, 13 батальонов¹¹².

Корпус из шести полков регулярной конницы под командованием генерал-майора Г.С. Волконского был послан «для коммуникации» с войсками гетмана И.И. Скоропадского, стоявшими главным образом по северному гребню балки Побыванки. Конный корпус Г.С. Волконского занял проход между началом балки Побыванки и возвышенностью, на которой был возведён ретраншемент. Это была важная позиция на коммуникационной линии — она седлала дорогу, шедшую от Полтавы мимо западной стороны ретраншемента и далее вдоль Ворсклы к бродам и мостам. Отправление конного резерва Г.С. Волконского произошло в то время, когда сумевшие прорваться мимо редуты шведские войска перегруппировывались, готовясь для последующего наступления. Русская регулярная пехота в это время уже выступала из ретраншемента и выстраивала боевые линии перед решающей схваткой. В «Истории свейской войны» подчёркнуто, что эти 6 полков конницы «все на бою генеральном не были»¹¹³. Ещё одним тактическим резервом россиян, угрожавшим правому флангу боевых порядков шведов, двинувшихся навстречу русской коннице и пехоте, выступившей из ретраншемента, являлся сильный корпус из шести полков русской пехоты, занимавший редуты.

Итак, против шведской армии, двинувшейся навстречу россиянам на поле за редутами, в случае необходимости могли быть оперативно использованы четыре сильных отряда тактического резерва, состоявшие из регулярных войск: вторая линия (фактически три отряда: пехота в центре и конница с обоих флангов), гарнизоны укрепленного лагеря, редуты и кавалерийский корпус Г.С. Волконского. К этому следует добавить конные и пешие отряды казаков, конницу из калмыков, валахов и татар. Мощной поддержкой в случае непредвиденных осложнений мог стать артиллерийский резерв под командованием генерал-майора И.Я. Гинтера, оставленный в ретраншементе (32 орудия).

Таким образом, русские войска во время решающей битвы Великой северной войны не пребывали в едином малоподвижном «ополчении», но были разделены на большое число манёвренных отрядов, находившихся в тесной связи и взаимодействии. Их действия в значительной мере способствовали оглушительному успеху русских

войск в генеральной баталии со столь закалённой в боях и опытной в выполнении манёвров армией противника.

Карл XII в отличие от Петра I не задействовал в атаке на русские позиции всех имевшихся в его распоряжении войск — пример, ставший столь поучительным для полководцев XVIII в. Оценивая этот шаг шведского короля, Фридрих II Великий (1712—1786), король Пруссии, высказывался о его крайней несообразности: «Старинное правило военное, которое я здесь повторяю, что ежели вы силу свою разделите, то будете разбиты по частям. Когда намерены вы учинить сражение, то соедините столько войск, сколько вы можете, ибо иначе не можно их никогда полезнее употребить. Сие правило так верно, что все те генералы, которые оное пренебрегли, имели после причину об оном раскаиваться»¹¹⁴.

Очевидно, что среди военачальников, раскаивавшихся в пренебрежении этой мудрой установкой военного искусства, Фридрих II не в последнюю очередь подразумевал другого венценосного полководца — Карла XII и его учителя и в дальнейшем первого помощника на полях сражений К.Г. Рёншильда. В другом труде по военному искусству прусский король писал, прямо упоминая Карла XII и печальный для него опыт Полтавской баталии: «Представляется, однако, что поскольку он решил дать баталию, следовало оставить свои траншеи, чтобы быть в состоянии предпринять все возможные усилия против своих врагов; определённо, что, если битва была бы выиграна, Полтава пала сама собой, и что, если бы баталия была потеряна, пришлось бы равным образом снять осаду»¹¹⁵.

КАКОВ БЫЛ ГАРНИЗОН РЕДУТОВ?

Почти три столетия продолжается спор исследователей о численности гарнизона русских редутов. Вопрос был неясен даже для многих весьма осведомлённых современников. Пехотный генерал Л.-Н. де Алларт, пребывавший в начале сражения с вверенной ему дивизией в ретраншементе, не имел точных сведений даже о числе российских редутов: «Редуты было 9; каждый занимали от 200 до 300 человек...»¹¹⁶. В отечественной литературе есть утверждения (без конкретных ссылок), что гарнизон редутов состоял из двух батальонов Белгородского полка и двух пушек¹¹⁷, что «в каждом редуте было поставлено по 2 батальона с полковыми пушками»¹¹⁸ и др.

Казалось бы, долгую научную дискуссию завершил А.А. Васильев. В 1989 г. он опубликовал сведения, что гарнизон редуты составляли шесть пехотных полков общей численностью 4730 чел.¹¹⁹ Исследователь сослался на надёжный первоисточник — архивное «ведение» за подписью Б.П. Шереметева, подготовленное по запросу Петра I и отправленное царю 26 июля 1709 г.¹²⁰ А.А. Васильев не привёл, однако, названий этих 6-ти полков, как и численности их личного состава по отдельности. «Ведение» оставалось неопубликованным. Может быть, поэтому А.В. Беспалов, повторяя в работах последних лет сведения о гарнизоне редуты из 4730 чел., приводит перечень полков, защищавших редуты (без ссылок на источник), не совпадающий с ведомостью за подписью Б.П. Шереметева. Согласно А.В. Беспалову, редуты обороняли Белгородский, Ивангородский, Неклюдов, Нечаев, Переяславский и Ямбургский полки¹²¹. На наш взгляд, нет ни малейших оснований не доверять «Ведению», отправленному Б.П. Шереметевым царю вскоре после битвы. В этом документе сказано: «В редутах з брегадиром Айгустовым были полки, в них людей: Белогороцкой — 1067, Ямбургской — 682, фан Делдина — 893, Нелидова — 749, Нечаева — 634, Неклюдова — 705. Итого 6 полков: 4730»¹²².

Здесь же следует прояснить тёмный сюжет о том, где был 27 июня 1709 г. Переяславский пехотный полк, зачисленный А.В. Беспаловым в гарнизон редуты. Относительно того, каким было реальное участие этого полка в событиях тех дней, наводит на мысли обнаруженная «сказка» капитан-поручика С.И. Панова (1718 г., январь). Он был пленён шведами в составе Переяславского полка в Веприкке (6.1.1709). По утверждению офицера, во время боя в Старых Сенжарах на Ворскле ниже Полтавы (14.6.1709) он «за боем ис полону свободился, и вышел к Полтаве к Его Царского Величества войску, и во время главной Полтавской баталии был». Однако его личное участие было своеобразным. Во время битвы он служил в качестве полкового обозного полка Ю.И. Буша¹²³, иначе Третьего грендерского¹²⁴. Если строевые грендеры этого полка действовали на решающей фазе битвы в двух линиях боевого порядка пехоты, то С.И. Панов, судя по своей нестроевой должности, пребывал в обозе. Но где находились армейские обозы в день битвы?

Б.П. Шереметев 18 июня 1709 г. написал об этом в письме командующему артиллерией Я.В. Брюсу вполне определённо. Речь в письме шла о немедленном выполнении одного из мероприятий перед генеральной баталией, к которой началась непосредственная

подготовка, — об отправлении в ближайший тыл полковых обозов и других запасов. Генерал-фельдмаршал сообщал: «Сего числа Царское Величество указал... обозы и протчие тягости от всех 3-х дивизий... отправлять к Рублевке... також и от артиллерии тягости, которые в нынешней случай к неприятелскому отпору не потребны, послать к Рублевке ж и быть купно с полковыми обозы»¹²⁵. Обозы армии были действительно отправлены к селению Рублёвка. Село расположено примерно в 40 верстах от места, где произошла битва, за Ворсклой. Значит, можно сделать вывод: С.И. Панов не принимал непосредственного участия в Полтавской битве. Он находился в ближайшем тылу.

Единичный, в данном случае уникальный документ, «сказка» С.И. Панова даёт основание предполагать, что солдаты Переяславского полка после освобождения их из плена были распределены по нестроевым вспомогательным должностям в армейском обозе, отправленном к Рублёвке. В пользу такого предположения говорит тот факт, что об отдельной роли этого полка непосредственно в битве нет никаких сведений. Полк как бы растворился, исчез из поля зрения, не упоминается, в отличие от других боевых частей, в источниках. Надо думать, царь не желал присутствия солдат Переяславского полка, переживших синдром поражения при сдаче шведам крепости Веприк, которую они защищали¹²⁶, и тяготы пребывания в плену, рядом с теми полками, которым предстояло вступить в самое ближайшее время в решающую битву со шведами. Сведения о том, что этот полк был расформирован после Полтавской битвы, есть в литературе¹²⁷. Теперь появилась документальная опора предположению, что это произошло уже накануне генеральной баталии при Полтаве (если не формально, то, по крайней мере, фактически).

Если подвести итог, можно констатировать удовлетворительный результат длительных споров о численности и составе гарнизона редутов — ныне они определены на основании заслуживающих доверия источников.

ЧИСЛЕННОСТЬ РЕГУЛЯРНОЙ РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ В ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ

У автора сложилось убеждение, что численность и потери убитыми всей русской регулярной кавалерии, принявшей непосредствен-

ное боевое участие в битве под Полтавой, отражены в итоговой ведомости из Походной канцелярии А.Д. Меншикова. Она носит пространное заглавие: «Ведомость ниже писанных драгунских полков, которые были при Полтаве, сколько унтер-афицеров, капралов и драгун было на баталии, и что ис того числа побито, и за тем ныне при полках»¹²⁸. Ведомость носит рабочий характер: имеются исправления чисел. Надо думать, при получении из полков дополнительных сведений о погибших, пропавших без вести, скончавшихся от ран, вернувшихся в полки и т. п. в документ вносились исправления. В первом её столбце под заголовком «Регименты» приведены статистические данные о 29-ти конных боевых частях. Среди них перечислены Генеральный «шквандрон» (416 всадников), выделенный особо, 3 конно-гренадерских полка (1987 всадников) и 24 драгунских полка (17 200). К драгунским полкам в названной ведомости также приравнен полк, сформированный из Воронежского и Раненбургского «шквандронов» (503 всадника).

Таким образом, общая численность регулярной русской конницы, задействованной прямым образом в битве на полях под Полтавой, если следовать «Ведомости», — 20 106 конников. Второй столбец озаглавлен: «На баталии было, кроме росходу». Он содержит данные о реальной численности бойцов по полкам, сражавшихся в баталии 27 июня 1709 г. Слова «кроме росходу» как раз означают, что в указанные данные не включены пребывавшие в отлучках, больные и раненые. Третий столбец «Ис того числа побито» приводит данные, поступившие из полковых канцелярий о числе павших в битве. Четвёртый столбец: «Ныне при полках по спискам». С ведомости 1709 г. в середине XVIII в. сделана копия¹²⁹, позволяющая восстановить некоторые утраченные фрагменты документа.

В пользу того, что в изучаемой ведомости перечислены только полки, принимавшие прямое боевое участие в схватках на полях под Полтавой 27 июня 1709 г., говорит то, что все они имели потери убитыми. Правый край листа частично осыпался от ветхости, есть утрата и в нижней части документа. Копия позволяет установить, что в середине XVIII в. ведомость имела суммарный итог третьего столбца о потерях убитыми по всем полкам: «Итого 625». Утрачены фрагменты черновика ведомости, где должны быть указаны потери павшими Новотроицкого драгунского полка и «Воронежского и Раненбургского шквандронов». На копии документа на этих местах пропуски. Был ли черновой экземпляр ведомости испорченным уже

к моменту изготовления копии или эти две боевые части не имели урона в боях? Или же к составителям ведомости из этих двух полков просто по каким-либо причинам не поступили сведения о числе погибших? Следует принять последний вариант ответа, поскольку сведения из архива Новотроицкого полка, опубликованные в 1909 г., показывают, что в битве пали 2 унтер-офицера, 5 драгун, скончались от ран капитан А.А. Трубников и 6 драгун. Погибли также 50 лошадей. Об активной роли полка в битве говорит и то, что воинами этой конной части было «выстрелено под Полтавою на королевской баталии» 20 пудов пороха и 16 пудов 27 фунтов свинцу¹³⁰. Есть косвенное свидетельство в пользу того, что потери убитыми (и немалые) были и в составе «Воронежского и Раненбургского шквандронов». В изучаемой ведомости участниками баталии указаны 503 кавалериста этой части, а вскоре после битвы в ней по спискам числилось только 423 чел.

Можно ли действительно считать, что 27 июня 1709 г. на полях под осаждённой шведами Полтавой сражалось 20 106 нижних чинов российских кавалеристов регулярных полков?

А.А. Васильев, знакомый с «Ведомостью ниже писанных драгунских полков...», поставил вопрос об её неполноте. Он обратил внимание на то, что в ведомости не названы Ростовский и Белгородский драгунские полки, Домовая драгунская рота графа Шереметева и Козловский «шквандрон», которые согласно известиям в «сказках» ряда военнослужащих этих частей участвовали-таки в битве¹³¹.

Вопрос о Козловском «шквандроне» разобран ниже. Известия сохранившихся «сказок» личного состава остальных названных боевых частей, на которые опирался А.А. Васильев, малочисленны и скупы на подробности. В «сказках» капитана Ростовского драгунского полка К. Грекова и прапорщика Ф. Тимурина сказано: полк «был же на генеральной баталии Полтавской, а из-под Полтавы послан был за шведами до Переволочны к Днепру, и в оное же время командирован был с генералом-майором князем Волконским за шведским королем под Очаков»¹³². Служившие в Белгородском драгунском полку в 1709 г. капитан П.А. Бакеев и драгун А.И. Бунин говорили: полк «под Полтавою на генеральной баталии был и в 709 году под Полтавою отдан наш Белгородской полк бывшему генерал-майору Шигловскому»¹³³. В 1711 г. поручик Г. Неелов сообщил в собственной «сказке» некоторые ценные подробности: «В 709-м был при главной баталии под Полтавой в генералстве лейб-

гвардии генерала-порутчика князя Михаила Михайловича Голицына и во взятые шведской армии у Днепра, и после того полк князя Мещерского отдан генералу-маеору Федору Володимировичю Шидловскому и от него за службу написан порутчиком»¹³⁴. Понятно, почему Белгородский полк в этой «сказке» назван полком князя Мещерского. Полк был сформирован в 1704 г. полковником князем Н.Ф. Мещерским в Белгороде из служилых людей Белгородского разряда. Своё название он получил в 1706 г.¹³⁵ Естественно, что служившие в нём могли продолжать использовать старое наименование. Выявленная в архиве «сказка» Г. Неелова позволяет уверенно считать, что Белгородский полк принял участие в преследовании шведов, отступавших от Полтавы к Днепру. О Домовой роте графа Б.П. Шереметева есть два скупых свидетельства драгун Л. Гомзякова и М.Е. Норова: «...была на баталиях в Малороссии при Решетиловке, Лохвицах и при Полтаве»¹³⁶.

По мнению автора, из приведённых известий «сказок» можно с уверенностью заключить только то, что Ростовский и Белгородский драгунские полки участвовали в преследовании после битвы разгромленной шведской армии до Днепра. Выше уже было критически разобрано утверждение в «сказке» о собственной службе С.И. Панова, что он «во время главной Полтавской баталии был». С.И. Панов не мог даже расслышать 27 июня 1709 г. из расположения армейских обозов вблизи Рублёвки отдалённые раскаты орудийных залпов. Никаких чётких указаний на реальные боевые действия вышеназванных кавалерийских частей собственно в Полтавской битве в иных источниках, кроме приведённых упоминаний в нескольких «сказках», донныне не выявлено. Можно предполагать в силу сказанного пребывания Белгородского и Ростовского драгунских полков в самых близких местах расположения к полям, где проходила битва. Эти два полка драгун были, что называется, под рукой — ближним резервом. В погоню за двинувшимися к Днепру шведскими войсками драгунские полки были отправлены уже «ввечеру» 27 июня¹³⁷. Где была Домовая рота Б.П. Шереметева — незначительная численно боевая часть (рота), точно неизвестно. В любом случае невключение этих боевых кавалерийских частей в итоговую «Ведомость ниже писанных драгунских полков...» вполне определённо свидетельствует об их неучастии непосредственно в сражениях и боях в ходе Полтавской битвы.

Итак, на нынешнем этапе исследований можно утверждать следующее.

Первое. Ведомость 1709 г. содержит перечень всех регулярных конных полков, *реально* участвовавших в Полтавской битве. Надёжных документальных свидетельств, противоречащих этому утверждению, в научное обращение поныне не введено.

Второе. Численность российских всадников регулярной кавалерии унтер-офицерских и рядовых чинов, сражавшихся в день великой битвы, — 20 106 чел. К этому числу, естественно, следует прибавить численность штаб- и обер-офицеров названных полков. В конно-гренадерских и драгунских полках имелись обычно (по штатному расписанию) следующие строевые чины: полковник, подполковник, майор, адъютант, 5 шквандрон-майоров, 5 капитанов, 5 младших капитанов, 5 поручиков, 5 подпоручиков или прапорщиков, 5 подпрапорщиков — всего 34 штаб- и обер-офицера. В 26-ти конно-гренадерских и драгунских полках, следовательно, можно считать около 884 всадников-офицеров. Ещё один конно-гренадерский полк (Третий конно-гренадерский полк полковника К.К. фон дер Роппа) имел в день битвы в строю только 443 всадника из нижних чинов. Его поэтому, скорее, следует числить вместе с двумя «шквандронами» — кавалерийскими полками половинного состава. В «шквандронах», как следует из табелей личного состава 1709 г., штатная численность строевых офицеров была следующей: 2 майора, адъютант, 6 капитанов (иногда именовались ротмистрами), 6 поручиков (или же подпоручиков) и 3 прапорщика — всего 18 чел. Укомплектованность офицерским составом накануне Полтавской битвы была высокой, иногда даже несколько превышала штатную. Так, в Генеральном (или Генеральском) «шквандроне» по апрельской 1709 г. табели личного состава имелся полный комплект офицеров — 18 чел.¹³⁸

Таким образом, штаб- и обер-офицеров в 29 кавалерийских полках и «шквандронах» следует считать примерно 938 чел.; во всей регулярной кавалерии — с долей приблизительности — 21 044 всадника.

ГАРНИЗОН ПОЛТАВСКОЙ КРЕПОСТИ

Активные действия против шведов предпринял в ходе битвы гарнизон крепости Полтава. Пётр I, как это было ему вообще свойственно, рассчитывал возможность возникновения различных си-

туаций загодя. Он сумел предугадать и ту роль, которую с высокой степенью вероятности предстояло сыграть Полтавской крепости, ещё задолго до приближения к ней шведской армии. Монарх дал 8 января 1709 г. указ князю Г.С. Волконскому с помощью посланного к нему инженера: «... крепить город по буераку, которой между города проходит, ту часть буерака, где я подписал. Также и в провианте месеца на три конечно приготавли...»¹³⁹. Самодержец, таким образом, определил более слабую половину крепости, которую при напористой осаде со стороны противника целесообразно было оставить. Царь обратил внимание при осмотре крепости, что её делит приблизительно пополам глубокий овраг, проходящий примерно по линии с северо-запада на юго-восток. В ходе осады та половина крепости, что была расположена южнее, действительно была оставлена русскими войсками. Пока имелись возможности, крепость продолжала пополняться продовольствием и снаряжением. Даже непосредственно перед началом формальной осады Полтавской крепости шведами, с 23 по 30 апреля 1709 г., туда были доставлены из запасов полевой артиллерии 20 пудов свинца и 15 пудов фитиля¹⁴⁰.

Адъютант (в 1709 г.) Тверского полка, командиром которого был комендант Полтавской крепости А.С. Келин, М.М. Глезнев свидетельствовал в 1720 г., что в день битвы он «был... во атаке, как с неприятелем зачелась баталия, и нам был приказ, чтоб итить на неприятельские шанцы»¹⁴¹. Оценка реального значения и эффективности военных операций, предпринятых гарнизоном крепости в ходе битвы, во многом зависят именно от того, какую он имел численность.

В литературе по данному вопросу нередко приводятся сведения о количестве личного состава гарнизона крепости¹⁴², восходящие к труду петербургского сочинителя середины XVIII столетия П.Н. Крёкшина. Попробуем проанализировать известия П.Н. Крёкшина о полтавском гарнизоне. Можно ли доверять приведённым им цифрам?

Перо литератора нарисовало впечатляющую картину: осаждённая шведами Полтава являла собой мощный узел обороны. Согласно его труду, царь прибыл в крепость на следующий же день после победы. Когда самодержец сошёл с лошади, он поцеловал в голову встречавшего его у городских ворот полковника А.С. Келина, сказав при этом: «Блаженная глава, совершавшая блаженный подвиг, и надежда моя о тебе не обманула меня»¹⁴³. Сцена встречи

монарха крепостным гарнизоном носила черты торжественного величия: «Войска Царского Величества, бывшие в Полтавской крепости в осаде, стояли в строю и держали ружье на карауле, музыка в полках играла, знамена уклоняли до земли, со всей крепости учинен один залп из пушек». Самодержец вступил в собор, слушал молебственное пение. Когда монарх был в храме, он указал выпалить три залпа из крепостных орудий. Первый — при чтении евангелия, второй — при выносе креста из храма и третий — при выходе из церкви¹⁴⁴. Устное сообщение коменданта А.С. Келина монарху по выходе его из храма не может не произвести впечатления: у гарнизона осталось лишь полторы бочки пороха и восемь ящиков с патронами¹⁴⁵.

Сведения о внушительной численности полтавского гарнизона приведены в таком контексте: «При выходе из церкви великий государь изволил осматривать всю крепость и при том усмотрел, что земляной вал едва не весь сапами был прокопан, и часть градской крепости из разломанных хоромных бревен полисадом была отгорожена. О сей отгородке комендант Его Царскому Величеству доносил, что неприятель четыре раза чрез вал во оном месте в крепость врывался, потому что вал весьма низок, и с великою трудностью едва был выбит, приступы были весьма жестокие, войска пехотного введено было в Полтавскую крепость три полка, в которых было 4182 человека, в сикурс с Головиным прибыло 900, да жителей градских набрано было и вооружено 2600, пушкарей было 91, итого 7773 человека; из того числа ныне налицо здоровых 4944, раненых и больных 1193... На приступе неприятелей побито более пяти тысяч человек. Во время атаки Полтавской крепости усмотрены и вынуты 7 подкопов, а заправляли пушки обломками железными и камнем, потому что ядер и картечь давно не имелось»¹⁴⁶.

П.Н. Крёкшин заключает своё повествование об обороне Полтавской крепости исполненными пафоса словами: «Великий государь изволил ходить под крепостным валом и виде все валы крепости облиты кровью и едва не все прорыты сапами, такому мужественному и крепкому терпению и труду зело удивлялся, и притом милостиво изволил похвалять их службы, что Его Царскому Величеству не токмо видеть такую крепкую осаду, но и читать и слышать нигде не случалось»¹⁴⁷.

Итак, перед нами героическая эпопея, мастерски созданная пером даровитого русского литератора-патриота. Соответствуют ли

цифры гарнизона Полтавской крепости, приведённые П.Н. Крёкшиным и усвоенные в немалом числе исторических трудов, реальности?

По мнению автора, всё приведённое описание — «благородный вымысел» русского писателя-«любителя Отечества». «Точные» цифры численности гарнизона Полтавы — это один из писательских приёмов, цель которого — придать видимость достоверности изложенному. П.Н. Крёкшин желал навести читателей на мысль, что он располагает уникальными источниками, из которых и позаимствовал эти данные. Ту же роль призван был сыграть конкретный вымышленный (по мнению автора) «факт» об оставшихся у гарнизона полутора бочках пороха и восьми ящиках патронов. Петербургский писатель века Просвещения с размахом пользуется приёмом гиперболы: мощный гарнизон из 7773 чел., более 5000 павших под валами крепости шведов, кровь на всех (!) валах крепости видна спустя недели после последнего штурма. П.Н. Крёкшин в творческом вдохновении, ничтоже сумняшеся, умножал в разы для усиления художественного воздействия «факты» из истории осады. По его словам, было четыре прорыва врагов через вал в крепость, семь обезвреженных подкопов. Применялись и другие, не нашедшие отражения в официальных источниках «факты»: заряжавшиеся обломками железа и камнями пушки и т. п. Нарисованные П.Н. Крёкшиным величественные сцены встречи царя комендантом А.С. Келиным, последующего торжества и осмотра монархом следов героической обороны крепости — это литературно-художественный вымысел, не имеющей связи с реальностью прошлого.

Почему сделаны столь жёсткие выводы о художественно-литературной природе обстоятельств обороны Полтавской крепости в изображении П.Н. Крёкшина, которая слишком гиперболизировала действительность, включая существенно преувеличенные им цифры численности крепостного гарнизона?

Дело в том, что художественные методы воссоздания П.Н. Крёкшиным обстоятельств Полтавской эпопеи выявляются при сопоставлении его описания с надёжными документами 1709 г. Таков походный журнал царя, записи в котором делались по самым свежим следам событий. Согласно этому источнику, царь впервые прибыл в Полтаву лишь в ночь на 30 июня. В крепости монарх заночевал. Далее в журнале сказано: «А на утро, то есть в 30-й день, Царское Величество изволил итить в поход к Переволочне...»¹⁴⁸. Итак, описанные П.Н. Крёкшиным величественные торжества в Полтаве

29 июня просто не могли иметь места: царь без лишней помпы всего только «там ночевал» с 29 на 30 июня 1709 г.

Гарнизон в Полтавскую крепость, как сказано, было определено ввести осенью 1708 г. Тогда в крепость был отправлен полковник А.С. Келин, назначенный её комендантом, «с пятью баталионами»¹⁴⁹. О численности Полтавского гарнизона (которая не была неизменной) представление дают и собственноручные росписи штаб- и обер-офицеров на копии указа Петра I А.С. Келину от 12 января 1709 г. В нём говорилось: «...ежели неприятель будет ваш город отаковать, то... боронитца до последнего человека и ни на какой акорт, или договор, с неприятелем никогда не вступать под смертною казнию. Також ежели коменданта убьют, то надлежит первому под ним офицеру камендантом быть, и так последовать и протчим (сколко побитых ни будет) одному за другим...»¹⁵⁰. Подписались собственноручно (или же по их «веленью») на копии указа монарха, что «они сей указ слышали», полковники А.С. Келин (Келен), И.А. фон Менгден, подполковники Н.В. Кунигам, Озеров, Г. Ревен, 4 майора, 8 капитанов, 17 поручиков, 6 подпоручиков, 19 прапорщиков и один адъютант¹⁵¹. Это довольно небольшое число офицеров. Гарнизон был численно невелик. По штатам 1700 г. в пехотном полку состояли полковник, подполковник, майор, 9 капитанов, капитан-поручик, 11 поручиков, 12 прапорщиков и адъютант. Глава Посольского приказа Г.И. Головкин писал (20.5.1709), что до 14 мая 1709 г. гарнизон крепости состоял всего лишь из двух пехотных полков. Этому свидетельству, содержащемуся в письме российскому послу в Копенгагене В.Л. Долгорукову, можно в полной мере доверять. Г.И. Головкин пребывал тогда непосредственно на месте событий — в лагере российской армии напротив Полтавы, на другой стороне реки Ворсклы. В ночь с 14 на 15 мая 1709 г. в крепость сумел прорваться бригадир А.А. Головин с подкреплением из 1200 (по другим сведениям 900) воинов с «довольным числом порошу и свинцу». Гарнизон пополнил свои силы, но понятно, что с течением времени он имел естественную и, как видно, большую убыль¹⁵².

Крепость играла важную роль в расстановке сил перед генеральной баталией, притягивая к себе силы неприятельской армии, но делалось это усилиями и кровью небольшого мужественного гарнизона. Согласно записи в дневнике фельдшера Далекарлийского полка Я. Шульца, шведские войска стали пытаться заблокировать

Полтавскую крепость с 3 апреля (4-го по шведскому календарю). Рыть осадные траншеи к Полтаве шведы, по этому источнику, начали с 30 апреля (1 мая)¹⁵³. Премьер-фендрик Хельсингского полка Р. Петре пометил, что это начали делать днём позже — с 1 (2) мая¹⁵⁴. Крепость до 20 мая 1709 г. подверглась бомбардировкам и двум штурмам, в которых участвовали шведские солдаты, запорожцы и волохи. Во время одного из приступов неприятелям удавалось даже взбираться на вал, но гарнизон чинил «доброй отпор» и неизменно сбрасывал врагов обратно «с великим их неприятельским уроном»¹⁵⁵.

В походном журнале царя сказано, что 4 июня 1709 г., в день прибытия монарха к российской армии, занимавшей позиции на берегу Ворсклы напротив осаждённой шведами Полтавской крепости, «было во оном городе наших 3 полка под командою генерала-маеора Келина; полковники с ним были Тимофей Трейден и Иван Фамендин»¹⁵⁶. По данным А.А. Васильева, гарнизон состоял из семи батальонов: Тверской и Устюжский полки (по 2 бат.), по батальону из полков П.М. Апраксина, Пермского и И.С. фон Фихтенгейма¹⁵⁷. В Тверском и Устюжском полках «по Полтавской баталии было» соответственно 530 и 604 чел. Полки Апраксина и Пермский имели тогда численность 661 и 879 чел.¹⁵⁸ Можно условно считать в одном батальоне половину численности полка. Действовавший против отряда К.Г. Рууса батальон полка И.С. фон Фихтенгейма насчитывал 309 чел.¹⁵⁹; будем полагать, в силу сказанного, условно другой батальон полка численно равным первому. Таким образом, общая численность гарнизона Полтавской крепости на момент начала баталии, согласно расчётам, получается округлённо равной 2200 военнослужащих строевого состава.

Исходя из рассчитанной выше невысокой численности гарнизона довольно небольшой крепости (южная половина которой к тому же была захвачена шведами), становится понятным, почему в ходе баталии гарнизон не стал преследовать беспрепятственно отошедший к шведскому обозу у Пушкарёвки (туда стекались остатки разбитой шведской армии) Сёдерманландский полк. Этот полк был оставлен королём в осадных траншеях к югу от крепости. Для такого преследования у полтавского гарнизона просто не было возможностей — он был сравнительно малочисленным. Усилия российского гарнизона оказались сосредоточенными на содействии пленению засевшего в Гвардейском шанце остатка отряда генерал-майора К.Г. Рууса (около 400 чел.). Во время битвы мужественный гарнизон

крепости отбросил шведов от стен и валов, снял блокаду. Около 7 часов утра во время вылазки осаждённые заставили сдаться 40 бойцов капитана Е. Хорда, засевших в шанце, обратили в бегство 140 пехотинцев секунд-капитана К. фон Ранго из Крунубергского полка и 30 всадников ротмистра Н. Бонде. Во время боя под валами крепости погибло несколько десятков шведских воинов. Осаждённые сумели захватить две шведские пушки¹⁶⁰. Осада Полтавы была снята фактически силами самого гарнизона в часы баталии, незадолго до подхода подкреплений с севера — от главной армии Петра I.

Русские источники 1709 г. ничего не говорят об участии вооружённых горожан в обороне крепости. Точные цифры, указывающие число городских жителей, с оружием в руках защищавших свой город, которыми насыщена отечественная научная литература, — это итог высокой убедительности литературного творчества П.Н. Крёкшина, его дарования как художника слова («да жителей градских набрано было и вооружено 2600»). Это большое число, превышающее даже реальное количество регулярных войск в крепости, как представляется, — удачный плод литературной выдумки писателя, некритически воспринятый значительным числом историков.

Итак, есть все основания включить гарнизон Полтавской крепости в общие цифры российских войск, участвовавших в битве.

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ НЕРЕГУЛЯРНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ

Наибольшее количество нерегулярных войск для генеральной баталии под Полтавой дало украинское казачество. Силы нового гетмана И.И. Скоропадского, стянутые накануне битвы к Полтаве, насчитывали, насколько позволяют судить имеющиеся источники, до 10 000 казаков. С гетманом были Киевский, Миргородский, Прилуцкий, Черниговский, Переяславский, Лубенский, часть Полтавского полков, а также 3 или 4 компанейских полка¹⁶¹. Остальные гетманские воинские части находились в других местах Левобережной Украины. Во время битвы украинские казаки стояли главным образом вдоль северного края заболоченной балки Побыванки и в районе селения Тахтаулово. С началом второй фазы баталии эти войска двинулись в обход Малых Будищ и заболоченной части

долины Побыванки, чтобы зайти шведам в тыл. Заметного участия в битве многочисленный корпус казачьих войск под командованием И.И. Скоропадского принять не успел.

Донских казаков было под Полтавой значительно меньше, но они более деятельно участвовали в противоборстве со шведской военной машиной. В марте 1709 г. Пётр I указал «выслать на службу... с Дону и с Донца тысячу казаков в главную армию под Полтаву». Походное Донское войско «с Дону и с Донца» в составе одной тысячи казаков под командованием атамана М.Т. Карсунского прибыло вовремя. Казаки, по их словам, «будучи на той Его великого государя службе в главной армии... служили... в подъездах, на разных баталиях бывали непрестанно, и против шведских неприятельских людей бились верно и неизменно, и многие шведские языки бирали, и к... светлейшему князю Александру Даниловичу приводили»¹⁶².

9 мая 1709 г. подполковник гвардии князь В.В. Долгоруков, пребывавший у Изюма с войсками, возвращавшимися после подавления восстания К.А. Булавина, получил от А.Д. Меншикова приказ. Ему следовало писать на верхний Дон — в казачьи городки на Хопёр, на Бузулук, на Медведицу. Из этой другой области Войска Донского следовало обеспечить приход 2000 казаков — «чтоб шли в армию прямо»¹⁶³. В ноябре 1709 г. Пётром I были упомянуты «казаки, которые с Митрошкою с Хопра пришли (2000 человек)»¹⁶⁴. Это был донской казачий отряд атамана Провоторовской станицы Митрофана Федосеева. Ранее эти казаки боролись с антиправительственным восстанием К.А. Булавина. Очевидно, донцы с Хопра успели под Полтаву без опоздания, в противном случае возникла бы переписка по поводу неисполнения царского предписания.

В Полтавской битве участвовали также отряды донских казаков, которые ранее на протяжении нескольких лет воевали на землях Речи Посполитой. Из их числа по случайным и отрывочным находкам архивных документов известны два полка донских казаков: атамана А. Фролова и полковника С. Кочетова¹⁶⁵. По архивным документам выясняется, что летом 1707 г. у Полоцка действовали ещё два полка донских казаков: А.И. Клецкого (всего 85 чел.) и Л.В. Козлова¹⁶⁶. Численность донцов в этих двух последних полках выясняется из другого документа. 28 октября 1708 г. «донским казакам 194-м человеком» было отпущено 4 пуда пороха для ружей¹⁶⁷. Нет уверенности, что обнаружены сведения о всех отрядах донцов, действовав-

ших вместе с главной армией в 1708 и 1709 годах. Стянуто к осаждённой шведами Полтаве могло быть и большее число отрядов. При Миргородском казачьем полку в апреле 1709 г. против запорожцев-мятежников действовали 600 донских казаков¹⁶⁸. Миргородский украинский казачий полк двигался в июне 1709 г. на соединение к главным силам русской армии к Полтаве тоже «з донцами и калмыками»¹⁶⁹.

Таким образом, документально можно подтвердить участие в славной битве приблизительно 4000 казаков-донцов.

Небольшой отряд яицких казаков тоже, надо полагать, принял участие в битве. 3 марта 1707 г. состоялся указ царя послать на Яик «на все войско» жалованье пушечным и ружейным порохом и «сто ядер пушечных». Указ был дан в связи с тем, что «тем казаком велено быть на его великого государя службе в свейском походе»¹⁷⁰. Как видно, яицкие казаки имели артиллерийское орудие. Сколько было яицких казаков, следует из документа об отпуске 23 марта 1708 г. в Полоцке 130 яицким казакам по полуфунту свинца на отлитие пуль¹⁷¹.

Во время сражения у редутов шведы вошли в соприкосновение с двухтысячным отрядом казаков, размещавшимся в Малобудыщенском лесу¹⁷². Может быть, это был отряд М. Федосеева? Когда шведские войска оказались за поперечной линией редутов, на следовавших за ними запорожцев напали из этого леса российские нерегулярные войска. Оказавшийся рядом пастор Д. Крман был свидетелем, как «много тысяч калмыков, подняв страшный крик», вместе с показавшимися с правого фланга эскадронами регулярной кавалерии обратили запорожцев в беспорядочное бегство. Опасаясь не ускользнуть от «быстрых казацких коней», Д. Крман пустился вскачь назад к шведскому обозу¹⁷³. Как итог, запорожцы не смогли пройти за линию редутов и пытались спастись бегством — их «участие» в битве закончилось. Обращение в бегство запорожцев — в большой степени заслуга казаков и калмыков. Приведённый факт позволяет также оценить воинский дух запорожцев, их боевую стойкость в начавшейся битве против россиян. Как сказано, они пустились наутёк лишь от боевого клича и вида приближавшихся донских казацких и калмыцких конников.

На созданной вскоре после битвы рукописной карте зафиксирована нерегулярная конница «казаков, калмыков и татар». На поле битвы она являлась завершением боевого построения правого флан-

га россиян. Казацкая конница тоже показана построившейся, как и регулярная кавалерия, в двух линиях¹⁷⁴. Наличие на оконечности правого крыла боевой линии россиян нерегулярной конницы отмечено и в другом, более раннем по времени появления картографическом источнике. Это обнаруженный и опубликованный Л.А. Гольденбергом рукописный «План знаменитой Полтавской битвы», относящийся ко времени Петра I (после 1714 г.)¹⁷⁵. На нём показана «казацкая конница, которая не приняла участия в битве». Согласно этой рукописной карте, она образовывала всю вторую линию конницы русского правого фланга. Такая трактовка (вторая линия из нерегулярной конницы) противоречит другим авторитетным источникам. Важно, что и этот картографический источник Петровской эпохи подтверждает наличие большого числа конных казаков на правом фланге россиян. Нерегулярная конница могла образовывать по флангам некую третью линию. Первая и вторая линии российского построения к бою на правом крыле в составе 12 полков растянулись вплоть до болотистой лощины речки Побыванки. Бóльшее число полков развернуть в линию битвы не позволял недостаток пространства. Именно поэтому естественно полагать, что казацкая конница заняла место за второй линией регулярной кавалерии правого крыла. Лёгкая нерегулярная конница образовала тактический резерв. Какое количество лёгкой конницы — казаков, калмыков и татар — стояло на правом фланге, остаётся неизвестным. Можно полагать, что оно было значительным (иначе не было бы упоминаний в источниках), но каких-либо сведений, опирающихся на надёжные первоисточники, на этот счёт поныне не выявлено. Как раз вследствие отдалённости от неприятеля во время битвы казакам на правом фланге настоящей «боевой работы» досталось мало, о чём говорит приведённая приписка в легенде карты: «Казацкая конница, которая не приняла участия в битве». Возможно, эти казаки продолжили преследование отступавших шведов вне поля битвы.

Вышеприведённые рассуждения подтверждает ещё один опять-таки картографический источник — рукописная карта, содержание которой, по словам Л.А. Гольденберга (1959), ранее было «совершенно не изучено»¹⁷⁶. Этот источник действительно отличается богатством содержания и надёжностью сведений. Карта была создана во второй половине XVIII в. инженер-подполковником А. Тёмкиным. Её полное заглавие: «План с окружными местами города

Полтавы и со всеми движениями войск от 14 мая до окончания Полтавской баталии 1709 году». Л.А. Гольденберг, крупнейший знаток картографии Петровской эпохи, отметил, что при подготовке этой карты были использованы «не только картографические, но и многие текстовые источники»¹⁷⁷. Одним из таких информативных вкраплений, на наш взгляд, является следующее важное для поставленного вопроса свидетельство. Как сказано в пространной легенде карты, правое крыло русских боевых порядков составляли кавалерийские полки «и позади оных — казаки»¹⁷⁸. Что казаков там действительно могло быть много, говорит и само удобство быстро выдвинуть часть их из укрепленных позиций на северном возвышенном берегу болотистой балки по полям, огибая восточнее исток речки Побыванки. Генерал-квартирмейстер А. Юлленкрук наблюдал в пылу битвы, что «казаки стояли за правым крылом неприятеля неподалёку от перелеска»¹⁷⁹.

Что на левом крыле боевого построения россиян тоже находились нерегулярные конные формирования, сомнений быть не может. Однако неясно до сих пор, сколько казацкой конницы находилось как на левом, так и на правом флангах? Где конкретно стояли казаки? Какова была их роль на решающей фазе главной битвы Великой северной войны?

Некоторые данные об их численности, расположении и роли можно привести. Секретарь принца Максимилиана Эммануэля, герцога Вюртембергского, полковника Сконского драгунского полка, И.В. Бардили спустя некоторое время опубликовал книгу с описанием жизни своего патрона. Излагая ход ожесточенного кавалерийского боя на русском левом фланге, И.В. Бардили написал, что едва только шведский король умчался верхом, пытаясь спастись от почти неминуемого плена, как показались новые войска неприятеля в составе 6-ти драгунских полков и 2000 казаков, калмыков и татар¹⁸⁰.

Совершенно определённо эти сведения относятся к следующему эпизоду битвы, изложенному П. Энглундом. Приведём фрагмент из его книги, касающийся прорыва из окружения на поле битвы Эстгётландского и Сконского драгунских полков (последним полком командовал принц Максимилиан Вюртембергский): «Переговорив со своими офицерами, Максимилиан решил на попытку прорвать окружение и соединиться с главными силами. Кавалеристы совершили прорыв и ускакали прочь, преследуемые шестью

полками русских драгун и большим количеством „казаков, калмыков и татар“»¹⁸¹.

Итак, на левом фланге россиян в наступлении на шведскую кавалерию и в преследовании бегущего неприятеля самое активное участие приняло около двух тысяч конных казаков, калмыков и татар. Перед началом конного сражения на левом русском фланге они могли как примкнуть частью сил к краю боевой линии драгун со стороны редутов, так и образовывать своего рода третью линию за строем драгунской кавалерии.

Роль калмыцкой конницы в битве под Полтавой однозначно была велика. О калмыках говорится в немалом числе источников. На картографических материалах, как сказано, их численность не указывается. Пастор Д. Крман записал в дневнике, что из Малобудищенского леса двигавшихся вслед за шведами в бой запорожцев атаковали «много тысяч калмыков»¹⁸². По другим источникам, однако, известно, что в этом лесу скрытую позицию для действий против шведов занимали не только калмыки, но и казаки — предположительно донские. Д. Крман обобщённо назвал калмыками, можно предполагать, всю устроившую там засаду лёгкую конницу. Дело в том, что вносить уточнение для дневника, рискуя жизнью, у него не было желания. Пастор со своим спутником заметили над своими «головами летящие пули», началось «смятение», «замешательство», раздавался «страшный крик калмыков»: «И-и-и!!!»¹⁸³. Пастор с сопровождавшим его знакомцем пришпорили коней по направлению к обозу шведской армии, не имея «интереса» разглядывать лица атаковавших из засады всадников: калмыцкие ли, татарские ли, волошские ли или же русские казацкие, — такого вопроса у пастора, гнавшего коня в обоз, не возникало.

Об участии татар сообщается во многих источниках, но без уточнения их числа. В позднем, но авторитетном источнике «Наказ мурз татарских Старой и Новой слобод» (1767) в Уложенную комиссию Екатерины II указано, что татары были в «709 на Полтавской баталии»¹⁸⁴. Сколько же конкретно татарских конников участвовало в баталии? В 1708 г. уфимскому воеводе было предписано прислать на службу в Санкт-Петербург тысячу «башкирцов, и мещеряков служилых, и из ясашных татар»¹⁸⁵. Нет сведений, было ли выполнено это требование¹⁸⁶. Однако в архивах не отложилось и переписки, почему этот царский указ не был выполнен. Поэтому надо считать, что в Санкт-Петербург послали тысячу «мещеряков слу-

жилых и из ясашных татар», но не башкир. В конце 1708 г. из Невского края часть имевшихся там войск перевели к главной армии на Украину.

Что касается башкир, то затяжное Башкирское восстание 1705–1711 годов заставляет сильно сомневаться в возможности их участия в славной битве. На нынешнем этапе изучения вопроса прямых надёжных свидетельств того, что башкиры кололи, рубили, стреляли из луков и брали в плен врагов России при Полтаве, не имеется. Сторицей башкиры возместили своё отсутствие на полтавских полях в 1709 г., выставив в трудный для России 1812 г., когда многоязыкие войска Наполеона I вступили в Москву, сожгли и пытались взорвать Кремль, 20 конных полков, вступивших вместе с другими российскими войсками в Париж в 1814 г.

Некоторое число татар служило при полках на нестроевых вспомогательных должностях. Так, в первой половине 1709 г. в Генеральном «шквдроне» имелось 39 татар, в Лейб-шквдроне — 23, потом 27, в Первом гренадерском полку (бывший А.С. Кропотова) — 26, во Втором гренадерском (Г.С. Кропотова) — 16, в драгунских Азовском — 5, в Тверском — 65 и т. д.¹⁸⁷

Нерегулярная конница из волохов (молдаване и валахи-румыны) тоже участвовала в битве на российской стороне. К православным единоверцам 20 апреля 1709 г. прибыли на службу два валашских ротмистра с тремя «хорунгвами» (ротами) волохов¹⁸⁸. 5 мая 1709 г. А.Д. Меншиков сообщал, что на российскую сторону к Миргородскому полку перешли ещё два ротмистра с двумя «хоронгвами»¹⁸⁹. «Хорунгва» («хоронгва») могла иметь до сотни всадников. Драгунский подпоручик (в 1709 г.) А.Д. Воронин упоминал в собственной «сказке» в феврале 1721 г., что «был на баталии пот Плотавой при волохах по приказу господин генерала Рена»¹⁹⁰. К.Э. Рёнке командовал кавалерией на первой фазе баталии — у редутов. Можно осторожно предполагать, что волошская конница силою до полутысячи всадников сражалась со шведами, примыкая с краёв к флангам российской регулярной кавалерии вместе с другой нерегулярной лёгкой конницей.

Место сбора разгромленных шведских войск в лесу к югу от Малых Будищ отделяло от обоза армии в Пушкарёвке открытое пространство опалённой полуденным зноем степи протяжённостью примерно в пять вёрст. Нерегулярная российская конница на этом широком лугу действовала отрядами и рассеянно, но как убедились

шведы, особого желания нападать на значительные группы неприятелей, готовых защищаться, не проявляла¹⁹¹.

Итак, следует подвести итоги. Источниками, которые имеют основание претендовать на достоверность, зафиксировано наличие в российской армии, сосредоточенной у Полтавы ко дню битвы, округлённо 15 500 украинских, донских, яицких казаков, татар и волохов. Кроме того, есть основания полагать, что было «несколько тысяч» калмыков. Мнение автора сводится к тому, что следует с доверием отнестись к утверждению Ф.Э. фон Фабриса (1683–1750), посланника из Гольштейн-Готторпского герцогства при особе Карла XII в период 1710–1714 гг. По его сведениям, для решающей битвы Великой северной войны были стянуты с необъятных просторов России «20 000 калмыков». Понятно, что калмыками дипломат обобщённо назвал все российские иррегулярные войска: казаков, калмыков, татар и волохов¹⁹².

На взгляд автора, на настоящем этапе изучения вопроса выявленная совокупность источников позволяет утверждать, что к Полтаве к 27 июня 1709 г. было стянуто около 20 000 воинов нерегулярных российских войск.

Использование Петром I и А.Д. Меншиковым отрядов казаков, калмыков, татар и волохов в ходе Полтавской битвы было многообразным. Казаки и калмыки занимали лесные массивы, окружавшие поле битвы, и полевые укрепления к северу от Побыванки. Их атака из Малобудищенского леса во фланг двигавшихся следом за шведскими полками для прорыва сквозь редуты запорожцев обратила последних в безостановочное бегство. Полки и отряды казаков применялись именно там, где их действия могли быть наиболее высокоэффективными. Во время решающего сражения на поле позади линии редутов конные казаки, калмыцкие и татарские (включая мишарей?) отряды составляли резерв, выстроившийся за регулярными конными полками на правом фланге. На левом фланге 2-тысячный отряд казаков, калмыков и татар принял самое серьёзное участие в конном сражении и преследовании бегущих до Малобудищенского леса и далее. Казацкие, калмыцкие и татарские всадники преследовали спасавшихся бегством шведов и их союзников вплоть до неприятельского обоза у деревни Пушкарёвки. Вывод из сказанного вполне очевиден — нерегулярные российские войска по заслугам разделили славу общей победы в генеральной баталии 27 июня 1709 г.

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ ВОЙСК В БИТВЕ

Теперь можно, подводя итоги, сделать заключение об общей численности российских войск, принявших участие в битве. Она включает гарнизоны редутов (4730 чел.), первую и вторую линии пехоты (округлённо 17 500 чел.), высланные против отряда К.Г. Рууса пять батальонов (2486 чел.)¹⁹³. Регулярная кавалерия насчитывала, как можно утверждать на основании документов, около 21 044 всадников. Выше приводились расчёты о том, что численность гарнизона Полтавской крепости, столь деятельно участвовавшего в боевых операциях, учитывая его большие потери, в начале битвы могла приближённо равняться 2200 строевых военнослужащих.

Три батальона под началом полковника И.М. Головина царь послал из ретраншемента по дороге вдоль Ворсклы на юг к занятому небольшим отрядом шведов Крестовоздвиженскому монастырю. Их целью было занять постройки монастыря, расположенного на возвышенности вблизи Полтавы, и тем самым установить связь с гарнизоном Полтавской крепости «для всякого случая» и оказать ему необходимое содействие.

А.Ф. Зубов.
Портрет И.М. Головина.
Фрагмент гравюры.
Не позднее 1720

К монастырю двинулись оба батальона Ростовского полка и один Троицкого. Офицеры Троицкого пехотного полка утверждали в конце войны в письменных рассказах о собственной службе следующее: «И, будучи под Полтавою в 709 году в команде генерала Ренцеля, командирован полк к монастырю, который близ Полтавы при шанцах, к крепости. Взял генерал-майора шведского (К.Г. Рууса. — П.К.) во оной крепости с батальоном, и в помянутом монастыре оставлены были Троицкой и Ростовской полки для строения крепости, а при оной команде был Иван Михайлович Головин. А как прибыл Царское Величество того ж числа в помянутой монастырь, повелел итить в лагерь к армии»¹⁹⁴. Из двух батальонов Троицкого

полка, согласно другим документам, только один участвовал в броске к монастырю и последующей атаке на Гвардейский шанец¹⁹⁵.

В Ростовском пехотном полку, согласно ведомости 1711 г. за подписью А.Д. Меншикова, «по Полтавской баталии было» по списку большое число людей — 1908 чел.¹⁹⁶ Нет оснований не доверять этому документу. О переформировании, роспуске и, напротив, пополнении ряда российских полков накануне Полтавской битвы сведения скупы и разрозненны. Вероятно, в Ростовский полк был влит личный состав какого-либо расформированного полка (например, Переяславского). В день баталии, по ведомости за подписью Б.П. Шереметева 1709 г., Ростовский полк состоял из двух батальонов¹⁹⁷. Значит, в бой из ретраншемента двинулся весь полк. Списочная численность личного состава всегда несколько превышала наличный строевой состав, поэтому можно принять его округлённо равным 1700 чел.

О численности Троицкого пехотного полка в 1709 г. удалось выявить только обобщённые данные. По сведениям полковой канцелярии, в нём состоял 961 чел. На протяжении года в полк прибыло 350 чел., по разным причинам убыло 253 чел.¹⁹⁸ Таким образом, есть документальное основание принять для расчётов списочную численность одного батальона полка в 480 чел. (конечно, с долей условности), действительную — приближённо в 400 чел. Следовательно, численность трёх батальонов под командованием И.М. Головина, двинувшихся с целью снятия блокады Полтавской крепости, можно считать округлённо в 2100 бойцов строевого состава.

Если сложить все приведённые выше числа, получим число российских воинов, реально (эти части применяли оружие) участвовавших в боевых действиях в ходе баталии, — 41 860 чел. Этот итог важен в первую очередь для расчёта эффективности действий регулярных русских войск против шведов.

Общую численность войск в полевых сражениях следует считать по-другому. Наряду с войсками, которым довелось применить оружие, следует учитывать также ближайшие резервы. В случае необходимости они могли быть введены в бой. Кроме того, нужно учесть и количество бойцов нерегулярных воинских формирований.

Численность 60-ти батальонов пехоты из 29-ти полков, сосредоточенных в ретраншементе, можно определить, используя данные, содержащиеся в «Табели войску российскому», посланной светлейшим князем А.Д. Меншиковым в российское посольство в Копенгагене (1711). Подсчёты показывают — в ретраншементе в день битвы пребывало 30 125 строевых чинов. Прибавляя численность гарнизона

редутов (4730), Полтавской крепости (2200), получим общую численность регулярной пехоты: 37 055 чел., всего 79 батальонов. Регулярной конницы в день битвы в деле было, как доказывалось выше, 21 044 бойца, включая офицеров. Как было показано, в самом ближайшем резерве, что называется «под рукой», находились Белгородский и Ростовский драгунские полки. В Ростовском дра-

*А. Ватто.
Фрагмент этюда с изображением солдат.
Рисунок начала XVIII в.
Роттердам, Бойманс музей*

гунском полку «по Полтавской баталии было» 988 бойцов¹⁹⁹, сколько в Белгородском — остаётся неизвестным. Артиллеристов на 4 мая 1709 г. (более поздних данных не выявлено) было 328 чел. строевых чинов²⁰⁰. Итого регулярного российского воинства, согласно приведённому расчёту, в день битвы у Полтавы, включая ближайшие резервы, насчитывалось 59 415 чел. (не учитывая Белгородский драгунский полк); с учётом названного полка драгун — округлённо 60 000 чел. Естественно, когда речь идёт о больших числах, тем более связанных с пересчётом людей, «точных» данных в принципе быть не может — они менялись иногда даже по минутам. Однако приведённые выше цифры опираются на документы, на данные учёта, поэтому их можно принять с оговоркой на условность всех больших чисел вообще.

Посланник из Гольштейн-Готторпского герцогства при Карле XII в 1710–1714 годах Ф.Э. фон Фабрис привёл совпадающие с итогом наших расчетов цифры численности противоборствовавших на полтавских полях армий. Российские силы, стянутые для решающей битвы войны, насчитывали около 60 000 чел., «помимо 20 000 калмыков». Шведы же, по сведениям Ф.Э. фон Фабриса, имели «не более 18 000 человек... которых можно было вывести в бой»²⁰¹. Подводя общий итог, следует подчеркнуть, что победа в битве была одержана с большим запасом прочности — был создан большой перевес сил над армией Карла XII. В распоряжении Петра I осталось значительное количество неиспользованных резервов.

ЗНАЧЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ В БИТВЕ

Пётр I, в отличие от Карла XII, придавал огромное значение в полевых сражениях использованию артиллерийского огня. Как доказал Е.Е. Колосов, в битве при Полтаве россияне располагали более чем 32 полевыми орудиями разных калибров и 37 полковыми пушками 3-фунтового калибра (всего 69) — наиболее распространённые в литературе цифры начиная с XVIII столетия. Имеющиеся также в европейской литературе сведения о наличии у россиян 70 или 72 орудий, можно думать, имеют своим истоком зрительные наблюдения шведов. К примеру, лейтенант Ф.Х. Вайе повествует, что по подсчётам шведских офицеров 30 мая 1709 г., в день рождения царя, стрельба в русском лагере велась из 72 орудий²⁰². Согласно исследо-

ванию Е.Е. Колосова, в четырёх полках гвардейской бригады в день битвы имелось ещё 20 артиллерийских орудий; в драгунских полках — 13 пушек, всего 102 орудия²⁰³. Эти цифры оказались усвоенными отечественной и зарубежной историографией²⁰⁴. В 2002 г. в научное обращение были введены сведения ещё о 20 артиллерийских орудиях, состоявших на вооружении российских пехотных полков, участвовавших в Полтавской битве. Это 20 чугунных мортир 6-фунтового калибра, представлявших по конструкции орудия 3-фунтового калибра (76 мм) с приделанными к завершению дульной части стальными цилиндрами 6-фунтового калибра. Такие орудия могли вести стрельбу 3-фунтовыми ядрами, картечью либо 6-фунтовыми гранатами²⁰⁵.

Что приблизительно представляли собой мортиры 6-фунтового калибра, можно судить по хранящемуся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи образцу бронзовой (но не чугунной, как под Полтавой) 6-фунтовой (96,5 мм) пушки. Она являет собой полковое орудие 3-фунтового калибра длиной 105 см и массой 159,5 кг с приделанным к дулу стальным цилиндром²⁰⁶. В документах они имеют краткие описания, наподобие: «...пушек... ядром по 3-фу[нта]... на дуле зделан мартирец железной»²⁰⁷.

Более того, в Ингерманландском драгунском полку, находившемся на поле битвы, было выявлено наличие, помимо 3 пушек 3-фунтового калибра (они входят в число учтённых выше 13 орудий драгунских полков), ещё 4 мортир 6-фунтового калибра, которые располагались на лафетах у двух из названных пушек. При мортирах имелся боезапас из 100 «мартирных чиненых ядер». Документ не оставляет сомнений в том, что речь идёт не о 4 ручных 3-фунтовых мортирках, которые не имеют отношения к артиллерии. Он озаглавлен: «Ведомость Ингерманландского драгунского полку *артиллерии* (курсив наш. — П.К.)». О самих орудиях сказано так: «Пушек трехфунтовых 3. Мартирок при них 4»²⁰⁸.

Существующие труды историков не дают ответа ещё на один вполне очевидный вопрос. «Обстоятельная реляция» и «Гистория свейской войны» сообщают, что возведённые редуты были «людьми и пушками осажены»²⁰⁹. Известия шведских участников баталии тоже однозначно фиксируют наличие многочисленной артиллерии на вооружении русских редутов, сильный орудийный огонь, который им пришлось претерпеть в начале баталии. Генерал-майор

польской службы С. Понятовский, находившийся в свите короля, утверждал, что здесь шведы понесли значительные потери от огня 150 (!) русских орудий. По его словам, пушки были обнаружены в двух редутах, захваченных шведами²¹⁰. Другой очевидец этой фазы баталии — пастор Д. Крман. Он заполучил сведения, что в этих редутах оказалось 20 артиллерийских орудий²¹¹. Конный драбант Карла XII Х. Гассман утверждал: русские «возвели несколько редутов, переполненных людьми и орудиями»²¹². Анонимный историограф Карла XII, продолживший дело Г. Адлерфельта (павшего рядом с королём в день битвы) тоже упомянул эту подробность баталии. Он отметил, что, прорываясь между редутами, шведы оказались «в средоточии сильнейшей стрельбы, как из ручного оружия, так и пушек, которые и позднее беспрерывно палили...»²¹³.

Между тем из 6-ти пехотных полков, составивших гарнизон редутов, по имеющимся в опубликованных источниках данным только Белгородский имел две небольших полковых пушки 3-фунтового калибра²¹⁴. Соответственно в литературе имеются утверждения, что редуты были «вооружены довольно слабо»²¹⁵. Конечно, огонь могли вести 13 драгунских пушек²¹⁶, 4 мортиры 6-фунтового калибра Ингерманландского драгунского полка. Однако свидетельства и русской, и шведской сторон, как показано, зафиксировали наличие именно многочисленной артиллерии в редутах. Налицо несоответствие между нашими знаниями (отражёнными в литературе) и реальностью прошлого — сильнейший огонь артиллерии из редутов, встреченный шведами. Огонь из каких же артиллерийских орудий оставил столь сильные воспоминания у прорывавшихся мимо редутов шведов?

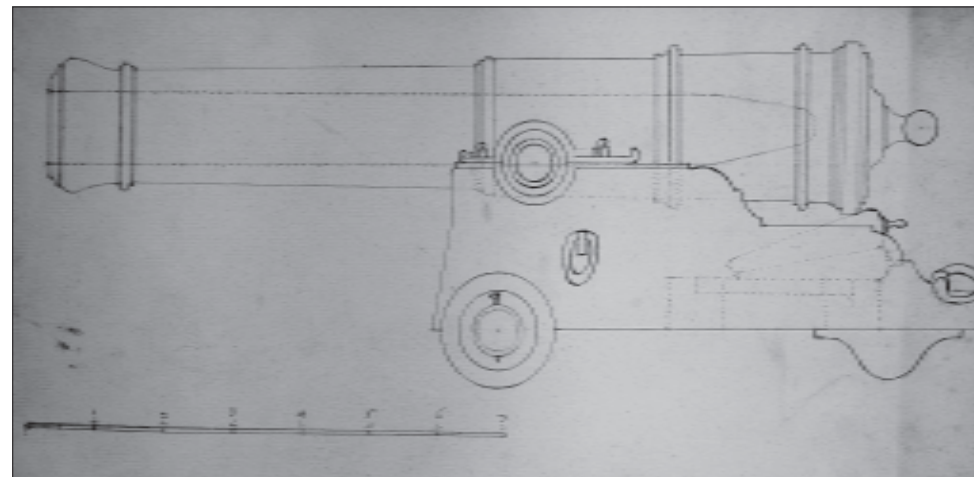
Мориц Саксонский, на основании опыта Полтавской баталии, полагал (1732), что в редутах надо размещать не только обычные артиллерийские орудия, но и небольшие переносные орудия²¹⁷. О наличии в русской армии облегчённых (переносных) мортир (portable mortars) писал в марте 1708 г. Ч. Уитворт²¹⁸.

Ч. Уитворт не ошибался. Об отправке этих орудий в войска выявлены обобщающие статистические данные, которые показывают, когда и куда отправлялись мортирки и что они собой представляли. Можно думать, что речь идёт о типе 6-фунтового калибра облегчённых мортирок, которые изобрёл в конце XVII в. голландский инженер М. Кёгорн. Такие орудия были очень эффективны для обстреливания гранатами атакующего противника на ближнем расстоянии.

Постепенно они распространились по разным странам Европы²¹⁹. В России облегчённые мортирки 6-фунтового калибра «по новому образцу» изготавливались с 1705 г. Первоначально (1705–1706) такие переносные 6-фунтового калибра мортиры российского производства перевозились на простых телегах, запряжённых одной лошастью²²⁰. В последующие годы был найден ещё более удобный способ перемещения. Они стали закрепляться при перевозке по две на лафетах у пушек 3-фунтового калибра («пушек нового образца, при которых при всякой пушке по 2 мартирца железных на одном станку гранат 6-фу[нтовых]»²²¹). В сентябре 1705 г. Преображенский полк, к примеру, получил «дробовик чугунной на станку, по сторонам по малинкому мартирцу, чугунные ж» и четыре «мартира маленьких медных на станку ж»²²². В последнем случае, похоже, назван опытный образец орудия (батарея), у которого на одном лафете были закреплены четыре однокалиберных ствола. Подобного рода опытов сооружения многоствольных батарей на одном лафете, парапете и т. д. в европейских армиях того времени проводилось немало. Однако такие эксперименты нигде не имели большого успеха. Медные 6-фунтовые мортирки устанавливались по две на отдельных станках без пушек — это был особый тип дуствольных артиллерийских орудий, тоже не нашедший широкого боевого применения²²³.

В конце декабря 1705 г. мортирки 6-фунтового калибра смотрел сам монарх²²⁴. Новый тип орудий понравился Петру I, и их производство продолжилось. Записи, относящиеся ко времени незадолго до Полтавской битвы (май–июнь 1709 г.), позволяют думать, что к 6-фунтовым мортиркам делались теперь и отдельные деревянные станки (лафеты) с оковкой: «Зделано у кузнешных дел 6 станков к маленьким мартирцом»²²⁵, «х кузнешным делам принето... на оковку 20 станков к меньшим чугунным мартирцам»²²⁶, «у плотнишных дел делано 20 станков к маленьким чугунным мартирцам»²²⁷ и т. д.

Согласно отчётным данным Артиллерийского приказа, в 1706 г. в Смоленск с московского Пушечного двора были отправлены 20 медных мортирок (или «мартирцов») 6-фунтового калибра, 20 пушек 3-фунтового калибра с 40 железными мортирками 6-фунтового калибра²²⁸; в Киев и Жолкву — 51 медная пушка 3-фунтового калибра (и 2550 ядер) и к ним «102 мартиров железных гранатом 6-фу[нтовых]» с 5100 гранатами²²⁹, в Санкт-Петербург — 10 медных пушек 3-фунтового калибра и к ним 20 железных кованых мортирок²³⁰.

*Чертёж артиллерийского орудия с двумя мортирами на лафете.
Из альбома, хранящегося в Библиотеке Петра I. Начало XVIII в.
ОР БАН*

В 1708 г. послали «в военный поход в полевую артиллерию... 18 мартирцов железных кованых 6-ф[унтовых]»²³¹, в Санкт-Петербург — «50 мартирцов маленьких, гранатою 6-ф[унтовых]» и к ним боезапас — 15 000 гранат этого калибра²³². В 1706 г. для мортирок 6-фунтового калибра изготовили 25 124 гранаты, в 1707-м — ещё 14 524²³³. После получения в войсках 3-фунтовых пушек «по новому образцу» старые отсылались обратно в Москву²³⁴.

Таким образом, документально подтверждено отправление из Москвы в армию 250 медных и кованых железных мортирок 6-фунтового калибра. Однако «20 мартирцов медных по два на стану» в течение всего 1709 г. продолжали находиться в Смоленске²³⁵. Всего 70 мортирок были посланы в 1706-м и 1708 г. в Санкт-Петербург²³⁶. Большую же их часть (160) увезли в войска, которым спустя два года предстояло одержать историческую победу в битве близ Полтавы. Часть отправленных в Санкт-Петербург облегчённых мортирок, возможно, потом вместе с переведёнными из Невского края полками могла тоже оказаться у Полтавы. К марту 1709 г. для усиления главной армии из Ингерманландии были переброшены шесть пехотных полков: Санкт-Петербургский, Абрамов, Апраксина, Инглиса, Трейденев и Фихтенгеймов²³⁷. Возможно, в них имелось некоторое число мортир для ближнего боя. Производство этого хорошо зарекомендовавшего себя типа артиллерийских орудий продолжалось и в дальнейшем. В 1711 г. пленный шведский офицер

Л.Ю. Эренмалм, имевший достаточно свободный режим передвижения в Санкт-Петербурге, получил сведения, что в этом городе находится «свыше 500 малых мортир для метания гранат (granat-mörsare)»²³⁸.

Одновременно мортирки 6-фунтового калибра нашли широкое применение и в военно-морском флоте. Они составляли часть артиллерийского вооружения полугалер и скамповей. В 1709 г. «в Санкт-Питербурх в Адмиралтейство» послали из Москвы 100 таких орудий. 16 марта были отправлены «28 мартирцов чюгунных ручных 6-фунтовых»²³⁹; 24 марта — «72 мартирцы чюгунных ручных 6-ти фунтовых, утвержены в деревянных станках»²⁴⁰. Последнее уточнение крайне важно для изучения Полтавской битвы: мортирки 6-фунтового калибра имели деревянные окованные станки. Слово «ручной» в приведённых выдержках из документов следует понимать в одном из существовавших тогда значений слова: носимый в руках, переносной²⁴¹.

Переносные пушки были эффективно использованы не только у редутов, но и на решающей фазе битвы перед русским ретраншементом. Д. Крман со знанием подробностей упомянул об этом в своём дневнике. Он писал: «Неприятель растянул фланги в форме полукруга и расставил свои пушки, большие и маленькие, многие из которых были переносными, не только в траншеях²⁴², но и на концах этих флангов. Они были сделаны из кож, натянутых на железо, изготовленное французским инженером Ле Метром по новому способу, изобретённому, как он говорил, им самим»²⁴³. Из рассказов шведских офицеров-участников битвы Д. Крман почерпнул, что пальба русских орудий тогда была очень сильной: шведские «старые и прекрасно обученные солдаты были как бы засыпаны железным градом; они легли ранее, нежели взялись за оружие». И далее: «Пока длилось сражение, мы слышали... грохот пушек, какой нельзя себе представить, если бы не слышали его собственными ушами»²⁴⁴.

Есть и другие свидетельства колоссальной мощи артиллерийского огня со стороны россиян на Полтавском поле. Фельдшер Я. Шульц записал в дневнике: «...русские пошли на нас, построившись в две линии, и с более чем 200 орудиями»²⁴⁵. К. Вейланд считал (1720), что русская пехота по выходе из ретраншемента выставила перед собой 150 артиллерийских орудий²⁴⁶. Драбант Х. Гассман вспоминал, что русские пошли на шведов «при ужасающем грое

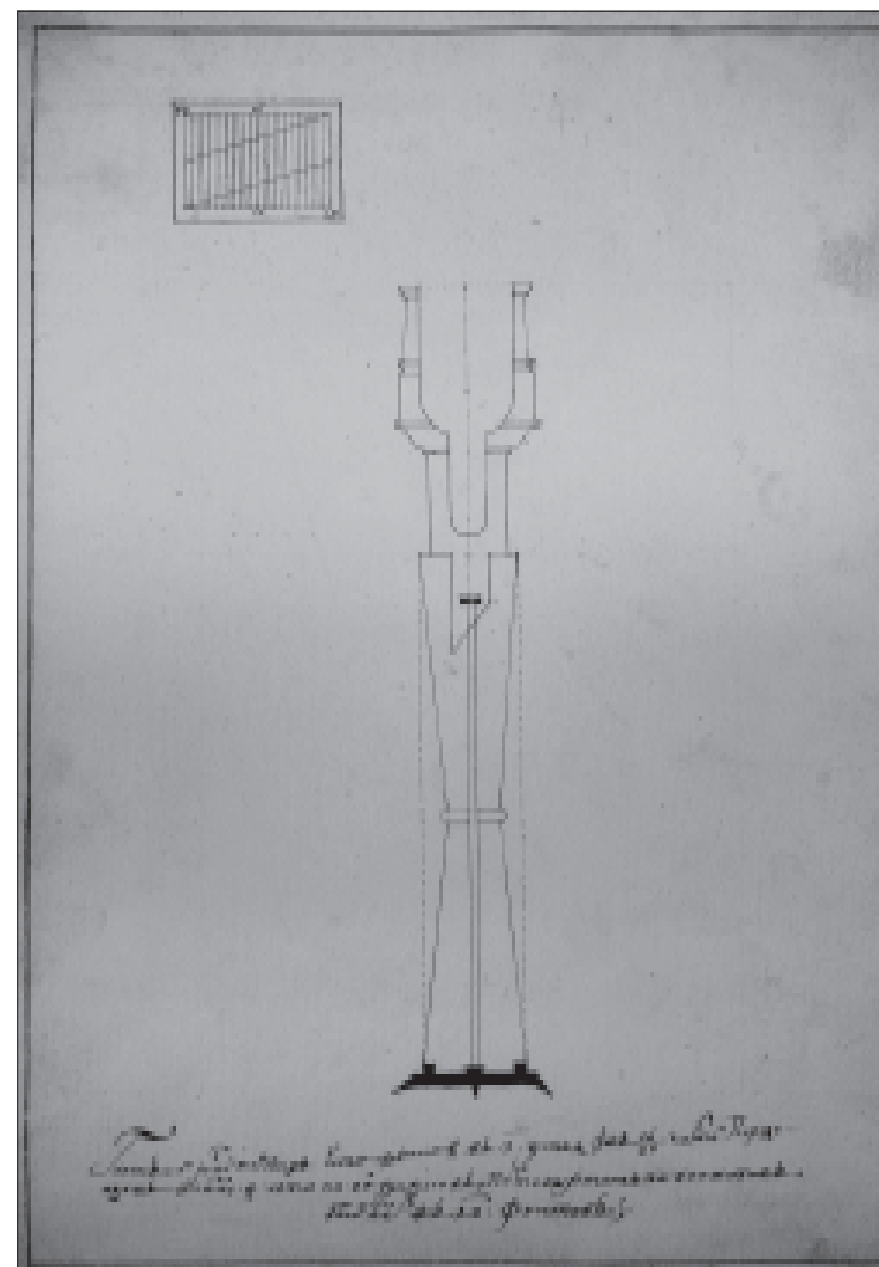

Чертёж переносной мортиры. Начало XVIII в.
Из библиотеки Петра I.
ОР БАН

орудий»²⁴⁷. Капралу Э.Л. Смерпу вражеская артиллерийская пальба напоминала некую «нескончаемую грозу». Прусский наблюдатель при войсках Карла XII подполковник Д.Н. Зильтман сравнил орудийный обстрел со стороны россиян с градом, но для описания того, насколько он был сильным, не смог найти подходящих слов. Писарь королевских драбантов И.М. Нурсберг особо выделил роль мортирного огня: «...метание больших бомб вкупе с летающими гранатами на то похоже было, как если бы они с небес градом сыпались». По словам эскадронного пастора Ю. Шёмана, сила огня русской артиллерии была чудовищной и «доселе неслыханной»²⁴⁸.

Источники упоминают также переносные мортиры, которые предложил царю валлон (француз) Ле Метр де Со²⁴⁹. Ч. Уитворт писал, что его уговорил в Голландии ехать в Россию один из царских агентов, и он прибыл в Москву в начале 1708 г. «с новоизобретёнными переносными батареями». Артиллерист получил на русской службе ранг полковника с окладом генерал-майора. 27 февраля 1708 г. он доставил царю часть своих пушек, испытание которых должно было последовать вскоре²⁵⁰. Ле Метру де Со предложил ехать для приёма на службу к царю русский резидент в Нидерландах И. ван ден Бург, выдал деньги на проезд²⁵¹. На пути в Россию в Варшаве А.Д. Меншиков заключил с ним договор на срок в шесть месяцев²⁵². Артиллерист главным образом предлагал изготавливать в России разного рода и размера батареи — артиллерийские орудия, установленные на одном деревянном станке с оковкой или же на длинном парাপете. Предложений он делал множество²⁵³, к примеру, — «поставить 2 пушки три-фунтовые [на] один станок»²⁵⁴. Может быть, это было самое реалистичное из них (от 16 августа 1708 г.). Некоторые же советы, сделанные всерьёз, не могут не удивить. Так, он полагал полезным и возможным «поставить на батарею в один ряд 1000 (! — *П.К.*) полуфунтовых пушек с крепкою оковкою»²⁵⁵. В январе 1710 г. Ле Метр де Со сделал в прошении на царское имя новые предложения. Он просил принять его на длительный срок на русскую службу. В этом случае он обещал «учредить десять малых мортиров... на едином станку к метанию вдруг десяти гранат осмифунтовых». Такая батарея, по мысли горе-изобретателя, могла быть использована для изгнания неприятельских солдат из земляных укреплений и т. п.²⁵⁶

Валлон, возможно, предлагал царю также и так называемые кожаные пушки — об этом писал осведомлённый каким-то образом

Д. Крман. Такого типа артиллерийские орудия известны в европейских странах, возможно, даже с XIV в. Они представляли собой тонкостенный медный ствол, стянутый железными обручами, который обматывался верёвками, полотном и др. Обмотка пропитывалась особыми составами. Сверху пушки обтягивались варёной кожей. Наряду с малым весом, позволявшим переносить такие пушки двум человекам, они имели серьёзные недостатки. После производства 8—10 выстрелов они настолько разогревались, что их обмотка выгорала, а сами они часто взрывались. Орудия этого типа отличались также небольшой дальностью стрельбы²⁵⁷. Испытания привезённых Ле Метром де Со образцов кожаных переносных мортирок, если они и были, надо полагать, не впечатлили царя, опытного артиллериста. Документальных следов производства и внедрения этих пушек на вооружение русской армии в соответствующих архивных фондах не выявлено.

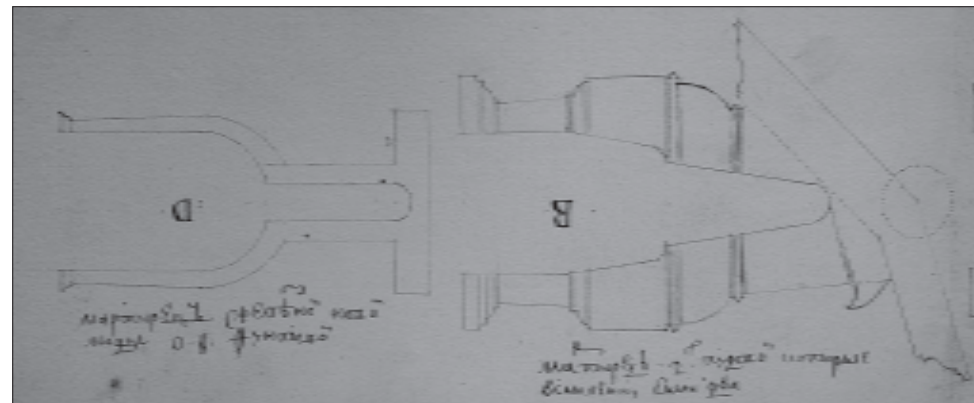
Таким образом, реальные следствия пребывания артиллериста-изобретателя в России были минимальными. Предположительно с его именем можно, пожалуй, связать изготовление «20 мартирцов медных, по два на стану», которые остались без применения в 1709 г. в Смоленске.

Е.Е. Колосов упоминал, что драгунские полки имели на вооружении, помимо 13 конных 2- и 3-фунтового калибра орудий на станках²⁵⁸, также и 3-фунтовые мортиры на выюках²⁵⁹, причём их было «значительное количество». Конкретного числа историк не назвал и не сослался на источник сведений²⁶⁰. Конно-вьючные пушки, о наличии которых в войсках писал Е.Е. Колосов, — это, конечно, ручные гренадерские мортирки для стрельбы гранатами 3-фунтового калибра — предшественницы нынешних гранатомётов. Этого рода огнестрельное средство, однако, не относится к артиллерии. Вот более подробные описания драгунских сёдел, приспособленных для перевозки мортиры-ручницы (1705-го и 1707 г.): «седло с мартирком и со всем прибором», «седло драгунское с пахвями, и с подпругами, и стременами, и с паперстью, и с мартиркою чугуною 3-фу[нтовой]», «седло драгунское с пахвы, и с подпругами, и стременами, и с перстью, и с мартиркою чугуною 3-фунтовой», «седло драгунское с станком железным с подпругами, стременами, с перетки, с пахви и с мартиркою чугуною трехфунтовую»²⁶¹. Ручные мортиры имели деревянное ложе и ружейный замок. Немало их образцов, относящихся к временам Петра I, хранится в отечественных музеях.

Итак, в русской армии, сосредоточенной у Полтавы, имелось ко дню битвы артиллерийских орудий: 32 полевых, 37 полковых, 20 гвардейской бригады, 13 драгунских, 20 пушек-мортир (для стрельбы 3-фунтовыми ядрами и 6-фунтовыми гранатами) и не менее 160 переносных 6-фунтовых мортирок — всего не менее 282. Самое деятельное участие в генеральной битве при Полтаве принял также крепостной гарнизон, имевший артиллерию. Для обстрела укрывшегося в Гвардейском шанце остатка отряда К.Г. Рууса во время битвы из крепости выкатили несколько пушек²⁶². Всего же, согласно ведомости от 9 мая 1709 г., в осаждённой крепости состояли на вооружении 28 орудий: 22 медных и 6 чугунных. Имелся необходимый боезапас²⁶³. Они вели в ходе битвы результативный огонь по позициям Крунубергского и Сёдерманландского полков, защищавших осадные траншеи к югу от крепости. Выпущенным из крепости ядром, в частности, был сражён тогда командир Сёдерманландского полка Г. фон Вальденхайм²⁶⁴. Следовательно, на настоящем этапе исследования общее количество артиллерии в русской армии у Полтавы, так или иначе задействованной в битве, следует определить так: не менее 310 орудий. Артиллерии, возможно, было больше в связи с переводом ряда пехотных полков из района Санкт-Петербурга к Полтаве. Конечно, когда идёт речь о столь большом числе, нужно принимать его с долей условности. Оно постоянно менялось: орудия сдавались в починку станков, колёс, перемещались и т. д. Однако эти данные опираются на надёжные материалы статистической отчётности.

Многочисленной русской артиллерии шведы на поле брани могли противопоставить всего лишь 4 пушки 3-фунтового калибра (2 медных и 2 чугунных²⁶⁵). При них были 4 повозки с боеприпасами и около 30 артиллеристов²⁶⁶. Остальную артиллерию Карл XII накануне битвы отправил к обозу. Очевидно, король полагал, что большое количество артиллерии замедлит стремительный натиск шведской пехоты и конницы.

В шведских осадных сооружениях у Полтавы имелись ещё две сверхмаленькие полуфунтового калибра пушки. Полтавский гарнизон захватил их во время атаки в шведских шанцах²⁶⁷. Строго говоря, эти две небольшие «солдатские игрушки» нужно тоже считать в числе орудий. Они перечислены в ведомостях трофейной шведской артиллерии²⁶⁸. Генерал Л.-Н. де Алларт тоже писал на третий день после баталии, что в качестве трофеев во время битвы взяли 6 пушек²⁶⁹.

*Чертежи русских мортир. Начало XVIII в.
Из библиотеки Петра I.
ОР БАН*

В отечественной литературе последних десятилетий появилось утверждение, что шведы не смогли провезти четыре своих полковых пушки за линию редутов на поле перед ретраншементом. Эти орудия были якобы захвачены русскими при разгроме 6-ти батальонов К.Г. Рууса²⁷⁰. Собственно говоря, евангелический пастор Д. Крман, наблюдавший ход сражения у редутов в утренние часы 27 июня 1709 г., утверждал именно это. После того как был дан знак вступить в сражение — два пушечных выстрела, королевские пушки, по его словам, увезли к обозу²⁷¹. Однако в 1720 г. в рассказе о своём служебном пути прапорщик Шлиссельбургского полка М. Мелентьев, в день битвы под Полтавой сержант того же полка, заявлял следующее: «А в 709-м году на генеральной баталии под Палтавай был наперед перед фрунтом и взял с пушки 3 знамя швецких»²⁷². Свидетельство прапорщика М. Мелентьева о наличии в боевых порядках шведов пушки противоречит высказанному мнению. Самое же главное состоит в том, что в официальной русской печатной реляции 1709 г. утверждается, что именно в Полтавской битве, отнюдь не после неё при преследовании шведов, были захвачены четыре шведские пушки: «Артиллерии... во время баталии взято 4»²⁷³.

Наступавшая шведская армия четырежды подверглась русскому массированному артиллерийскому удару. В первый раз это произошло во время сражения у редутов. Второй артиллерийский удар получила шведская кавалерия из орудий, сосредоточенных в ретраншементе, когда попыталась преследовать отступающую от редутов российскую конницу. В третий раз массированный артиллерийский

огонь был обрушен на шведов при самоубийственном наступлении 10-ти батальонов под командованием А.Л. Лёвенгаупта на ретраншемент. Наконец, на решающей фазе битвы — на поле перед русским укрепленным лагерем — шведская армия в четвертый раз подверглась мощному орудийному обстрелу. Наблюдавший сражение у редутов, но вскоре посчитавший за лучшее дожидаться исхода битвы в обозе шведской армии пастор Д. Крман изложил свои впечатления о периодичности залпов ружейного и артиллерийского огня в ходе битвы. Его запись — несколько путаная для современного научного понимания последовательности противостояний и схваток войск во время баталии, но она отражает воспоминания внимательного очевидца. Д. Крман описал очерёдность ружейных залпов и канонады в следующих словах: «Первые залпы были слышны во время атаки, вторые — при начале сражения остального войска, третьи — при отбитии траншей, четвертые — во время королевского возвращения, пятые (самые сильные) — после полуденного возобновления битвы²⁷⁴, шестые — при изгнании шведов из окрестностей»²⁷⁵.

Последствия русских артиллерийских ударов для шведов были либо весьма ощутимыми, либо самыми что ни на есть тяжёлыми. Мимо редутов, встретивших каролинцев шквальным орудийным огнём, не смогли прорваться и погибли либо сдались в плен шесть из 18-ти двинувшихся в битву шведских батальонов — треть атаковавшей россиян пехоты! Это было начало катастрофы. Получившая продольный огонь во фланг из ретраншемента шведская кавалерия вынуждена была прекратить преследование отступавшей русской конницы и уйти из зоны обстрела к западу. Действие артиллерии в этом случае было ощутимым — шведской коннице пришлось отказаться от своего намерения, но, очевидно, получив при этом лишь незначительные потери. Шведская пехота А.Л. Лёвенгаупта была встречена огнём артиллерии с валов укрепленного лагеря россиян и отступила с заметными потерями. Большой урон от огня артиллерии шведы претерпели и на главной фазе битвы при встречном сближении с первой линией русских войск. Сильнейшая орудийная стрельба из боевых порядков россиян на этой фазе баталии в немалой степени содействовала окончательному разгрому и бегству с поля брани остатков победоносных дотоле шведских войск. Артиллерийские удары, следовательно, гоняли шведскую армию, как бильярдный шар по полю.

Таким образом, недооценка Карлом XII значения артиллерийского огня на поле битвы имела пагубные последствия для шведской армии. Напротив, Пётр I добился с помощью массированного артиллерийского огня решения важных боевых задач, нанёс большой урон шведской армии.

Превосходство россиян в артиллерии в битве под Полтавой, стало быть, было подавляющим — более чем в 50 раз. Орудия полевой и полковой артиллерии (всего 69) сделали 1471 выстрел картечью, ядрами и бомбами²⁷⁶; сколько остальные — неизвестно. После прорыва за редуты шведское командование отправило приказ — срочно прислать из Пушкарёвки на поле битвы оставленную там артиллерию и охранение обоза: кавалерию и пехоту²⁷⁷. Выполнить приказ было уже невозможно. Посланный для исполнения приказа короля генерал-адъютант А.Г. Юлленклу вынужден был возвратиться ни с чем — шведское войско было отрезано и от обоза, и от 6-ти батальонов пехоты К.Г. Рууса, и от сохранявших видимость блокады (уже, конечно, не осады) Полтавы частей. Следуя на помощь к королю, остальным шведским войскам и артиллерии предстояло бы прорываться мимо русских редутов. Иных путей к изолированным на поле напротив русского ретраншемента вместе с Карлом XII войскам не имелось. Главное же состояло в том, что россияне не собирались давать время шведскому командованию на исправление роковых ошибок насчёт собственной артиллерии и не взятых в бой резервов. Возникшую ситуацию Карлу XII и К.Г. Рёншильду следовало предвидеть заранее.

«ОРДЕР ДЕ БАТАЛИИ» ПЕТРА I

«Открытое столкновение ограничивается двумя или тремя часами боя, после чего у побеждённой стороны пропадает всякая надежда. Поэтому нужно раньше обо всём подумать, попытаться всё сделать прежде, чем дело дойдёт до роковой черты»²⁷⁸ — это предостережение Вегеция царь явно держал в уме в дни, предшествовавшие генеральной битве. Выработка общей концепции предстоявшей вскоре баталии, заблаговременное продумывание сценариев действия при вероятных вариантах развития событий, как будет показано ниже, заботили тогда российского монарха, пожалуй, более всего. Что советовал далее полководцам на страницах своего

труда Вегеций, развёртывая приведённую выше мысль, то именно и делал в дни перед битвой Пётр I. Дальше будет показано, что царь накануне великой битвы действовал именно так, как должен был действовать совершенный, согласно Вегецию, верховный главнокомандующий.

Что же знаменитый военный теоретик полагал «для вождя наиболее полезным»?

Прежде всего он считал необходимым накануне сражения уделять много времени военным советам. Командующему следовало «чаще вести... беседы о своём и о вражеском войске, о том, у кого больше бойцов... чьи люди лучше вооружены и снабжены, чьи более обучены, чьи более мужественны в тяжёлых условиях». По словам Вегеция, нужно было уяснить, «на чьей стороне лучшая конница, на чьей — пехота, а надо знать, что в пехоте заключается сила войска... у кого больше запасов продовольствия или у кого их не хватает, ведь голод, как говорится, внутренний враг и очень часто побеждает без меча». Основным, по Вегецию, всё-таки являлся вопрос о своевременности сражения: «Но главным образом надо обсудить, выгоднее ли оттянуть неизбежное или скорее вступить в бой». Одним из побуждений к битве могло быть как раз опасение отхода неприятельских войск: «Ведь иногда противник надеется, что он может быстро окончить свой поход, и если он затягивается... иногда отчаяние побуждает его удалиться, если он не может сделать ничего значительного»²⁷⁹.

Вегеций также предлагал всесторонне изучить самого предводителя вражеского войска и его полководцев: «...легкомысленны ли они или осторожны, смелы или трусливы, знают ли они военное дело или сражаются, имея случайный опыт...»²⁸⁰. Изучению полководческого почерка Карла XII и К.Г. Рёншильда, как говорилось, российский самодержец уделял первостепенное значение в течение многих лет.

Среди бумаг Кабинета Петра Великого, личной канцелярии монарха, есть прелюбопытный «Ордер де баталии», не имеющий даты²⁸¹. Его изучение позволяет выяснить взгляд монарха на концепцию предстоящей генеральной баталии. Определить примерную датировку этого «Ордера де баталии» можно по чинам упомянутых в нём военачальников. Генерал А.И. Репнин был разжалован за неудачную баталию при Головчине (3.7.1708) в солдаты, генерал-поручик И.И. Чамберс отправлен в отставку. Напротив, М.М. Го-

лицын был произведён в следующий чин генерал-поручика за победой над шведами при местечке Добром (30.8.1708). Генерал-поручик принц Гессен-Дармштадтский Фридрих скончался от полученной в сражении при Лесной смертельной раны (13.10.1708). Вообще генеральная баталия после поворота 14 сентября 1708 г. армии Карла XII на юг, в сторону от направления на Смоленск и Москву, откладывалась на неопределённый срок. Как показала история — до 27 июня 1709 г. Очевидно, в силу сказанного, что этот документ был подготовлен незадолго до 3 июля 1708 г. Российское командование работало над концепцией предстоявшей генеральной баталии, и она отразилась в изучаемом «Ордере де баталии» первой половины 1708 г.

По «Ордеру» в генеральной баталии русская армия должна была пребывать под командованием Петра I («великого государя»), Б.П. Шереметева и «генерала от конницы» А.Д. Меншикова. Та же тройка первых русских военачальников была и в битве 27 июня 1709 г. Кроме того, пехотой в первой и второй линиях баталии, как предполагалось, должны были командовать генералы от пехоты Л.-Н. де Алларт и А.И. Репнин, генерал-поручики П. Дальбон и И.И. Чамберс, генерал-майоры Ф.И. фон Беллинг и князь М.М. Голицын. Кавалерией правого фланга, как намечалось, должен был руководить генерал-поручик К.Э. Рёнке, левого — генерал-поручик принц Гессен-Дармштадтский Фридрих. Предполагалось, что третьей, резервной линией будет командовать генерал-майор С. фон Ренцель.

Российское воинство, согласно «Ордеру» 1708 г., военачальники думали построить в три линии. В час решающей баталии при Полтаве третья линия регулярных войск в поле развёрнута не была, но соответствие ей имелось — эти войска остались в качестве резерва в укреплённом лагере.

Середину боевого порядка, по «Ордеру», составляли 28 батальонов пехоты в первой и столько же во второй линии. При Полтаве баталия состоялась не на открытом, но на стеснённом, ограниченном пространстве. В первой линии русской пехоты на неприятеля двинулось 24 батальона — более не вмещало поле, во второй стояло меньше — только 18 батальонов. Под Полтавой все батальоны во второй линии были из тех же полков, что и в первой. В 1708 г. такое положение намечалось соблюдать не строго: так было показано на чертеже только у 15-ти батальонов, у остальных во второй линии за

ними стояли батальоны других полков либо же батальоны своих полков были несколько смещены в сторону.

Крылья боевого порядка по «Ордеру» 1708 г., в сущности, были равной силы. Их образовывали с каждого фланга по пять драгунских полков (каждый из 5-ти эскадронов). В первой линии с левого фланга крайним слева примыкал ещё один эскадрон (всего их было 26), с правого фланга крайними справа — ещё два эскадрона (всего 27 эскадронов). Во второй линии намечалось выставить с каждого фланга чуть меньше — по пять драгунских полков 5-эскадронного состава.

Третью линию для генеральной баталии в 1708 г. предполагалось иметь значительно более короткой, чем две первые. Согласно схематическому чертежу, она занимала пространство строго за первой и второй линиями пехоты; оба фланга из драгунской кавалерии простирались далее.

Какие войска по замыслу русского командования должны были войти в третью линию?

Сердцевину их, как намечалось, должны были образовать 16 батальонов под командой генерал-майора С. фон Ренцеля. На чертеже надписано, что шесть центральных из них — это гренадерские батальоны. С обоих флангов к регулярной пехоте в третьей линии примыкали «казаки и татары» — их численность не обозначена. По смыслу документа можно заключить, что подразумевались конные казацкие и татарские отряды. Предполагалось, что замыкать линию слева и справа будут «калмыки», то есть, если точнее, — калмыцкая конница.

Таким образом, уже к лету 1708 г. у русского командования был наготове такой вариант развития событий, как генеральная баталия. Конечно, это был крайний случай — время работало на Петра I и против Карла XII. «Ордер де баталии» 1708 г. показывает, какой видело предстоящую битву государственное и военное руководство России. «Революции в военном искусстве» делать не предполагалось: баталия должна была пройти по правилам линейной тактики. Конечно, «Ордер» не учитывает особенностей местности — место генеральной баталии ещё не было назначено. Неясно поэтому, к примеру, желали ли тогда российские полководцы применить к шведам искушение предложением «золотого моста» для бегства, куда желали упереть фланги боевого порядка, и т. д. Изученный документ показывает также — страна накопила большой военный по-

тенциал. Против армии Карла XII в кратчайший срок могли быть сосредоточены огромные силы регулярных войск — такими Россия никогда ранее не располагала.

ЖЕЛАЛ ЛИ ПЁТР I АТАКОВАТЬ?

По Вегецию, «вождь бдительный, выдержанный, разумный» должен был когда-то решить для себя основополагающий вопрос о времени вступления в битву: «И если будет найдено, что во многих отношениях он превосходит врагов, пусть он не откладывает вступить в выгодное для него сражение. Если же он поймёт, что враг сильнее его, пусть избегает открытого боя; ведь и менее многочисленные и более слабые силами, устраивая внезапные нападения и засады, при хороших вождах часто одерживали победы»²⁸².

Именно в таком положении необходимости решительного выбора пребывал царь в июне 1709 г. На протяжении приблизительно двух лет (сентябрь 1707 — середина июня 1709 г.) Пётр I последовательно, шаг за шагом воплощал свой стратегический замысел сокрушения шведского нашествия, используя стратегию отступления. На этом этапе русский монарх создавал наиболее общие предпосылки для будущей победы над неприятельской армией вторжения. В июне 1709 г. Пётр I счёл условия для перехода к стратегии наступления вполне подготовленными. Ближайшей целью произошедшей смены стратегии мог являться только полный разгром и пленение армии противника в генеральной баталии.

Рядом последовательных действий и ударов шведские войска были сжаты в мае—июне 1709 г. в ближайших к Полтаве окрестностях, в районе нескольких близких к осаждённой крепости сёл. Реальное положение шведов ярко обрисовано в письме главы российского внешнеполитического ведомства Г.И. Головкина, находившегося в царской ставке, послу в Копенгагене В.Л. Долгорукову, отправленном 10 июня 1709 г. из обоза близ Полтавы. Король, обозначивший, по словам Г.И. Головкина, намерение «всеми силами крепость Полтаву добывать», неоднократно атаковал её «приступом и подкопами», но постоянно был вынужден отступать «с великим уроном»²⁸³. Полтавский гарнизон, напротив, совершал частые вылазки против шведов, наносил им немалый урон. Расположение шведских войск было окружено «со всех сторон... подъездами и партиями»

россиян, которые беспрестанно тревожили неприятеля. Г.И. Головкин подводил итог: «...неприятель есть паче от нас в осаде, нежели помянутая крепость от него, и вскоре чаем знатных действий над ним»²⁸⁴.

И.Н. Никитин.
Портрет Г.И. Головкина. 1720-е
ГГГ

Как доказывалось выше, 19 июня 1709 г. Пётр I, российский генералитет и министры приняли решение о переходе в наступление против армии Карла XII с целью её полного разгрома и пленения. Необходимо было не допустить как ухода шведских войск за Днепр, так и падения Полтавы, гарнизон которой столь мужественно защищался. В дневнике Г. Адлерфельта после записей от 20 июня (ст. ст.) и до продолжения записей под 22-м числом (ст. ст.) приведено сообщение русских дезертиров. Они угодливо заявили, что царь незадолго до этого в присутствии многих свидетелей объявил генерал-поручику Р.Х. Боуру о ранении в ногу короля Швеции. Тогда же русский монарх во всеуслышание объявил и то, что россияне теперь будут атаковать не-

приятеля «всеми силами по прошествии нескольких дней» (*dans peu de jours par toutes les forces*)²⁸⁵. Таким образом, 20 или 21 июня перебежчики довели до сведения шведов решение генерального военного совета, прошедшего 19-го числа. Намерения российского командования отныне выдавались самим передвижением войск.

Какой сценарий битвы, выжидательный или наступательный, желал применить против шведской армии царь? Как известно, на практике оказался воплощённым выжидательный вариант битвы. Но допускал ли русский самодержец возможность атаковать самому дотоле непобеждённую в сражениях главную армию Карла XII? Вопрос этот немаловажен.

Историк А.А. Свечин, к примеру, считал, что Пётр I, «по-видимому, твёрдо решил дать оборонительное сражение». Поэтому и строительство шести, потом ещё четырёх редутов исследователь расценивал как подготовку к намеченному переносу укрепленного лагеря «на следующие два километра ближе к шведам»²⁸⁶. О пред-

почтительности для царя выжидательного варианта говорилось выше, но надо повторить вопрос: исключал ли царь возможность наступательного с русской стороны генерального сражения?

В печатной «Обстоятельной реляции» 1709 г. сказано кратко: «А в 25 и в 26 день рекогносцировать оную ситуацию и неприятельский лагерь изволил Его Царское Величество и всякое предуготовление чинить к нападению на неприятеля...»²⁸⁷. Изучение текста и правки первой редакции «Гистории свейской войны» несколько проясняет вопрос о действительных намерениях царя. После перехода армии на присмотренную новую позицию к северу от деревни Яковцы и возведения с вечера 25 июня «чрез одну ночь» ретраншементов для пехоты и артиллерии на следующий день (26.6.1709) царь «рекогносцировал оную ситуацию и неприятельской лагерь». Передвижение армии на новое место именно вечером было произведено, «дабы неприятель не мог принудить к главной битве прежде, нежели траншемент будет учинен» (!). Иначе, царь опасался (что было в высшей степени разумно) преждевременного начала генеральной битвы — до подготовки всех возможных предпосылок для её выигрыша «малой кровью». Имевшийся в печатной реляции бравурный фрагмент «и всякое предуготовление чинить к нападению на неприятеля, однако ж» в первой редакции «Гистории» вычеркнут²⁸⁸!

Изучение второй редакции «Гистории свейской войны» позволяет ещё более приблизиться к постижению реального замысла русского монарха. Там на отдельном листке включена российская пропагандистская дезинформация. Следует привести ниже это включение, опирающееся на устное предание (в данном случае совершенно недостоверное). Согласно введённой во второй редакции «Гистории» текстуальной вставке, 25 июня король «подъезжал сам осматривать российской лагерь и наехал ночью на российскую казачью малую партию, которая стояла неосторожно, и некоторые из оной казаки сидели при огне». Далее в «Гистории» воспроизводится завершение предания: «Что он, усмотря, наехал с малыми людьми и одного из них, сошед с лошади, сам застрелил. Которые казаки, вскоча, из трех фузей по нем выстрелили и прострелили ему в то время ногу, которая рана ему весьма жестока была»²⁸⁹.

Смысл введения в официальный источник, «Гисторию свейской войны», ненадёжного устного предания о ранении шведского короля 25 июня казаками, которое не имело связи с реальностью, но было удобно для усиления пропагандистской версии, понятен.

В действительности король получил рану в левую стопу, от пятки к пальцам, пулей из нарезного оружия выстрелом, произведённым с левого берега Ворсклы утром 16 июня (ст. ст.; 17 по шведскому календарю). Во второй редакции русского пропагандистского сочинения «Гистория свейской войны» было решено «опровергнуть» этот несколько подрывавший официальную концепцию величия Петра Великого как полководца, но получивший к тому времени известность шведский пропагандистский вымысел, что царь решился выступить против шведского короля только после получения вести о его ранении. Как следует из приведённого выше свидетельства Г. Адлерфельта, в момент принятия решения о переходе в стратегическое контрнаступление с целью полного уничтожения главной шведской армии, русское командование уже, по всей видимости, получило сведения о ранении короля. Предатели-перебежчики с российской стороны сообщали 20 или 21 июня шведам, что царь уже знал об этом. Можно предполагать, что весть о ранении короля пришла к русским действительно 19 июня или даже до этого. Однако получение россиянами этого известия в любом случае было лишь толчком к принятию радикального, но вполне назревшего решения, о котором непрерывно размышляли в те дни российские государственные и военные верхи, — дать шведам в ближайшее время генеральную баталию, для чего перейти в контрнаступление на противоположный берег Ворсклы.

Ключевое значение для понимания реальных намерений Петра I имеют его слова в письме, отправленном коменданту Полтавской крепости 26 июня 1709 г. Эти слова резко контрастируют с бравурной пропагандистской подачей замыслов царя. Русский монарх тогда писал: «...ныне... вам повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою, до половины июля и далее...»²⁹⁰.

Итак, за день до баталии Пётр I допускал, что решительная битва двух армий, несмотря на самое тесное (столь провоцировавшее шведского короля!) их сближение, может произойти через три и даже более недели. В отличие от своего венценосного соперника на поле брани, Петру I было органично присуще стремление во всех случаях в наибольшей степени подготовить победу и снизить риск и влияние непредвиденных обстоятельств. Ч. Уитворт вскоре после состоявшейся 27 июня 1709 г. баталии получил сведения, что Полтавский гарнизон «терпел нужду в провизии», но, тем не менее, мог продержаться ещё «недели три»²⁹¹. Столь тесное приближение русской

армии к шведскому лагерю — это, как представляется, своего рода беспроектная провокация будущих действий шведского короля. Психология Карла XII, его полководческий стиль, его любовь к внезапным нападениям на рассвете, его вера в своё великое полководческое счастье, в божественное предопределение его грядущих побед — всё это было слишком хорошо изучено царём ко дню 27 июня 1709 г.

Итак, царь, создав все макроусловия для великой победы, готовился вплоть до трёх недель искушать горячего шведского короля соблазнами, до которых тот был столь неустойчив. Но искушать в течение трёх недель и более не пришлось. Король и К.Г. Рёншильд бросились со своей победоносной армией в столь искусно подготовленную ловушку уже на третий день, считая от перехода войск на поле баталии 25 июня, — на рассвете 27 июня 1709 г.!

Если подвести итог рассуждениям, то, по мнению автора, Пётр I мог возжелать атаковать шведскую армию только в случае крайней необходимости (реальная угроза падения Полтавы, сборы к отступлению к Днепру). Целью царя, мудрого, выдержанного полководца, было, как представляется, провоцирование (столь умело делавшееся) шведского короля на внезапную атаку русских позиций с надеждой повторить свой триумф при Нарве в 1700 г.

Наступательный вариант не привёл бы к столь полной, очевидной и «лёгкой» победе. Русская армия, опираясь на построенные редуты, имела бы баталию со шведами на открытых степных пространствах. Напротив, шведы имели бы опору в собственном армейском обозе. Те значительные кавалерийские резервы, которые Карл XII оставил для обороны обоза у Пушкарёвки и для защиты бродов через Ворсклу, реально участвовали бы в этом случае в генеральной баталии: шесть рейтарских полков (2142 всадника) и пять драгунских полков (2150 бойцов) — всего около 4300 кавалеристов. Шведская артиллерия была бы задействована полностью. Лучше могло проявить себя в случае открытой баталии и войско изменников — запорожских казаков и мазепинцев. Их поведение было трудно предсказуемым, но в случае окружения и скорой перспективы виселицы они могли бы (чего только не бывало в истории!) показать некую героическую гибель под палашами российских драгун.

Итак, как ни рассчитывай ситуацию, генеральная битва в наступательном варианте — в открытых полях — не сулила Петру I столь малокровной и полной победы, как это случилось при воплощении оборонительного, выжидательного сценария битвы. Ещё более оче-

видно преимущество выжидательного, провоцирующего варианта было, чем может это видеться современному исследователю (риском предположить), самому Петру I. Иными словами, царь, вопреки пропагандистским преувеличениям, сделанным в расчёте на незнакомый с тонкостями военного искусства «здравый рассудок» среднего европейца («Обстоятельная реляция»), не желал сам атаковать шведов. Расчёт состоял именно в том, чтобы попытаться всеми возможными ухищрениями спровоцировать их на «внезапную» (только по видимости, только для наивных) атаку русских укрепленных позиций. Задуманное сбылось в полной мере. Полтавская виктория была, без каких-либо пропагандистских преувеличений, как тогда писали, «преславной».

ШВЕДСКОЕ ВОИНСТВО ПЕРЕД БИТВОЙ

Если российская армия год от года усиливалась, накапливала необходимый боевой опыт, улучшалось её вооружение, то шведская армия вторжения во главе с королём в 1708—1709 годах заметно слабея. Ч. Уитворт регулярно получал в Москве сведения с театра военных действий, и его донесения отразили процесс ослабления шведской армии. 17 (28) сентября 1708 г. в донесении в Лондон он давал ищущей генеральной баталии шведской армии самые высокие характеристики: «На стороне короля шведского следующие преимущества: старые солдаты, опытные генералы, храбрые офицеры, необычайная выносливость, скажу даже, потребность в утомлении, несокрушимая энергия, непоколебимая решимость»²⁹².

Через девять месяцев в послании от 15 (26) июня 1709 г. дипломат сменил тон. Он в первую очередь перечислял многочисленные затруднения, встреченные шведами. Накануне генеральной баталии его оценка коренным образом изменилась: «В шведском лагере, говорят, провианта мало, вода дурна, казаки и другие летучие отряды, нападая на пасущиеся табуны... угнали у шведов около четырёх тысяч лошадей, но особенно ощутителен недостаток в порохе, и дезертиры показывают, будто между королевскими войсками идут постоянные разговоры об обратном переходе за Днепр»²⁹³.

По подсчётам автора (глава III), ко дню Полтавской битвы численность шведской армии сократилась до 25 400 строевого состава, включая в это число раненых, больных и безлошадных кавалерис-

тов. Шведы имели под Полтавой союзников, выступивших против России: запорожских казаков и отряд украинских казаков, оставшихся рядом с бывшим гетманом Мазепой.

Какова была численность и боевые возможности названных союзников шведского короля накануне генеральной баталии?

Приблизённо их количество в принципе ясно, но точные цифры, которые бы не вызывали разногласий, дать затруднительно. Очевидно, некоторая разноголосица известий источников отражает текучесть личного состава этого нерегулярного воинства и малую значимость этого войска как боевой силы. Полезно привести записи о пополнении шведской армии предателями из числа левобережного украинского казачества и мятежниками-запорожцами из дневника прапорщика Хельсингского пехотного полка Р. Петре. Прапорщик делал записи сразу же после получения каких-либо сведений и старался быть точным. Он писал обычно только о том, что происходило в том месте, где стоял его полк. Его записи о появлении запорожцев рядом с расположением его полка не следует во всех случаях суммировать. Иногда они отражают лишь передвижения украинских союзников шведов. 9 октября (ст. ст.; 10 октября по шведскому календарю) 1708 г. он записал о приходе к шведам «нескольких тысяч казаков и татар»²⁹⁴. Эта запись фиксирует приход к шведам их новых союзников вскоре после измены гетмана Мазепы. Запись о прибытии «Мазепы с приблизительно 3000 казаков» появилась в дневнике Р. Петре 2 (3) ноября 1708 г.²⁹⁵ Может быть, это ранее упомянутый отряд, но уже уменьшившийся за счёт сбежавших от бывшего гетмана украинских казаков, осознавших скудость его интеллектуальных возможностей и пагубность начатого дела измены. Прибытие запорожских казаков, изменивших много позднее, чем Мазепа (в марте 1709 г.²⁹⁶), Р. Петре зафиксировал 29 (30) апреля 1709 г. Их тогда пришло в окрестности Полтавы «около 4000»²⁹⁷. А 16 (17) мая 1709 г. Р. Петре сделал такую заметку в дневнике: «Сегодня пришло ещё 2000 запорожцев, которые должны продолжать работать, так что теперь у нас с теми, которые находятся при войсках, 6000 человек этого народа»²⁹⁸. Как вскользь оговорился Р. Петре, назначением запорожцев при шведах являлось «продолжать работать» — часть их использовалась против осаждённой Полтавы в качестве землекопов.

18 апреля 1709 г. отряд полковника П.И. Яковлева после двухчасового приступа овладел крепостью Переволочна близ места впа-

дения Ворсклы в Днепр. Изменники численностью около 3000 чел. упорно защищались, используя артиллерию. Свыше тысячи изменников тогда были порублены. Часть злодеев бежала вниз по Днепру или за Днепр²⁹⁹. Разорение Переволочны, сожжение и захват части судов, собранных там изменниками для своих новых союзников — шведов, явились важной предпосылкой полной катастрофы королевской армии на берегу Днепра 30 июня 1709 г.³⁰⁰

14 мая 1709 г. спустившийся по Днепру отряд П.И. Яковлева разгромил запорожцев в бою вблизи их укрепленного местечка За-

Неизвестный живописец.
Портрет И.С. Мазепы.
Начало XVIII в.

Государственное собрание портретов,
Грипсхольм, Швеция

порожская Сечь, которая в тот же день была разорена. После уничтожения Сечи часть запорожцев, которых не смогли догнать, разбежалась по разным рекам, укрылась во владениях Османской империи на нижнем Днепре (Олешковская Сечь). Однако некоторые беглецы, надо полагать, посчитали, что лучшие шансы на какой-то успех либо же на возможность снова перебежать в подданство российского самодержца — возле Полтавы, рядом с войсками шведского короля и Мазепы.

Сведения, поступавшие в русскую ставку в июне 1709 г., говорили о том, что запорожцев при войсках шведского короля и Мазепы около 7000 чел. Так, шведский дезертир, немец Х. Экил, присланный в ставку 2 июня, утверждал на допросе: «...запорожцов, слышал, при Полтаве всех 10 000»³⁰¹. Скорее всего, беглец числил запорожцами всех украинских казаков, изменивших российскому подданству, включая 3000 мазепинцев. Волох И. Попович, сбежавший от шведов 9 июня 1709 г. из села Жуки к северу от Полтавы, где тогда стоял Мазепа, показал: «...запоросцов, слышал, что всех при швецком войске тысяч с семь, и многие утекают до полковника миргородского, до Голтвы, и оные запоросцы стоят от Полтавы в миле»³⁰². Те же «речи» сказали волохи Сандул и Василий, бежавшие вместе с И. Поповичем³⁰³. Шведский артиллерист, плененный 2 июня 1709 г. при фуражировке, говорил, что осадные земляные работы у Полтавы поручены пяти

тысячам запорожцев. Король обещал отдать им город на разграбление³⁰⁴.

Есть основания для общего вывода о численности воевавших с российскими подданными изменников-украинцев. Присяге и российскому подданству (в пределах автономной Левобережной Украины) изменила небольшая часть левобережного украинского казачества. Их накануне битвы под рукой допустившего интеллектуальный просчет интригана Мазепы было округленно 3000 чел. Всё запорожское войско в марте 1709 г. поддавалось его обманам и посулам. Общее число запорожцев, сосредоточившихся у Полтавы для войны против россиян (вместе с которыми были и украинские казачьи полки гетмана И.И. Скоропадского), накануне Полтавской битвы можно оценивать в 7000 чел.

Боеспособность этого нерегулярного антироссийского воинства была крайне низкой. Как будет показано далее, запорожцы и казаки Мазепы побежали, как только увидели, что с левого фланга их атаковали (по существу, только лишь криком) калмыки и казаки из леса южнее селения Малые Будищи. Ни один казак из выступивших с оружием в руках против гетмана Левобережной Украины И.И. Скоропадского и царя Петра I не имел мужества (и желания) преодолеть две линии редутов, за которыми должна была развернуться решающая фаза битвы. Предатели бежали в обоз в самом начале битвы, так и не скрестив сабель с верными царю украинскими, донскими и яицкими казаками и регулярными российскими войсками. Основную же часть запорожцев еще накануне битвы отправили в тыл к Пушкарёвке. Украинец Феофан (Прокопович), ректор Киево-Могилянской академии, в «Слове похвальном о баталии Полтавской», произнесенном в Санкт-Петербурге 27 июня 1717 г., так и сказал о низкой боеспособности запорожцев: «...сие имело быти срамно: швед, славный войнами... требует себе козацкой помощи?»³⁰⁵.

Низкая степень умения выстраивать боевые порядки, маневрировать в строю на поле боя, отсутствие стойкости и склонность к грабегам и мятежам «таких своевольных» запорожских казаков не являлись тайной ни для российской правящей верхушки, ни для Мазепы. Бывший посол в Речи Посполитой, российский полномочный министр Г.Ф. Долгоруков 22 января 1709 г. писал царю о запорожских казаках: «...в оных, кроме своевольства и опасности, лишней службы нет»³⁰⁶. Сам Мазепа писал «о запорожцах, представляя

неверность и шатость их и советуя о усмирении и разорении оных». Такие писания Мазепы начальнику Посольского приказа Ф.А. Головину (1650–1706) царь потребовал отыскать в Москве в начале 1709 г.³⁰⁷

Неверность запорожцев, их выступление с оружием в руках против остальных подданных Российского государства во время вражеского нашествия не принесли им выгоды. Сечь была разорена, казаки рассеялись по рекам, морским заливам, вынуждены были разорвать связи с Левобережной Украиной, где их могли поймать и

М. Бернигерот.
Портрет Ф.А. Головина. 1706

предать суду за государственную измену. Вот, для примера, судьба одного из них. Запорожец Иван Григорьев, выходец с Левобережья Днепра, схваченный на Украине весной 1713 г., показал, что «как войско швецкое под Полтавою разобрано, и многие запорожцы прибежали в Крым». Его рассказ о своей деятельности, начиная с 1709 г., был неправдоподобен. Казак, очевидно, пытался скрыть своё участие в «прямом воровстве — измене и бунте». Запорожец был «пытан и огнем зжен», после чего (как и полагалось по закону³⁰⁸) сослан на каторгу³⁰⁹.

Трагическую коллизию государственной измены, греха клятвопреступления, вооружённой борьбы с соотечественниками — русскими, украинцами, калмыками, татарами и другими россиянами — и последующего раскаяния многих запорожцев тонко вскрыл в проникновенных виршах украинец Феофан (Прокопович). По обоснованному предположению И.П. Ерёмкина, стихотворение «Кающийся запорожец» было написано вскоре после 1709 г., когда была актуальна тема раскаяния и возможной амнистии мятежников-сечевиков³¹⁰:

*Что мне делать я не знаю,
А безвестно погибаю:
Забриол в лесы непроходны,
В страны гладны и безводны;
Атаманы и гетманы,*

*Попал я в ваши обманы. <...>
Не впасть бы мне в силны руки,
Не приять бы страшной муки;
Иду же я на путь преждний
Под кров мне зело надежный.
Прогневил я самодержца
С малоразсудного сердца.
Да мой же в том разум твердый,
Что Бог и царь милосердый:
Государь гнев свой оставит,
И Бог мене не оставит.*

Не запорожцы и столь же малобоеспособные казаки из личного отряда свергнутого гетмана Мазепы могли атаковать регулярную армию России, выпестованную Петром I. Такой силой были шведские регулярные полки. Около 11 часов вечера 26 июня 1709 г. заснувших на час-другой шведских солдат разбудили: «Подъём, подъём, выступаем!». В темноте ночи пехота быстро собралась в батальоны, кавалерия — в эскадроны. После закончившегося в час ночи 27 июня богослужения выступление армии началось. Пехота двинулась четырьмя колоннами: 18 батальонов, состоявших из 70 рот. Первой колонной командовал генерал-майор А. Спарре, второй — генерал-майор Б.О. Стакельберг, третьей — генерал-майор К.Г. Руус, четвёртой — генерал-майор А. Лагеркруна. Всего пехоты было около 8170 строевых чинов. Кавалерия выступала в шести колоннах: 14 полков и корпус драбантов, всего приблизительно 7800 всадников. Собственно кавалерийских полков было 8, драгунских — 6. С войсками в бой были взяты только четыре полковых орудия 3-фунтового калибра с орудийной прислугой — всего 30 чел. Валашский полк лёгкой конницы под командой полковника С. Кольцы, насчитывавший до 1000 шпаг, выдвинулся вдоль Ворсклы по направлению к деревне Яковцы, лежавшей к югу от российского ретраншемент. Его задача носила вспомогательный характер — отвлечь внимание русских от места главного удара армии Карла XII. В барабаны не били, на трубах не играли — выступление армии происходило втайне. Оно должно было потрясти русского противника внезапностью и неодолимостью шведского натиска³¹¹.

- ¹ Краткое собрание Лва Миротворца, августейшего греческого кесаря, показующее дел воинских обучение. Амстердам, 1700. С. 20–21.
- ² ОР БАН. П. I. Б. 7. Л. 108.
- ³ Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы). СПб., 1996. С. 67.
- ⁴ *Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела. С. 263.
- ⁵ Краткое собрание Лва Миротворца... С. 13.
- ⁶ Там же. С. 14.
- ⁷ Два византийских военных трактата конца X века. СПб., 2002. С. 286.
- ⁸ ОР БАН. П. I. Б. 7. Л. 210 об.
- ⁹ Краткое собрание Лва Миротворца... С. 29.
- ¹⁰ Там же. С. 24.
- ¹¹ *Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела. С. 179.
- ¹² ГСВ. Вып. 1. С. 159, 301.
- ¹³ Там же. С. 160, 301.
- ¹⁴ ПБИБВ. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 216.
- ¹⁵ Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. С. 317.
- ¹⁶ ПБИБВ. М., 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 947–948, 964.
- ¹⁷ Там же. С. 947.
- ¹⁸ *Adlerfelt G.* Histoire militaire de Charles, Roi de Suède depuis l'an 1700 jusqu'à la bataille de Pultowa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté. Amsterdam, 1740. Т. 3. Р. 450. Поскольку даты в дневнике Г. Адлерфельта названы по шведскому календарю, опережавшему на день Юлианский, в настоящей книге они везде переведены на старый стиль.
- ¹⁹ [Юленкрук А.] Современное сказание о походе Карла XII в Россию // ВЖ. 1844. № 6. С. 96.
- ²⁰ Там же. С. 98.
- ²¹ *Adlerfelt G.* Histoire militaire de Charles, Roi de Suède depuis l'an 1700 jusqu'à la bataille de Pultowa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté. Т. 3. Р. 450, 453.
- ²² Ibid. Р. 454–455.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Соколовский А. План местности Полтавского боя 27-го июня 1709 г. (Отчётная карточка рекогносцировки) и объяснение к нему. Полтава, [1909]. С. 4.
- ²⁵ Носков А. А. Поле Полтавской битвы 200 лет спустя после неё // ЖОРВЗ. СПб., 1909. Кн. 3. С. 251–258; Соколовский А. План местности Полтавского боя 27-го июня 1709 года (Отчётная карточка рекогносцировки) и объяснение к нему. С. 4.
- ²⁶ *Adlerfelt G.* Histoire militaire de Charles, Roi de Suède depuis l'an 1700 jusqu'à la bataille de Pultowa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté. Т. 3. Р. 462.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Подьяпольская Е. П. Военные советы 1708–1709 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. С. 130.
- ²⁹ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 228.
- ³⁰ Там же. С. 7.
- ³¹ ГСВ. Вып. 1. С. 301.
- ³² Там же. Вып. 2. С. 120.
- ³³ [Гюйссен Г., фон] Журнал государя Петра I с 1709 по 1710, сочиненный бароном Гизеном. С. 92.
- ³⁴ Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 3. С. 119–120.
- ³⁵ Там же. С. 121.

- ³⁶ [Гюйссен Г., фон] Журнал государя Петра I с 1709 по 1710, сочиненный бароном Гизеном. С. 92.
- ³⁷ ПБИБВ. Т. 9. Вып. 2. С. 980.
- ³⁸ [Frédéric II de Prusse] Réflexions sur les talents militaires et sur le caractère de Charles XII, roi de Suède de main de Maitre. S. 1., 1786. P. 53–54.
- ³⁹ Кротов П. А. «Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой (К изучению инженерно-фортификационного обеспечения баталии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2005. С. 92–93.
- ⁴⁰ См.: Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. 2. План № 10; Шперк В. Ф. Инженерное обеспечение Полтавской битвы (К 230-летию Полтавской битвы). М., 1939. С. 16; Морской атлас. М., 1958. Т. 3. Ч. 1. Л. 11; Порфирьев Е. И. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М., 1959. С. 58; Иванюк Я. Г., Ростовский А. Н. Заповедник «Поле Полтавской битвы»: Путеводитель. Харьков, 1986. С. 76.
- ⁴¹ См. воспроизведение плана: Борисовская Н. А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. Космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. С. 190.
- ⁴² ОР БАН. Галерея Петра I. Ф° 266. Т. 2. Л. 85.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 314. Л. 78 об.
- ⁴⁴ *Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела. С. 229.
- ⁴⁵ ОР БАН. Галерея Петра I. Ф° 266. Т. 2. Л. 85.
- ⁴⁶ Там же. Т. 3. Л. 81.
- ⁴⁷ Боргсдорф Е. Ф. Побеждающая крепость. М., 1709. С. 7.
- ⁴⁸ Кротов П. А. «Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой (К изучению инженерно-фортификационного обеспечения баталии). С. 97.
- ⁴⁹ Носков А. А. Поле Полтавской битвы 200 лет спустя после неё. С. 252–253.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel [...]. Th. 1. S. 131.
- ⁵² [Pihlström A.] Anders Pihlströms dagbok 1708–1723 // НН. Stockholm, 1903. D. 18. № 4. S. 25.
- ⁵³ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 209.
- ⁵⁴ Lövgren J. Regementsfältskären Jacob Schultz' dagboksanteckningar 1697–1721 // KFA-1948. Stockholm, 1948. S. 86.
- ⁵⁵ ГСВ. Вып. 1. С. 302.
- ⁵⁶ Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel [...]. Th. 1. S. 131.
- ⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 885. № 314. Л. 78.
- ⁵⁸ Молтусов В. А. Полтавская битва. Новые факты и интерпретация. Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 2002. С. 109, 110.
- ⁵⁹ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. Прилож. I, V; Борисовская Н. А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. С. 191.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1196. Л. 3. Перевод с польского яз.
- ⁶¹ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Ч. II. С. 262.
- ⁶² [Frédéric II de Prusse] Réflexions sur les talents militaires et sur le caractère de Charles XII, roi de Suède de main de Maitre. P. 57.
- ⁶³ [Наполеон] Записки Наполеона о походах Тюрення и Фридриха Великого. М., 1836. С. 118.
- ⁶⁴ Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. С. 312, 313; Александр-

ров Е.В. Военно-инженерное обеспечение (Краткий исторический очерк). М., 1946. С. 36.

⁶⁵ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. С. 261.

⁶⁶ Брукс Р. Боевой порядок 1650—1785 // История войн / Пер. с англ. С. 94—95.

⁶⁷ Александров Е.В. Военно-инженерное обеспечение (Краткий исторический очерк). С. 31.

⁶⁸ Молтусов В.А. Полтавская битва. Новые факты и интерпретация. Дисс. ... канд. ист. наук. С. 105.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 225.

⁷¹ Полтавская битва. 1709 — 27 июня — 1909. С. 7; ГСВ. Вып. 1. С. 160.

⁷² Молтусов В.А. Полтавская битва. Новые факты и интерпретация. Дисс. ... канд. ист. наук. С. 106.

⁷³ Полтавская битва. 1709 — 27 июня — 1909. С. 228.

⁷⁴ Молтусов В.А. Полтавская битва. Новые факты и интерпретация. Дисс. ... канд. ист. наук. С. 105.

⁷⁵ Кучма В.В. 1. Стратегикон Маврикия. СПб., 2004. С. 49—50; 2. Два византийских военных трактата конца X века. С. 224—225, примеч. 345; 3. О стратегии: Византийский военный трактат VI века. СПб., 2007. С. 132, примеч. 428.

⁷⁶ Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела. С. 254.

⁷⁷ [Полиен] Стратегемы Полиена. СПб., 1842. С. 25.

⁷⁸ Там же. С. 83.

⁷⁹ Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы). С. 95—97.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 257. Л. 33.

⁸¹ Краткое собрание Лва Миротворца... С. 122—123. Ср. тоже: Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы). С. 96.

⁸² Муравьев М.А. Записки // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). М., 1994. Вып. V. С. 16.

⁸³ ОР БАН. Галерея Петра I. Ф° 266. Т. 2. Л. 85; Т. 3. Л. 81.

⁸⁴ Кротов П.А. «Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой (К изучению инженерно-фортификационного обеспечения батальи). С. 89—98.

⁸⁵ Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 110—111.

⁸⁶ ГСВ. Вып. 1. С. 304.

⁸⁷ Петрякова М.М. Триумфальное шествие 1709 г. в Москве в честь побед русских войск над шведами // Шведы в Москве: Материалы российско-шведской научной конференции. Москва, 1—2 июня 2002 г. М., 2002. С. 90.

⁸⁸ ГСВ. Вып. 1. С. 303.

⁸⁹ Лебедев Н. Мнения, поданные в военном совете, бывшем при вагенбурге под Полтавою генералами Ренцелем, Галлартом, Беллингом и Рёненне о принятии мер для освобождения сего города от осады шведов // Москвитянин. 1842. № 1. С. 80—81.

⁹⁰ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 221—222.

⁹¹ Там же. С. 222.

⁹² ГСВ. Вып. 1. С. 307—318.

⁹³ Леер Г.А. Пётр Великий как полководец // ВС. 1865. Т. 42. Отд. неофиц. С. 6.

⁹⁴ Краткое собрание Лва Миротворца... С. 15.

⁹⁵ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 217.

⁹⁶ Есипов Г.В. Князь Александр Данилович Меншиков // РА. 1875. Кн. 3. С. 73.

⁹⁷ ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 935—936.

⁹⁸ Там же. Вып. 1. С. 83.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. Вып. 2. С. 672.

¹⁰¹ Там же. Вып. 1. С. 218.

¹⁰² Там же. Вып. 2. С. 672.

¹⁰³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3203. Л. 1. Письмо И.Е. Бахметева А.Д. Меншикову от 4 июля 1709 г. от Полтавы. Копия.

¹⁰⁴ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 974.

¹⁰⁵ Лебедев Н. Мнения, поданные в военном совете, бывшем при вагенбурге под Полтавою генералами Ренцелем, Галлартом, Беллингом и Ренне о принятии мер для освобождения сего города от осады шведов. С. 77.

¹⁰⁶ Там же. С. 79.

¹⁰⁷ Там же. С. 82.

¹⁰⁸ АВМАИВ и ВС. Ф. 2 (Приказ артиллерии). Оп. 1. Д. 40. Л. 29—29 об.

¹⁰⁹ Краткое собрание Лва Миротворца... С. 16.

¹¹⁰ Там же. Синописис вторая, или краткое собрание с книги Староволскаго и от разных летописцев и многих царей, князей и храбрых гетманов и воинов о деле воинском. С. 83. — Ср.: «Лучше в тылу боевого строя сохранять много отрядов в резерве, чем широко растянуть боевой строй» (Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела. С. 262).

¹¹¹ Краткое собрание Лва Миротворца... С. 16.

¹¹² Прилож. № 2. Л. 382.

¹¹³ ГСВ. Вып. 1. С. 303.

¹¹⁴ [Фридрих II] Его Величества короля прусского наставление о военном искусстве к своим генералам / Пер. с нем. яз. А.А. Нартова. СПб., 1762. С. 44.

¹¹⁵ [Frédéric II de Prusse] Réflexions sur les talents militaires et sur le caractère de Charles XII, roi de Suède de main de Maitre. P. 54.

¹¹⁶ Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel [...]. Th. 1. S. 131.

¹¹⁷ Юнаков Н.Л. Северная война. Кампания 1708—1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (ноябрь 1708 — июль 1709 г.). СПб., 1909. С. 151; Тельпуховский Б.С. Северная война 1700—1721: Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 120; Порфирьев Е.И. Пётр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952. С. 202.

¹¹⁸ История Северной войны 1700—1721 гг. М., 1987. С. 84.

¹¹⁹ Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении // ВИЖ. 1989. № 7. С. 63.

¹²⁰ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 308; Вып. 2. С. 1133.

¹²¹ Беспалов А.В. 1. Северная война. Карл XII и шведская армия. М., 2000. С. 182; 2. «Преславная виктория»: 295-летию Полтавского сражения посвящается // Рейтар. 2004. № 7. С. 38.

¹²² Прилож. № 2. Л. 382 об.

¹²³ РГВИА. Ф. 412 (Сведения о русских войсках, об их управлении и занятиях в мирное время). Оп. 1. Д. 45. Л. 141 об.

¹²⁴ [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях, принимавших участие в «генеральной батальи» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года (по архивным изысканиям) // ВС. 1909. № 6. С. 226.

¹²⁵ Архив ВМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 39. Л. 96—96 об.

¹²⁶ РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 37. Л. 102.

¹²⁷ Рабинович М.Д. Полки Петровской армии. 1698—1725. М., 1977. С. 58.

¹²⁸ Прилож. № 1.

¹²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 6. Л. 136 об.

- ¹³⁰ [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях... // ВС. 1909. № 4. С. 245.
- ¹³¹ Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. С. 65.
- ¹³² [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях... // ВС. 1909. № 5. С. 247.
- ¹³³ Там же. С. 242.
- ¹³⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия). Оп. 2. Д. 113. Л. 18.
- ¹³⁵ Рабинович М.Д. Полки Петровской армии. 1698–1725. С. 92.
- ¹³⁶ [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях... // ВС. 1909. № 6. С. 222.
- ¹³⁷ ГСВ. Вып. 1. С. 304.
- ¹³⁸ РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 39. Л. 23–23 об.
- ¹³⁹ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 20.
- ¹⁴⁰ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 344.
- ¹⁴¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 48. Л. 54.
- ¹⁴² Безбах С.А. Полтавское сражение (27 июня 1709г.). М., 1939. С. 24; Тельпуховский Б.С. Северная война 1700–1721: Полководческая деятельность Петра I. С. 103; Порфирьев Е.И. Пётр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. С. 186; Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958. С. 353; История Северной войны 1700–1721 гг. С. 83; Артамонов В.А. Нашествие // Павленко Н.И., Артамонов В.А. 27 июня 1709. М., 1989. С. 186; Энгелунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 52.
- ¹⁴³ Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 289–290.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 290.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 290–291.
- ¹⁴⁸ Походные журналы 1706, 1707, 1708 и 1709 годов. СПб., 1911. С. 10.
- ¹⁴⁹ ГСВ. Вып. 1. С. 294.
- ¹⁵⁰ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 20–21.
- ¹⁵¹ Там же. Вып. 2. С. 671–672; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 7. Л. 628 об.— 630 об.
- ¹⁵² ГСВ. Вып. 1. С. 299; ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 874, 883–884.
- ¹⁵³ Lövgren J. Regementsfältskären Jacob Schultz' dagboksanteckningar 1697–1721. S. 84.
- ¹⁵⁴ [Petres R.] Fänrik Robert Petrés dagbok. 1702–1709 // KKD. Lund, 1901. D. 1. S. 248.
- ¹⁵⁵ ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 873, 882.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 8.
- ¹⁵⁷ Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. С. 64.
- ¹⁵⁸ Прилож. № 3. Л. 64–65 об.
- ¹⁵⁹ Прилож. № 2. Л. 382.
- ¹⁶⁰ Артамонов В.А. Осада Полтавы в 1709 году (по шведским источникам) // ВИ. 2004. № 11. С. 119.
- ¹⁶¹ Молтусов В.А. Полтавская битва. Новые факты и интерпретация. Дисс. ... канд. ист. наук. С. 122.
- ¹⁶² Попов П.Х. Участие донских казаков в Полтавской битве // РИ. 1909, июня 10. № 124. С. 3.
- ¹⁶³ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 790–791.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 455–456.
- ¹⁶⁵ Попов П.Х. Участие донских казаков в Полтавской битве. С. 3.
- ¹⁶⁶ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 379 об., 380.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 390.
- ¹⁶⁸ ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 824; ТИРВИО. Т. III. С. 151, 152, 199.

- ¹⁶⁹ ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 969.
- ¹⁷⁰ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3 об.
- ¹⁷¹ Там же. Д. 37. Л. 386.
- ¹⁷² Энгелунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 112.
- ¹⁷³ Шутый В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны // ВИ. 1976. № 12. С. 107–108.
- ¹⁷⁴ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 278 (Прилож. 7).
- ¹⁷⁵ Гольденберг Л.А. Неопубликованный «План знаменитой Полтавской битвы» // Украинський історичний журнал. 1959. № 3. С. 118.
- ¹⁷⁶ Гольденберг Л.А. Краткий обзор картографических источников XVIII в. по истории Северной войны (1700–1721 гг.) // ВИ. 1959. № 11. С. 150.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 342 (Собрание картографических материалов). № 797. Л. 1.
- ¹⁷⁹ [Юлленкрук А.] Реляция шведского генерала-квартирмейстера и полковника барона Гилленкрока о сражении при Полтаве 27 июня (8 июля) 1709 г. (в извлечении по шведской рукописи) // ВЖ. 1845. № 3. С. 95.
- ¹⁸⁰ [Bardili J.W.] Des Weyland Durchlaucht Prinzens Maximilian Emanuels Herßogs in Würtemberg und obristen über ein schwedisch dragoner Regiment Reisen und Campagnen durch Teutschland in Polen, Lithauen, roth und weiß Reusland, Bolhynien, Severien und Ukrainie. Stuttgart, 1730. S. 452.
- ¹⁸¹ Энгелунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 187.
- ¹⁸² Шутый В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны. С. 107.
- ¹⁸³ Там же. С. 107–108.
- ¹⁸⁴ Сб. РИО. СПб., 1903. Т. 115. С. 306.
- ¹⁸⁵ ПБПВ. М.; Л., 1946. Т. 7. Вып. 2. С. 889.
- ¹⁸⁶ Рахимов Р.Н. Башкиры в Северной войне // Родина. 2009. № 2. С. 45.
- ¹⁸⁷ РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 39. Л. 21, 23, 23 об., 26, 28, 59, 79 об.
- ¹⁸⁸ ГСВ. Вып. 1. С. 298; ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 854.
- ¹⁸⁹ ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 872.
- ¹⁹⁰ РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 58. Л. 500.
- ¹⁹¹ Энгелунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 212.
- ¹⁹² Fabrice F.E., von. Die Memoiren des Kammerherrn Friedrich Ernst von Fabrice (1683–1750): Ein Lebensbild in Selbstzeugnissen aus dem Zeitalter des Barock / Von R. Grieser. Hildesheim, 1956. S. 80.
- ¹⁹³ Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. С. 63–64.
- ¹⁹⁴ [Поликарпов Н.П.]. О войсковых частях... // ВС. 1909. № 7. С. 241.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 241–242.
- ¹⁹⁶ Прилож. № 3. Л. 64, 64 об.
- ¹⁹⁷ Прилож. № 2. Л. 382.
- ¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 36. Л. 49.
- ¹⁹⁹ Прилож. № 3. Л. 64.
- ²⁰⁰ Колосов Е.Е. Артиллерия в Полтавском сражении // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 91.
- ²⁰¹ Fabrice F.E., von. Die Memoiren des Kammerherrn Friedrich Ernst von Fabrice (1683–1750): Ein Lebensbild in Selbstzeugnissen aus dem Zeitalter des Barock. S. 80.
- ²⁰² [Weihe F.C.] Löjtnanten Fr. Chr. von Weihe's dagbok. 1708–1712 // НН. Stockholm, 1902. Del. 19, № 1. S. 46.
- ²⁰³ Колосов Е.Е. 1. Русская артиллерия в Полтавском сражении // Артиллерийский журнал. 1959. № 7. С. 59, 61; 2. Артиллерия в Полтавском сражении. С. 103–104, 106–108.

- ²⁰⁴ *Бескровный Л.Г.* Полтавская победа (К 250-летию Полтавского сражения) // ВИ. 1959. № 12. С. 54; *Гломозда К.Ю.* Російська армія часів Полтавської битви (До 280-річчя битви) // Український історичний журнал. 1989. № 7. С. 132; *Васильев А.А.* О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. С. 65; *Артамонов В.А.* «Генеральная баталия». С. 200; *Павленко Н.И.* Пётр Великий. М., 1990. С. 308; *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 75; *Hughes L.* Russia in the age of Peter the Great. New Haven, L., 1998. P. 39; *Беспалов А.В.* Битвы Великой северной войны. 1700–1721. С. 156.
- ²⁰⁵ *Кротов П.А.* Артиллерия в Полтавской битве 1709 г. (некоторые спорные вопросы) // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 126.
- ²⁰⁶ Артиллерийский исторический музей. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 101.
- ²⁰⁷ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. Л. 577.
- ²⁰⁸ Там же. Д. 39. Л. 329.
- ²⁰⁹ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 7; ГСВ. Вып. 1. С. 301.
- ²¹⁰ [Понятовский С.] Записки сподвижника Карла XII (К истории Северной войны) // ЖИРВИО. 1910. Кн. 4, № 5. С. 36.
- ²¹¹ *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник по истории Северной войны. С. 107.
- ²¹² [Гассман Х.] Странствования Христофора Гассмана. Париж, 1971. С. 31.
- ²¹³ *Adlerfeld G.* The military history of Charles XII, king of Sweden, to which is added an exact account of the battle of Pultowa with a journal of the king's retreat to Bender. L., 1740. Vol. III. P. 227.
- ²¹⁴ Переписка и бумаги графа Б.П. Шереметева. 1704–1722 гг. // Сб. РИО. СПб., 1879. Т. 25. С. 148.
- ²¹⁵ *Шперк В.Ф.* Инженерное обеспечение Полтавской битвы (К 230-летию Полтавской битвы). С. 23.
- ²¹⁶ *Колосов Е.Е.* Артиллерия в Полтавском сражении. С. 104.
- ²¹⁷ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 230.
- ²¹⁸ Сб. РИО. Т. 50. С. 3.
- ²¹⁹ *Нилус А.А.* История материальной части артиллерии. Т. 1. С. 152.
- ²²⁰ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 428.
- ²²¹ *Попов Н.Н.* История 2-го грендерского Ростовского полка. М., 1902. С. 190.
- ²²² Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 562 об.
- ²²³ Там же. Д. 9. Л. 175, 225 об., 229, 358 об., 364–364 об.; Д. 10. Л. 222 об.; Д. 40. Л. 304; Д. 48. Л. 527.
- ²²⁴ Там же. Д. 6. Л. 637, 653 об.
- ²²⁵ Там же. Д. 40. Л. 365.
- ²²⁶ Там же. Л. 371.
- ²²⁷ Там же. Л. 371 об.
- ²²⁸ Там же. Д. 48. Л. 527, 394 об.; Д. 10. Л. 222 об.–223.
- ²²⁹ Там же. Д. 48. Л. 555, 394 об.; Д. 38. Л. 371; Д. 33. Л. 597 об., 610, 611, 620 об.
- ²³⁰ Там же. Д. 48. Л. 395, 536; Д. 10. Л. 305; Д. 9. Л. 364 об.
- ²³¹ Там же. Д. 48. Л. 569 об.
- ²³² Там же. Л. 574–574 об.
- ²³³ Там же. Д. 37. Л. 174 об.
- ²³⁴ Там же. Д. 33. Л. 517.
- ²³⁵ Там же. Д. 40. Л. 304, 311, 492, 502 об.
- ²³⁶ Там же. Д. 9. Л. 358 об., 364 об.; Д. 10. Л. 305.
- ²³⁷ Там же. Д. 39. Л. 571, 572, 581 об.; Сб. РИО. Т. 50. С. 130.
- ²³⁸ *Беснятых Ю.Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). С. 240, 311.

- ²³⁹ Архив СПбИИ РАН. К. 95 (Документы по истории русского флота). Оп. 2. Д. 4. Л. 5.
- ²⁴⁰ Там же. Л. 6 об.
- ²⁴¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. С. 265.
- ²⁴² Д. Крман подразумевает под траншеями все виды укреплений россиян. Его дневник был написан на латыни.
- ²⁴³ *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник по истории Северной войны. С. 108.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ *Lövgren G.* Regementsfältskären Jacob Schultz' dagboksanteckningar 1697–1721. S. 88.
- ²⁴⁶ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 210.
- ²⁴⁷ [Гассман Х.] Странствования Христофора Гассмана. С. 32.
- ²⁴⁸ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 166–167.
- ²⁴⁹ Подпись: Le Maitre de Saus (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 8. Л. 901, 910; Кн. 12. Л. 502 об.).
- ²⁵⁰ Сб. РИО. Т. 39. С. 464–465.
- ²⁵¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 7. Л. 1236.
- ²⁵² Там же. Кн. 12. Л. 502 об.
- ²⁵³ Там же. Кн. 7. Л. 1223–1237; Кн. 8. Л. 901, 910.
- ²⁵⁴ Там же. Кн. 7. Л. 1229.
- ²⁵⁵ Там же.
- ²⁵⁶ Там же. Кн. 12. Л. 502–502 об.
- ²⁵⁷ *Нилус А.А.* История материальной части артиллерии. Т. 1. С. 142–144.
- ²⁵⁸ *Колосов Е.Е.* Артиллерия в Полтавском сражении. С. 93, 94, 96.
- ²⁵⁹ Там же. С. 96, 104.
- ²⁶⁰ *Колосов Е.Е.* Русская артиллерия в Полтавском сражении. С. 61.
- ²⁶¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 465, 499, 572; Д. 37. Л. 381.
- ²⁶² *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 143.
- ²⁶³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 336–336 об.
- ²⁶⁴ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 143.
- ²⁶⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 385.
- ²⁶⁶ См., например: *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 75, 91, 155, 160.
- ²⁶⁷ Там же. С. 141, 143.
- ²⁶⁸ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 407, 408.
- ²⁶⁹ Neu-eröffneter Welt- und Staats-Spiegel [...]. Th. 1. S. 132.
- ²⁷⁰ *Васильев А.А.* О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. С. 67.
- ²⁷¹ *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник по истории Северной войны. С. 107.
- ²⁷² Прилож. № 3.
- ²⁷³ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 11.
- ²⁷⁴ Очевидно, пятая волна оружейной канонады и ружейной стрельбы, по Д. Крману, относится к главной фазе баталии, когда на поле перед ретраншементом позади редутов сошлись выстроенные в боевые линии боевые порядки двух армий.
- ²⁷⁵ *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник по истории Северной войны. С. 108.
- ²⁷⁶ *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. Приложения. С. 37.
- ²⁷⁷ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 136, 137.
- ²⁷⁸ *Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела. С. 231–232.
- ²⁷⁹ Там же. С. 232–233.

- ²⁸⁰ Там же. С. 233.
- ²⁸¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 12. Л. 421.
- ²⁸² *Греческие полиоркетии. Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела. С. 234–235.
- ²⁸³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1, 1709 г. Д. 3. Л. 62 об.
- ²⁸⁴ Там же. Л. 63.
- ²⁸⁵ *Adlerfelt G.* Histoire militaire de Charles, Roi de Suède depuis l'an 1700 jusqu'à la bataille de Pultowa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté. Т. 3. Р. 457.
- ²⁸⁶ *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства с древнейших времён до наших дней. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 287.
- ²⁸⁷ Полтавская битва. 1709 — 27 июня — 1909. С. 7.
- ²⁸⁸ ГСВ. Вып. 1. С. 160.
- ²⁸⁹ Там же. С. 301.
- ²⁹⁰ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 225.
- ²⁹¹ Сб. РИО. Т. 50. С. 198–199.
- ²⁹² Там же. С. 59.
- ²⁹³ Там же. С. 187.
- ²⁹⁴ KKD. Lund, 1901. [Bd.] 1. S. 178.
- ²⁹⁵ Ibid. S. 191.
- ²⁹⁶ *Бушкович П.А.* Пётр Великий: Борьба за власть (1671–1725). С. 293.
- ²⁹⁷ KKD. [Bd.] 1. S. 248.
- ²⁹⁸ Ibid. S. 254.
- ²⁹⁹ ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 855.
- ³⁰⁰ Там же. С. 854.
- ³⁰¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3197. Л. 1 об.; Оп. 2. Кн. 6. Л. 193 об., 194.
- ³⁰² Там же. Оп. 2. Кн. 6. Л. 193–193 об.
- ³⁰³ Там же. Л. 193 об.
- ³⁰⁴ Сб. РИО. Т. 50. С. 198.
- ³⁰⁵ *Прокопович Феофан*. Сочинения. М., 1961. С. 58.
- ³⁰⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 9. Л. 253 об.
- ³⁰⁷ Там же. Ф. 160. Оп. 1, 1709 г. Д. 1. Л. 31.
- ³⁰⁸ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 748.
- ³⁰⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 98, 99.
- ³¹⁰ *Феофан Прокопович*. Сочинения. С. 480.
- ³¹¹ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 77–84, 91.

Глава III

«И ГРЯНУЛ БОЙ, ПОЛТАВСКИЙ БОЙ!»

НАЧАЛО БАТАЛИИ – СРАЖЕНИЕ У РЕДУТОВ

*Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.*

А.С. Пушкин

Приблизительно к 2-м часам ночи первые шведские части достигли исходной позиции для начала наступления — места прибли-

Глава IV

П.Н. КРЁКШИН И СОТВОРЕНИЕ МИФОВ О ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ

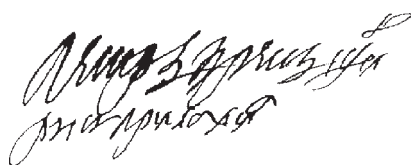
ФЕНОМЕН ПЕТЕРБУРГСКОГО ПИСАТЕЛЯ П.Н. КРЁКШИНА: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ, ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО

Одна из наиболее известных битв в истории Отечества, как это ни парадоксально, чрезвычайно мифологизирована, в основном благодаря историко-литературному творчеству одного человека — колоритного представителя российской культуры века Просвещения, петербургского писателя, собирателя старинных русских летописей и рукописей, предпринимателя, алхимика-самоучки и астролога-дилетанта середины XVIII столетия Петра Никифоровича Крёкшина. Именно поэтому в изучении его творчества лежит ключ к разгадке немалого числа мифов из истории великой битвы, укоренившихся в европейской историографии.

Феномен этого писателя-патриота состоит в том, что он, не опубликовав при жизни ни единого собственного сочинения, оказал большое влияние на формирование отечественной историографии Петровской эпохи и прежде всего самого образа первого русского императора Петра Великого. Многие со школьной скамьи помнят яркие «факты» из отечественной истории, прочитанные из учебников либо рассказанные учителями, которые, как оказалось, были выдуманы в середине XVIII столетия этим даровитым писателем. В начале XXI века следы его творчества по-прежнему представлены как реальность прошлого в базовых школьных учебниках по истории России Петровской эпохи. Тем более непонятно, почему по прихоти Истории имя этого автора, можно сказать, скрыто плотным покровом забвения. Фактический материал из его сочинений настолько прочно освоен историографией, что переходит из книги в книгу без упоминания первоисточника. До недавнего времени в литературе даже не приводились правильные годы жизни столь интересного деятеля российской культуры века Просвещения. В научных трудах, словарях или энциклопедиях называются 1684–1763 гг.¹, которые никак не связаны с реальностью. Продолжается спор специалистов о самом написании его фамилии. Следует ли писать её с буквой «ё» и где ставить ударение?²

Изучение творческого наследия этого плодовитого писателя века Просвещения способно дать в руки исследователей ключи к развенчанию немалого числа мифов в истории Петровской эпохи. Приступим же к распутыванию тугого клубка загадок, связанных с этой незаурядной личностью: сначала с его биографией, потом — с его творчеством.

На заглавных листах своих произведений он именовал себя «новгородским дворянином» (с вариантами), так как происходил из дворянства Великого Новгорода (Новгородского уезда). Род Крёкшиных известен с XVII в. Сохранилось дело о передаче Андрею Ратаеву сыну Крёкшину поместья его отца в Водской пятине Новгородского уезда (около 1635 г.)³. Дед П.Н. Крёкшина — Гаврила Никитин сын. За службу своего отца он получил жалованную грамоту от царей Ивана и Петра Алексеевичей на владение поместьем, расположенным в Шелонской пятине Новгородского уез-

Собственноручная подпись
П.Н. Крёкшина: «Петр Крекшин руку
приложил».
РГВМФ

да⁴. Отец П.Н. Крёкшина Никифор Гаврилович в 1703 г. владел поместьем в Шелонской пятине (деревня Конец-озеро)⁵.

Неверные же сведения о годах жизни П.Н. Крёкшина имеют источником приблизительное известие издателя и писателя Н.И. Новикова. В его труде, составлявшемся «из разных печатных и рукописных книг, сообщённых известий и словесных преданий», сказано следующее: «Умер сей трудолюбивый муж около 1763 года, будучи без мала 80 лет своей жизни»⁶. Эта фраза почти дословно совпадает с той, что имеется в труде историка И.И. Голикова⁷ (1735–1801). По всей видимости, последний, хорошо знавший в своё время П.Н. Крёкшина, и поделился этими сведениями с Н.И. Новиковым, когда тот собирал сведения для своего словаря.

Какие документальные свидетельства о датах рождения и смерти П.Н. Крёкшина, членах его семьи, месте жительства и некоторых подробностях служебного пути удалось выявить?

По исповедной росписи прихода церкви Введения Пресвятыя Богородицы на Санкт-Петербургском острове 1739 г., тогда «Новгородского уезда дворянин Петр Никифоров сын Крекшин» имел возраст 46 лет⁸. «Дворянин» вписано поверх полустёртого слова: «комиссар». Может быть, он тогда находился уже в отставке? В исповедной росписи 1742 г. назван «дом отставного камисара Петра Крекшина», то есть в том году он уже, без сомнения, пребывал в отставке. Его возраст назван в росписи: 49 лет⁹. Исповедные росписи 1743-го и 1744 г. содержат записи, что он имел соответственно 50 и 51 год от роду¹⁰. В исповедных росписях записи обычно делались перед Пасхой, возраст же указывался со слов прихожанина. Жители прихода называли свой возраст в годах, без уточнения месяца и дня рождения. Следовательно, уверенно назвать единственно возможный год появления на свет того или иного человека по исповедным книгам невозможно. Праздник Пасхи (Пятидесятницы) проходит во временном промежутке от 22 марта до 25 апреля (ст. ст.). Четыредесятница поэтому падает на дни со 12 марта по 15 апреля (ст. ст.). Можно утверждать поэтому, что П.Н. Крёкшин родился в период с марта–апреля 1692-го до марта–апреля 1693 г. Нельзя не отметить определённую сбивчивость некоторых известий исповедных росписей. Иногда их показания приблизительны. В силу этого автор сравнивал все выявленные известия в документах этого рода, перепроверяя их таким способом, отсекал сомнительные. Так, в исповедной росписи 1754 г. назван возраст П.Н. Крёкшина в 63 года¹¹,

что указывает на 1690—1691 годы. Это известие выпадает из общего ряда свидетельств и потому им следует пренебречь.

О семейной жизни П.Н. Крёкшина, о его ближайших родственниках известно не столь много. Первым (?) браком он был женат на вдове Анне Ивановой дочери Еремеевой (урождённой Румянцовой). К середине 1730-х гг. его супруги уже не было в живых. На попечении П.Н. Крёкшина осталась её малолетняя дочь от предыдущего брака Наталья Иванова дочь Еремеева¹². Согласно данным исповедных росписей, вторым браком он сочетался с юной девушкой, которая была младше его на 26 лет. В исповедных росписях 1739, 1742—1744 гг. упоминаются его новая молодая жена Настасья (Анастасия) Семёновна и дочь Авдотья (Евдокия). Его первая (?) дочь Наталия (род. 24.9.1735¹³) прожила недолго. Другая дочь Авдотья (Евдокия) родилась в 1736 г. В исповедной росписи 1739 г. возраст супруги указан 20-летний, дочери Авдотьи — 4-летний¹⁴. Согласно росписи 1742 г., три года спустя, жена, как и следовало ожидать, названа 23-летней, но дочь — 6-летней¹⁵. По исповедной росписи 1743 г., жена Настасья Семёновна — 24-летняя; дочь Евдокия же соответственно 7-летняя¹⁶. По исповедным росписям 1743-го и 1744 г., жена Настасья Семёновна — 24-летняя (то есть в документе 1744 г. небрежность); дочь Евдокия же соответственно 7- и 8-летняя. При этом в последнем документе возраст дочери переправлен с 7 на 8 лет¹⁷. В исповедной росписи 1754 г. возраст жены П.Н. Крёкшина — 43 года¹⁸ (по-видимому, неточность, следует 35 лет?). На склоне лет, в 1763 г., отставной комиссар П.Н. Крёкшин по-прежнему жил в собственном доме вместе с супругой Настасьей Семёновной. Ей, согласно исповедной росписи 1763 г., было 46 лет¹⁹.

О круге прочих близких родственников П.Н. Крёкшина известны только отрывочные сведения. В 1742—1744 годах в доме П.Н. Крёкшина на Санкт-Петербургской стороне проживал его племянник Фаддей Петров сын Крёкшин. Его возраст определён в 14 лет в росписи 1742-го, в росписи 1743-го — в 15 лет, но в 1744 г. — в 14 лет. В последнем случае, надо полагать, в источнике допущена неточность²⁰. Документ 1760 г. упоминает имя Андрея Крёкшина, экипажмейстера Придворной конюшенной конторы, как брата Петра Никифоровича²¹. В исповедной росписи 1754 г. он назван с отчеством. Обер-провиантмейстер императорского Конюшенного двора, имевший 41 год от роду, Андрей Крёкшин именуется Матвеевым сыном²². Следовательно, родным братом П.Н. Крёкшина он не был.

Первые годы жизни П.Н. Крёкшина, самое начало его служебного пути скрыты от нас завесой таинственности. И.И. Голиков, прибывший на продолжительное время в Санкт-Петербург для ведения торговых дел в 1761 г.²³, общался с П.Н. Крёкшиным, слушал его рассказы о Петре Великом, пользовался собранными им материалами о Преобразователе. В 15-й части собственных «Дополнений к „Деяниям Петра Великого“» (1795) он заявил: «...почитаю за нужное дать знать читателям моим, кто был сей Крёкшин»²⁴. Свидетельство И.И. Голикова восходило, надо думать, к словам самого Петра Никифоровича. По словам историка, он «служил у Петра Великого на собственной его шлюбке квартирмейстером, был при Его Величестве в разных походах, потом пожалован комиссаром ранга капитанского»²⁵. Другая версия изложена у митрополита Евгения (Е.А. Болховитинов; 1767—1837). Писатель чуть ли не с детских лет служил «писцом при разных канцеляриях», потом комиссаром²⁶.

Обе версии имеют право сосуществовать, поскольку ни подтверждения, ни опровержения им в материалах делопроизводства доньше не найдено. Первое документальное упоминание о деятельности П.Н. Крёкшина удалось обнаружить в делах Санкт-Петербургской губернской канцелярии. Это ветхая бумага об отпуске с ним 2 декабря 1712 г. «на раздачу жалованья в полк гренадерской» 1500 руб.²⁷ В 1714 г. комиссар П.Н. Крёкшин также состоял у выдачи жалованья²⁸.

«Новгородский дворянин» П.Н. Крёкшин многие годы вплоть до самой своей кончины постоянно проживал в новой российской столице. Согласно материалам переписи, проведённой в декабре 1713 г., двор комиссара Петра Крёкшина находился на Санкт-Петербургской стороне²⁹. Его дворовое строение в Первой «новопостроенной слободе» солдат и офицеров Белозёрского гарнизонного пехотного полка Петербурга включало «две светлицы» с печами, соединённые между собой сенями. Во дворе стояли также баня и ещё одна «изба с печью да с сенями»³⁰. Эта слобода располагалась в районе современной Введенской улицы. По смыслу документа, в 1713 г. П.Н. Крёкшин служил комиссаром Белозёрского полка. В гарнизоне Санкт-Петербурга Белозёрский полк пребывал с 1712 г. Ранее в 1709 г. полк участвовал в Полтавской битве. Название Белозёрский он получил в 1708 г. Сформирован был в Казани в 1700 г. из даточных людей. С 1706 г. именовался полком подполковника Ивана Гамильтона (Гамолтона, Гамонова, Гамантова)³¹.

А.Ф. Зубов.
Вид Санкт-Петербурга. 1727

В поданном в 1737 г. в Кабинет министров донесении за подписью членов Комиссии о весах и мерах П.Н. Крёкшина характеризуют как «бывшаго от Санкт-Петербургской губернии в двадцати семи полках в обер-крикс-камисарской должности с 1712 по 1720 год»³². Возможно, какое-то время он действительно исполнял более высокую должность. Однако в отставку П.Н. Крёкшин вышел в невысоком обер-офицерском звании комиссара «капитанского ранга». В 1739 г. он продолжал проживать «при Белозерских слободах» на Санкт-Петербургской стороне³³. На склоне лет, в 1763 г., отставной комиссар П.Н. Крёкшин по-прежнему жил в собственном доме в Посадской слободе в приходе храма Св. Николая Чудотворца вместе с супругой Настасьей Семёновной и со «служителями» из числа его крепостных³⁴.

П.Н. Крёкшин был чрезвычайно деятельной натурой. Он не только считал казённые деньги в полковой канцелярии, но занимался предпринимательской деятельностью, ростовщицеством, скупал поместья. Выявленные разрозненные бумаги из семейного архива дают некоторое представление о его деятельности такого рода.

И.Ф. Браунштейн.
Вид на канал-док и Кронштадтскую гавань. Проект. 1722–1723

К примеру, 6 апреля 1716 г. он дал в заём большую сумму денег — 500 руб. под залог поместной земли с крестьянами помещицей вдове И.П. Туровой «на расплату долгов». Срок возврата займа был невелик: август того же 1716 г. После этого вдове И.П. Туровой следовало «Петру Крёкшину, и жене его, и детям, и родственникам или кому он повелит» вернуть взятые деньги³⁵. Очевидно, сделка изначально была рассчитана на получение П.Н. Крёкшиным залога.

С весны 1719 г. он стал распоряжаться по полученному подряду огромными суммами казённых денег, отпускавшимися по именным указам «за подписанием Его Величества собственной руки». Тогда по воле Петра I на острове Котлин развернулось сооружение грандиозного канала-дока — крупнейшего судоремонтного и кораблестроительного комплекса.

Финансовая и снабженческая сторона строительства на Котлине попала в руки П.Н. Крёкшина. На нужды стройки до декабря 1721 г. было перечислено 586 000 руб.³⁶ Достаточно сказать для сравнения, что в 1720 г. весь доход российского бюджета равнялся 7,5 млн. руб.³⁷ П.Н. Крёкшин руководил работой огромного числа

людей. В апреле 1720 г. он сообщал, что если срочно не будут выплачены деньги, то разойдутся 2700 человек³⁸. 11 ноября того же года комиссар писал, что из-за задержки выплаты денег с работ «отошло с 4000 человек»³⁹.

В эти годы П.Н. Крёкшин получил возможность общаться непосредственно с Петром I. Так, 10 июня 1720 г., «будучи на Котлине-острове», царь «изустно указал» ему очерёдность производства дальнейших работ⁴⁰.

Неудержимая активность П.Н. Крёкшина имела оборотной стороной несдержанность, что, впрочем, вполне вписывалось в рамки эпохи. Так, в 1720 г. он ударил иноземца «тростью в голову... за то, что назвал ево, Крекшина, гонсватом (нем. Hundsfoth, негодай, прохвост и т. п. — П.К.) пьяной». После случившегося не кто иной, как «оной иноземец, просил у него, Крекшина, прощения, и он... в том ево простил»⁴¹. Горячий необузданный нрав приводил П.Н. Крёкшина к подобным ссорам даже в старости. 9 декабря 1753 г. в Москве был напечатан указ Правительствующего сената «во всенародное известие». Его «героями» были отставной комиссар П.Н. Крёкшин и мичман Н. Пушкин. В поданных в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию челобитных они бездоказательно «друг друга порицали». Н. Пушкин называл П.Н. Крёкшина «известным вором и проклятым от матери сыном», а комиссар характеризовал мичмана «вором и смертноубийцею». За свои словесные выпады на бумаге оба получивших скандальную «всероссийскую славу» челобитчика были помещены на месяц в тюрьму. Суть указа сводилась к следующему. Согласно Уложению 1649 г. и «по указам», истцу и ответчику в государственных учреждениях следовало добиваться правосудия «вежливо и смирно, не шумно, и никаких невежливых слов не говорить, и меж себя не браниться, и как в письмах, так и на словах ... безчестных и укорительных слов отнюдь не чинить...»⁴².

С 1725 г. П.Н. Крёкшин увлёк «полудержавного властелина» А.Д. Меншикова мыслью о реформе монетного дела. Суть её сводилась к получению казной выгод от замены в обращении полноценной серебряной монеты низкопробной. Кипучий комиссар легко загорался очередными идеями и, как видно, не стеснялся браться за все дела, где он видел возможность получить некоторую прибыль или иную собственную корысть, известность или что-то другое, выделявшие его из общего ряда. Ему удалось убедить «полудержавного властелина» в своих возможностях создать металлический сплав

для чеканки новых монет с существенно пониженным содержанием серебра. На дворе Берг-коллегии в Санкт-Петербурге, располагавшемся на левом берегу Невы⁴³, на тогдашней городской окраине, вдали от любопытных глаз, находившемся под контролем обер-коменданта Санкт-Петербургской крепости Е.И. Фаминцына — доверенного лица А.Д. Меншикова, новоявленный алхимик-самоучка развернул деятельность своей «лаборатории». Служивший теперь по ведомству Монетной канцелярии П.Н. Крёкшин, чтобы устранить вероятные помехи со стороны, подстраховался подачей большого, на многих листах, невнятного и запутанного доноса на монетного мастера Т. Лефкена и судью Монетной канцелярии И.А. Шлаттера, способных раскрыть его непрофессионализм. Алхимик-экспериментатор был убеждён, что введённые в состав сплава «сильные материи» (селитра, мышьяк, сулема) превратят все другие добавки и примеси в благородный металл — серебро.

Итог деятельного вхождения в монетное дело П.Н. Крёкшина был плачевен, но вполне предсказуем и закономерен. 18 февраля 1726 г. светлейший князь в течение нескольких часов совместно с П.Н. Крёкшиным «изволил делать пробу серебру» в нижних покоях собственного дворца на набережной Большой Невы. Сотворённая кипучим комиссаром, фантастическая по составу крёкшинская «композиция», своего рода адский сплав, была использована при чеканке партии гривенников. Сложенные на складе для последующей чеканки слитки химической «композиции» «новой инвенции» (изобретения) отпотевали, покрывались пузырями, некоторые из них, будучи взяты в руки, просто разрушались, из других сыпалось некое подобие песка. Спустя всего десять дней после опалы А.Д. Меншикова, 18 сентября 1727 г., последовал указ о прекращении чеканки «меншиковских» гривенников. Не удалось даже извлечь обратно из сомнительного сплава испорченное серебро. Неудачный опыт алхимии сошёл П.Н. Крёкшину с рук. Переезд императорского двора в начале 1728 г. и последовавший вслед за этим перевод всего монетного производства на десять лет (до начала 1738 г.) в Москву помогли ему выйти сухим из воды⁴⁴.

Распространённое мнение, что в 1726 г. комиссар П.Н. Крёкшин вышел в отставку и посвятил себя главным образом собиранию сведений о жизни и деяниях Петра Великого, написанию его истории⁴⁵, надо предполагать, восходит к утверждению И.И. Голикова: «Смерть монарха столько его поразила, что он не мог уже продолжить службы

и отставлен тем же чином»⁴⁶. Однако этому факту не удалось найти подтверждения в документальных материалах того времени. Комиссар, вероятно, ещё долгие годы состоял на государственной службе. В течение 1722–1727 гг. он был «при следствии кронштатских дел», получая годовое жалованье 240 руб.⁴⁷

В 1730-е гг. П.Н. Крёкшин продолжал государственную службу в качестве комиссара Монетной канцелярии⁴⁸. С 1737 г. он, по рекомендации механика асессора А.К. Нартова, был привлечён к работе Комиссии о весах и мерах (1735–1741), занимавшейся изучением систем мер и весов в разных странах и изготовлением эталонов. Возглавлявший комиссию сенатор граф М.Г. Головкин подал 20 июля 1737 г. в Кабинет министров следующее донесение: «Усмотрела Комисия к порученному... оной делу достойного человека ... Петра Крёкшина, которой весьма нужен быть при Комисии для изыскания в прежних весах и мерах происходящих обманов, чрез что в ново-зделаемых можно будет лутчей способ употребить, дабы нельзя было имеющим у себя весы и меры неправду чинить...»⁴⁹. В 1737 г. комиссия из академиков Л. Эйлера, И.В. Крафта и механика А.К. Нартова не раз свидетельствовала сделанные под его руководством весы для драгоценных металлов и монет⁵⁰. Согласно решению Комиссии одни изготовленные по его проекту и под его руководством на Сестрорецком оружейном заводе образцовые весы были взяты в соответствии с указом от 12 августа 1740 г. в Сенат. Другие же весы конструкции П.Н. Крёкшина, более простые по устройству, были сделаны «для употребления в народе»⁵¹. П.Н. Крёкшин выступал за то, чтобы внедрять в стране наиболее простую, понятную простым людям и наиболее защищённую от мошенничества конструкцию весов. Он, в частности, писал по этому поводу в Канцелярию Санкт-Петербургской академии наук: «Многочисленной народ большая часть обретаецца простейших безграмотных, пребывающих в земледельном труде, того ради удобнее весы зделать правые, а нежели народ обучать»⁵² пользованию сложными конструкциями весов.

В 30-е годы XVIII в. его захватило увлечение историей. Как представляется, не следует доверять имеющимся уверениям П.Н. Крёкшина о раннем начале его исторических занятий. В начале 1760-х годов он устно, то есть в наименее обязывающей форме, сообщал И.И. Голикову, что рукопись труда о первом российском императоре «писана им до 1709 году»⁵³. В возрасте 17 или 18 лет, понятно, серьёзных масштабных исторических трудов поныне ещё никто не написал.

Впрочем, склонный к мистификациям комиссар мог тогда преувеличить свой возраст для убедительности собственных утверждений. В 1742 г. он упомянул, что материалы для книги о Петре Великом он усердно собирает «чрез двадцатолетной труд»⁵⁴ (то есть с 1722 г.). В прошении на имя императрицы Елизаветы (1743) П.Н. Крёкшин заявил, что пишет различные истории, в том числе деяний Петра Великого, «двадцать семь лет»⁵⁵ (то есть с 1716 г.). Как видно, рассматриваемые известия противоречат одно другому. Первое из них — устное сообщение старика своему неискушённому молодому поклоннику, с доверием ловившему и записывавшему каждое его слово. Два других тоже голословны. Датированных манускриптов исторического содержания, принадлежавших перу П.Н. Крёкшина и относящихся к первому, второму и третьему десятилетиям XVIII в., поныне не обнаружено.

Деятельные занятия комиссара П.Н. Крёкшина русской историей имели и важнейшие побочные результаты. Именно в его собрании манускриптов хранился Лаврентьевский список «Повести временных лет» 1377 г. — древнейший из сохранившихся до наших дней. У наследников П.Н. Крёкшина его приобрёл в своё собрание манускриптов И.А. Мусин-Пушкин, а в 1811 г. Лаврентьевская летопись, ценнейшее национальное достояние, была передана последним государству — в Императорскую Публичную библиотеку. Другой ценный летописный памятник из коллекции П.Н. Крёкшина — Чертковский список Владимирского летописца XVI в. («Летопись князя Кривоборского»). От наследников П.Н. Крёкшина он тоже перешёл к И.А. Мусину-Пушкину⁵⁶. В 1749 г. П.Н. Крёкшин довёл до сведения Санкт-Петербургской академии наук, что в одной из казарм Петропавловской крепости «без призрения в самой мочи истлевают» несколько возов документов Походной канцелярии А.Д. Меншикова. После этого документы были разобраны, описаны и в апреле 1750 г. поступили в Академию наук⁵⁷. Тем самым они были спасены от гибели. П.Н. Крёкшин писал, что «ежели оныя дела в истление придут, то императора Петра I журнала, гистории жития его обстоятельно и праведно... никто не может написать»⁵⁸. Историк беспокоился, что и другие документы «без описи и охранения гниют занапрасно, в которых многия великия действия и дела святопочившаго родителя Ея Императорскаго Величества...»⁵⁹.

Для того чтобы дать более полный портрет комиссара П.Н. Крёкшина, надо отметить, что он был не только алхимиком, но и диле-

тантом-астрологом. Он не только верил в предсказания по космическим явлениям, но и сам составлял их толкования. На астрологии основана стержневая сюжетная линия одного из самых распространенных в XVIII столетии произведений П.Н. Крёкшина «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого, самодержца всероссийского». Согласно предсказанию придворного поэта Симеона Полоцкого царю Алексею Михайловичу, появление на небесном своде рядом с Марсом новой звезды предвещало рождение у него 30 мая 1672 г. сына Петра. По пророчеству Симеона Полоцкого (как его подавал в своём художественном произведении П.Н. Крёкшин), будущий царь «толикия преславныя победы содеет, елико никто от предков... благочестивых государей мог содеять»⁶⁰.

Прочитав в 1742 г. печатное объявление Санкт-Петербургской академии наук о появлении кометы, П.Н. Крёкшин 27 марта того же года «сочинил... для памяти себе своею рукою от своего же разсуждения», как он позднее объявил, «письмо прогностическое». Он написал тогда, что «сия звезда не комета... но некое особое предвозвещение». По его мнению, Санкт-Петербургская академия наук «об означенной звезде погрешила и написала неправо, понеже-де она звезда прогностическая». Суть астрологических толкований прихода кометы свелась у П.Н. Крёкшина к предсказанию победоносного завершения для России шедшей тогда войны со Швецией (1741–1743) и благополучного в будущем правления российских самодержцев⁶¹.

Уход П.Н. Крёкшина из жизни окутан такой же пеленой таинственности, как и его появление из «ниоткуда» в С.-Петербурге в 1712 г. Современники имели весьма туманное представление о завершении жизненного пути литератора. Имеющаяся в научной и справочной литературе дата смерти литератора (1763) крайне плохо согласуется с тем, что в одной из рукописей самого П.Н. Крёкшина на листах бумаги, произведённой в 1764 г., имеется его обильная авторская правка простым карандашом!⁶² Значит, даже в 1764 г., когда по справочным изданиям П.Н. Крёкшин уже «почивал в бозе», неутомимый отставной комиссар продолжал деятельно заниматься литературным трудом! Краткую запись о смерти, последних днях и месте погребения комиссара удалось-таки найти. Разгадку одной из многочисленных тайн, связанных с именем П.Н. Крёкшина, содержит метрическая книга церкви Св. Николая Чудотворца в Посадской слободе Петербурга. Одна из записей гласит, что отставной

«камисар Петр Никифоров Крекшин» скончался 31 августа 1764 г. Он прожил, следовательно, используя данные исповедных росписей, 71 или 72 года. Погребён он был, согласно источнику, «у Самсона», то есть, как тогда более пространно именовали этот сохранившийся доныне храм, у «церкви святого Сампсона Странноприимца, что на Выборгской стороне». Там хоронили людей не слишком богатых и незнатных, так сказать, «простых» петербуржцев. Опять-таки любопытно, почему священник не знал подлинного возраста покойного и указал его «на глазок». Ещё более неясно, зачем первая неверная запись о возрасте покойного в книге была «уточнена» неправильной же. Сначала в графе «Лета» было указано: «91». Потом более бледными чернилами последняя цифра была переделана тем же почерком на «0»⁶³. Необъяснимые мистификации, следовательно, продолжались и при смертном одре сочинителя.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЕМ ДЕЯНИЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ПУТЁМ «БЛАГОРОДНОГО ВЫМЫСЛА» И УСВОЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ МИФОЛОГЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

22 июня 1742 г. П.Н. Крёкшин завершил⁶⁴ и вскоре представил императрице Елизавете Петровне свой труд «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского, собранное чрез недостойный труд последнего раба Петра Крекшина, дворянина Великого Новогорода». Он содержал изложение жизни и деяний монарха-преобразователя в период с 1672-го по 1706 г. Патриотическая направленность сочинения, благоговение его автора перед Петром Великим не могли не произвести благоприятного впечатления на императрицу. Верноподданный сочинитель получил высочайшее одобрение своей творческой деятельности. Открывшиеся перед П.Н. Крёкшиным перспективы вскоре породили у него грандиозный замысел создания 45-томной истории первого русского императора — «Журналов великославных дел великого государя императора Петра Великого...». В них писатель предполагал с наивозможной степенью подробности, буквально день за днём, излагать его деяния⁶⁵.

Вдохновлённый явственно обозначившимися новыми исследовательскими перспективами, полученным покровительством

императрицы Елизаветы Петровны комиссар П.Н. Крёкшин сосредоточил усилия на историческом поприще. Когда в июле 1743 г. на него поступил донос и он оказался под следствием в предварительном заключении, то из его дома сенатский экзекутор доставил «пять сундуков с разными письмами и книгами... четыре куля рогожных больших с книгами и письмами, семь наволоков и мешков также с книгами и письмами»⁶⁶. П.Н. Крёкшин тогда же словоохотливо заявил, что в иных местах тоже имеются его многочисленные рукописи, в том числе «сочиняемой им истории взято: к фельдмаршалу принцу Гессен-Гомбургскому 10 тетрадей, к обер-егермейстеру и камергеру Алексею Григорьевичу Разумовскому 38 тетрадей, в Тайную канцелярию одна тетрадь»⁶⁷.

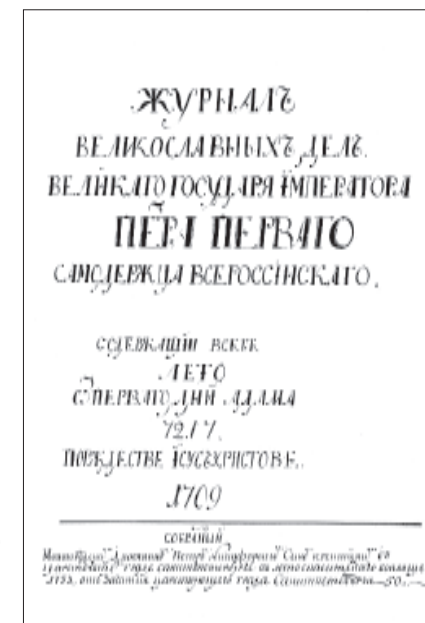
Вплоть до кончины П.Н. Крёкшин стремился воплотить в действительность свой грандиозный замысел 45-томной истории первого русского императора. По всей вероятности, П.Н. Крёкшин предполагал в каждом томе освещать один год из 44 лет правления Петра Великого (1682–1725), а в первом томе задумал изложить его жизнь от рождения до вступления на престол (1672–1682). В июне 1759 г. он упомянул, что «блаженных дел» Петра Великого «до сорока пяти книг труда моего в собрании и имеетца...»⁶⁸.

Труды П.Н. Крёкшина разошлись по России во множестве рукописных списков. Они находили многочисленных читателей и почитателей на протяжении всего XVIII столетия. Выдающийся российский историк И.И. Голиков (1735–1801) широко использовал их в своих многотомных трудах: «Деяния Петра Великого...» (1788–1789. Ч. I–XII) и «Дополнения к „Деяниям Петра Великого“» (1790–1797. Ч. I–XVIII). В конце XVIII – первой трети XIX в. знание этих исторических сочинений считалось едва ли не признаком принадлежности к образованной части российского общества. И.И. Голиков неоднократно указывал в своих постраничных примечаниях, что он использовал при описании Полтавской баталии «дневник Крекшина». Его внушительная по объёму рукописная книга о деяниях Петра Великого в 1709 г. носит пространное заглавие (с вариантами): «Журнал велико славных дел великого государя императора Петра Первого, самодержца всероссийского, содержащий в себе лето от первого дни Адама 7217, по Рождестве Иисус Христове 1709, собранный новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в царствующем граде Санкт-Петербурге в лето Спасительного воплощения 1753, от зачатия царствующего града Санкт-Петербурга 50»⁶⁹.

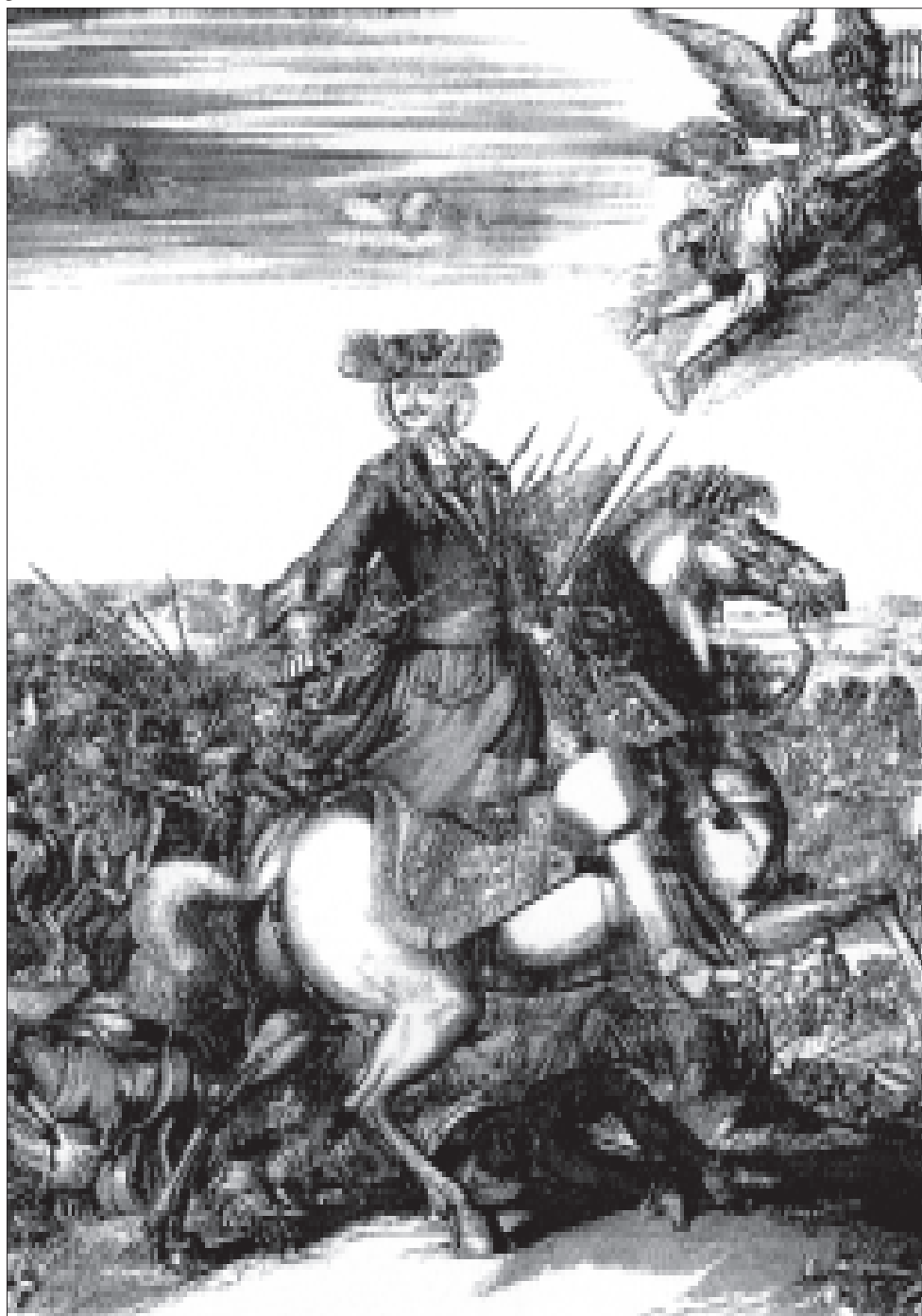
Приступим к изучению историко-литературных особенностей описания П.Н. Крёкшиным Полтавской битвы. Произведения П.Н. Крёкшина нужно рассматривать не только с точки зрения наличия или отсутствия в них каких-либо ценных исторических свидетельств, опирающихся на первоисточники. Нельзя забывать о художественно-литературных достоинствах или недостатках его произведений.

П.Н. Крёкшин видел свою главную цель как писателя и историка в том, чтобы ещё более возвеличить с помощью пера и бумаги в намеченной им 45-томной истории своего венценосного кумира – императора Петра Великого. Для этого он был готов использовать как исторический приём поиска и введения в научный оборот надёжных источников о деятельности первого российского императора, так и в не меньшей степени метод литературно-художественного воссоздания былой исторической реальности. П.Н. Крёкшин был человеком своего времени и стремился воспеть в прозе деяния Петра Великого, используя такой распространённый тогда в Европе жанр литературы классицизма, как эпopeя. Именно в рамках этого литературного жанра П.Н. Крёкшин получал большие возможности для решения поставленной им масштабной цели. Писатель и историк был далеко не одинок в применении такого историко-литературного метода. Оправданность и необходимость «благородного вымысла» в жанре эпopeи обосновывал ещё в XVII столетии французский теоретик жанров литературы классицизма Никола Буало-Депрео (1636–1711). Он писал о назначении и художественных основах этого жанра так:

*Ещё возвышенней, прекрасней Эпopeя.
Она торжественно и медленно течёт,
На мифе зиждется и вымыслом живёт*⁷⁰.

Титульный лист рукописного сочинения П.Н. Крёкшина «Журнал велико славных дел великого государя императора Петра Первого...». 1753 РГАВМФ

А.Ф. Зубов, П. Пикарт.
Полтавская баталия. Фрагмент. 1715

Итак, обратимся теперь к разбору устойчиво существующих доныне в отечественной научной и учебной литературе мифов о Полтавской баталии, имеющих своим истоком историко-литературное произведение П.Н. Крёкшина.

Один из мастерски созданных П.Н. Крёкшиным мифов, по мысли автора, следующий: российский монарх лично возглавил в кульминационный момент битвы контратаку силами одного батальона пехотного полка, стоявшего во второй линии. Первый батальон Новгородского полка, находившийся в боевом строю первой линии русских войск на Полтавском поле, якобы был опрокинут штыковым ударом сразу двух шведских батальонов, сплотившихся так тесно, что они будто бы представляли собой один батальон. В этот критический момент прорыва первой линии русских войск царь, согласно многим историческим исследованиям, повёл в бой, чтобы закрыть образовавшийся разрыв, второй батальон Новгородского полка (реже называется батальон Преображенского полка) из второй линии. Этот яркий эпизод баталии на самом деле, как представляется, не имел места. Вымышленный петербургским писателем «факт» оказался настолько хорош, что постепенно он стал восприниматься как неотъемлемая часть исторической реальности прошлого. Этот эпизод десятилетиями излагается в школьных учебниках России. Многие миллионы россиян в школьные годы читали об этой яркой подробности Полтавской баталии. Процесс «изучения» придуманного П.Н. Крёкшиным «факта» продолжается и сейчас. Вот как описан этот эпизод в одном из современных школьных учебников: «...удар по центру русского войска был страшен. Судьба битвы висела на волоске. Находящиеся в центре солдаты 1-го батальона Новгородского полка попятись назад. В этот момент Пётр лично повёл в атаку 2-й батальон новгородцев. Его шляпа и седло в нескольких местах были прострелены. Шведы смешались»⁷¹.

Этот «факт» не отражён в официальных трудах о битве. Ни в печатной реляции 1709 г., ни в «Гистории свейской войны», ни в «Журнале» Г. фон Гюйсена, ни в историческом труде Феофана (Прокоповича) ни о каком прорыве шведскими войсками русской первой линии, так же как и участии второго батальона Новгородского полка в контратаке, нет и намёка. Можно ли предполагать, что столь примечательный факт, как личная контратака монарха во главе второго батальона новгородцев, был «упущен» в названных официальных источниках? Если бы такой яркий факт имел место на самом

деле, то совершенно невозможно допустить, чтобы он не был упомянут в этих пропагандистских сочинениях. Напротив, в «Истории» чётко говорится: «...из нашей пехоты толко одна передняя линия с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла»⁷². Следовательно, батальон из второй линии, во главе которого якобы контратаковал Пётр I, задействован в бою не был.

Лейтенант Уппландского пехотного полка Ф.Х. Вайе оставил несколько строк об этом самом напряжённом периоде схватки двух армий: противники сошлись лицом к лицу, увидели друг друга глаза в глаза. Офицер писал только о том участке битвы, где сражался его батальон. Вот то, что он написал: «...неприятель охватил нас с обоих флангов и первые шеренги встали на колени, вся линия произвела залп, на который мы достойным образом ответили сдвоенными шеренгами, при этом удивительно, что батальон Мандерсверда (Manderswerdische) сумел проломить первую русскую линию и захватить 4 вражеские пушки»⁷³.

Историки ограничиваются цитированием этого небольшого фрагмента из записок Ф.Х. Вайе, где он удивляется, как мог прорвать второй батальон полка Лейб-гвардии под командой капитана гвардии Х. Маннерсверда русскую боевую линию. Однако одно дело просто цитировать источник, только привести выдержку в подтверждение чего-то, совсем другое дело — источник анализировать, критически изучать. Насколько стоит доверять приведённому свидетельству лейтенанта Ф.Х. Вайе?

На взгляд автора книги, Ф.Х. Вайе не мог видеть и не видел, что совершили гвардейцы второго батальона капитана Х. Маннерсверда. Он изложил в своих записях в данном случае устные рассказы в среде шведских пленных, слухи, разного рода преукрашивания прошлого, возникшие с целью самооправдания, сохранения собственного лица, национальной гордости и т. п. Всё дело в том, что Второй гвардейский батальон Х. Маннерсверда стоял в шведской боевой линии пятым, если считать справа налево. За ним стоял Третий батальон Лейб-гвардии и только потом — два батальона Уппландского полка⁷⁴. Увидеть что-то на расстоянии нескольких сотен метров в правой стороне в клубах порохового дыма, через ряды сослуживцев, под столь острым углом, что вообще было трудно что-то разглядеть, Ф.Х. Вайе просто не мог. Надо понять, что шёл горячий бой, а лейтенант с минуты на минуту должен был отправиться к праотцам (по случайности этого не произошло). В этих условиях вглядываться на сотни метров

в сторону Ф.Х. Вайе не мог и, надо повторить, в любом случае не смог бы ничего разглядеть, если бы отказался от исполнения непосредственных боевых функций: действия шпагой, пистолетами и т. п.

Историк В.А. Артамонов удачно выразился насчёт записок шведских капитанов лейб-гвардии Л. Тизенстена и Й. Оллера. Они, как отмечает историк, «подправляя впечатление от полтавской катастрофы, писали, что лейб-гвардейцы будто бы гнали... 100 шагов, коля штыками и пиками в спину», своих русских противников⁷⁵. Даже П. Энглунд принимает эти «рассказы шведов после битвы» на веру⁷⁶. Попытки их критического разбора в его книге нет. Безоговорочно доверительное отношение к запискам каролинцев вообще в принципе свойственно шведской историографии. Однако «свидетельство» этих двух шведских офицеров гвардии трудно оценить иначе, чем «благородный вымысел». Хорошо, что они не написали о прорыве и второй линии русских. Потери первого батальона Новгородского полка убитыми и скончавшимися от ран (127 чел.), пусть и значительные, не позволяют уверенно предполагать его обращение в бегство. Главное же, что о бегстве пехотного батальона не сообщил ни один русский источник, хотя контратака царя в месте прорыва первой линии россиян была бы «находкой» для официальной пропаганды. Не написал об эпизоде бегства батальона новгородцев в своих многочисленных письмах о победе и сам царь — лживость русскому монарху была не свойственна. После сражения при деревне Лесной царь отнюдь не таил от окружения острые, не вполне благополучные эпизоды.

В российской литературе «псевдоизвестие» о штыковой контратаке пехотного батальона из второй линии во главе с самим российским монархом впервые появляется только в рукописном сочинении П.Н. Крёкшина, относящемся к 1753 г.⁷⁷

Вот как там изложен этот «факт»: «Учрежденной неприятельской полк шел наступным боем и, приближаясь, с великим дерзновением на Новгородской пехотной полк наступил, и, хотя первой баталион и мужественное чинил сопротивление, токмо против двойного числа устоять не мог, и неприятель, сбив оной на штыках, сквозь прошел и старался отрезать левое крыло от главной линии. Тогда Его Царское Величество своею персоною во время самага жестокого огня между первым и вторым баталионами изволил проехать и повелел второму баталиону под предводительством своим сикурсовать первой; как второй баталион с неприятелем на штыках сразился,

то сбитые первого батальона, которые остались от побоения в присутствии Его Величества вскоре с примкнутыми штыками на неприятеля наступили, поколов всех, в линию паки встали; и тако среди самага фрунта всей линии в наижесточайшем огне Его Царское Величество изволил присудствовать...»⁷⁸.

Содержание произведения П.Н. Крёкшина о деяниях Петра Великого в 1709 г. самым основательным образом отразилось в напечатанном в 1795 г. очередном томе сочинения И.И. Голикова. Том был посвящён Полтавской битве и измене гетмана И.С. Мазепы⁷⁹. И.И. Голиков многократно ссылался на имевшийся в его распоряжении рукописный «дневник Крёкшина». Через посредство печатного труда И.И. Голикова рассматриваемый, не происходивший в реальности «героический эпизод» широко распространился по отечественной исторической литературе. Само же литературное творение П.Н. Крёкшина (один из его ранних вариантов, имеющий обильную авторскую карандашную правку), включающее фрагмент о контратаке во главе с царём, было напечатано только в 1909 г.⁸⁰

Мифу, родившемуся под пером П.Н. Крёкшина, без тени сомнения следовало множество историков, подробно писавших о битве под Полтавой⁸¹. Даже в современном диссертационном исследовании В.А. Молтусова (2002), специально посвящённом изучению Полтавской битвы, есть такие фразы: «Стремительный порыв опрокинул первый батальон Новгородского полка»⁸²; «смяв один батальон новгородцев, шведы прорвали фронт первой линии и остановились»⁸³, «...царь ... лично поведший в контратаку 2-й батальон новгородцев»⁸⁴. В исторических трудах последних лет этот колоритный эпизод битвы продолжает воспроизводиться как объективная реальность прошлого⁸⁵.

Комплексного источниковедческого исследования сочинения П.Н. Крёкшина о событиях 1709 г. нет и поныне. Имеются только отдельные суждения, мысли. Напечатавший его труд о деяниях Петра I в 1709 г. к 200-летию юбилею битвы историк А.К. Баиов, по существу, только поставил вопросы, но не дал ответов: кто его автор, когда он был написан, какова его документальная первооснова?⁸⁶ Общий вывод А.К. Баиова таков: «...как исторический документ он имеет громадное значение, и не доверять ему нет никаких оснований»⁸⁷. Б.Б. Кафенгауз оценил это сочинение как очень интересное, но призвал к осмотрительности при использовании его известий. По его словам, «до специального критического изучения

этим любопытным источником следует пользоваться с большой осторожностью»⁸⁸. Г.А. Богуславский посвятил особое исследование загадочной рукописи. Он пришёл к заключению, что «в целом содержание дневника не должно вызывать сомнений в его подлинности и выдающемся значении как исторического источника»⁸⁹, полагал, что это описание служило «официальным источником для русского командования»⁹⁰.

Как многократно сказано, сомневаться в мужестве Петра I во время битвы не приходится, но и эпизода контратаки батальона пехоты во главе с русским монархом, прорыва первой линии русских войск в реальности всё же просто не было. П.Н. Крёкшин, выдумывая красивый эпизод, желал ещё более возвеличить Петра I путём художественно-литературного вымысла.

Теперь о другом удачном с литературно-художественной точки зрения вымысле П.Н. Крёкшина, объяснявшем, почему шведский король якобы нанёс удар особой силы по первому батальону Новгородского полка. Вот, к примеру, как писал об этой «истории» батальи академик Е.В. Тарле: «...первый шведский натиск был необычайно силен и направлен больше всего (это запомнили все участники боя) в одну точку — на первый батальон Новгородского полка. В русской армии в этот момент ещё не все знали, чем объяснялись энергия и целеустремлённость шведов в данном случае. Изменник, унтер-офицер Семёновского полка, находился в рядах близ Карла и указал королю на полк, одетый в мундиры серого сукна, который он считал полком новобранцев, т. е. слабым полком. Изменник ошибся: он не знал, что Пётр предвидел последствия его действий и, как сказано, велел 26 июня переодеть в серые мундиры один из своих полков — Новгородский»⁹¹. Историк сослался на один из списков труда П.Н. Крёкшина о деяниях Петра I, хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁹².

Е.В. Тарле полагал, что использует сведения, помещённые «в дневнике событий, ведшемся в штабе Петра»⁹³, — так он назвал сочинение П.Н. Крёкшина. В использованном им списке сочинения П.Н. Крёкшина действительно сказано, что предатель — беглый урядник Семёновского полка, рассматривая на полтавском поле в подозрную трубу строившиеся для битвы русские полки, назвал Новгородский пехотный полк, имевший якобы мундиры из серого сукна, новонаборным. Карл XII, согласно П.Н. Крёкшину, отреагировал так: «Король самым лучшим пехотным двум батальонам

повелел сомкнуться так плотно, чтоб могли уравниваться с одним батальоном в сером мундире, и приказал левое крыло от главной линии отрезать»⁹⁴. В плен этого вымышленного эпизода баталии, введённого в «научный оборот» И.И. Голиковым⁹⁵, попали и некоторые другие исследователи XX столетия⁹⁶.

Использование сведений из сочинения П.Н. Крёкшина о 1709 г., сложного историко-литературного памятника, требует отнюдь не безоговорочного доверия, простого воспроизведения в виде цитат и ссылок, но большой предварительной источниковедческой и историко-литературной работы. Закономерны сомнения, высказанные по поводу этого эпизода В.А. Артамоновым. Историк писал так: «Сомнительна широко известная история о предательстве перебежавшего к противнику русского унтер-офицера, после которого Новгородский полк обменял свои мундиры на серые рекрутские кафтаны, чтобы шведский удар не пришёлся на необстрелянных солдат. Ни в одном актовом источнике этот факт не получил подтверждения»⁹⁷. Сомневался в правдивости сюжета об обмене формой солдатами двух российских полков и Н.И. Павленко⁹⁸.

Можно предположить возможное наличие «первотолчка» для создания этого вымысла, который мог получить под пером П.Н. Крёкшина художественно-литературное развитие. Историограф походов шведского короля Г. Адлерфельт, сражённый ядром в битве под Полтавой, отметил в своих подённых записях за 22 (23) июня 1709 г. такой факт. Согласно его свидетельству, «прибывший ночью от неприятеля дезертир сообщил... что царь собрал все свои силы на нашем берегу реки...»⁹⁹. П.Н. Крёкшин мог знать сочинение Г. Адлерфельта (опубликованное в 1740 г.) и «развить» известие о прибывшем от россиян беглеце в художественном ключе. Литературный «мотив переодевания» знаком историкам литературы¹⁰⁰, и литератор П.Н. Крёкшин вполне мог им воспользоваться. По П.Н. Крёкшину, впрочем, перебежчик-изменник из Семёновского полка прибыл в ставку Карла XII только «в первых часах ночи» 26 июня 1709 г.¹⁰¹, но для художественного переосмысления события нарушение реальной временной последовательности не существенно. Вымышленные эпизоды с переодеванием Новгородского полка, с предателем из Семёновского полка — это звенья в литературной смысловой цепи, подводившие к главному, столь яркому вымыслу о прорыве шведами русской первой линии в критический миг битвы и российской контратаке, возглавленной царём.

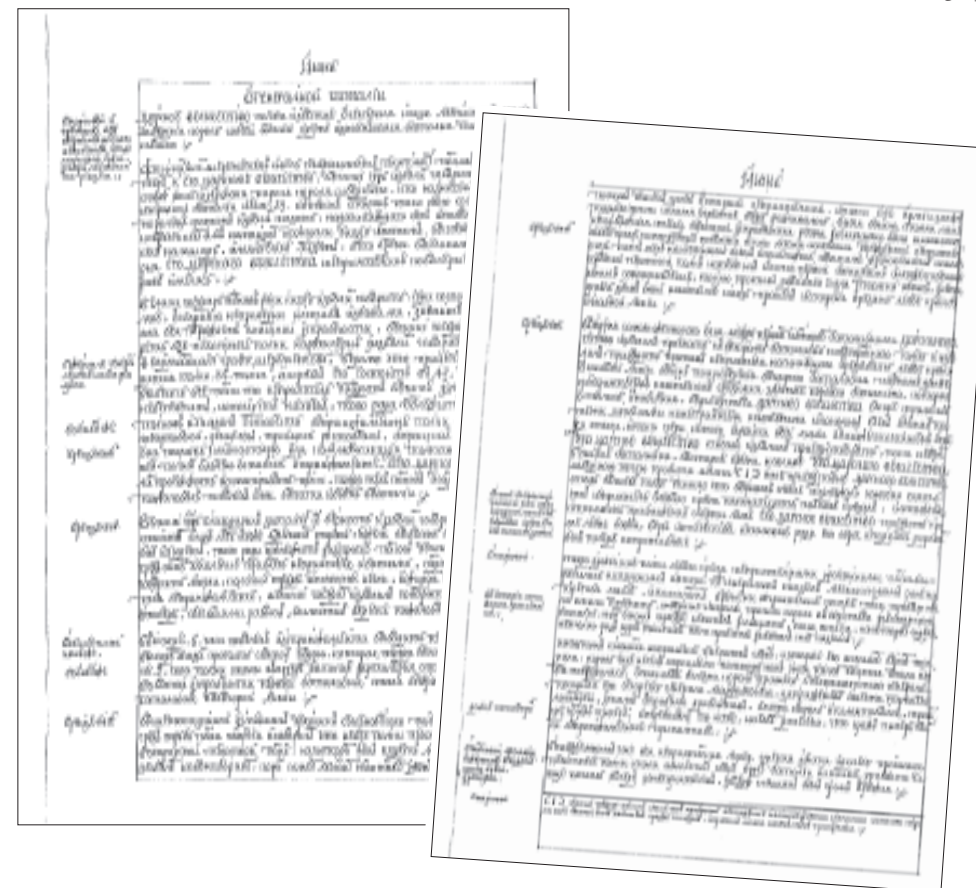
Некоторыми историками воспроизводится «факт» мнимой договорённости, по согласию обоих монархов и К.Г. Рёншильда с Б.П. Шереметевым, о том, чтобы дать баталию 29 июня 1709 г.¹⁰² В историко-литературном сочинении П.Н. Крёкшина об этом событии повествуется в следующих словах: «Фелдмаршал Шереметев по указу Царского Величества с фелдмаршалом Рейншилдом 29 июня, то есть на день верховных апостол Петра и Павла, согласно назначили быть генеральной батали и утвердили за поролем военным, чтоб до оною сроку никаких поисков незапными набегам не быть»¹⁰³. Когда же Карл XII в ночь на 27 июня 1709 г. получил сведения о скором подходе на помощь к царским войскам 40-тысячного калмыцкого войска, то приказал К.Г. Рёншильду немедленно построить армию для выступления против русских войск. В ответ на последовавшее от генерал-фельдмаршала напоминание о достигнутой договорённости король «затряс головою и дал знать, чтоб о том не говорил»¹⁰⁴. По П.Н. Крёкшину, Пётр I, узнав о выступлении шведских войск, с пафосом говорил в своём шатре Б.П. Шереметеву и другим генералам «о вероломстве и о несодержании пароля короля шведскаго». Царь заключил излияние своего праведного возмущения эффектными словами: «На зачинающего Бог»¹⁰⁵.

«Факт» достижения договорённости о дне баталии отсутствует в надёжных официальных российских источниках: «Обстоятельной реляции» 1709 г., «Гистории свейской войны», переписке Петра I и во всех введённых в научное обращение источниках шведского происхождения. Первый раз в исторических трудах он появился именно в рукописном сочинении П.Н. Крёкшина (1753). Е.В. Тарле, сославшись на цитированную выше рукопись из собрания манускриптов М.П. Погодина, не обратил внимания, что в качестве источника сведений П.Н. Крёкшин указал на полях печатный текст «Книги Марсовой»¹⁰⁶ (1713). Имеющаяся в «Книге Марсовой» реляция о Полтавской битве такого «факта» не содержит¹⁰⁷. Вывод из прослеженного несоответствия вполне очевиден и естественен. Ясно, что писатель XVIII столетия пытался придать видимость достоверности сообщённому «факту», но недоучёл, что ссылается не на неизвестный источник, но на опубликованную и вполне доступную для перепроверки реляцию о битве. Введя в своё сочинение рассмотренный вымышленный художественно-литературный эпизод, П.Н. Крёкшин ещё более подчеркнул благородство своего венчественного героя, неукоснительно исполнявшего договор. Шведский

же король Карл XII, в отличие от его противника на поле брани, слово чести якобы коварно и недостойно преступил. И.И. Голиков, слушавший рассказы П.Н. Крёкшина и пользовавшийся многими его трудами, счёл необходимым отметить, что если бы соглашение монархов о назначении дня баталии на 29 июня, день царских именин, действительно существовало, то об этом важнейшем обстоятельстве было бы сказано в реляции о битве и других современных событиях источников¹⁰⁸.

Сюжет о достигнутой Петром I и Карлом XII договорённости о том, что битва должна состояться 29 июня 1709 г., тем не менее, не является исключительно плодом литературно-художественного воображения П.Н. Крёкшина. Следует иметь в виду, что он широко использовал в своих сочинениях устное предание. По наблюдению М.Б. Плюхановой, «„вымыслы“ Крёкшина по природе своей принадлежат прежде всего области слухов, преданий, традиционных предрассудков»¹⁰⁹. Нельзя не согласиться в данном случае с выводом исследовательницы, что «„вымыслы“ Крёкшина находятся в родстве с фольклором Петровской эпохи»¹¹⁰. Высокая степень доверия к рассказам, передававшимся из уст в уста, этому особому рода источнику, — одна из неотъемлемых черт его историко-литературного метода¹¹¹. По мнению С.О. Шмидта, во времена недостаточного распространения грамотности «устная речь оставалась главным источником собственно исторической информации»¹¹². Дело в том, что уже накануне грядущей генеральной баталии множество людей, от простых солдат до генералитета, причём не только русских, но и шведов, могло задумываться и обсуждать следующее. Всё более тесное сближение российской армии со шведским станом во временном отношении хорошо соотносилось с приближением дня царских именин — Петрова дня (29 июня, ст. ст.). О предстоявших царских именинах знали едва ли не все и могли, рассуждая, стараться постичь и предугадать замыслы высшего командования, и кто-то приходил к выводу, что битва назначена именно на этот день. Почему бы нет? Войска за несколько дней до царских именин находились на расстоянии нескольких вёрст друг от друга, полководцы наблюдали за движениями противника в подзорные трубы, а заступившие в дозор отряды слышали перекичку часовых на неприятельской стороне.

Можно думать, что именно отголоски той молвы зафиксировал в виде беллетризованной записи устного предания инженер-генерал-

Листы из рукописного сочинения П.Н. Крёкшина
«Журнал великославных дел великого государя императора Петра Первого...». 1753
РГАВМФ

майор А.И. Ригельман (1720—1789). Он писал в сочинении 1786 г.: «...король распустил разглашение, что он намерен день тезоименитства царя российского торжествовать наиславнейшим образом у него в шатре, то есть июня 29 числа, и оной день назначает всей оной их войне быть решительным. Сие государю известно учинено, которой, разумея намерение и жадность его тщеславия, сказал: „Я в желании брата моего согласен и буду спокойно ждать дня того, которой конечно докажет, кому по справедливости торжествовать о победе подлежать будет“»¹¹³. А.И. Ригельману был известен и другой вариант рассказа о сдвиге шведским королём даты баталии: «Карл XII вдруг вознамерился вместо 29-го июня в 27-е число дать баталию с войском российским...»¹¹⁴. Историк указал на источник

собственных сведений: «Известие сие из малороссийского летописного повествования»¹¹⁵. Таким образом, связь данного известия с устными преданиями, народной молвой указана прямо.

От вымышленной П.Н. Крёкшиным «истории», восходящей к устному преданию, в процессе развития историографии отпочковались и распространились утверждения, что сам царь «назначил» для будущей битвы день своего тезоименитства, «предполагал атаковать шведов», «назначил атаку на 29 июня» 1709 г., «русское командование рассчитывало дать сражение 29 июня» и т. д.¹¹⁶

Нельзя не отметить, что во множестве трудов цитируются некоторые яркие по форме изложения высказывания Петра I, сделанные якобы во время битвы, имеющие своим первоисточником сочинение П.Н. Крёкшина¹¹⁷. Охотно приводил эти высказывания со ссылками непосредственно на труды П.Н. Крёкшина Е.В. Тарле. Например, на слова Б.П. Шереметева об опасности вывода в резерв шести полков кавалерии с правого крыла русского боевого построения, ибо «надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным», монарх, как писал Е.В. Тарле, изрёк: «Победа не от множественного числа войск, но от помощи Божией и мужества бывает, храброму и искусному вождю довольно и равного числа...»¹¹⁸. Маститый историк не учитывал явной литературности выдававшихся им за реальность цитат.

Удачная литературная выдумка П.Н. Крёкшина о выводе Петром I шести драгунских полков из построенной в линию баталии кавалерии — «благородный вымысел» к портрету царя, великого полководца, — жива доныне. В современном школьном учебнике (авторы А.Н. Сахаров и А.Н. Боханов) сказано: «На правом фланге рвались в бой 18 драгунских полков...»¹¹⁹. На самом деле на правом фланге изначально были вытянуты в две боевые линии для общего наступления на шведов только 12 полков регулярной кавалерии. Шесть драгунских полков под командованием генерал-майора Г.С. Волконского ещё до построения линии баталии были отведены назад — в резерв. Они «оседлали» дорогу, шедшую по открытому пространству между началом балки Побыванки и крутыми откосами берега Ворсклы. Эта дорога шла западнее ретраншемента, далее — к Семёновке и бродам через Ворсклу. Рядом с резервным корпусом Г.С. Волконского находились украинские казачьи полки гетмана И.И. Скоропадского («...да с гетманом Скоропадским генерал-маеор Волконской с шестью полками драгун»¹²⁰). Следовательно,

П.Н. Крёкшин «сдвинул время». Это ему было нужно для сочинения эффектных высказываний Петра I и для некоторого искусственного уничижения шведских полководцев в сравнении с царём.

В другом месте своего произведения он так обыгрывал изучаемый выдуманный «факт»: «По выведении из линии шести полков драгунских и по отшествии в показанное место неприятель, видя уравнивание линии полков, начал выступать. Царское Величество изволил стать среди линии и, обратясь к войску, сказал: „За Отечество принять смерть весьма похвально, (опасение?) смерти на бою — вещь всякой хулы достойна“»¹²¹. Таким образом, шведское воинство якобы решилось на выступление навстречу русским войскам, только узрев, что россияне вывели из собственной боевой линии 6 драгунских полков, уравнивая тем самым протяжённость своих боевых порядков со шведскими. Вдобавок Пётр I «получил возможность» изречь ещё одну крылатую фразу заострённой поучительно-назидательной направленности.

Часто различные фрагменты сочинения П.Н. Крёкшина строятся по такой литературной схеме: действие — изречение — иногда комментарии от имени повествователя. Именно в рамках такой схемы сочинитель эффектно, как показано выше, обыгрывает тему превосходства полководца Петра I над Карлом XII как военачальником, превосходства боевого духа русского воинства над шведскими солдатами. Вот один из его литературных этюдов в жанре хрии: изречение, вложенное в уста конкретного деятеля в конкретных обстоятельствах¹²². Этот этюд касается солдат полков, оставленных в ретраншементе в качестве резерва: «...Его Царское Величество изволил проежжать и осматривать полки, тогда тех полков от салдат прошен, чтоб пожаловал повелел им вытти и быть в баталии. Великий государь благодарил за такую их верность и изволил говорить: „Неприятель стоит близ лесу и уже в великом страхе, ежели вывести все полки, то не даст бою и уйдет, того ради надлежит и из прочих полков учинить убавку, дабы чрез оное умаление привлечь неприятеля к баталии“. Салдаты в слезах едва говорить могли: „Коликие труды и тяготы несли, ожидая сего дня, ныне остаются в траншаменте“. Великий государь изволил говорить: „Молите Бога о победе; с бывшими равною милостию будете пожалованы“»¹²³.

Б.Б. Кафенгауз высказался очень сдержанно о вероятности соответствия реалиям прошлого «речей» Петра I, с которыми он якобы обращался к войскам накануне битвы, в передаче П.Н. Крёкшина.

Согласно заключению историка, «трудно сказать, в какой мере передача этих речей... соответствует действительности»¹²⁴. Историк литературы Е.К. Никанорова в качестве свойственных сочинениям П.Н. Крёкшина особенностей выделила именно «панегирический тон изложения и, как следствие, недостоверность сообщаемых фактов»¹²⁵.

На взгляд автора, полтавские «речи» царя и его сподвижников в изложении П.Н. Крёкшина — плод его литературно-художественного воссоздания канувшей в лету исторической действительности. Литератор считал, что «речи» произносились тогда именно такие, но это не значит, что они были действительно таковы. П.Н. Крёкшин, надо полагать, воссоздал художественными средствами лишь некую частичку унесённой рекой истории реальности прошлого.

Произведения П.Н. Крёкшина не одиноки по жанровой природе в европейском литературном процессе того времени. Историк литературы Д.М. Шарыпкин, изучавший, казалось, строго историко-повествовательные сочинения — дневники шведов, пленённых под Полтавой, заключил, что они в той или иной мере отразили почти все литературные жанры эпохи барокко¹²⁶. Крайне примечательно, что мемуаристы нередко использовали (как и П.Н. Крёкшин) героико-эпические приёмы изложения. Даже удручающая картина бегства страдавшего от раны Карла XII с поля проигранной битвы под их пером приобретала величественные черты. Изображая на страницах своих дневников пленение остатков шведской армии на Днепре 30 июня 1709 г., они подавали это как своего рода подвиг, героико-эпическое действие: шведы сдавали оружие, в подаче мемуаристов, едва не с чувством превосходства над настигшими их после полтавского разгрома русскими кавалеристами. Русские якобы имели жалкий, изнурённый вид (в отличие от шведов-то!). При этом настигшие потомков викингов у Днепра россияне будто бы втрое (или даже шестикратно!) превосходили шведов численно. На самом деле 14-тысячный шведский корпус сложил оружие к ногам 9-тысячного отряда русских. Шведам якобы трижды поступало предложение сдаться, но в действительности это только эпический приём утrocения действительно случившегося¹²⁷: предложение с русской стороны сдаться было единственным и принято без длительных переговоров¹²⁸.

Разберём пример включения П.Н. Крёкшиным в собственное сочинение одной из «подробностей» битвы, которая, как кажется,

могла бы настроить исследователей на путь предположений о существовании недоступного ныне ценнейшего первоисточника, содержащего свидетельство очевидца. Эта «подробность» касается дистанции, с которой выстроенная в линию русская пехота сделала первый залп по противнику.

Согласно П.Н. Крёкшину, на решающей фазе битвы российская пехота дала залп из фузей, когда приближавшийся неприятель оказался на расстоянии «с небольшим в 25 саженьях»¹²⁹, то есть с дистанции, равной приблизительно 53—54 м. Установить, на каком удалении от неприятеля в действительности начала стрелять русская пехота, крайне важно. Это позволит судить о тактических установках полководцев на битву, оценить степень мужества русских воинов. Исследовательским путём для решения этой задачи может стать сопоставление указания П.Н. Крёкшина с высоконнадёжным свидетельством очевидца. Таковым может служить письмо русского генерала Л.-Н. де Алларта. Оно было отправлено 29 июня 1709 г. «с поля битвы между Полтавой и Петровкой». Полководец пребывал в разгар битвы в первой линии пехоты, и его свидетельству вполне можно доверять. Л.-Н. де Алларт писал: «...когда мы сблизались друг против друга на расстояние до 15 шагов, я со своей пехотой начал стрелять по неприятелю. Потом я произвёл ещё один залп, после чего мы стали теснить его багинетами...»¹³⁰. Шаг в то время считали не более 75 см¹³¹. Таким образом, палить из фузей российские пехотинцы начали с очень близкого расстояния. Оно составляло приблизительно 11 м. Хорошо написал о значении первого залпа солдат с близкого расстояния шведский военный историк П. Энглунд: «Первый залп был также, как правило, и самым эффективным, мушкеты солдат были тогда лучше всего заряжены; дело в том, что постепенно стволы забивались. К тому же, когда мушкеты заряжались второй или третий раз, страх и суматоха отвлекали внимание солдат, и они, как правило, заряжали своё оружие недоброкачественно. Поэтому нет ничего удивительного, что стремились ограничиться одним, в крайнем случае, двумя залпами на максимально коротком расстоянии»¹³².

При изучении утверждения П.Н. Крёкшина о дистанции первого залпа россиян тоже чётко фиксируется художественно-литературный метод воссоздания писателем обстоятельств начала решающего столкновения двух армий на поле позади редутов. Литератор предположил, что русские солдаты открыли огонь по неприятельским

войскам, когда они даже ещё не перешли начальной границы действительной стрельбы по противнику. Таковой в первой половине XVIII в. принято было считать дистанцию в 60 шагов (около 45 м). Следовательно, П.Н. Крёкшин существенно принизил действия русских солдат, офицеров и полководцев. Сделал это он, конечно, не умышленно, но в силу недостатка профессионализма, знаний в области полевого боя. Известно, что с 1712 г. и вплоть до отставки он служил в санкт-петербургском гарнизоне на довольно мирной воинской должности комиссара, то есть он занимался финансовыми вопросами: раздачей жалованья, учётом расходов и т. п.

Примечательно, что утверждения о первом залпе россиян по шведской линии с расстояния 25 сажень (около 50 м) распространены и в современной литературе¹³³. Во всяком случае, их художественно-литературная природа, как пример неудачного «благородного вымысла» П.Н. Крёкшина, ещё не была проанализирована.

П.Н. Крёкшин желал создать как можно более величественную картину начала боевого противоборства пехотных линий двух армий. Его бойкое перо вывело следующие строки: «...первой залф учинен от войска Царского Величества так сильно, что в неприятельском войске от падших тел на землю и ружья из рук убиенных громкой звук учинился, которой внушал, якобы огромныя здания рушились; чаятельно, от того залфа урону неприятельскаго около пяти тысяч»¹³⁴. Современные историки, однако, пришли к вполне обоснованному выводу, что в момент решающего столкновения шведской пехотной линии с русской шведов-пехотинцев было всего от 4000 до 4500 чел.¹³⁵ Следовательно, П.Н. Крёкшин вместил в нескольких строках две литературные гиперболы: 5000 погибших от первого российского залпа (!) и грохот от падения тел и оружия неприятелей, подобный тому, как будто бы рушились громадные здания (!).

Или, к примеру, не «мелочился» П.Н. Крёкшин с определением численности шведов, погибших при штурмах Полтавской крепости, — 5000 воинов¹³⁶. Это очень далёкое от реальности, преувеличенное число. Литератор повествует, что погибших в ходе битвы шведов «по достоверному исчислению... 13 281 собрано»¹³⁷. Указание числа с точностью до единицы было призвано подкрепить видимость его достоверности в глазах читателей — это широко используемый П.Н. Крёкшиным литературный приём. Названная численность павших неприятелей значительно превосходит цифры, имеющиеся

в печатной русской реляции 1709 г. (9224 чел.). Автор показывал выше (глава III), что даже официальные российские цифры шведских потерь, приведённые в реляции, заметно превосходят те, что были в действительности. Делалось это, в конечном счёте, для усиления пропагандистского эффекта от одержанной на полях под Полтавой победы. П.Н. Крёкшин шёл дальше, прославляя Петра Великого с помощью методов художественно-литературных, — он ещё более преувеличил в своём сочинении численность шведских потерь убитыми и, следовательно, славу их победителя.

П.Н. Крёкшин, когда была необходимость, вплетал в ткань своего повествования вымышленных лиц. Так, был придуман им изменник, беглый урядник Семёновского гвардейского полка, который якобы указал Карлу XII на слабое место в русской пехотной линии — новонабранный полк в мундирах из простого серого солдатского сукна¹³⁸. Этот литературный ход был введён писателем для сотворения ключевого в его картине Полтавской битвы вымышленного эпизода. П.Н. Крёкшин выдумал яркий «факт» из истории битвы, своего рода звёздный час Петра I. Петербургский литератор написал, что шведский король направил острие атаки именно на то место, на которое указал изменник, — новонабранный полк в серых мундирах. Именно в этом месте шведы прорвали первую линию боевых порядков россиян. В этот критический момент битвы Пётр I возглавил батальон Новгородского пехотного полка из второй линии. Контратакуя, русский венценосец отбросил противника назад¹³⁹.

Таким образом, литературная логика развития этой сюжетной линии П.Н. Крёкшиным понятна. Придуманный литератором антигерой, изменник из Семёновского полка, нужен был ему для того, чтобы сотворить другой, важнейший в описании битвы «факт», который ещё более возвеличил бы поведение Петра I в ходе баталии. Вымышленный факт, блистательный литературный миф о контратаке солдат-новгородцев во главе с царём, выдаётся за реальность даже в исторических трудах начала XXI в.¹⁴⁰ Рассматриваемый эпизод рассказывался (и запомнился!) автору на уроке истории в 7-м классе, который проводила учитель Мария Ивановна Курчавова. Разве не говорят эти примеры о достигнутой П.Н. Крёкшиным высокой степени убедительности, о его несомненном литературном даровании.

У автора нет задачи — проанализировать в книге все художественно-литературные вымыслы П.Н. Крёкшина о Полтавской битве.

Литературный вымысел — это присущая творчеству писателя часть его художественного метода. Прodelанный источниковедческий анализ его труда о событиях 1709 г. позволяет сделать общее заключение. По мнению автора, П.Н. Крёкшин, рисуя картину великой битвы, опирался на очень ограниченный круг известных ему источников и исторических сочинений. Среди них в первую очередь надо назвать напечатанную впервые в 1709 г. официальную реляцию о битве. Остальное — это плод его художественно-литературного творчества, говоря словами Н. Буало-Депрео, — «благородный вымысел».

Подводя итог исследованию, нужно подчеркнуть следующее. Изучение историко-литературного описания Полтавской битвы в названном произведении П.Н. Крёкшина не позволяет считать этого автора века Просвещения историком. Его следует причислить, строго говоря, к писателям. Он использовал в изучавшемся сюжете о битве исключительно литературно-художественный метод воссоздания событий славного прошлого Отечества. Выше было показано, что, во-первых, он сочинял речи, изречения и диалоги монархов и полководцев в духе литературы классицизма. П.Н. Крёкшин сочинил многочисленные напыщенно-благородные, величественные, часто яркие по форме и сути изречения, театрально-возвышенные «речи», диалоги, «крылатые выражения». Он «щедро» приписывал их Петру I и «птенцам гнезда Петрова», а также Карлу XII, его окружению и другим «действующим лицам». Во-вторых, П.Н. Крёкшин выдумывал «факты», подробности (которые историки списывали на «недошедшие до нас источники»). Вымышленные литератором точные указания, детали, как мог рассчитывать П.Н. Крёкшин, приукрашивали реальность прошедшего, придавали видимость достоверности сообщённым им «фактам». П.Н. Крёкшин также усиливал убедительность собственного сочинительства введением в текст выдуманных им «точных» цифр (например, гарнизона Полтавской крепости, его потерь в 1709 г.). В-третьих, П.Н. Крёкшин вплетал в ткань своего произведения вымышленных лиц (изменник-урядник Семёновского полка) — это ещё один признак литератора. В-четвёртых, он считал необходимым делать с той же целью ссылки на первостепенной значимости источники, часто в действительности не существовавшие: дневники полководцев, государственных деятелей, очевидцев¹⁴¹. Наконец, описание Полтавской битвы П.Н. Крёкшиным вполне укладывается в каноны

жанра эпопеи литературы классицизма, разработанные Н. Буало-Депрео в поэме «Поэтическое искусство» (1674).

Итак, П.Н. Крёкшин следовал путём, по которому призывал идти Н. Буало-Депрео. Путь, в основе которого лежали строгая достоверность событий, опора на надёжные источники, был чужд петербургскому литератору. Он шёл по тропе, лежавшей в пределах, обозначенных для литературы классицизма, стремясь возвеличить в границах отпущенного ему дарования личность и деяния своего венценосного кумира — императора Петра Великого.

Вольтер (1694—1778), современник П.Н. Крёкшина, в предисловии к собственной «Истории России при Петре Великом» дал оценку таким «речам» с точки зрения их исторической достоверности: «Возвышенные речи — другой вид лжи, ораторский, из тех, что историки позволяли себе прежде. Принуждают говорить своих героев то, что они лишь могли бы сказать. Эта вольность в особенности может проделываться с личностью отдалённых времён, но ныне эти вымыслы не должны быть более терпимы. Это требуется в первую очередь, ибо если вкладывать в уста какого-либо государя торжественную речь, которой тот не произносил, то нельзя называться историком, но лишь напыщенным ритором»¹⁴². Впрочем, Вольтер сам был далеко не безгрешен в том, что касается художественно-литературных выдумок в собственных исторических трудах. В поисках увлекательности повествования и ради собственной славы он, как и П.М. Крёкшин, тоже сочинял и использовал выдуманные фразы, манипулировал искусственными цифрами для усиления своих доказательств, смещал временную последовательность событий, использовал гиперболы и т. д.¹⁴³

В трудах П.Н. Крёкшина едва ли следует искать «сведения» и «факты», которые автор почерпнул из недошедших до нас исторических первоисточников. Его произведения — это прежде всего художественно-литературные сочинения. П.Н. Крёкшин прославлял Петра Великого с помощью методов художественных: преувеличения (гиперболы), приукрашивание действительности вымышленными подробностями и др. Создавая свои величественные картины деяний Петра I, он опирался на весьма ограниченный круг известных ему источников и исторических сочинений. Остальное — это плод его художественного творчества. В поэме «Поэтическое искусство» Н. Буало-Депрео ставил перед художниками слова задачи, слишком отличные от тех, ради решения которых работают историки:

*Прекрасных вымыслов плетя искусно нить,
Эпический поэт их может оживить
И, стройность им придав, украсить своевольно. <...>
Без этих вымыслов поэзия мертва,
Бессильно никнет стих, едва ползут слова,
Поэт становится оратором холодным,
Сухим историком, докучным и бесплодным.*

Некоторые мифы о Полтавской битве принадлежат к области устного предания. Полтавская битва, гордость за которую вошла в матрицу исторического сознания русских людей уже в XVIII столетии, стала предметом литературно-художественной «доработки» вскоре же после того, как отзвучали залпы орудий. Многие люди, так или иначе связанные с этим событием, рассказывая о нём, стремились поднять таким способом свой собственный престиж, значимость своих предков, рода, вызвать особый интерес собеседника и т. п.

Один из таких мифов зафиксировал путешествовавший по России в течение ряда лет англичанин У. Кокс. 21 августа 1779 г. он посетил в старой столице дом московского генерал-губернатора князя Михаила Никитича Волконского (1713–1788). Князь известен, в частности, тем, что сыграл важную роль в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г., который возвёл на российский престол Екатерину II — он получил тогда крупное пожалование в 5000 руб. Тогда он был генерал-аншефом, подполковником лейб-гвардии Конного полка. Вот как У. Кокс описал произошедшее в 1779 г. знакомство: «Князю шестьдесят седьмой год. Он помнит Петра Великого и описывает его как человека огромного роста в шесть футов, крепкого и хорошо сложенного, с трясущейся головой, которого часто подёргивали судороги, присовокупив, что он носил обыкновенно зелёный мундир или коричневый длинный сюртук и замечательно тонкое бельё. Его коротко остриженные чёрные волосы не были напудрены, и он не носил усов (!? — П.К.). Князь забавлял нас анекдотами об этом великом монархе, из коих один был передан ему князем Меншиковым»¹⁴⁴. Информатором, на которого сослался М.Н. Волконский, скорее всего, был светлейший князь генерал-аншеф Александр Александрович Меншиков (1714–1764), сын «полудержавного властелина».

Приведём эту «полтавскую историю», как она записана У. Коксом: «После Полтавской битвы, когда его отец князь Волконский

преследовал Карла XII с отрядом лёгкой конницы, к нему подскакал адъютант, передавший от Меншикова приказание остановиться; он повиновался, но послал к князю ординарца сказать, что он преследовал короля шведского и уже почти нагонял его. Меншиков был чрезвычайно удивлён, получив это известие, так как он никому не давал приказания прекратить преследование; его мнимого адъютанта никто более не видал. Так как Пётр не повелел разыскать того, кто спас его величайшего врага от плена, то подозревали, что он сам придумал эту уловку, чтобы не иметь в руках пленного, которого ему не захотелось бы отпустить на свободу и, вместе с тем, неприятно было бы долго держать в плену»¹⁴⁵.

Приведённое предание содержит ряд утверждений, не согласующихся с достоверными источниками 1709 г. В «Ордере де баталии войск российских и свейских» сказано, что командовал шестью драгунскими полками, образовывавшими левый фланг русской армии, выстроившейся против шведов на Полтавском поле, генерал-майор от кавалерии Волконский. Он пребывал в непосредственном подчинении именно светлейшего князя А.Д. Меншикова. Шведский король действительно находился рядом, ближе к правому флангу собственных войск — соответственно напротив русского левого крыла. Однако какой из двух представителей рода Волконских, имевших тогда генерал-майорский чин, мог преследовать шведского короля на Полтавском поле?

Есть основание полагать, что это был генерал-майор кавалерии Александр Иванович (Семёнович, Григорьевич ?¹⁴⁶) Волконский. В «Ведении о драгунских полках, которые ныне под командою генерала-лейтенанта Боура обретаются, а во время генеральной баталии с неприятелем королем шведским под Полтавою июня 27-го дня были...» за подписью Б.П. Шереметева (1709) сказано следующее: «С левого крыла при протчих полках, а имянно с Ингермоландским, Лейб-регimente... под командою генерал-маеора князь Александра Волконского: Киевской — 652, Вяцкой — 610»¹⁴⁷. Драгунские Ингермоландский, Лейб-регiment и Киевский полки действительно сражались на левом крыле боевой линии русских войск под началом А.Д. Меншикова и Волконского. Однако Вятский драгунский полк был, согласно «Ордеру...», на правом крыле под командой Р.Х. Боура. Последняя неточность не должна подрывать доверия к утверждению Б.П. Шереметева о том, что командовал кавалерией русского левого фланга А.С. Волконский. Отец рассказчика М.Н. Волкон-

ского князь Никита Фёдорович Волконский никак не мог командовать войсками на поле Полтавской битвы. Он, будучи записан в Преображенский полк, только в 1712 г. в числе других молодых людей был послан для обучения в школу в Ревель¹⁴⁸. По всей видимости, князь Григорий Семёнович Волконский командовал конным корпусом, образовавшим после отступления от редутов конный резерв из шести драгунских полков к северу от ретраншемента. Этот корпус занимал пространство приблизительно между балкой речки Побыванки и оврагами, спускавшимися к Ворскле. Его участия в решающей схватке на второй фазе битвы за редутами не потребовалось.

Итак, князь Н.Ф. Волконский, отец московского генерал-губернатора (в 1770–1780 гг.) М.Н. Волконского, никак не мог преследовать Карла XII, пытавшегося спастись от пленения на Полтавском поле. Очевидно, рассказчик играл на том, что в битве участвовали два генерал-майора от кавалерии Волконских. Наверное, не располагая документами, он невольно приписывал своему отцу столь интересный «факт», вымысел по истории битвы, следуя услышанному им преданию.

Собирателем рукописей и исторических вещей П.Ф. Карабанов (1764–1851), знакомый со многими выдающимися личностями, записал другой вариант приведённого предания. На этом примере, сопоставляя оба варианта, можно увидеть, как эти устные рассказы могли трансформироваться в устной традиции. Нетрудно заключить, что именно рассматриваемое здесь предание имеет художественно-литературную природу, является вымыслом, и его нельзя рассматривать как исторический источник. Вот этот рассказ: «По разбитии шведов под Полтавою за бежавшим неприятелем отряженная погоня настигла его у Переволочны. Всё было взято в плен, кроме Карла XII с его свитою, ушедшего на противоположный берег реки; оставалось только переправиться за оную. В пушью тревогу является ген.-майор князь Григорий Семенович Волконский, украшенный белою перевязью через плечо, с царским указом остановить погоню и вмиг уезжает. Между тем начавшаяся пересылка, как и чрез кого объявлено повеление, сделала остановку и дала Карлу время избавиться от плена. Впоследствии открылось, что это сделано было с намерением и что царю побег королевский, так сказать, развязывал руки»¹⁴⁹.

Таким образом, во втором варианте предания действие перенесено с Полтавского поля на берег Днепра к Переволочне. Герой

предания в его первом варианте преследует Карла XII, во втором — напротив, мешает своими необъяснимыми действиями захватить шведского короля в плен. Примечательно, что главные герои обоих вариантов предания носят фамилию Волконский, но это разные люди. Второй вариант имеет внешнюю форму исторического анекдота, даже некой байки-сказки с внешними эффектами: князь с «белою перевязью через плечо», «с царским указом», «в миг исчезает». Имеющееся во втором предании объяснение указа русского монарха вообще прямо противоречит реальности: Пётр I очень желал взять в плен суверена европейского государства. Престиж выигранной битвы не в последнюю очередь определялся «представительностью», положением на лестнице государственных чинов павших и пленённых неприятелей. Король же представлял собой вершину иерархической пирамиды иностранного государства. Историк русской литературы XVIII в. Е.К. Никанорова пишет: «Являясь фиксацией или отголоском слухов, преданий и легенд, связанных с именем определённого исторического лица, литературный анекдот сохраняет связь с фольклором, что проявляется как в трактовке образа главного героя (или конфликта), так и в наличии, уже в письменной традиции, нескольких версий одного события»¹⁵⁰.

Подводя общий итог исследованию феномена сильного влияния русского писателя середины XVIII столетия П.Н. Крёкшина на отечественных историков последующих веков, следует воздать должное его силе убедительности как художника слова. Как ни удивительно на первый взгляд, процесс освобождения от литературно-художественных мифологем, историографических мифов, рождённых в век Просвещения, продолжается и поныне.

¹ Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. XVI. С. 628; Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. С. 54; Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 13. С. 372; *Моисеева Г.Н.* Крёкшин Пётр Никифорович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 145; Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Редактор-составитель Э.П. Карпеев. М., 2001. С. 85; *Мезин С.А.* Первый биограф Петра Великого Пётр Никифорович Крёкшин // Петровское время в лицах — 2008: Материалы научной конференции. К 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008). СПб., 2008. С. 169.

² См. историографию дискуссии об «ё» и месте ударения в фамилии Крёкшин: *Мезин С.А.* Первый биограф Петра Великого Пётр Никифорович Крёкшин. С. 174. Современные представители рода произносят «ё», но пишут фамилию в документах через «е». Автор книги, кроме цитат из документов XVIII в., трудов С.А. Мезина и других принципиальных противников «ё», везде пишет в этой фамилии «ё».

³ РГАДА. Ф. 1455 (Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв.). Оп. 3. Д. 199. Л. 1—3.

⁴ Шумков А.А. Крёкшины // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 107; РГИА. Ф. 878 (Мордвиновы). Оп. 2, 1681 г. Д. 395. Л. 1. Выводная грамота помещика Г.Н. Крёкшина его крестьянке на замужество (1681).

⁵ РГИА. Ф. 878. Оп. 2, 1703 г. Д. 425. Л. 1—3.

⁶ Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщённых известий и словесных преданий. СПб., 1772. С. 98.

⁷ Голиков И.И. Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славных Полтавских победы и предшествовавшие измены Мазепы. Т. 15. С. 153.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 119 (Петроградская духовная консистория). Оп. 112. Д. 22. Л. 873.

⁹ Там же. Д. 44. Л. 594 об.

¹⁰ Там же. Д. 48. Л. 507; Д. 54. Л. 610.

¹¹ Там же. Д. 115. Л. 124.

¹² РГАДА. Ф. 1455. Оп. 6. Д. 669. Л. 7.

¹³ ЦГИА. Ф. 119. Оп. 111. Д. 2. Л. 59 об.

¹⁴ Там же. Оп. 112. Д. 22. Л. 873.

¹⁵ Там же. Д. 44. Л. 594 об.

¹⁶ Там же. Д. 48. Л. 507.

¹⁷ Там же. Д. 48. Л. 507; Д. 54. Л. 610.

¹⁸ Там же. Д. 115. Л. 124.

¹⁹ Там же. Д. 171. Л. 660.

²⁰ Там же. Д. 44. Л. 594 об.; Д. 48. Л. 507; Д. 54. Л. 610.

²¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1957. Л. 5.

²² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 115. Л. 1.

²³ Мезин С.А. Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991. С. 24.

²⁴ Голиков И.И. Дополнение к «Деяниям Петра Великого»... Т. 15. С. 152.

²⁵ Там же. С. 152—153.

²⁶ Евгений, митрополит. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1. С. 316.

²⁷ РГАДА. Ф. 26 (Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I). Оп. 1. Ч. 2. Д. 69. Л. 58.

²⁸ Там же. Д. 85. № 30.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 575. № 126. С. 17.

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ Рабинович М.Д. Полки Петровской армии. 1698—1725: Краткий справочник. С. 38.

³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 25. Кн. 1658. Л. 49.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 22. Л. 867 об., 873.

³⁴ Там же. Д. 171. Л. 656, 660.

³⁵ ОР РНБ. Книга новых поступлений. 1969—1973. С. 76. № 24. Документ 1. Л. 1.

³⁶ РГАВМФ. Ф. 235 (Контора по строению канала им. Петра Великого, гаваней и зданий в Кронштадте). Оп. 1. Д. 6. Л. 4—5 об.

³⁷ Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 489.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1. Л. 102.

³⁹ Там же. Д. 10. Л. 166.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 5 об.—6, 439.

⁴¹ Там же. Л. 224.

⁴² ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. XIII. С. 934.

⁴³ Немного левее, ниже по течению Невы от того места, где нынешний проспект Чернышевского (б. Воскресенский) упирается в набережную.

⁴⁴ Спасский И.Г. 1. Первое трёхлетие Петербургского монетного двора (1724—1727) // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1986. Т. XXVI. С. 38, 42—44; 2. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1970. С. 165; Спасский И.Г., Юхт А.И. Финансы. Денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 142—143; Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 57; Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716—1720, 1726—1727 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2000. Т. X. С. 399.

⁴⁵ Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крёкшина // Сахаров И.П. Записки русских людей. События времён Петра Великого. СПб., 1841. Пагинация 2-я. С. [1]; Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. С. 115; Пешич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1971. Ч. 3. С. 129; Мезин С.А. Русский историк И.И. Голиков. С. 26.

⁴⁶ Голиков И.И. Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славных Полтавских победы и предшествовавшие измены Мазепы. Т. 15. С. 153.

⁴⁷ Н.Ч. Крёкшин Пётр Никифорович // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. 9. Стб. 423.

⁴⁸ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. С. 99.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 25. Кн. 1658. Л. 49.

⁵⁰ Н.Ч. Крёкшин Пётр Никифорович. Стб. 423.

⁵¹ Калязина Н.В., Калязин Е.А. Неизвестные страницы совместной деятельности П.М. Еропкина, А.К. Нартова, П.Н. Крёкшина в «Комиссии о весах и мерах» (1736—1742 годы) // Петербургские чтения — 97: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1997. С. 35.

⁵² РГАДА. Ф. 248. Оп. 25. Кн. 1655. Л. 329 об.

⁵³ Голиков И.И. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. 2-е изд., испр., доп. М., 1798. С. 2.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 167. Л. 44.

⁵⁵ Есипов Г.В. Эпизод из жизни Крёкшина // Древняя и Новая Россия. СПб., 1878. № 4. С. 341.

⁵⁶ Толочко А.П. «История российская» Василия Татищева: источники и известия. С. 65—66.

⁵⁷ Соловьёв С.М. Распоряжение Сената относительно бумаг Петра Великого. 1-го июля 1751 года // РА. 1873. Кн. 1. Стб. 777.

⁵⁸ Там же. Стб. 778.

⁵⁹ Там же. Стб. 777.

⁶⁰ Николаева М.В. Из истории русской повествовательной литературы первой половины XVIII века («Сказание о Петре Великом» П.Н. Крёкшина) // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Л., 1958. Т. 170. С. 16.

⁶¹ Есипов Г.В. Эпизод из жизни Крёкшина. С. 339.

⁶² ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. 312. Л. 116 об., 123 и 126.

⁶³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 57. Л. 117, 132.

⁶⁴ Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. С. 162.

⁶⁵ Шмурло Е.Ф. Пётр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912.

С. 48; пагинация 2-я. С. 53–55; *Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. С. 162.

⁶⁶ *Есипов Г.В.* Эпизод из жизни Крёкшина. С. 340.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 4. Л. 21.

⁶⁹ РГАВМФ. Ф. 315 (Материалы по истории русского флота). Оп. 2. Д. 265. Л. 1; ОР РНБ. Ф. 588 (Древлехранилище М.П. Погодина). Оп. 2. № 1732. Л. 1; Архив СПБНИИ РАН. Ф. 238 (Собр. Н.П. Лихачева). Оп. 1. Д. 492. Л. 3.

⁷⁰ Цит. по: *Буало.* Поэтическое искусство. М., 1957. С. 83.

⁷¹ *Сахаров А.Н., Боханов А.Н.* История России. XVII–XIX века: Учебник для 10 класса общеобразовательных учебных заведений / 3-е изд. М., 2005. С. 124. Тот же выдуманый П.Н. Крёкшиным «факт» изложен как реальный в следующих учебниках: *Данилов А.А., Косулина Л.Г.* История государства и народов России XVI–XVIII вв. М., 2004. С. 179; *Буганов В.И., Зырянов П.Н., Сахаров А.Н.* История России. Конец XVII – XIX век / 12-изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 22; *Пчёлков Е.В.* История России. XVII – XVIII века: Учебник для 7-го класса основной школы / 5-е изд. М., 2006. С. 130.

⁷² ГСВ. Вып. 1. С. 304.

⁷³ [Weihe F.C.] Löjtnanten Fr. Chr. von Weihe's dagbok. 1708–1712. S. 61.

⁷⁴ См.: *Энгелунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 156.

⁷⁵ *Артамонов В.А.* «Генеральная баталия». С. 233.

⁷⁶ *Энгелунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 171.

⁷⁷ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 265. Л. 1. — Список сочинения П.Н. Крёкшина «Журнал великославных дел великого государя императора Петра Первого, самодержца Всероссийского, содержащий в себе лето от первого дни Адама 7217, по Рождестве Иисус Христове 1709, собранный новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в царствующем граде Санкт-Петербурге в лето Спасительного воплощения 1753, от зачатия царствующего града Санкт-Петербурга 50».

⁷⁸ [Крёкшин П.Н.] Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 282.

⁷⁹ *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славные Полтавские победы и предшествовавшие измены Мазепы. Т. XV. С. 360–361.

⁸⁰ Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 246–315.

⁸¹ *Карцов П.П.* История лейб-гвардии Семёновского полка. 1683–1852. СПб., 1852. С. 94–95; *Азанчевский 1-й М.* История Преображенского полка. М., 1859. С. 104; *Леер Г.А.* Пётр Великий как полководец (характеристика) // ВС. 1865. № 4. Отд. неофиц. С. 219; *Погоский А.Ф.* Нарва и Полтава. СПб., 1872. С. 64; *Дурин П.* История лейб-гвардии Семёновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 95; *Гудим-Левкович П.К.* Северная война // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1885. Ч. 1. С. 71; *Пузыревский А.К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. С. 309; *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. С. 140; *Михневич Н.П.* История военного искусства с древнейших времён до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1895. С. 329; *Игнатович Д.* История 85 пехотного Его Императорского Королевского Величества императора Германского, короля Прусского Вильгельма II полка. С. 51; *Попов В.И.* История 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра I-го полка. 1703–1903. Калуга, 1903. С. 15; *Геништа В.И., Борисевич А.Т.* История 30-го драгунского Ингерманландского полка. 1704–1904. СПб., 1904. Ч. 1. С. 13; *Баиов А.К.* Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. II. С. 185; *Российский М.А., Сухомлин С.А.* Военная история: Курс военных и юнкерских училищ. М., 1902. Ч. 1. С. 89; *Российский М.А.* Очерк

истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. М., 1904. С. 52; *Григорович А.И.* История 37-го драгунского военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. СПб., 1907. Т. 1. С. 29; *Андрианов П.М.* 1. Пётр и Полтава. СПб., 1909. С. 52; 2. Полтавская битва. Одесса, 1909. С. 21; *Павловский И.Ф.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и её памятники. 2-е изд. Полтава, 1909. С. 48–49; *Юнаков Н.Л.* Полтава (27 июня 1709 г.) // РС. 1909. № 7. С. 17–18; *Ляскоронский В.Г.* Поход Карла XII в 1708–1709 гг. в пределы России // Военно-исторический вестник. 1910. № 3–4. С. 93; *Marsengo M.* La battaglia di Poltava. Roma, 1910. P. 87–88; *Безбах С.А.* Полтавское сражение (27 июня 1709 г.). М., 1939. С. 49–51; *Плотицын В.* Разгром шведских захватчиков // Исторический журнал. 1939. № 7. С. 119; *Панов В.А.* Пётр I как полководец. М., 1940. С. 75; *Базилевич К.В.* Пётр I — основоположник русского военного искусства // Большевик. 1945. № 11–12. С. 42; *Козаченко А.И.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 года. М., 1945. С. 38; *Тельпуховский Б.С.* 1. Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 128; 2. Полтавская битва. М., 1947. С. 42–43; 3. Полтавская битва // ВВ. 1949. № 13. С. 30; *Порфирьев Е.И.* 1. Пётр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952. С. 205, 206; 2. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М., 1959. С. 79; *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 399; *Бескровный Л.Г.* 1. Стратегия и тактика русской армии в Полтавский период Северной войны // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 55; 2. Полтавская победа (К 250-летию Полтавского сражения) // ВИ. 1959. № 12. С. 55; *Никифоров Л.А.* Полтавская битва и её историческое значение // Преподавание истории в школе. 1973. № 1. С. 19; История Северной войны 1700–1721 гг. С. 85; *Злаин А.И.* Полтавская битва. М., 1988. С. 100–101; *Артамонов В.А.* «Генеральная баталия». С. 233–234; *Корх А.С.* Пётр I. Северная война 1700–1721. М., 1990. С. 50.

⁸² *Молтусов В.А.* Полтавская битва. Новые факты и интерпретация: Дисс. ... канд. ист. наук. С. 179.

⁸³ Там же. С. 180.

⁸⁴ Там же. С. 181.

⁸⁵ *Беспалов А.В.* 1. Северная война. Карл XII и шведская армия. М., 2000. С. 159; 2. Сподвижники Карла XII. М., 2003. С. 47, 103, 104; 3. «Преславная виктория». 295-летию Полтавского сражения посвящается // Рейтар. 2004. № 6. С. 86; № 7. С. 30–31; *Артамонов В.А.* Боевой дух армий России и Швеции 1700–1714 гг. (На материалах полевых сражений). С. 158.

⁸⁶ *Баиов А.К.* Предисловие // ТИРВИО. Т. III. С. IV–VI.

⁸⁷ Там же. С. V.

⁸⁸ *Кафенгауз Б.Б.* Полтавская битва // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 52–53.

⁸⁹ *Богуславский Г.А.* О «дневнике полтавского коменданта Келина» // ВА. 1962. № 4. С. 80.

⁹⁰ Там же. С. 83.

⁹¹ *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 399.

⁹² Ср. с опубликованным вариантом сочинения П.Н. Крёкшина: Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 273–274.

⁹³ *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 387.

⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1732. Л. 38 об.—39. — Список сочинения П.Н. Крёкшина «Журнал великославных дел великого государя императора первого Петра Великого, самодержца Всероссийского». Том 28.

⁹⁵ *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славные Полтавские победы и предшествовавшие измены Мазепы. Т. 15. С. 330.

⁹⁶ Например: *Безбах С.А.* Полтавское сражение (27 июня 1709 г.). С. 38; *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. С. 117, 120; *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика русской армии в Полтавский период Северной войны. С. 55; *Порфирьев Е.И.* Полтавское сражение 27 июня 1709 г. С. 62; *Никифоров Л.А.* Полтавская битва и её историческое значение. С. 18; *Злаин А.И.* Полтавская битва. С. 77–78, 82, 98.

⁹⁷ *Артамонов В.А.* «Генеральная баталия». С. 229.

⁹⁸ *Павленко Н.И.* Пётр Великий. С. 308.

⁹⁹ *Adlerfeld G.* Histoire militaire de Charles XII, Roi de Suède. Amsterdam, 1740. Т. 3. Р. 462.

¹⁰⁰ См.: *Плюханова М.Б.* История юности Петра I у П.Н. Крёкшина // Учёные записки Тартуского государственного университета. 1981. Вып. 513. С. 27.

¹⁰¹ *Дневник военных действий Полтавской битвы.* С. 273.

¹⁰² *Российский М.А.* Очерк истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. С. 47; *Безбах С.А.* Полтавское сражение (27 июня 1709 г.). С. 31, 37; *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. С. 113, 114; *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 388; *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика русской армии в Полтавский период Северной войны. С. 52, 53; *Злаин А.И.* Полтавская битва. С. 81, 82.

¹⁰³ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1732. Л. 38 об.–39.

¹⁰⁴ [*Крёкшин П.Н.*] Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 274.

¹⁰⁵ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 265. Л. 37 об.

¹⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. № 1732. Л. 38 об.

¹⁰⁷ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 7–14.

¹⁰⁸ *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славные Полтавские победы и предшествовавшие измены Мазепы. Т. 15. С. 331.

¹⁰⁹ *Плюханова М.Б.* История юности Петра I у П.Н. Крёкшина. С. 26.

¹¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹¹ *Кротов П.А.* Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006. С. 76–78.

¹¹² *Шмидт С.О.* «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 102.

¹¹³ [*Ригельман А.И.*] Летописное повествование о Малой России и её народе и казаках вообще [...]. М., 1847. Ч. 3. Стб. 79–80.

¹¹⁴ *Ригельман А.И.* Анекдоты о Петре Великом (Из собранных господином Ригельманом, автором «Малороссийской истории» и проч., жившим в царствование Екатерины II) // Москвитянин. 1842. № 1. Стб. 85–86.

¹¹⁵ Там же. С. 86.

¹¹⁶ *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славные Полтавские победы и предшествовавшие измены Мазепы. Т. XV. С. 330; *Азанчевский 1-й М.* История Преображенского полка. С. 102; *Дирин П.* История лейб-гвардии Семёновского полка. С. 93; *Леер Г.А.* Пётр Великий как полководец (характеристика) С. 215; *Погоский А.Ф.* Нарва и Полтава. С. 60; *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. С. 136; *Мержеиовский Э.* История 13-го пехотного Белозёрского генерал-фельдмаршала графа Ласси полка (1708–1893). Варшава, 1894. С. 34; *Каменский Е.С.* История 2-го драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка. 1707–1898 гг. М., 1899. Т. 1. С. 79; *Игнатович Д.* История 85 пехотного Его Императорского Ко-

ролевского Величества императора Германского, короля Прусского Вильгельма II полка. С. 47; *Андреанов П.М.* 1. Пётр и Полтава. С. 40; 2. Полтавская битва. Одесса, 1909. С. 17; *Баюв А.К.* Курс истории русского военного искусства. Вып. II. С. 176; *Ляскоронский В.Г.* Поход Карла XII в 1708–1709 гг. в пределы России. С. 85; *Marsen-go M.* La battaglia di Poltava Р. 72–73; *Тельпуховский Б.С.* 1. О стратегии и тактике Петра I // ВМ. 1944. № 8–9. С. 82; 2. Полтавская битва. С. 32; *Порфирьев Е.И.* 1. Пётр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. С. 196; 2. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. С. 60; *Бескровный Л.Г.* Полтавская победа (К 250-летию Полтавского сражения). С. 54; *Никифоров Л.А.* Полтавская битва и её историческое значение. С. 18; *Злаин А.И.* Полтавская битва. С. 71, 77, 82; *Павленко Н.И.* И пробил час // Родина. 1997. № 10. С. 71.

¹¹⁷ См.: *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого». С. 332–337, 348–350, 358; *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. II. С. 329–330, 352; *Азанчевский 1-й М.* История Преображенского полка. С. 102; *Дирин П.* История лейб-гвардии Семёновского полка. С. 93–94, 96; *Российский М.А.* Очерк истории 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. С. 51; *Андреанов П.М.* Пётр и Полтава. С. 40, 44, 50, 52, 54; *Павловский И.Ф.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и её памятники. С. 39–41, 46; *Ляскоронский В.Г.* Поход Карла XII в 1708–1709 гг. в пределы России. С. 85–86, 92; *Безбах С.А.* Полтавское сражение (27 июня 1709 г.). С. 27–28, 39, 46, 48, 49, 53, 55; *Панов В.А.* Пётр I как полководец. С. 74, 76; *Козаченко А.И.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 года. С. 33–34, 42; *Тельпуховский Б.С.* 1. Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. С. 116, 120, 127; 2. Полтавская битва. С. 44; *Епифанов П.П.* Полтавская битва 1709. – 8. VII. – 1959. М., 1959. С. 29; *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 397–399, 402, 404, 405; *Злаин А.И.* Полтавская битва. С. 69–70, 76–77, 104; *Павленко Н.И.* Пётр Великий. С. 309, 314; *Беспалов А.В.* Северная война. Карл XII и шведская армия. С. 157.

¹¹⁸ *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. С. 398–399.

¹¹⁹ *Сахаров А.Н., Боханов А.Н.* История России. XVII–XIX века: Учебник для 10 класса общеобразовательных учебных заведений / 3-е изд. М., 2005. С. 124.

¹²⁰ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 8.

¹²¹ [*Крёкшин П.Н.*] Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 281.

¹²² О жанре хрии см.: *Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001. С. 28.

¹²³ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 265. Л. 37 об.

¹²⁴ *Кафенгауз Б.Б.* Полтавская битва. С. 53.

¹²⁵ *Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. С. 119.

¹²⁶ *Шарыткин Д.М.* Русские дневники шведов-полтавских пленников. С. 81–85.

¹²⁷ Там же. С. 70–72.

¹²⁸ ГСВ. Вып. 1. С. 305.

¹²⁹ [*Крёкшин П.Н.*] Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 282. В XVIII в. для измерения расстояний употреблялись сажени, составлявшие 216 см (трёхаршинная) и 213,36 см, то есть приравненная к семи английским футам.

¹³⁰ Neu-eröffneter Welt- und Staats-Spiegel [...]. Th. 1. S. 132.

¹³¹ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 163.

¹³² Там же. С. 130.

¹³³ *Беспалов А.В.* 1. Северная война. Карл XII и шведская армия. С. 159; 2. «Преславная виктория». 295-летию Полтавского сражения посвящается // Рейтар. 2004. № 6. С. 85; 3. Битвы Великой северной войны. С. 173.

¹³⁴ [Крёкшин П.Н.] Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 282.

¹³⁵ Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 154–155; Беспалов А.В. 1. Северная война. Карл XII и шведская армия. С. 158; 2. «Преславная виктория». 295-летию Полтавского сражения посвящается // Рейтар. 2004. № 7. С. 43; 3. Битвы Великой северной войны. 1700–1721. С. 172; Frost R.I. The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe. P. 292.

¹³⁶ [Крёкшин П.Н.] Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 290.

¹³⁷ Там же. С. 293.

¹³⁸ Там же. С. 273–274.

¹³⁹ Кротов П.А. П.Н. Крёкшин и сотворение мифов о Полтавской битве 1709 г. // Меншиковские чтения – 2006. СПб., 2006. С. 68–73.

¹⁴⁰ Беспалов А.В. 1. Северная война. Карл XII и шведская армия. С. 159; 2. Сподвижники Карла XII. С. 47, 103, 104; 3. «Преславная виктория». 250-летию Полтавской битвы посвящается // Рейтар. 2004. № 6. С. 86; № 7. С. 30–31; Молтусов В.А. Полтавская битва. Новые факты и интерпретация: Дисс. ... канд. ист. наук. С. 179; Артамонов В.А. Боевой дух армий России и Швеции 1700–1714 гг. (На материалах полевых сражений). С. 158.

¹⁴¹ Кротов П.А. П.Н. Крёкшин и сотворение мифов о Полтавской битве 1709 г. С. 74.

¹⁴² Voltaire. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. P. 388–389.

¹⁴³ См. его описание Полтавской битвы: Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. С. 127–136.

¹⁴⁴ [Кокс У.] По России и Польше в исходе XVIII века: Путевые впечатления англичанина. 1779–1785 гг. // РС. 1907. Кн. 10. С. 181–182.

¹⁴⁵ Там же. С. 182.

¹⁴⁶ Я.В. Брюс обращался в своих письмах (1707) именно к полковнику князю Александру Ивановичу Волконскому, хорошо ему известному (Архив ВИМА-ИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 263 об., 266, 267 об., 268). 17 января 1709 г. А.И. Волконский был произведён в чин генерал-майора от кавалерии (РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 39. Л. 39). – Ср.: 1. Воынской Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ея в Великой северной войне. СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 1. С. IX; 2. Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. С. 254.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 273.

¹⁴⁸ Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 670.

¹⁴⁹ Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П.Ф. Карабановым // РС. 1871. Т. IV. С. 585–586.

¹⁵⁰ Никанорова Е.К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. С. 29.

Глава V

ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ПРЕСЛАВНОЙ ВИКТОРИИ»

ТОРЖЕСТВА В 1709 г.

Полтавский триумф русского оружия дал в руки государственному аппарату российской абсолютной монархии самые серьёзные и нефальшивые основания для пропаганды исторической правильности выбранного Петром I курса развития страны, для прославления дел самого монарха. Полтавская виктория с самого дня победы и до наших дней сохраняет своё значение в системе пропагандистских усилий Российского государства. Не требует объяснений тот факт, что при жизни Петра Великого значение этого события в системе государственной пропаганды было ещё бóльшим, чем ныне. Через возвеличивание Полтавской победы славился весь режим абсолютистской самодержавной государственности, созданный в годы правления Петра Великого. Через это событие славилось новое ве-

ликодержавное положение России среди европейских держав. Столь славная победа над армией высокомилитаризованной военной державы Швеции подавалась как историческое оправдание курса преобразований Петра Великого. Пропаганда шла по многим направлениям и была мощным средством формирования общественного мнения внутри страны и за её пределами.

Неизвестный мастер.
Наградной портрет Петра I.
1709 (?)
ГИМ

Г.С. Мусиковский.
Портрет А.Д. Меншикова. 1709
ГЭ

*Пирует Пётр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своём он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.*

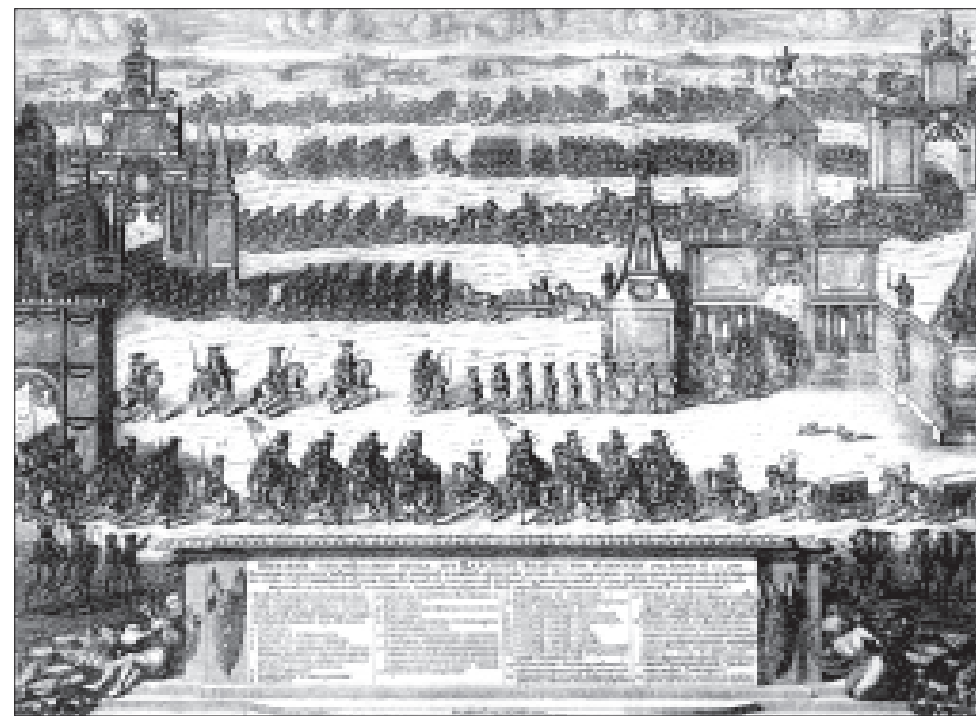
А.С. Пушкин

Торжества на Полтавских полях начались уже в день победы. В походном журнале монарха записано, что 27 июня в ставке у светлейшего князя А.Д. Меншикова Пётр I «кушал со всеми министры». На пиру «за столом» были и высокопоставленные шведские пленники: первый министр и начальник Походной канцелярии короля граф К. Пипер, генерал-фельдмаршал К.Г. Рёншильд, генерал-майоры К.Г. Руус, Б.О. Стакельберг и В.А. фон Шлиппенбах, а также полковник принц Вюртембергский Макс Эммануэль¹. После обеда царь, демонстрируя великодушие к побеждённым, прилюдно вернул шпагу пленному генерал-фельдмаршалу К.Г. Рёншильду «со множеством других вежливостей»². Однако слова о заздравном кубке русского царя в честь своих шведских учителей, сведения о котором А.С. Пушкин почерпнул из сочинения Воль-

тера, скорее всего, являются красивым литературно-художественным вымыслом французского энциклопедиста. Документальной опоры легенде о тосте русского царя «за учителей» в источнике, современном событию, поныне ещё не найдено.

На третий день после битвы, 29 июня 1709 г., торжествам был придан уже церемониальный характер. Не случайно они прошли именно в тот день, а не 28-го или, к примеру, 30-го июня. На этот день приходились именины Петра I — день апостолов Петра и Павла (Петров день). Царский походный журнал сообщает о них без подробностей, обобщённо: «В 29-й день, то есть на праздник Петра и Павла, при воздаянии Богу благодарения, палили из пушек кругом всего нашего транжаменту трижды, также всею нашею армеею, конною и пешею, палили из мелкаго ружья трижды беглым огнем. Кушали у Царскаго величества все министры и генералы»³.

В воскресенье 10 июля «на том месте, где бой был», состоялся благодарственный молебен. В походном журнале царя сообщается: «...и поставлены были все полки вокруг и троекратно палили из пу-

А.Ф. Зубов.
Триумфальное вступление в Москву Петра I 21 декабря 1709 г. 1711
ГЭ

шек, также и из мелкого ружья, как пехота, так и конница»⁴. К сожалению, скупая на подробности запись не раскрывает деталей произошедшего грандиозного празднества на Полтавском поле. Это было торжество русской военной силы, триумф новой регулярной армии, навеки прославившей свои знамёна Полтавской победой.

Неизвестный живописец.
Портрет барона П.П. Шафирова.
XVIII в.
ГМК «Кусково»

В тот же день «благодарственного торжества о совершенной победе над неприятелями» царь пожаловал начальника Посольского приказа графа Г.И. Головкина в чин государственного канцлера и тайного советника, П.П. Шафирова — в чин подканцлера⁵.

На следующий день из-под Полтавы был отправлен по разным городам страны весь шведский «полон», а 13 июля армия двинулась от Полтавы в новый поход — Великая северная война продолжалась ещё около 12-ти лет.

22 июля царь прибыл в Киев. Там монарх пробыл до 15 августа 1709 г. В один из дней ректор Киево-Могилянской академии монах Феофан (Прокопович) прочитал «при всенародном собрании» в присутствии царя в Софийском соборе панегирик, или слово похвальное, в честь победы. Пышные славословия резонировали в древних сводах: «...преславной твоей победы величество и славу, пресветлейший наш монархо, не иным мерылом мерим, токмо силою и храбростию побежденного от тебе супостата, свирепством и лютостью льва свейскаго, ногою твоею попраннаго...»⁶.

Вершиной торжеств 1709 г. — года славной виктории при Полтаве — стало триумфальное вступление царя во главе русских войск в Москву 21 декабря. Для шествия были возведены, как показано в новейшем исследовании, восемь триумфальных врат. Выглядит закономерным, что к году, когда случилась Полтавская победа, путь триумфальных шествий в Москве был уже выработан и, так сказать, «нахожен». Триумфальные арки 1709 г. располагались фактически на тех же местах, что и в 1704-м.⁷

Как проходило триумфальное шествие 21 декабря 1709 г., читатель может увидеть глазами одного из его шведских «пассивных участни-

Неизвестный художник.
Рисунок с изображением триумфальных ворот по случаю Полтавской победы
из рукописи, поднесённой Петру I Н. Бидлоо.
1709

ков» — лейтенанта драгун Й.М. Люта, сдавшегося на Днепре при Переволочне. Его запись в дневнике достаточно подробна: «...рано утром все пленные шведские офицеры, унтер-офицеры и рядовые были подняты и построены так: первыми стояли рядовые, далее унтер-офицеры, корнеты и фендрики, за ними лейтенанты, капитаны и ротмистры, которые предваряли майоров, подполковников и полковников. Затем следовали генералы по трое в ряд, заключали колонну фельдмаршал Реншельд и граф Пипер, все безоружные. За фельдмаршалом несли носилки нашего всемилостивого короля, которые он оставил во время сражения, пересев на коня, далее следовали литавры, знамёна и в конце — артиллерия. Когда всё было выстроено в таком порядке, началось так называемое триумфальное шествие, в котором последним следовал царь с гвардейским Преображенским полком на конях и с обнажёнными шпагами. Мы прошли под семью триумфальными арками, одна дорожка другой, украшенными различными изображениями Полтавской битвы. С них разносились музыка и песни калмыков, казаков, а также татарские танцы и марши, направленные на осмеяние нас, пленных. Рядом с одной из триумфальных арок царь получил великолепное угощение, а с башни выстрелили пушки, вообще залпы раздавались по всему городу; в это время мы, пленные, должны были спокойно стоять до тех пор, пока мы не получили приказ маршировать дальше. Между триумфальными воротами лежало расстояние в четверть русской мили, на улицах с обеих сторон были развешены гобелены и дорожные покрывала, дома, как и улицы, были украшены яркими девизами и аллегориями. Во время шествия мы претерпели множество насмешек и издевательств от русских каналов, которые тысячами стояли по обе стороны дороги и были ужасно пьяны. Шествие длилось с утра до вечера, когда мы прошли через последние триумфальные ворота, расположенные напротив Немецкой слободы... голодные и усталые...»⁸.

Шведы с неудовольствием вспоминали о позоре их «триумфального» ввода в российскую столицу. Тот же лейтенант Й.М. Лют написал об этом дне так: «В этот день, бывший триумфальным для русских, праздновавших Полтавскую победу, мы, шведские пленные, часто вздыхали...»⁹. Один из участников триумфа (Ю.Г. фон Борнеман) писал об этом в стихах: «При виде побитого льва сердца трепетали в наших грудях». Другого чувствительного пленного шведа (лейтенанта О.М. Кребса) больше всего огорчило лицемерие одной из эмблем на триумфальных вратах — стреноженного льва,

которого вёл победитель-россиянин¹⁰. Ликование толп народа, каково оно было в тот год на улицах Москвы, передаёт в своих записях пленный шведский капрал Э.Л. Снепуст: «Да, все русские, у кого раскрывался рот, ликовали, орали во всю глотку, тыкали пальцами, трясли головами, скалили зубы и поносили нас гнусными словами на своём языке: Swinia, Suchna, grehiona mat, Smatri Swed, Wahi Kroll Pollon Sudi Budit и прочими ругательствами, которые стыдно и записать»¹¹. Пожалуй, можно отважиться привести следующую транслитерацию того, что слышали тогда шведские уши (конечно, исключая то, что «стыдно и записать»): «Свинья, чухна, греховна мать, сматри швед, ваш король [в] полон сюды будит».

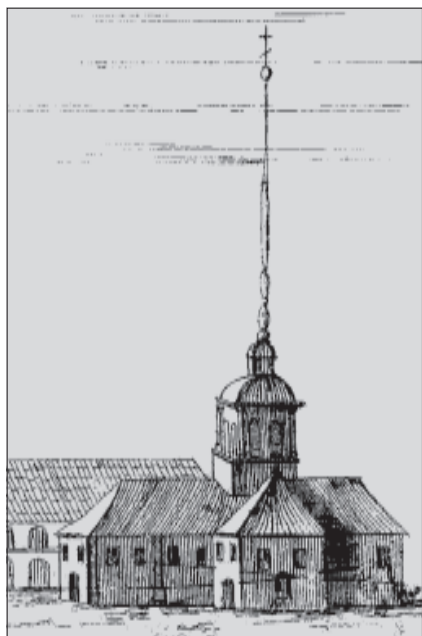
Московский триумф 21 декабря 1709 г. завершил Полтавские торжества Полтавского года России.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА

Начать сюжет о монументальной пропаганде можно с того впечатляющего факта, что Пётр I задумал возвести на поле победы у Полтавы каменную пирамиду. Этот факт свидетельствует, что сам монарх в полной мере осознавал величие содеянного в годы его правления, в том числе и колоссальное значение Полтавской победы. 17 июля 1709 г. царь распорядился: «...в знак и вечное напоминание той преславной виктории на том самом месте, где тот бой был <...> сделать пирамиду каменную...». Реализация проекта затянулась, и 29 апреля 1723 г. император, посетив Правительствующий сенат, вновь указал: «В память на Полтавских полях над швейскими войсками полученной виктории в пристойном месте, где та баталия была, сделать пирамид каменной из доходов Малороссийской коллегии и для того в тое Коллегию при указе послать рисунок»¹².

Впечатляющие достижения созданной им империи, как оказывается, Пётр Великий отмечал сооружением пирамид. Была ли подобная традиция во времена античности — это вопрос, требующий особого исследования. Можно допустить, что первый российский император в этих своих действиях был вполне оригинален. Возможно, он являлся первым и последним в этом своём начинании. В любом случае, как представляется, смысловая связь с имперской идеей времён античности, с идеей величия замыслов и дел императоров в этих действиях русского монарха наличествует. Дело в том, что в

общественно-политической жизни Древнего Рима императоры, согласно устойчивой традиции, должны были вести двуединую деятельность: военную и гражданскую. Даже те венценосцы, которые вступили на трон, не обладая прочной репутацией успешного полководца, желали получить таковую, разворачивая большие военные кампании. Многие повелители Рима (как впоследствии Пётр Великий) проводили значительную часть своего правления вне стен столичного города, лично возглавляя военные походы. Это давало им особый вес в армии — это был в те времена едва ли не главный залог успешного правления¹³. Тем же путём шёл Пётр I — заслуженный им авторитет в выпестованной им же регулярной армии давал монарху возможности проводить радикальные преобразования, которых не желала большая часть общества. Британский посланник Ч. Уитворт подмечал эту особенность правления Петра I уже в сентябре 1708 г.: «...хотя большинство знати, да и все почти подданные царя недовольны им, он, располагая армией, не боится никакого мятежа, сумев совершенно подчинить себе собственно русских; дикие же бунты, казачий или татарский, могут иметь значение только ввиду современных событий»¹⁴.

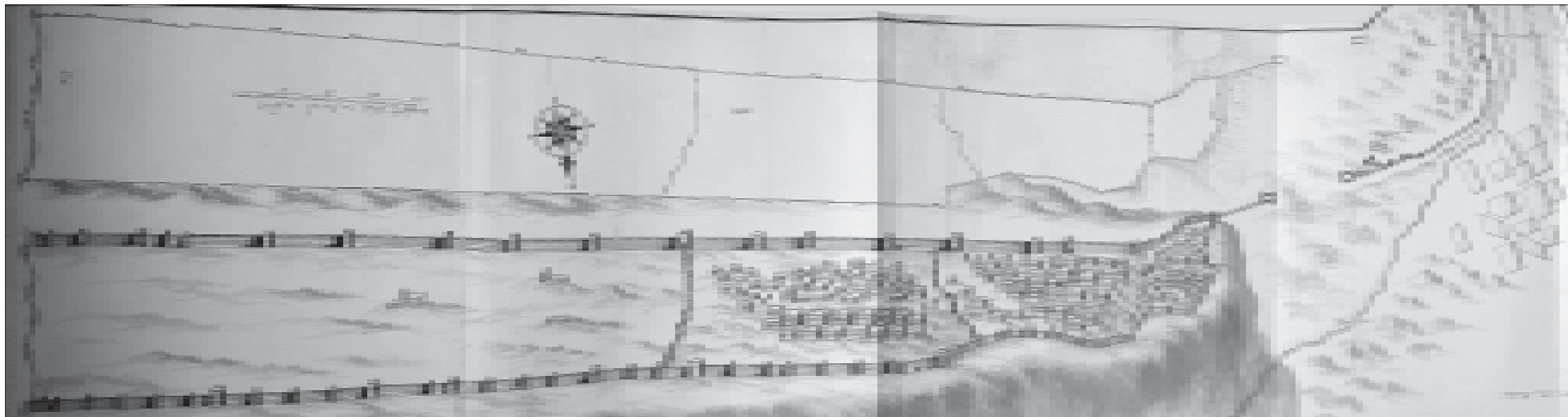

Г. де Вит.
Троицкий собор
на Санкт-Петербургском острове.
Фрагмент гравюры «Торжественный
ввод в Санкт-Петербург взятой
шведской эскадры 9 октября 1714 г.»
1714

О возведении пирамид как способе увековечивать память о великих деяниях правителей высказался 27 июня 1717 г. в петербургском храме Троицы Феофан (Прокопович), ректор Киево-Могилянской академии. Феофан был искренним сторонником проводившегося курса реформ. Он был вызван царём в Санкт-Петербург и прибыл в новую столицу в октябре 1716 г. Вскоре он вошёл в близкое окружение царя-преобразователя. Яркий пропагандист его деяний в своём «Слове похвальном о баталии Полтавской» оказался, впрочем, недостаточно осведомлённым. Недавно прибывший в новую российскую столицу церковный архиерей высказался с осуждением этой традиции как проявлении тщеславия. Он явно не ведал, что 15-ю годами ранее по велению

молодого монарха одна такая пирамида уже была сооружена. Он не учёл, что тогда уже разрабатывались проекты создания в столичном городе и триумфального столпа, и памятников Петру I. Что касается обличительного пафоса Феофана по данному вопросу, то стоит заметить, что точки зрения на сооружение пирамид, триумфальных столпов и других памятников монументальной пропаганды в память великих деяний во благо Отечества могут быть разные. Современные государственные деятели солидарны в этом вопросе, скорее, с Петром Великим: монументальная пропаганда — один из наиболее эффективных и, что особо важно, длительно воздействующих пропагандистских инструментов в арсенале власти. Показательно, что позднее владыка не высказывался более отрицательно по данному вопросу, а российский император продолжил сооружение пирамид. Неизвестно также, насколько Феофан был осведомлён о конкретных фактах прославления правителями древности собственных деяний путём возведения каменных пирамид. Возможно, он высказался в 1717 г. насчёт сооружения пирамид правителями прошлого только предположительно. Во всяком случае, примеры им не перечислены. Вот что произнёс в своём слове в годовщину Полтавской битвы пламенный проповедник: «Буди нам не в пример древний еллинских и римских и протчих славлюбивых людей обычай, которые великим иждивением сооружали столпы, и врата, и обелиски, и пирамиды, и иныя тропеи (от *trouaeum*. — *лат.* памятник победы, знак, победа, трофей. — *П.К.*) или победныя знамения, еже бы в них оставити неумирающую славных дел своих память последним веком»¹⁵.

В 1722 г. 14 августа, прибыв с войсками в крепость Тарки на Каспийском море, на далёкой южной границе Российской империи, император указал всем пребывавшим в войске, строевым и нестроевым, приготовить «по камню для строения пирамиды». На следующий день в 10-м часу утра после проведения литургии на том же месте, где она ранее прошла, как сказано в походном журнале, собственноручно писавшемся монархом, «в память сего лагара» — места стоянки русского воинства у южных пределов Отечества — была «зачата делать пирамида коническою фигурою». Для указания диаметра основания конуса и её высоты император оставил свободное место, сделав пометку напротив: «Спросить у Корчмина»¹⁶. Надо предполагать, майор гвардии В.Д. Корчмин руководил возведением этой пирамиды славы русского воинства. На следующий день, 16 августа 1722 г., войска двинулись далее к Дербенту.

Дербент.

Рисунок из Походной канцелярии Петра I. 1722
ОР БАН

Существует также поныне трёхгранная пирамида, сооружённая из валунов на отмели у острова Анзёр, — одном из островов Соловецкого архипелага. Её высота довольно значительна — 12 метров. Объём конуса пирамиды более 1800 м³; вес около 4500 тонн. Местное население связывает сооружение пирамиды с именем Петра I. Поморы Соловецких островов называют её «городок Петра Первого». На Соловках царь пребывал вместе с 4-тысячным отрядом гвардии в течение недели. Он прибыл на острова 10 августа 1702 г., а двинулись войска во главе с монархом на судах далее утром 16-го. Времени для сооружения пирамиды было вполне достаточно. Царь исполнял тогда один из своих великих замыслов: неожиданное для шведов овладение крепостью Нотебург (Орешек) в истоке Невы из Ладожского озера, выход к побережью Балтийского моря, основание города своих грёз, будущего Санкт-Петербурга, и начало строительства нового военно-морского флота. Царь, наверное, тогда вполне ощущал себя в начале великих дел. Впечатляющий след пребывания русского царя на далёком Севере — каменная пирамида — поныне будоражит умы, рождает фантастические предположения. Высказана даже мысль, что это культовое сооружение культуры древних саамов. Однако эту гипотезу подрывает то, что ни одного

подобного памятника в рамках этой археологической культуры более неизвестно. Петрозаводский исследователь северной эпопеи царя 1702 г. М.Ю. Данков выдвинул неожиданную гипотезу — предложил связать сооружение пирамиды на Соловках с идеями масонства¹⁷. Вот только никаких достоверных доказательств сопричастности Петра Великого идеям масонства поныне не выявлено.

Со слов и из записей самого Пётра Великого известно, что каменные пирамиды у крепости Тарки (1722) и на Полтавском поле (1709, 1723) он указывал сооружать «в память». Эти памятники носили, следовательно, мемориальный характер. Логично предположить, что и в августе 1702 г. царь думал таким же образом. Следовало увековечить память о собственном пребывании с войсками так далеко на севере России, посреди вод студёного Белого моря, у величественных стен Соловецкого кремля. Анзёрская пирамида Петра Великого 1702 г. — яркое свидетельство того, что уже в начале своих государственных деяний русский монарх в полной мере осознавал величие собственных военных и реформаторских замыслов.

Именно такое символическое значение обелиску, пирамиде придано в сборнике «Символы и эмблемата», напечатанном на русском языке в Амстердаме в 1705 г. Обелиску там соответствуют на разных языках девизы: «Доблесть (добродетель) мною прославляется»¹⁸. На титульном листе этой книги говорится, что она издана по указу

«императора (! — П.К.) великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича...». Имперская амбиция, таким образом, была заявлена царём на заглавном листе книги, а путь к достижению цели раскрывался девизом одной из содержащихся в ней эмблем.

В самом широком плане торжество русской военной силы при Полтаве, исключительно важная роль монарха в баталии, его личная доблесть проложили ему путь к вершине собственной службы на благо Отечества — принятию императорского титула. Однако императоры древности, получив военные победы, стремились украсить свои столицы величественными зданиями, памятниками, инженерными сооружениями. Это придавало ослепительный блеск императорской короне не в меньшей степени, чем военные триумфы. Для Петра I этим очередным «имперским проектом» стало сооружение величественного столичного города Санкт-Петербурга. Историк О.Г. Агеева высказала эту мысль так: «Слава России, приобретённая Полтавской победой, теперь должна была быть подкреплена славой самого красивого и известного города в мире — Петербурга»¹⁹. В 1716 г., беседуя на водах в Спа с одним из знаменитых архитекторов того времени французом Ж.-Б.-А. Леблон, русский монарх развивал «великое намерение... о установлении и строении града Санкт-Питербурха». Речь шла о воплощении именно сверхамбициозного замысла создания в устье Невы самого красивого и величественного города на свете. Царь рассуждал тогда с архитектором о «величайшем и славнейшем паче всех градов в свете» столичном городе России. Он мыслился ведущим мировым центром культуры, главным городом русского и православного мира²⁰. 29 октября 1716 г. Ж.-Б.-А. Леблон подготовил для царя сжатый трактат о создании идеального города. Трактат развивал именно идею, как строить «великий город для похваления его»²¹, то есть для славы русского монарха, созидавшего империю — страну с великой ролью в мировой истории.

В плане архитектурно-монументальной пропаганды принятия этого титула следует выделить следующие действия. В 1716 г., ещё при жизни монарха, в соответствии с античной традицией начал работать над проектом величественной конной статуи Петра I скульптор Б.К. Растрелли. Согласно рисунку одного из первых вариантов монумента, венчаемый Славой русский монарх должен был восседать на коне, водружённом на высоком пьедестале, в окружении поверженных и скованных врагов. После долгих творческих

Б.-К. Растрелли.
Рисунок конного памятника Петру I (один из первых вариантов монумента).
1716. РГАДА

поисков Б.К. Растрелли сумел создать ещё более возвышенный идеальный образ монарха — великого полководца и реформатора. Прототип памятника восходил к знаменитому образцу времён римской империи — монументу императору Марку Аврелию на Капитолийском холме в Риме. Модель памятника, украшающего ныне Санкт-Петербург, была создана скульптором при жизни монарха в 1720—1724 гг. Российский император изображён властным, в торжественном древнеримском одеянии, с лавровым венком триумфатора на голове²².

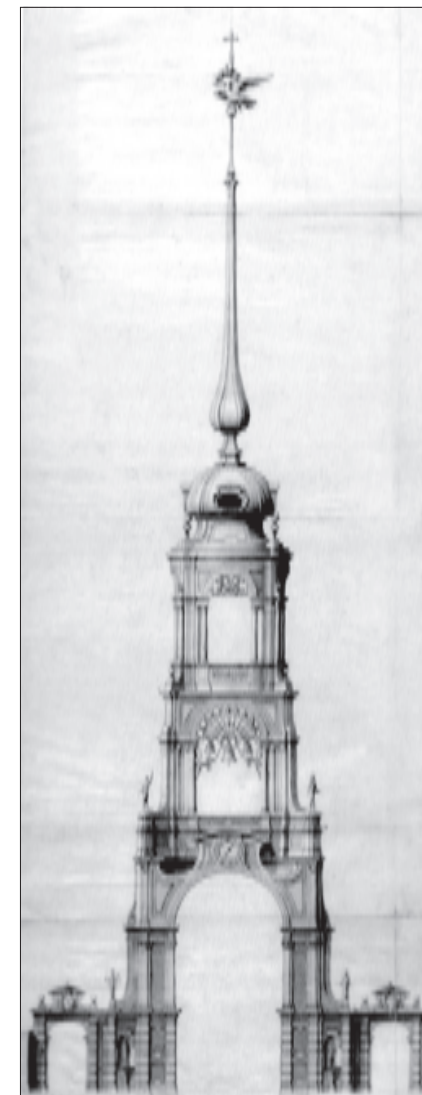
Скульптор Н. Пино, прибывший в Россию тоже в 1716 г., получил аналогичный правительственный заказ. Он тоже осмыслял образ русского монарха в духе античных традиций и символов. Статуя Петра I в образе Геркулеса, поражающего копьём льва — символ Швеции, должна была венчать постамент в виде триумфальной арки²³. Идея Полтавского торжества русского оружия, имперская идея, следовательно, и в этом проекте просматривались явственно и неоспоримо.

В 1716 г. уже намечалось место для установки в новой столице преобразованной России триумфальной колонны в честь славных деяний Петра I. В работе над этим проектом принимали участие Б.К. Растрелли, Н. Пино, живописец Л. Каравакк, токарь Придворной токарни А.К. Нартов. Согласно проекту, триумфальная колонна венчалась статуей Петра Великого в одеянии римского императора. Составлявшие колонну барабаны имели на боковых поверхностях изображения батальи, осад крепостей, в большинстве из которых принимал личное участие монарх: Лесное, Полтава, взятие Риги, Ревеля, сражения на Пруте, при Фридрихштадте, у Гангута, овладение Дербентом. Один из барельефов посвящался основанию Санкт-Петербурга²⁴. Полтавская победа, таким образом, была включена в единую цепь внешнеполитических триумфов России. Прутский поход Петра I, как видно, тоже из пропагандистских соображений был поставлен в ряд успехов державы Петра Великого. Впрочем, основания для этого были — поход завершился столь нужным стране в тех условиях мирным договором, сохранением армии, срывом замысла стратегического реванша Карла XII в союзе с Турцией, Крымским ханством и беглыми запорожцами. Напрашивается параллель замысла возведения петербургского триумфального столпа с сооружением в Риме в 113 г. колонны императора Траяна (98—117) высотой 33 м, украшенной рельефным поясом. Императора

Траяна принято считать самым великим полководцем Римской империи, сумевшим максимально расширить её пределы. Прославился он и возведением величественных архитектурных и грандиозных инженерных сооружений.

Ещё одним величественным памятником, развивающим величественные античные традиции, являлся неосуществлённый петровский проект башни-маяка на острове Котлин к западу от столицы. Грандиозная башня-маяк должна была встречать прибывавшие в Россию морские корабли, путешественников, являться своеобразным символом Российской империи, ставшей признанной морской державой. Башня-маяк должна была быть выполнена с триумфальной аркой в основании, под которой проходил канал. Её замышлялось обильно украсить скульптурой, барельефами, прославлявшими морские победы России, утверждение её в качестве морской державы. Символика украшений, понятно, намечалась в контексте эпохи: изображения Нептуна, Минервы и др.²⁵ Этот замысел, как представляется, имел совершенно определённую параллель с великим творением античной эпохи — Александрийским маяком. Русский монарх действительно был исполнен в те годы великих замыслов. Покидая Париж в июне 1717 г., по свидетельству маркиза Данжо, он заявил, что Санкт-Петербург станет «самым великим местом во всём мире» («...sera la plus grande place du monde»)²⁶.

Можно высказать мнение, что учреждение Петром I Правительствующего сената в 1711 г. тоже было навеяно не в последнюю очередь античной имперской традицией. Можно предположить, что самодержец, обладавший даром рассчи-

*Н. Микетти.
Маяк на острове Котлин.
Проект фасада.
1721—1722. ГЭ*

тивать развитие событий на годы вперёд, имел уже тогда тайную мысль, что позднее это высшее учреждение поднесёт ему императорский титул. Во всяком случае, Пётр I не мог не знать, что именно Сенат даровал Юлию Цезарю титулы императора и Отца Отечества. По логике событий произойти это должно было (и произошло на самом деле) после заключения выгодного России мирного договора со Швецией. Такой трактат был подписан 30 августа 1721 г. Совершенно закономерно, что официальное пропагандистское сочинение Петровской эпохи «Гистория свейской войны» завершается описанием торжественной церемонии дарования Правительствующим сенатом царю титулов: «Петр Великий, Отец Отечества, император всероссийский». Это было логичное завершение долгого пути, по которому русский монарх сознательно и целеустремлённо продвигался.

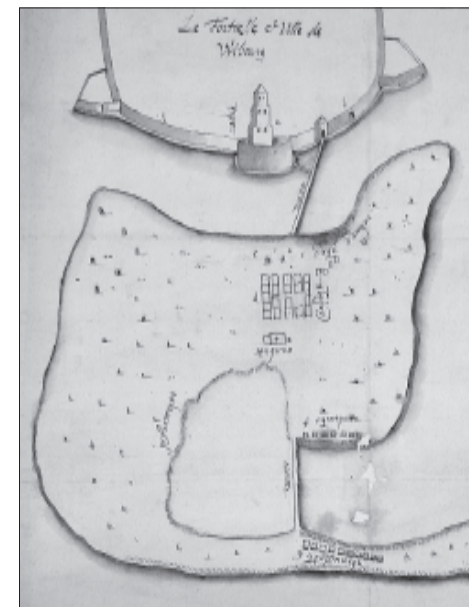
ПРАЗДНОВАНИЕ ГОДОВЩИН ПОБЕДЫ

В пропагандистские мероприятия была включёна и иерархия российской православной церкви. На второй день после битвы, 29 июня, на поле брани пели торжественную молитву в честь победы «Te Deum laudamus» (Тебя, Бога, хвалим) в сопровождении троекратной стрельбы из пушек и ружей²⁷. Рассылавшиеся из царской ставки под Полтавой рукописные реляции о битве зачитывались на всей территории страны в храмах. В Рязанской епархии, к примеру, такое извещение получили 17 июля 1709 г. и зачитали православному народу по окончании литургии в кафедральном соборе²⁸. Важной пропагандистской акцией долговременного действия, предпринятой царём, стало написание «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» и включение её в состав месячных Миней. Автором службы стал яркий церковный писатель, проповедник Феофилакт (Лопатинский), ректор Московской Славяно-греко-латинской академии²⁹. С 1710 г. ежегодно православному населению во всех городах и весях необъятной России читалась благодарственная служба о Полтавской победе. Тем самым славная военная победа была введена в своеобразный круг сакральных событий — проявлений Божьего благоволения России, Петру Великому и его великому делу — государственной реформе, апофеозом успеха которой можно справедливо считать триумф русского оружия при Полтаве.

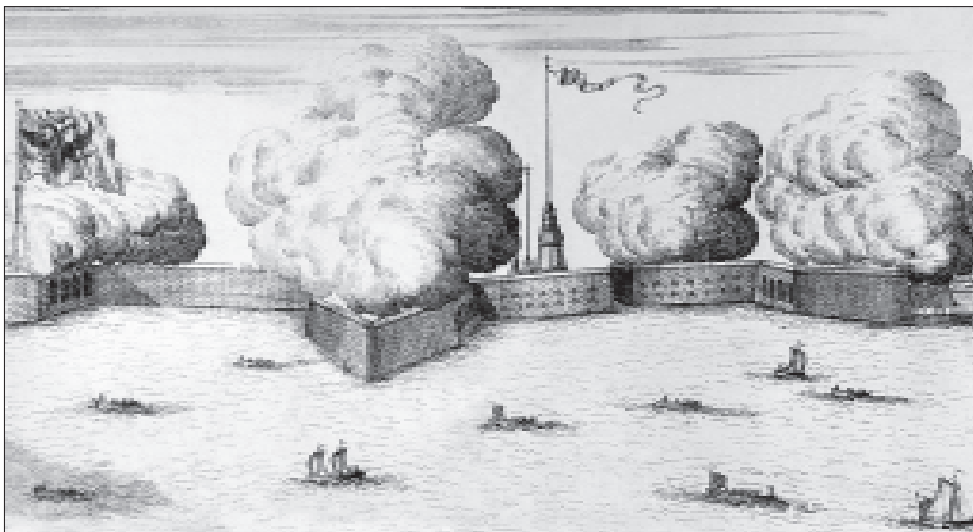
Вернувшись в ноябре 1709 г. в возлюбленный Санкт-Петербург, царь указал заложить церковь во имя преподобного Сампсония Странноприимца «в память бывшей баталии Полтавской»³⁰. Деревянный храм возвели в 1715–1716 годах по проекту Д. Трезини. Ныне существующий каменный собор построен в 1728–1740 годах.

С 1710 г., первого же года после одержанной победы, царь начинает традицию ежегодных торжеств в день баталии. Первую годовщину царь праздновал в Санкт-Петербурге. Событийный фон для торжества был более чем благоприятный. 13 июня того года были подписаны условия сдачи российским войскам сильной крепости Выборг. Через десять дней Пётр I вступил в город на Неве фактически триумфальным шествием — во главе батальона гвардии «стро-

ем публично, и несли шведские знамена и прочие победоносные знаки, взятые в Выборге»³¹. Празднование первой полтавской годовщины описано в «Гистории свейской войны»: «Июня в 27 день празновали день воспоминания Полтавской баталии (сие торжество указал государь празновать и молебствовать по учиненной вновь службе повсягдно). А по отправлении молебного пения знамены, в Выборге взятые, на площадь вынесены были и стрельба была з города (крепости. — П.К.) из всех пушек, также с кораблей, стоящих против города, и из мелкого ружья»³². Подробнее описал праздник датский посланник в Санкт-Петербурге Ю. Юль. Центром торжеств была Троицкая площадь, на которой были выстроены в круг Преображенский и Семёновский полки гвардии. После обедни в соборе монарх со свитой вышел на площадь к амвону, обтянутому красным сукном. Проповедь произнёс архимандрит Феофилакт (Лопатинский). Последовал благодарственный молебен. По сигнальному выстрелу началась круговая стрельба с вала Санкт-Петербургской крепости, крепости вокруг Адмиралтейской верфи и четырёх фрегатов, специально расставленных для торжества на

Крепость Выборг.
Рисунок. Первая половина XVIII в.
ОР БАН

Г. де Вит.

Вид Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости.

*Фрагмент гравюры «Торжественный ввод в Санкт-Петербург взятой шведской эскадры
9 октября 1714 г.»
1714*

Неве. Завершил церемонию залп Преображенского полка. Все залпы производились трижды. Царь катался по Неве на буере. Последовал пир в кабаке «Кружало». Вечером был сожжён на двух связанных плотках «небольшой, но красивый фейерверк»³³.

Цвет шведского генералитета, пленённый при Полтаве и Переволочне, тоже служил для Петра I средством поднятия престижа российской власти. Список пленных был более чем впечатляющим и «работал» на укрепление авторитета русского самодержавия. Царь не отказывал себе в удовольствии показывать самой верхушке полтавских пленников очевидные достижения России, преобразуемой в ходе проводимых обширнейших реформ. В походном журнале за август 1710 г., к примеру, есть такая запись: «В 27-й день светлейший князь Меншиков и с ним генерал швецкой пленной Левенгоупт приехали из Петербурга во флот и были на корабле у господина контра-адмирала во весь день; и тут веселились и довольно стреляли из пушек»³⁴. А.Л. Лёвенгаупт гостил тогда у своего счастливого победителя — Петра I, контр-адмирала корабельного флота. Царь принимал А.Л. Лёвенгаупта на 50-пушечном корабле «Выборг», названном так в честь овладения русскими войсками и флотом в том же году одноимённой шведской крепостью. Можно только

догадываться, насколько искренне «веселился» тогда генерал А.Л. Лёвенгаупт. Генерал имел в те дни возможность ознакомиться с «Выборгом», первенцем линейного флота России на Балтийском море, другими кораблями, многочисленными галерами, видел выросшие за считанные годы укрепления острова Котлин и омываемую морскими водами со всех сторон крепость-башню Кроншлот. В любом случае «веселиться» ему приходилось в компании царя и А.Д. Меншикова, разбивших отборные шведские войска под его командованием при Лесной и под Полтавой, где он командовал пехотой. На Днепре же генерал, тогда главнокомандующий шведской армией, сдался без выстрелов значительно меньшим по численности войскам под командованием светлейшего князя А.Д. Меншикова.

В 1711 г. монарх и российское воинство праздновали вторую годовщину баталии в условиях военного похода против войск Османской империи в Молдавии к югу от Ясс. После совершения литургии митрополитом яским и благодарственного молебна Феофан (Прокопович) читал слово о Полтавской победе. Затем был дан залп из 60-ти орудий, а поставленная строем вокруг («в цыкуль») храма пехота стреляла беглым огнём из ручного оружия. На торжестве присутствовали молдавский господарь Д.К. Кантемир, митрополит валахский, бояре, монахи. Царь вместе с Б.П. Шереметевым и Д.К. Кантемиром устроил смотр построенным войскам. После торжественной церемонии господарь Д.К. Кантемир был «довольно трактван» на обеде у царя в присутствии министров и орденских кавалеров. Примечательно, что во время обеда царь выходил из-за стола и «ходил в полк свой» угощать солдат местным вином³⁵.

В Санкт-Петербург, конечно, не случайно прибыл 27 июня 1711 г. от Ревеля (ныне Таллин) фрегат «Самсон». Устроено «совпадение», естественно, было усилиями Санкт-Петербургского губернатора А.Д. Меншикова. На пополнившем боевой состав Балтийского флота фрегате в тот день «веселились»³⁶, в том числе и один из героев Полтавской битвы — сам «полудержавный властелин». Для присутствующих, конечно, не являлась тайной символика наименования корабля. Победа была одержана в день памяти Сампсония Странноприимца. Это совпадение по схожести названия сразу же стало отождествляться с античным Самсоном, победившим льва. Тогда говорились: «Самсон», но подразумевалось — Пётр I, победитель «льва свейского».

В том же 1711 г. ежемесячное издание «Die Europäische Fama..», выпускавшееся в Лейпциге, городе в пределах союзной России

Саксонии, сообщило образованной публике континента о прибытии в Санкт-Петербург именитых полтавских пленников. Среди них перечислены первый министр шведского короля К. Пипер, генерал-фельдмаршал К.Г. Рёншильд, генерал А.Л. Лёвенгаупт, кабинет-секретарь Ю. Цедерфельм³⁷. По существу, каждое подобное сообщение в печати — это ненавязчивое напоминание остальной Европе о блестящем триумфе русского оружия.

В 1712 г. ежегодный праздник в честь Полтавской виктории прошёл в Риге. После благодарственного молебна с городской крепости трижды раздавались раскаты пушечной стрельбы. На банкете в доме, где остановился царь, присутствовали не только российские министры, но и шкиперы с торговых кораблей, прибывших в Ригу. Во время торжества матросы купеческих судов увеселяли взоры собравшихся хождением под парусами по Западной Двине на ботах³⁸.

В 1713 г. на день годовщины Полтавской баталии в Санкт-Петербурге был устроен торжественный въезд персидского посла по Неве на яхте и других судах. Сам царь, сенаторы и «прочие жители» города встречали посла на буерах вне пределов города — у остатков крепости Ньюенсканс. Когда водная процессия поравнялась с крепостью, из её орудий стреляли в честь прибытия посла. Вечером был устроен фейерверк: «зажигали один план», пускали потешные огни и ракеты. Посол наблюдал всё это действо. Петербуржцы увидели в тот день и диковинку — прибывшего с посольством сло-

на. А 6 июля полтавская тема снова прозвучала в интересах политической пропаганды: царь устроил послу приём на линейном корабле с именем «Полтава». Принимал там посла в качестве флагмана сам монарх — контр-адмирал Пётр Алексеев сын Михайлов. Персидский дипломат угощался «за одним столом с господином контра-адмиралом и довольные имели разговоры». Когда произносились тосты за здоровье, из корабельных орудий «стреляли из пушек довольно». По завершении обеда для посла

П. Пикарт.
Линейный корабль «Полтава».
1718

был устроен «всеми кораблями небольшой экзерцициум»³⁹ — учебные манёвры. Цель такой демонстрации представителю иностранной державы на линейном корабле «Полтава» понятна: Россия превратилась в государство не только с сильной победоносной армией, но и с быстро растущим боеспособным флотом на Балтийском море.

В следующем году праздник тоже отличался новизной. Он проходил в Ревеле — столице Эстляндии, новой территории Российского государства на берегах Балтики. После завершения обедни в православной церкви Николая Чудотворца монарх прибыл на линейный корабль «Св. Екатерина». Со всего российского флота и с крепости трижды прозвучали орудийные залпы. Завершился праздник угощением у городских бурмистров «и танцевали»⁴⁰.

Полтавское торжество не могли сорвать даже чрезвычайные печальные события. Отныне это была константа формирующейся новой российской государственности. В ночь на 27 июня 1715 г. на рейде у острова Котлин молния поразила пороховую камеру линейного корабля «Нарва», который взорвался и погиб почти со всем экипажем. Однако в тот же день на Адмиралтейской верфи новой российской столицы состоялся спуск на воду замены — нового линейного корабля, получившего имя «Москва». На сошедшем на воды Невы корабле Пётр Алексеев сын Михайлов, произведённый за морскую победу над шведским флотом у полуострова Гангут в прошлом 1714 г. в вице-адмиралы, «изволил... веселиться»⁴¹. Веселье носило, конечно, и нарочитый, демонстративно-показной характер: с избранного государем пути превращения страны в современную европейскую державу не могли заставить свернуть никакие случайности.

Очередной день полтавской годовщины в 1716 г. застал царя в Ростке на побережье Балтийского моря в герцогстве Мекленбург в северной Германии. После молебна «палили со всех галер из пушек», затем — поставленные в строй солдаты беглым огнём. Пальба повторялась трижды. Как это стало уже обычным, последовал обед у герцога, на котором присутствовали не только царь, герцог, российские министры, но и офицеры⁴².

В 1717 г. полтавский праздник в присутствии Петра I происходил во время его очередного заграничного путешествия. Русский монарх пребывал на курорте — на водах в городе Спа. Церемониал торжества уже вполне к этому времени сложился. После обедни и молебна было устроено как общее угощение, так и отдельное для

всех офицеров («особливой стол был для всех офицеров»). Вечером был сожжён небольшой фейерверк. Его темой было пресечение божественным вмешательством попытки Шведского королевства присвоить корону Российского царства. Вот как это сформулировано в походном журнале русского монарха: «Из каменной горы рука, хотящая взять корону, тут лежащую, но оную другая рука с верху из облака мечем пересекла и корону взять не допустила»⁴³.

В 1718 г. полтавские торжества проходили в новой столице России следующим образом. Средоточием торжеств на этот раз стала Троицкая площадь. Вместе с сенаторами, министрами, иностранными дипломатами на празднестве присутствовал и сам царь. На Санкт-Петербургской крепости развевался царский штандарт. На Троицкой площади в строю батальонных каре выстроились гвардейские Преображенский и Семёновский полки. После обедни, отслуженной в храме Святой Троицы, на открытом пространстве площади перед церковью прошёл благодарственный молебен о Полтавской победе. Во 2-м часу дня в небо взвилась сигнальная ракета. По этому условному знаку с Санкт-Петербургской крепости выпалили из 33 артиллерийских орудий. Затем сразу же последовал залп солдат гвардии из ружей беглым огнём. Последовали снова выстрелы из 43 крепостных орудий, за ними — залп всей гвардии из ружей. Затем снова, в третий раз, рвали петербургский воздух выстрелы из 53 крепостных орудий. Завершилась торжественная церемония беглым ружейным огнём. После этого полки были распущены. Завершился праздник угощением для приглашённых верхов общества на Почтовом дворе⁴⁴. Возможно, пышность торжества была призвана показать российскому обществу и иностранному дипломатическому корпусу незыблемость правительственного курса в условиях сложной династической ситуации в России. Об этом обстоятельстве свидетельствует скупая запись в походном журнале за июнь 1718 г.: «В 26-й день не стало царевича Алексея Петровича»⁴⁵. Морской комиссар Франции А. Лави сообщил на родину в депеше от 30 июня (11 июля) 1718 г. из Санкт-Петербурга: «Смерть эта не помешала отпраздновать с обычным торжеством годовщину Полтавской битвы, знаменитого поражения шведов, послужившего началом их упадка и величия царя; по этому случаю в Почтовом доме был великолепный обед и бал»⁴⁶.

Спустя 10 лет после разгрома и пленения ударных сил шведской армии на Украине царь праздновал первый Полтавский юбилей во

флоте, стоявшем при выходе из Финского залива у полуострова Гангут. Рядом с этим местом в шхерах к северу от полуострова 27 июля 1714 г. под началом царя была получена новая славная победа, но теперь уже силами галерного флота. Там за шесть лет до этого российские галеры под командованием Петра I и генерал-адмирала Ф.М. Апраксина имели жаркую баталию с отрядом шведского шаутбенахта (старинный флотский чин, равнозначный контр-адмиралу) Нильса Эреншёльда. Шведский отряд был обращён тогда в трофеи русского галерного флота. Пётр I очень гордился одержанной им в 1714 г., на пятый год после прославившей его на поле брани Полтавской битвы, морской победой. По стечению обстоятельств она тоже случилась 27-го числа. В 1719 г. русский флот не жался, как в том же 1709 г., к береговым укреплениям острова Котлин в 30-ти верстах к западу от Санкт-Петербурга. В день торжества 27 июля 1719 г. военноморской флот стал на якорях близ Гангута. Линия баталии флота насчитывала 21 линейный корабль. Самым крупным из них был 90-пушечный корабль «Гангут»⁴⁷. В шканечном журнале этого линейного корабля есть краткая запись о том, как праздновалась десятая годовщина победы при Полтаве во флоте. В потемневшем от времени корабельном документе имеются такие скупые нескладные строки: «В 9-м (часу утра. — *Л.К.*) сигнал у Его Величества про всех флагманов и потом вскоре про всех кораблей, чтоб палить три раза: в-первые 21, вторья — 15, в-третьи — из 9 пушак»⁴⁸.

Подробнее торжество описано в шканечном журнале флагманского 64-пушечного корабля царя — вице-адмирала Петра Алексея сына Михайлова: «В воспоминание Полтавской победы поутру в 9-м часу сделали сигнал о пушечной пальбе, и распустили флаги и вымпелы для украшения корабля, и во всем флоте, и на галерах тож учинено. И Его Царское Величество поехал на берег, где слушал обедню; и по скончании благодарственного молебного пения зачали палить: 1-й раз у адмирала из 9-ти наперед, а с нашего корабля после адмирала из 21-й пушки, и потом со всего флота корабельного стреляли по 21-й пушки, а на галерах — что было пушек; потом поставленные в строй полки Преображенской и Семеновской и протчих полков с 6-ть стреляли из мелкого ружья беглым огнем, и тою мушкетною стрельбою командовал Его Царское Величество сам. И потом другой, и третий раз також стреляли из пушек и из мелкого ружья. И по окончании стрельбы все министры, и генералы, и офицеры от гвардии, и морские приехали на корабль к

Его Величеству, и тут обедали и веселились довольно, и стреляли из 9-ти пушек; а разъехались в 9-м часу пополудни, и адмиралу палили из 13-ти пушек»⁴⁹. Сам монарх описал праздник короче: «27-го. Моление благодарное было на земле; стреляли три раз со всего флота, а пехота на земле три залпа давали и там обедали у нас на корабле господин адмирал и прочие»⁵⁰. В новой столице тоже праздновалась полтавская годовщина. В отсутствие монарха Екатерина дала обед петербургским верхам. Состоялся и фейерверк⁵¹.

В 1720-м и 1721 г. торжества повторялись. Так, в Петербурге «была стрельба из пушек и ружья»⁵². Подробное описание торжества 1721 г. оставил незадолго до того прибывший в русскую столицу в свите голштейн-готторпского герцога Карла-Фридриха его придворный Ф.В. Берхгольц. Его описание действительно очень интересно обилием редких подробностей. Когда герцог ехал на торжество, из крепости «начали палить из всех пушек». Средоточием праздника была Троицкая площадь перед одноимённым собором. Там стояла «обширная палатка с алтарем внутри, перед которым собралось всё знатнейшее духовенство и совершало торжественную литургию. Шагах в пятидесяти от алтаря стоял Его Величество царь в том самом одеянии, которое было на нём в день Полтавского сражения, то есть в зелёном кафтане с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая чёрная кожаная португеза. На ногах у него были зелёные чулки и старые изношенные башмаки. В правой руке он держал пику как полковник гвардии, а левую придерживал под мышкой старую, очень простую шляпу. Позади его стояли подполковники гвардии: по правую сторону князь Меншиков, по левую — генерал Бутурлин, а за ними в три или четыре ряда большое число обер-офицеров, все с пиками в руках и шляпами под мышкой. Как в день празднования коронации, и теперь вся гвардия была в сборе и стояла в строю поодаль. <...> В продолжение этого чтения царь и все присутствующие (исключая иностранцев) стояли на коленях, и, когда была пущена ракета, с крепости последовало три залпа из всех пушек, которым отвечали орудия, стоявшие за палаткою, и вся гвардия — троекратным беглым огнём из ружей, исполненным со всевозможной точностью; наконец, стреляли также с галер, расположенных у берега. Когда всё это кончилось и многочисленное духовенство в великолепных облачениях в предшествовании распятия и восковых свеч возвратилось в церковь, начался обратный марш гвардии под предводительством самого царя как

полковника к реке, на которой стояли галеры, перевезшие его опять на другую сторону, где гвардия стояла лагерем». После праздничного пира и угощения около полуночи был сожжён фейерверк⁵³.

На отдалении от столицы Полтавские годовщины отмечались проще. На небольшом боевом корабле Ревельской эскадры шняве «Эйнгорн» в шканечном журнале за 27 июня 1721 г. сделана такая запись: «В 11-м часу для возпоминания Полтавской битвы з города (Ревельской крепости. — П.К.), також и со всех караблей палили из пушек по три раза кругом»⁵⁴.

Летом 1722 г. император пребывал вдали от Балтики, на Волге и на побережье Каспийского моря. 27 июня 1722 г. Пётр I с супругой был у обедни в соборном храме Астраханского кремля. Затем состоялся благодарственный молебен. Монарх стоял перед строем из двух рот Преображенского полка в качестве гвардейского полковника. По завершении молебна со стен кремля палили из крепостных орудий, потом со стоявших на якорях на Волге судов, затем из 17-ти пушек, установленных на площади. В заключение праздника гвардейцы, выстроенные на городской площади, палили беглым огнём из ружей. Пушечная и ружейная стрельба таким порядком совершалась трижды. Завершилось всё пиром в доме губернатора, куда были приглашены и все офицеры⁵⁵.

В столичном городе Санкт-Петербурге празднование годовщины виктории 27 июня 1709 г. проходило «обычным порядком»⁵⁶. Полтавские годовщины отмечались и на кораблях, которые находились отдельно от главных сил флота. К примеру, на линейном корабле «Арондель», стоявшем на якоре у острова Эзель (Сааремаа), в полтавский день 1722 г. усердствовали особо. Сначала палили «для Полтавской баталии» из 13, потом из 9, 5, 7 и снова из 7 пушек. Стрельба была и на находившемся рядом на якоре фрегате «Эсперанс». В 12-м часу послышалась пушечная пальба и с самого острова⁵⁷. Империя торжествовала очередную славную годовщину.

По словам Ф.В. Берхгольца, в 1723 г. Полтавскую годовщину в Санкт-Петербурге отмечали по уже установившемуся порядку. Не оправдались предположения некоторых лиц, что по представлению шведского посланника И. Цедерфельма торжества не будет. На императоре, как и в прежние годы, был мундир, который был на нём в день баталии. Светлейший князь А.Д. Меншиков тоже был одет в свой полтавский мундир и носил весь день шпагу, которая была с ним в часы битвы⁵⁸.

Как записано в шканечном журнале линейного корабля «Рандольф», 26 июня 1723 г. на кораблях флота был получен приказ: украсить на следующий день все боевые корабли флагами и палить «для Полтавской баталии[и]» с каждого корабля: первый раз из 13 пушек, второй — из 11 пушек, третий — из 9 пушек. Согласно журналу «Рандольфа», в предрассветные часы 27 июня все корабли были украшены разноцветными флагами. Около 11 часов дня с Ревельской крепости трижды стреляли в честь годовщины: первый раз из 15, второй раз — из 13, третий — из 11 пушек. В это же время началась орудийная стрельба и с кораблей флота в соответствии с полученным ранее приказом⁵⁹. В шканечных журналах линейных кораблей «Мальбург», «Нептун» и фрегата «Св. Самсон» отмечено, что орудийные выстрелы производились тремя волнами последовательно из 15, потом из 9 и 7 пушек⁶⁰.

На кораблях эскадры, оставшейся у Котлина, 27 июня 1723 г. тоже отметили годовщину Полтавской баталии. Ход торжества весьма подробно изложен в шканечном журнале линейного корабля «Астрахань». В журнале отмечено: в 10-м часу утра «... у господ флагманов — сигнал для разцветания караблей флагами. Того ж числа был сигнал, чтоб со всего флоту палить из 25 пушек. У господ флагманов был сигнал, чтоб палить со всего флоту из 19 пушек, и еще сигнал был, чтоб палить из 17 пушек. У господ флагманов распустили флаги. Потом и на всех караблях тож учинили». В 11-м часу утра «у господ флагманов был сигнал для молитвы. С Кроншлота палили из 17-ти пушек. Еще палили с Кроншлота из 17 пушек. Еще палили из 21 пушки». После сказанного в 12-м часу «у господ флагманов палили 3 раза из 15, из 9, из 7 пушек; также и на всех караблях — тож число»⁶¹.

С 1723 г. император внёс изменения в порядок торжеств в дни памяти побед русской армии и флота, произошедших в годы его правления. Посетив 18 октября того года Сенат, монарх огласил указ следующего содержания: «За прошлые виктории стрелять генерально впредь только за Полтавскую баталию, за Левенгауптскую только тут, где Двор находится; за две морские, что были в один день 27 июля, отправлять в Кронштате, а прочие в тех только городах, когда которой взята»⁶². Комендант Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости Я.Х. Бахметев получил этот указ из Военной коллегии 26 ноября того года⁶³.

Таким образом, император из всех многочисленных побед русского оружия времени Великой северной войны особо выделил

только четыре: две сухопутные и две морские. Первая виктория была одержана над корпусом генерала А.Л. Лёвенгаупта при деревне Лесной 28 сентября 1708 г. Русский монарх самым тесным образом связывал её с последовавшей за ней Полтавской победой, считал её предтечей, предзнаменованием будущего торжества русского оружия при Полтаве. В официальном российском сочинении «Гистория свейской войны» в оценке, данной сражению у Лесной, в первую очередь сквозит именно тема Полтавской победы: «Сия у нас победа может первая назватца, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало... И поистинне оная виною всех благополучных последований (последствий для. — П.К.) Росии, понеже тут первая проба салдатская была и людей конечно ободрила. И мать Полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесечном времени оное младенца счастья совершенного роди...»⁶⁴.

Остальные две победы были получены силами галерного флота при Гангуте 27 июля 1714 г. и 27 июля 1720 г. в Аландских островах, недалеко от острова Гренгам. Из четырёх названных побед фактически в трёх, если исходить из реального положения, командовал сам Пётр I: победы при Лесной, под Полтавой и близ Гангута.

В последний раз при жизни «героя Полтавы» (слова А.С. Пушкина) Полтавская годовщина, 15-я по счёту, отмечалась едва ли не более торжественно, чем в прошлые годы. В Санкт-Петербургской крепости был поднят императорский штандарт — знак личного присутствия Его Императорского Величества. Торжества начались с божественной литургии. Когда пропели: «Буде имя Господне», — тогда со стен и бастioned крепости выпалили из 21-й пушки. Распоряжение о залпе крепостной артиллерии её коменданту бригадиру и капитану лейб-гвардии Я.Х. Бахметеву отдал сам император. Когда из строящегося посредине крепости каменного Петропавловского собора на площадь вышел крестный ход для проведения благодарственного молебна, в начале церковной службы вторично стреляли из 27 крепостных орудий, а по его завершении — из 31-й пушки. Стрельба продолжилась из полковых орудий 3-фунтового калибра, расставленных по случаю праздника на площади. Затем выстроенные на площади гвардейские полки (в их рядах стояло немало ветеранов битвы) и солдатские полки дали залп беглым огнём из ручного огнестрельного оружия. Последовал второй залп из полковых пушек, за ним новый из ручного оружия. Пушечный залп из полковых орудий и снова из фузей прозвучал и в третий раз⁶⁵.

А.Ф. Зубов.
Баталия при Гренгаме. 1721

А.Ф. Зубов.
Баталия близ Гангута. 1715

Вторая часть полтавского торжества прошла в Летнем дворце монарха и окружавшем его саду. Лица, приглашённые «на веселие», съезжались туда в пятом часу после полудня. Примечательно, что торжествовали пятнадцатую годовщину Полтавской битвы не только «все министры», генералитет, «довольное число» штаб- и обер-офицеров, но и шкиперы с торговых кораблей. Вечером «учинен был на воде» фейерверк. Гости гуляли «до полуночи»⁶⁶.

Проходили торжества и на кораблях флота, находившихся в Кронштадте. Согласно шканечному журналу линейного корабля «Перл», 27 июня 1724 г. в 12-м часу утра «палили девятью орудиями, потом семью и ещё раз в честь дня Полтавской баталии»⁶⁷. На кораблях Ревельской эскадры в том году, в соответствии с указом 1723 г., дни Полтавской, Гангутской и Гренгамской годовщин уже не отмечались⁶⁸.

Вдова первого русского императора Екатерина I внесла изменения в порядок торжеств в честь Полтавской победы уже в 1725 г.: после литургии в Троицкой церкви и последовавшего за ней благодарственного молебна не было стрельбы из орудий Санкт-Петербургской крепости и ружей. После молебна, как и в прежние годы, министры, генералы и офицеры гвардии угощались от императрицы «с довольством» в галерее Летнего дворца. Солдатам гвардии было роздано питьё поротно «в квартиры», в которых они имели постой. На городских улицах «поставлены были фонари» — устроена иллюминация⁶⁹.

На следующий год торжество повторилось опять по-новому: пальбу из крепостных и полковых орудий императрица снова посчитала излишней. После литургии и благодарственного молебна в третьем часу дня в большой зале Летнего дворца императрицы собрались штаб- и обер-офицеры гвардии. Во дворце офицеров ждали уставленные «с великою магнифенцию» праздничные столы. Екатерина I прибыла на пир, и торжество длилось до пятого часа ночи. В зале играла «обыкновенная музыка». Пушечная стрельба во время празднества производилась только из поставленных рядом с дворцом на Неве судов. Для простых солдат гвардейских полков на лугу, напротив Летнего сада, как и годом раньше, в пятом часу дня был устроен погреб — угощение горячительными напитками⁷⁰. В шканечном журнале 66-пушечного линейного корабля «Св. Екатерина», стоящего на Кронштадтском рейде, в день Полтавской годовщины в 1726 г. отмечено только поднятие в утренний

час молитвенного флага — остальные атрибуты, казалось бы вошедшего при Петре Великом в прочную традицию торжества, уже отсутствовали⁷¹.

О том, насколько широко и как праздновались годовщины славной баталии при правлении Петра Великого и его вдовы-императрицы в провинциальных городах, есть только скудные и отрывочные известия источников. Морской офицер англичанин Д. Ден, служивший в русском флоте с 1712-го по начало 1722 г., писал о сложившейся традиции так: «Существует обычай ежегодно с большим великолепием и торжественностью праздновать несколько значительных побед, и комендант всякого важного места имеет особые денежные средства на эти народные зрелища»⁷².

Так, торжествовать победные годовщины Полтавской баталии некоторое время продолжали в губернском городе Сибири Тобольске. Это происходило во время губернаторства там бригадира (в отставке) Петра Ивановича Бутурлина (он управлял губернией в 1736—1741 гг.⁷³). П.И. Бутурлин не только был участником Великой северной войны с самого её начала и до завершения, но он в качестве драгунского офицера сражался во время Полтавской баталии. Со славной викторией у него явно было связано немало воспоминаний. В 1719 г. подполковник Пётр Бутурлин командовал Лейб-шквadroном⁷⁴. Надо полагать, именно личное участие губернатора в знаменитой битве подталкивало его к тому, что он собственной властью приказывал отмечать день памяти Полтавской битвы. Как Полтавское торжество происходило в Тобольске в 1740 г., сделал запись в путевом дневнике астрономической экспедиции Российской академии наук в город Берёзов один из её участников, студент Санкт-Петербургского академического университета Т. Кёнигфельс. Его дневник содержит следующие строки за 26 и 27 июня: «Вечером в крепости на горе звонили колокола в честь завтрашней годовщины Полтавской битвы, отмечающейся ещё в отдалённых провинциях. 27-е. Годовщина этой битвы. Все члены нашей экспедиции были приглашены к г-ну губернатору Бутурлину. Он принял нас со всей любезностью; мы покинули его дом после ужина и устроенных для нас увеселений»⁷⁵.

Попытку возродить придворный календарь торжеств в духе Петра Великого сделал в конце 1740 г. генерал-фельдмаршал Б.К. Миних. В напечатанном по его почину Календаре «господских праздников и статских торжественных дней, в которые от публичных работ дает-

ся свобода» есть 27 июня — «Воспоминовение победы под Полтавою». Более общеимперских праздников в честь военных побед Календарь не называет⁷⁶. Следовательно, Полтавскому торжеству было придано значение общероссийского воинского праздника — дня воинской славы России.

Очевидно, годовщины Полтавской битвы в императорский период русской истории главным образом продолжала отмечать молебнами православная церковь, в том числе в армии и во флоте. В шканечных журналах кораблей русского флота появлялись в эти «победные дни» очередных славных годовщин не бросающиеся в глаза записи. Например, в шканечном журнале флагманского линейного корабля «Леферм», стоявшего на Котлинском рейде под флагом вице-адмирала З.Д. Мишукова (к которому, кстати, Пётр Великий благоволил), в десятом часу утра 27 июня 1745 г. было записано: «Поднет был у нас при выстреле из пушки молитвенной флаг, по которому у нас и на протчих караблях и фрегатах молитва исправлялась»⁷⁷. Молебен состоялся в том году и на флагманском линейном корабле Ревельской эскадры «Основание благополучия»⁷⁸. Этим кораблём командовал контр-адмирал Я.С. Барш — другой достойный воспитанник Петровского флота, начавший морскую службу ещё в 1707 г.⁷⁹ В 1746 г. на всех трёх флагманских линейных кораблях российского флота, стоявших при Ревеле, вновь в десятом часу утра поднимались молитвенные флаги для проведения молебна в память Полтавской виктории⁸⁰.

Когда духовенство служило молебны в дни славных побед, это делалось, как упоминается в документах, «по напечатанной табели»⁸¹. Так назывался общероссийский перечень дат, которые следовало ежегодно отмечать церковными службами. Перечни «табельных дней» издавались Священным синодом.

В 1764 г. власти и командование флота явно решили поднять боевой дух моряков праздником в память Полтавской виктории. Как происходило торжество в день 55-й годовщины славной победы, показывает скупая запись в шканечном журнале вице-адмирала командира эскадры Г.А. Спиридова, в будущем победителя турок в баталиях при Хиосе и Чесме на водах Средиземного моря (1770). В журнале говорится: «В ½ 12 часа... на адмиральском корабле при выстреле из пушки поднят молитвенной флаг. Тож с выстрелом из пушки чинили и у нас. <...> В 12 часов в городе Ревеле по отшествии[и] благодарственного молебна палено з города из 101 пушки»⁸².

Молебны в память Полтавской виктории в том году прошли «в стоянии на якоре на Ревельском рейде со флотом в фигуре полумесяца»⁸³.

Спустя некоторое время после битвы установилась местная традиция: ежегодный крестный ход из Полтавы на Шведскую могилу — место захоронения павших российских воинов. На торжество крестного хода стекались тысячи жителей окрестностей⁸⁴.

Сложившаяся при первом российском императоре традиция торжеств в день полтавских годовщин после смерти Екатерины I в целом угасла. Оказалось, она была порождением именно особенностей личности Петра Великого. При его преемниках после смерти его вдовы-императрицы новый праздничный обряд, за исключением церковных молебнов, исчез.

В 1817 г. по указу императора Александра I «на славных сих полях» под Полтавой состоялись большие манёвры 3-го пехотного корпуса русской армии, которые приближённо воспроизводили знаменитую навеки баталию 1709 г.⁸⁵

Торжественно было отмечено в Российской империи 200-летие Полтавской баталии. В столице Российской империи торжества проходили 26 и 27 июня 1909 г. Утром 26 июня в Петропавловском соборе и храме Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне прошла заупокойная литургия, потом панихида по императору Петру Великому и павшим в Полтавской битве. На следующий день в 8 часов утра пятью пушечными выстрелами с Санкт-Петербургской крепости столице было возвещено начало торжеств по случаю славной баталии. Между крепостью и Троицким мостом стояли суда, расцвеченные флагами. В тот день состоялись молебны, крестные ходы, соединившие Александро-Невскую лавру, Казанский, Троицкий и другие соборы, храм св. Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне, домик Петра I. Днём состоялось освящение памятника Петру I у здания Главного адмиралтейства.

Николай II, последний российский император, 27 июня 1909 г., в день 200-летней годовщины Полтавской баталии, лично почтил память своего великого предка, первого императора России, посетив торжества на поле битвы. На завтраке в Петровском полтавском кадетском корпусе в тот день Николай II высказал в краткой речи, предшествовавшей тосту, суть пропагандистской концепции самодержавия относительно Полтавской битвы: «Волею Господа Бога, гением Петра и стойкостью русского народа была одержана победа, давшая России величие»⁸⁶. Император, облачённый в па-

рядный лагерный мундир Преображенского полка, проследовал в тот день с крестным ходом к Братской могиле русских воинов. Там состоялась панихида. Прозвучали орудийные залпы. В присутствии самодержца Всея Руси был открыт памятник доблестному коменданту Полтавской крепости полковнику А.С. Келину. Император посетил Музей Полтавской битвы, осмотрел памятник павшим шведам. 27 июня 1909 г. Николай II дал в Полтаве указ Российским армии и флоту. В нём были такие слова: «Два века тому назад на бессмертных полях Полтавы Великий Пётр одержал победу над врагом, желавшим поколебать устрояемое им царство и приостановить могучий рост молодой империи Петра. <...> Начало спасения и благоденствия страны — победа, одержанная на Полтавских полях...»⁸⁷.

¹ Походный журнал 1706, 1707, 1708 и 1709 годов. С. 10.

² [Плейер О.А.] О нынешнем состоянии государственного управления в Московии. Донесение Оттона Плейера в 1710 г. С. 6.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1. Л. 154.

⁶ Прокопович Феофан. Сочинения. С. 24.

⁷ Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века: Проблемы панегирического направления. С. 38.

⁸ Петрякова М.М. Триумфальное шествие 1709 г. в Москве в честь побед русских войск над шведами. С. 89.

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Шарыпкин Д.М. Русские дневники шведов — полтавских пленников. С. 73.

¹¹ Там же. С. 80.

¹² ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. С. 462. № 2236; Т. VII. С. 53. № 4202.

¹³ Парфёнов В.Н. Домициан и его «генералитет» // История: мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 327, 328.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 50. С. 65.

¹⁵ Прокопович Феофан. Сочинения. С. 49.

¹⁶ Походный журнал 1722 года. С. 8.

¹⁷ Данков М.Ю. «Вольные каменщики» и феномен «Осударевой дороги» 1702 г. // «Мы были!»: Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха: Материалы Всероссийской научной конференции (12–14 мая 2004 г.). СПб., 2004. Ч. II. С. 12–15.

¹⁸ Символы и эмблемата. Амстердам, 1705. С. 268–269 (№ 800).

¹⁹ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб., 1999. С. 175.

²⁰ Там же. С. 56–57, 61–62.

²¹ Там же. С. 160.

²² Калязина Н.В., Комелова. Г.Н. Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990. С. 93.

²³ Там же.

- ²⁴ Там же. С. 96; *Данилевский В.В.* Нартов и «Ясное зрелище машин». М.; Л., 1958. С. 166–167. Приложение. Л. 50–52.
- ²⁵ *Калязина Н.В., Комелова Г.Н.* Русское искусство Петровской эпохи. С. 96.
- ²⁶ [*Dangeau, de*] Journal du marquis de Dangeau / Publ. par E. Soulié et L. Dussieux. P., 1859. P. 114.
- ²⁷ Neu-eröffneter Welt- und Staats-Spiegel [...]. Th. 1. S. 133.
- ²⁸ *Круазе А. ван дер Кон.* Как отнеслась Голландия к победе русских под Полтавой // ЖМНП. 1910. Май. С. 125.
- ²⁹ *Мартынов И.Ф.* Три редакции службы благодарственной о великой победе под Полтавой // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 139–149.
- ³⁰ ГСВ. Вып. 1. С. 325.
- ³¹ Там же. С. 339.
- ³² Там же.
- ³³ *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 188–189.
- ³⁴ Походный журнал 1710 года. СПб., 1911. С. 19.
- ³⁵ Походный журнал 1711 года. СПб., 1912. С. 50–51, 107.
- ³⁶ Там же. С. 116.
- ³⁷ Die Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt. Leipzig, 1711. Th. 114. S. 434.
- ³⁸ Походный журнал 1712 года. СПб., 1913. С. 17.
- ³⁹ Походный журнал 1713 года. СПб., 1913. С. 33, 58.
- ⁴⁰ Походный журнал 1714 года. СПб., 1913. С. 61, 115.
- ⁴¹ Походный журнал 1715 года. СПб., 1913. С. 16–17.
- ⁴² Походный журнал 1716 года. СПб., 1913. С. 26–27, 82.
- ⁴³ Походный журнал 1717 года. СПб., 1913. С. 22–23.
- ⁴⁴ ОР БАН. Ф. 51. 31.7.14. Л. 32 об.–33.
- ⁴⁵ Походный журнал 1718 года. СПб., 1913. С. 30.
- ⁴⁶ Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 355.
- ⁴⁷ Походный журнал 1719 года. СПб., 1913. С. 38–39.
- ⁴⁸ РГАВМФ. Ф. 870 (Шканечные журналы). Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.
- ⁴⁹ Походный журнал 1719 года. С. 44–45.
- ⁵⁰ Там же. С. 4.
- ⁵¹ Там же. С. 123.
- ⁵² Походный журнал 1720 года. СПб., 1913. С. 25; Походный журнал 1721 года. СПб., 1913. С. 50.
- ⁵³ *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725 // Неистовый реформатор / Сост. А. Либерман, В. Наумов. С. 145–149.
- ⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.
- ⁵⁵ Походный журнал 1722 года. СПб., 1913. С. 46.
- ⁵⁶ *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725 // Неистовый реформатор. С. 431.
- ⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.
- ⁵⁸ [*Берхгольц Ф.В.*] Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725-й год. М., 1903. Ч. 3. С. 95–96.
- ⁵⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 36. Л. 8.
- ⁶⁰ Там же. Д. 37. Л. 20; Д. 40. Л. 23 об.
- ⁶¹ Там же. Д. 35. Л. 21–21 об.
- ⁶² ПСЗ. Т. VII. С. 134, № 4327.
- ⁶³ ОР БАН. Ф. 51 (В.И. Яковлев). 31.7.14. Л. 117 об.–118. — «Журнал С.-Петербургской крепости 1717–1725 гг». Список, выполненный между 1829 и 1834 гг.

- ⁶⁴ ГСВ. Вып. 1. С. 147. Практически дословно совпадает с этими словами текст оценки битвы, имеющийся во второй редакции «Истории швейской войны»: Там же. С. 289.
- ⁶⁵ ОР БАН. Ф. 51. 31.7.14. Л. 123–123 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 123 об.; Походный журнал 1724 года. СПб., 1913. С. 9–10.
- ⁶⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 49. Л. 16 об. На англ. яз. Перевод автора
- ⁶⁸ Там же. Д. 51. Л. 18–18 об, 26. — Шканечный журнал фрегата «Карлскронвапен» 1724 г.
- ⁶⁹ Походный журнал 1725 года. СПб., 1855. С. 12, 65.
- ⁷⁰ Походный журнал 1726 года. СПб., 1855. С. 23–24.
- ⁷¹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 82. Л. 20 об.
- ⁷² *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. С. 92.
- ⁷³ Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. С. 103, 148, 229.
- ⁷⁴ *Татарников К.В.* Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. С. 274.
- ⁷⁵ Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г.: Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля / Сост. Н.В. Киришченко, П.А. Кротов. СПб., 2008. С. 279.
- ⁷⁶ *Погосян Е.А.* Пётр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 388–390.
- ⁷⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 336 а. Л. 5.
- ⁷⁸ Там же. Д. 334 б Л. 7.
- ⁷⁹ *Кротов П.А.* Голландцы и фламандцы в Российском флоте в Петровскую эпоху // Голландцы и бельгийцы в России. XVIII–XX вв. СПб., 2004. С. 301–302.
- ⁸⁰ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 373 а. Л. 10. — Шканечный журнал линейного корабля «Основание благополучия». 1746 г.
- ⁸¹ Там же. Ф. 225 (Клеркские протоколы и журналы флагманов). Оп. 1. Д. 395. Л. 38. — Клеркский протокол линейного корабля «Св. апостол Павел», 1746 г.; Д. 400. Л. 112 об. — Флагманский журнал вице-адмирала З.Д. Мишукова, 1746 г.
- ⁸² Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 814. Л. 24. — Шканечный журнал 80-пушечного линейного корабля «Св. Екатерина» 1764 г.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ *Пассек Д.* Шведская могила под Полтавою // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. М., 1840. Кн. II. С. 183.
- ⁸⁵ *Носков А.А.* Манёвр, соображённый с Полтавским сражением и произведённый в 1817 г. при смотре императором Александром I войск 3-го пехотного корпуса // ЖОРВЗ. СПб., 1909. Кн. III. С. 241–250.
- ⁸⁶ Новое время. СПб., 1909, июня 29. С. 1.
- ⁸⁷ Там же. С. 3.

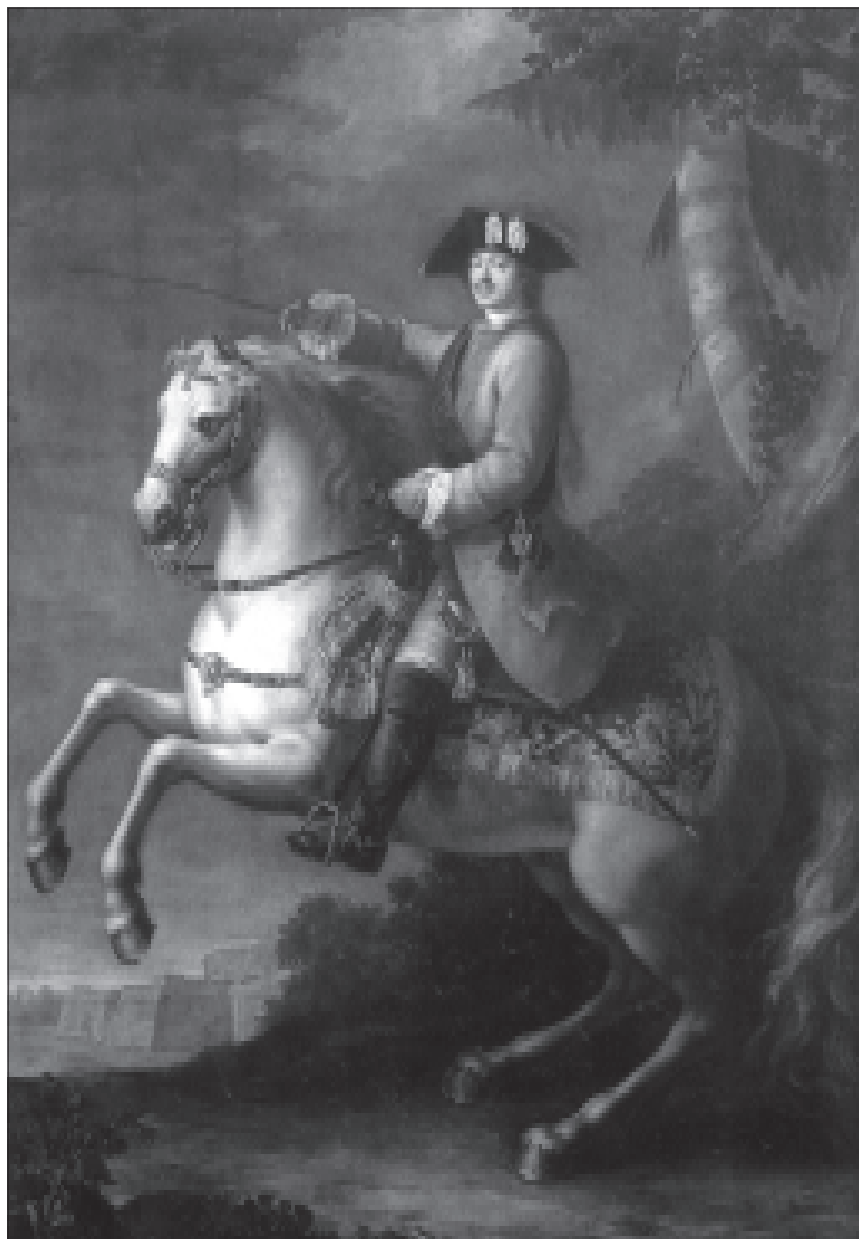

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея созидания великого государства — империи, подобной великим державам античного мира: греческой империи Александра Македонского, Римской империи времён Юлия Цезаря, Траяна и императора-христианина Константина Великого — овладела Петром Великим ещё в юные и молодые годы. Великий преобразователь России поставил цель — возвести собственную страну в ранг великих государств, империй Нового времени. Обозначенная цель в полной мере совпала с итогом реформаторской созидательной деятельности Петра Великого. За долгие годы его правления, с 1682-го по 1725 г., Россия сокрушила военное могущество Швеции. Страна прочно утвердилась на восточном побережье Балтики и в итоге Персидского похода заметно укрепила позиции на Каспийском море. Овладев Дербентом (1722), южными и юго-западными побережьями Каспийского моря, император всероссийский вошёл в пределы древних границ

империи Александра Великого. Обширные преобразования были проведены в военной области, в государственном управлении, реформированы церковь, образование, сфера культуры, укреплены финансы, создана профессиональная наука. Не могут не впечатлить и итоги проведённой Петром Великим масштабной индустриализации. Иными словами, русский монарх преуспел в воплощении поставленной перед собой цели. Изучение автором Петровской эпохи, личности самого монарха привело к заключению, которое звучит, пожалуй, непривычно. Как полагает автор, восприятие российским самодержцем имперской модели государственности, рождённой и развитой в античном мире, и неуклонное следование им имперской идее имело в действительности огромное значение. Последний русский царь с юных лет усвоил суть античной традиции имперского государственного строительства. Именно твёрдое следование Преобразователя идее великих военных побед, масштабных созидательных дел, которые бы поражали воображение современников и потомков, явилось одной из заметных предпосылок успеха всей государственной деятельности первого российского императора.

На одном из торжеств в январе 1719 г. Пётр I провозгласил тост: «За то, чтобы 1719 год был так же замечателен и счастлив, как и год 1709, навеки памятный битвой под Полтавой». В небольшой речи, сопровождавшей тост, монарх, по свидетельству А. Лави, французского морского комиссара в Санкт-Петербурге, «сравнил себя с Ноем; обозревая с горестью старый русский мир... выразил надежду, что посредством учреждения нескольких советов и коллегий ему удастся придать новый вид этому миру»¹. Самодержец имел основания для такого сравнения по множеству причин. Подобно библейскому Ною он вёл «корабль» Российского государства в залившем сушу океане всемирного Потопа: войны, восстания, интриги, заговоры, измены, широчайшее недовольство и упорное противодействие взятому им курсу ускоренных и радикальных преобразований. Блестящая Полтавская победа коренным образом укрепила внешнее и внутреннее положение российского монарха, дала ему твёрдое основание для продолжения избранного курса. «Ной российской истории» после «преславной виктории» 1709 г. получил значительно большую уверенность, что «корабль российской государственности» достигнет намеченного пристанища — Россия при его жизни превратится в современную державу и закрепится в этом статусе. Символичным в этом плане выглядит и закладка лично

Ф. Жувене (?).
Портрет Петра I.
После 1717. ГЭ

Петром I на Адмиралтейской верфи Санкт-Петербурга 6 декабря 1709 г. линейного корабля «Полтава» «в память бывших трудов полтавских»².

В ближайшие за Полтавской победой годы к правителям европейских государств постепенно пришло осознание качественно новой роли России в системе международных отношений континента. В присланной британской королевой Анной грамоте, которую российскому монарху вручил чрезвычайный и полномочный посол Ч. Уитворт в 1710 г., был употреблён императорский титул. Ранее не свойственную стране роль великой державы, по мнению автора книги, впервые в международном праве оформил Амстердамский союзный оборонительный трактат России, Пруссии и Франции. Этот трактат был подписан 4 (15) августа 1717 г. в Амстердаме. В этом договоре Россия выступила в качественно обновлённой роли — гаранта международных трактатов, составлявших основу европейской системы межгосударственных отношений после окончания войны за Испанское наследство 1702—1714 гг.: Утрехтского (1713) и Баденского (1714). Качественно более высокая ступень влияния России в международных делах (гарант общеевропейской стабильности) получила в Амстердамском договоре международно-правовое признание со стороны одной из великих держав континента — Франции. Амстердамский трактат оформил в международном праве интеграцию страны в общеевропейскую систему политических отношений; попутно в договоре Франция впервые признавала за русским монархом титул «величество», уравнивавший его правовое положение в отношении титулования с французским королём³.

Блестящий проповедник Гавриил (Бужинский), обер-иеромонах Российского флота, в похвальном слове о Полтавской победе (1720) восклицал, обращаясь к России: «Сие преславное и неизреченное благодеяние, России, произведе ты от бесчестия и поношения к славе и чести верховнейшей; сие сотвори ты, прежде укоризненную, всем ужасную и преславную; отсюда венцы победныя, врагом страх и трепет, zde силы твои и могущество»⁴.

Как показала история, Швеции после Полтавской катастрофы было уже невозможно восстановить утраченное прежнее военное превосходство над Россией. Соотношение военных сил, экономических потенциалов, внешнеполитического веса двух держав-соперниц, России и Швеции, коренным образом изменилось.

Какое же место занимает Полтавская победа в истории Отечества?

В исторической памяти русского народа баталия при Полтаве — одна из великих битв наряду с Мамаевым побоищем (1380), Бородинской (1812), Сталинградской (1942—1943) и Курской (1943).

В истории отечественного военного искусства Полтавская баталия тоже занимает, по существу, едва ли не уникальное место. Неприятельская армия во главе с главой государства — королём Карлом XII, дотоле непобедимым полководцем, не только была разгромлена русскими войсками в генеральной баталии, но и на четвёртый день покорно сдалась без выстрелов и сопротивления — настолько очевидна была его бесполезность и гибельность для загнанных в ловушку остатков образцовой шведской армии. Бескровная и скоротечная сдача остатков ранее непобедимой армии Карла XII 30 июня 1709 г. на берегу Днепра являлась прямым следствием победы в произошедшей тремя днями ранее битве. Цель не дать шведам отступить за Днепр после поражения в битве ставилась Петром I и подчинёнными ему российскими военачальниками изначально. Полтавская победа и сдача шведов при Переволочне — это заключительный аккорд долгой героической симфонии, прелюдия к которой прозвучала в первые месяцы 1707 г. вместе с утверждением и принятием в Жолтве русским монархом и окружавшими его полководцами стратегического отступательного плана.

На протяжении XVIII столетия ни П.С. Салтыков, ни П.А. Румянцеv, ни А.В. Суворов не имели в своей боевой практике примера полного пленения вражеской армии после разгрома в генеральной баталии. Схожа с викторией Петра Великого при Полтаве победа М.И. Кутузова 1811 г. После разгрома турецкой армии в сражении под Рущуком он окружил турок в лагере под Слободзеей на берегу Дуная и осадой принудил к сдаче. Однако замечательная с точки зрения военного искусства победа М.И. Кутузова по значению для судьбы Отечества не идёт ни в какое сравнение с Полтавской битвой.

Автор согласен с выводом историка В.А. Артамонова: «Полтавскую битву можно поставить в один ряд лишь с битвой из другой исторической эпохи — Сталинградской. При всей необычности этого сравнения и там, и здесь победа стала центральным и поворотным пунктом не только военных действий на восточном фронте, но и всей войны. И там, и здесь отступление сменилось всеобщим контрнаступлением, судьба агрессора была решена, и ситуация изменилась в пользу победителя и его коалиции»⁵. Необходимо добавить только, что генеральная баталия при Полтаве была выиграна с ми-

нимальными потерями. Неприятельская шведская армия 27—30 июня 1709 г. исчезла при небольших жертвах со стороны россиян.

Все три столетия, протекавшие со времени великой победы 1709 г., россияне не переставали гордиться славным успехом оружия своих предков. Традицию празднования победных дней России продолжили в новых исторических условиях демократические власти. 10 февраля 1995 г. Государственная дума Российской Федерации приняла закон «О днях воинской славы (победных днях) России», в число которых не мог не быть включён и день Полтавской битвы — 8 июля (по новому стилю). В предшествующие десятилетия в условиях советской пропаганды Полтавской победе воздавалось должное, но при господстве в идеологии «классового принципа» в честь Петра Великого не могло быть учреждено ордена. Появление высокой государственной награды в честь первого российского императора в условиях диктатуры коммунистической партии — это дело немыслимое. В честь правителей отечественного Средневековья (Александра Невского, Дмитрия Донского) ордена всё-таки были учреждены. Эти имена не были в восприятии деятелей коммунистического режима столь «классово чуждыми», были отдалены большим отрезком времени. Славное же имя создателя Российской империи имело для коммунистических верхов чуждый, именно «императорский» оттенок. Развитие Российского государства и общества продолжается, уходят в прошлое наивные идеологические схемы, и, возможно, в будущем историческая несправедливость будет преодолена: в России появится орден Петра Великого. Завершить книгу можно напоминанием о том, что до сего дня остаётся невоплощённым императорский указ Сенату 1723 г.:

«В память на Полтавских полях над свейскими войски
полученной виктории в пристойном месте,
где та баталия была, сделать пирамид
каменной...».

¹ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. С. 8.

² ГСВ. Вып. 1. С. 325.

³ Кротов П.А. Международно-правовое оформление России как великой державы в первой трети XVIII в. (к постановке вопроса) // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 117.

⁴ [Гавриил (Бужинский)] Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований / Изд. по рукописи Московской духовной академии Е. Петухов. Юрьев, 1901

⁵ Артамонов В.А. Эхо Полтавы // Павленко Н.А., Артамонов В.А. 27 июня 1709. С. 258.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1
[1709 Г., ИЮНЯ 27–28]. – ВЕДОМОСТЬ
УНТЕР-ОФИЦЕРСКОГО И РЯДОВОГО СОСТАВА
РЕГУЛЯРНЫХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ПОЛКОВ,
УЧАСТВОВАВШИХ В ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ,
С УКАЗАНИЕМ КОЛИЧЕСТВА УБИТЫХ ПО ПОЛКАМ
И СПИСОЧНОГО СОСТАВА ПОЛКОВ
ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ БАТАЛИИ

Ведомость ниже писанных драгунских полков, которые были при Полтаве, сколько унтер-офицеров, капралов и драгун было на баталии, и что из того числа побито, и за тем [ныне] при полках

Регименты	На баталии было кроме росходу	Из того числа побито	Ныне при п[олках] по спискам
Генеральной шквадрон	416	22	394
<i>Гренадирские</i>			
Первой	829	51	1000
Второй	715	60	1000
Третьей	443	2	800
Итого гренадиров	2403 ¹		
<i>Драгунские</i>			
Лейб-регIMENT	781	20	1000
Московской	775	19	921
Киевской	766	13	811
Троицкой	771	30	694

Ингерманландской	559	8	839
Санкт-Петербургской	723	39	930 ²
Архангельской	663	57	834
Владимирской	427	9	819
Новгородской	701	25	789
Казанской	777	3	937 ³
Сибирской	719	20	836
Смоленской	992	25	962
Тверской	667	33	924
Вятской	747	25	755
Нижегородской	660	9	918
Невской	688	3	807
Рязанской	695	8	910
Ярославской	880	42	940
Белозерской	627	30	922
Азовской	520	22	892
Ямбургской	617	28	751
Вологодской	772	18	763
Каргопольской	710	4	916
Новотроицкой	963	[?] ⁴	93[7] ⁵
Воронежского и Раненбургского шквadroнов	503	[?] ⁶	4[23] ⁷
Всего	20 106	[?] ⁸	[?] ⁹

Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 3187. Л. 1. Список (?). Публикуется впервые.

Примечания: ¹ Исправлено из: 2404 ² Исправлено из: 926 ³ Исправлено из: 879 ^{4,5,6,7,8,9} Обрыв края листа.

№ 2
[1709 Г., ИЮЛЯ 26]. – «ВЕДЕНИЕ»
ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА Б.П. ШЕРЕМЕТЕВА
О ЧИСЛЕННОСТИ ВОЙСК В РЕТРАНШЕМЕНТЕ,
РЕДУТАХ И ОТРЯДА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА
С. ФОН РЕНЦЕЛЯ ВО ВРЕМЯ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

// л. 382 ¹Во время действия генеральной баталии с королем швецким под Полтавою июня 27 дня 1709 году.

На шанцы неприятельские, где был генерал-маеор Розен, камандрован для отаки генерал-лейтенант Ренцель, а с ним было пехоты:

Баталионы		В них людей
Таболской	2	1006
Капорской	1	517
Инглисов	1	654
Фифтегеймов	1	309
Итого	5	2486
Швадрон конной		

Протчие полки дивизии светлейшаго князя генерала-фельтмаршала господина Меншикова были в ретражаменте под камандою брегарира Боена, а имянно:

Гранодерской	2
Лафоровской	2
Ренцелев	2
Ростовской	2
Апраксина	2
Троицкой	2
Капорского	1
Итого	13

// л. 382 об. В редутах з брегариром Айгустовым были полки:

	В них людей
Белогороцкой	1067
Ямбургской	682
Фан Делдина	893
Нелидова	749
Нечаева	634
Неклюдова	705
Итого 6 полков	4730 ¹

²Фелтмаршалок Шереметев²

РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 14. Л. 382—382 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Документ назван «ведением» и датирован на основании упоминания в письме Б.П. Шереметева Петру I от 26 июля 1709 г.: ПБИПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 1133.

Примечания: ¹⁻¹ Первый почерк ²⁻² Второй почерк: собственноручная подпись Б.П. Шереметева

№ 3
1711 Г., [ДО МАРТА 25]. – ТАБЕЛЬ
ЧИСЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

// л. 64 По Полтавской баталии было.

Кавалерии:

Генеральной шквадрон 410 человек, а ныне 500

Гранодирские три полка:

В первых двух было по	1000	ныне то ж
В третьем было	800	ныне 1000

Драгунские полки, в которых ныне есть по 1000 человек, а было

в Лейб-регimente	1000
в Московском	921
в Санкт-Питербургском	926
в Ынгермаланском	741
в Архангелогороцком	819
[в] Владимирском	834
в Новгороцком	779
в Казанском	879
в Астраханском	966
в Сибирском	748
во Псковском	966
в Смоленском	957
в Тверском	924
в Пермском	957
в Нижегородском	918
в Рязанском	909
в Ростовском	988
в Ярославском	940
в Белозерском	822
в Азовском	892
Каргопольской	916
в Устюжском	960
Итого было	22 980, а ныне суть 25 500

Инфантерия:

Преображенской гвардии было	2761,	а ныне 3000
Семеновской было	2022,	а ныне 2500

// л. 64 об. Ингермаланской полк было	1922,	ныне 2187
Астраханской полк было	1800,	ныне 1808

Гранодирские три полка было:

в первом	623	} а ныне по 1000
во втором	678	
в третьем	825	

Салдацкие:

Киевской было	1218, ныне 1808
Нарвской было	1109, ныне 1808
Московской было	1330, ныне 1808

В прочих двубатальонных полках ныне суть по 1205 человек, а было

в Бутырском	866
в Новгородском	1170
в Тверском	530
в Белогородском	674
в Шлютенбургском	743
в Каргопольском	642
в Лафоровском	927
в Ренцелеве	913
в Ростовском	1908
в Таболском	1005 ¹
в Копорском	734
в Ыванегородском	707
в Казанском	836
во Псковском	792
в Нижегородском	807
в Сибирском	810
в Вологодском	1013
в Устюжском	604
Итого было	29 059, а ныне 39 609 человек.

// л. 65 Всего конницы и пехоты было 52 039 человек, а ныне суть 65 109

Корпус, которой остается в Ынгии и Лифляндии, кроме гарнизонов

Драгунские полки, которых ныне по 1000 человек сполна, а по Полтавской баталии в состоянии были:

Киевской	898
Троицкой	694
Вязьмой	745
Невской	807
Луцкой	997

Вологодской	981
Нарвской	900
Олонекской	890
Ямбургской	751
Новотроицкой	937
Итого было	8600, а ныне суть 10 000

Пехотные полки, которых ныне по 1900 человек, а по Полтавской баталии было

в Гранодирском	700 человек,
в Санкт-Петербургском	708
в Архангелогородском	900
[в] Владимирском	909
в Билсове	829
в Ынглисове	907
в Апраксине	661
в Галицком	550
в Пермском	879
в Юрлове	700
в Неклюдове	650
Итого пехоты было	9292, а ныне суть 13 080

Всего конницы и пехоты в Ынгии и Лифляндии ныне суть 23 080

// л. 65 об. Сверх того в гарнизонах в Ынгии же и Лифляндии, и в Ыстляндии, и в Финляндии 30 полков.

РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). Оп. 1, 1710 г. Д. 16. Л. 64–65 об. Копия. Публикуется впервые.

На конверте л. 65 об. название документа: «Табаля войску русскому».

На конверте л. 65 об. пометка: «Такова табуля прислана от князь Александры Даниловича 25 марта 1711 в Копенгаген с почтой».

Примечание: ¹ В ркп. очевидная описка: 105. Исправление сделано на основании «Ведения» генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева от 26 июля 1709 г. (см. Приложение. № 2).

№ 4

1720 Г., МАРТА 25. — СКАЗКА ПРАПОРЩИКА
ШЛИССЕЛЬБУРГСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА
МЕЛЕНТИЯ МЕЛЕНТЬЕВА

// л. 215 ¹-1720-го году марта 25 дня Шлюсбургского полку прапорщик Мелентей Мелентьев сын сказал.

В службе Его Царского Величества служу с 703 году. Из людей боярских Киевской губернии Белевского уезду Погорельского стану села Благовещенья помещика Ивана Родионова сына Челюскина. Набирал боярин Тихан Никитич Стрешнев, и по разбору онаго ж боярина определен в полк господина генерала-порутчика Феншанбека, и написан был в сержанты, и был на службах во второй поход под Нарвой на приступе в 704-м году з господином генералом-поручиком Феншамбеком, а в 705-м году был в Курляндии на баталии под Мур-мызой против швецкого генерала Левенгопта з господином генералом и ковалером фелтмаршалом барином Борисом Петровичем Шереметевым. В том же году по роскосовании онаго полку написан в Шлюсбургской полк оным же чином, и во оном же году при атаке и взятии Митавы был з господином генералом и ковалером князем Аникитой Ивановичем Репниным. А в 708-м году был на баталии под местечком Добрым от гвардии з господином подполковником князем Михаилом Михайловичем Голицыным. А в 709-м году на генеральной баталии под Палтавай был наперед перед фрунтом и взял с пушки 3 знамя швецких. А в 710-м году при атаке и взятии Риги был з господином генералом и ковалером фелтмаршалом Шереметевым. А в 711-м году на турецкой акцы. А в 714-м году при штурме фрегат-карабля был з господином генералом и ковалером Адамом Адамовичем Вейдом. А в 719-м году февраля 6 дня написан прапорщика молотчей трактамент ордином Его Сиятельства господина генерала и ковалера князя Михаила Михайловича Голицына. Жалованье получал по 1 ру 5 ал 4 де на месяц октября по 6 число 719 ж году, а ныне жалованье получаю за вычетом с медикоменом по 4 ру 1 ал 2 де на месяц. Поместья и крестьянских дворов за мной нет. // л. 215 об. А буде я сказал ложно, и за то бы указал мне великий государь учинить по своему великому государя указу и военному артикулу штраф¹.

²Вместо прапорщика Меленьтеева подписал Нижегородского полку прапорщик Андрей Афонасьев².

РГВИА. Ф. 490 (Коллекция офицерских сказок). Оп. 2. Д. 61. Л. 215–215 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Примечания: ¹⁻¹ *Первый почерк* ²⁻² *Второй почерк*.

№ 5

1720 Г., АПРЕЛЯ 19. — СКАЗКА ПОЛКОВНИКА ИНГЕРМАНСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА ГРИГОРИЯ ИВАНОВА СЫНА ОРЛОВА

// л. 211 ¹1720 году апреля 19-го дня Ингермоландского пехотного полку полковник Григорей Орлов сказал.

В прошлом 206-м году написан я из недорослей² по жилецкому списку. В том же был с князь Яковом Федоровичем Долгоруким в походе под Таванью и Казыкерменем и против крымских татар на ахцы был. В 700-м году

под Нарвою в походе з господином генералом-фелтмаршалом Шереметевым и на ахцы против неприятеля был. В 703-м году в феврале месяце в Москве по розбору господина генерала-фелтмаршала Шереметева написан в капитаны. В 704-м году определен в Ингермоландской драгунской полк. В 705-м году в июле месяце при Питербурхе с маеором Дедютом за Охтою-рекою против шведов на ахцы был, и взяли языков. В 706-м году по имянному Царского Величества указу из Санкт-Питербурха послан был до Выборха для усмотрения тракту и крепости и для уведения про неприятельское войско. В том же году под Выборхом, и как была выласка от шведов, и против выласки с подполковником Яковым Полонским был же. В том же году в июне ж месяце посылан был с казаками под неприятельское войско и против неприятельской парти на акцы был. В 707-м году в июне месяце в команде господина генерала-маеора фон Шанбурха ходили в поход против полковника Тизингузина, которой комондровал в швецком войске за брегадира, и комондрован я был отоковать неприятельской караул и так караул отоковал и языков шесть человек взял и одержал свое место до прибытия полков. Того ж числа в команде господина генерала-маеора фон Шанбурха против помянутого полковника Тизингузина на акцы был. В том же году в декабре месяце при Дерпте против шведов // л. 211 об. в команде господина генерала-маеора фон Шанбурха на акцы был. В 708-м году в октябре месяце при Сойкине мызе при атаке неприятельского стружмента и на штурме был в команде господина генерала-адмирала и ковалера графа Апраксина. В 709-м году из Ингермоландского драгунского полку взят я з гранодерскою ротою в полк полковника Гаврила Кропотова. В том же году в апреле месяце при местечке Нехворошше в команде полковника Кропотова на штурме того местечка был. В том же году при местечке Соколках в команде господина генерала Рена против шведов на ахцы был. В том же году в июне месяце по ордеру светлейшаго князя опре[де]лен я в Ингермоландской пехотной полк маеором. В том же году июня 27 дня на Полтавской генеральной батали был и при Днепре под Переволочною был же. В 710-м году был при атаке Риги и Диаментшанцу. В 711-м году в феврале месяце по ордеру светлейшаго князя определен я в том же Ингермоландском полку подполковником. В том же году в турецком походе и на ахцы против турок был. В 712-м году в Помарани и в Мекелбури следовали за генералом Штенбоком. В 713-м году, как шли в Голштинии к Фридрихштату по дамам к неприятельским батареям, был в команде светлейшаго князя. В том же году в апреле месяце при атаке Тенинка в Голштинии был. В том же году в Помарани при Штетине в сентябре в 3-м числе командрован был на штурм к Штерншанцам, и оную крепость штурмом взял, и при атаке Штетина во все время отаки, и в опрошах был. В том же году октября 1-го дня по указу Царского Величества и по ордеру светлейшаго князя пожалован я полковником в том же полку. // л. 212 В 714-м году июля 27 дня при взятые швецкаго фрегада и галер в команде господина брегадира и от леб-гвардии маеора Волкова был. В том же году в сентябре месяце из Вас от галерного флоту в команде у господина генерала-маеора Головина в местечке в Умах был, и неприятельские многие

суды пожгли, и неприятель уступил. В 719-м году в июле месяце на Стег-гольмской стороне в команде господина генерала-маеора Дупре при местечке Норкопинге был.

А поместья и вотчин за мною в Вязимском уезде по переписным книгам с 710 году крестьянских и бобыльских сорок два двора¹.

³-Полковник Орлов³.

РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 54. Л. 211–212. Подлинник. Публикуется впервые.

Помета в верхнем правом углу первого листа: Ингермоланского.

На обложке: Ингермоланского пехотного полку присланные списки и скаски 1721 году.

Примечания: ¹⁻¹ *Первый почерк* ² *В ркп. «из недорослей» вписано над строкой* ³⁻³ *Второй почерк: собственноручная подпись Г.И. Орлова.*

№ 6

1709 Г., ИЮЛЯ 13. — СКАЗКА УКРАИНСКОГО КАЗАКА ЛУБЕНСКОГО ПОЛКА ТИМОФЕЯ ХАРЧЕНКО О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ОТРЯДА КАРЛА XII И И.С. МАЗЕПЫ ЗА ДНЕПРОМ ДО РЕКИ ЮЖНЫЙ БУГ

// л. 336 1709-го июля в 13 день Лубенского полку казак, присланной с писмом полковника переяславского от господина гетмана Скоропадского, Тимофей Харченко сказал.

Был он в походе с полками Переяславским и Лубенским при генерале-маеоре князе Волконском в погоне за королем швецким и изменником Мазепой, и в пяток прошедшие недели пришли они, казаки, и казаки ж донские, к реке Бугу, и нашли тамо несколько шведов при самой реке в окопе, и понеже драгунские полки поспешить с ними не могли, для того они одни никакого над ними промыслу того дни не чинили. // л. 336 об. А как скоро в субботу поутру пришли драгунские полки, то учинили приступ, и шведы им здались. А сколько числом, того он не ведает.

Про короля сказывают: переправился чрез ту реку и с Мазепой в четверток ввечеру и пошли в Ачаков и Костя-кошевой при них же. А запорожцы, переправясь ту реку, стали особь, а с ними не пошли. А сказывают, что их еще с 1000 человек.

Драгунские полки и они, казаки, за Буг-реку не пошли и за ними // л. 337 не гнали, для того что судов не было, и кони их от великого маршу и жаров пристали.

Полковники Кожуховский и Андреяш, бывшие при изменнике Мазепе, с казаками, которых только с 50 человек, перешли к их полковником, переяславскому и лубенскому, в пяток ещё до приходу драгунских полков сами, не бився с ними, и ныне они в тех драгунских полках.

ПФА РАН. Ф. 119 (Г. фон Гюйссен). Оп. 1. Д. 9. Л. 336–337. Подлинник. Публикуется впервые.

Делопроизводственная помета в верхнем левом углу листа другими чернилами: К июлю месяцу 1709.

№ 7

1710 Г., ФЕВРАЛЯ 1. — ВЫПИСКА ИЗ ПОКАЗАНИЙ СЕРЖАНТА ШВЕДСКОЙ АРМИИ ФРИДРИХА ШУЛЬЦА, БЕЖАВШЕГО ИЗ БЕНДЕР В БРАЦЛАВ

// л. 1 Выписка.

В нынешнем 1710 году февраля в 1 день прислан от бреславского полковника швед, которой сказал, что ушел из Бендера от шведа, а породу брандбурчик, Фридрихом зовут, Шульц; служил в армии свейской в Меерфелтове полку сержантом.

По баталии Полтавской свейской король с Мазепой ушел за Днепр в 2000-х шведах. От Днепра до Ачакова шли 7 дней. В провианте такая была в дороге нужда, что принуждены были все есть лошадиное мясо.

От Ачакова послан от короля к султану в Царьград валентир Нейбурх с тем, дабы салтан принял ево короля под свою протекцию и во всякой нужде не покинул, також и эксекузоваться в том, что он, король, дерзнул во ево землю войти без обсылки и домогается // л. 1 об. взаймы денег в Цареграде. Спросил того Нейбурха о чине, то и сказался валентиром. Служит при Королевской канцелярии. Там ему отказано и аудиенции не дано, а сказано, разве де у короля все министры, и генералы, и полковники побиты, что не прислал ко двору иного, о чем тот Нейбурх описывался х королю. То ныне в Царегороде амвое¹.

По пришествии короля в Бендеры спустя з два месяца прислан от салтана х королю некакой паша. Привел в подарок 4-х аргамаков з дорогим убором и был у короля на тайном разговоре с 4 часа, а о чем, того не ведомо. Потом на 4 день отпущен, с которым послал король к салтану генерала-маеора Понятовского, при нем и он, Фридриг, был. // л. 2 В Цареграде принят тот Понятовской честно, был у салтана на трех аудиенциях, где домоглся у салтана для бережения короля своего 600 человек спагов, которые с ним, Фридрихом, отпущены в Бендер наперед.

Тот Понятовской в Цареграде ездил к французскому и к иностранным министром. А он, Фридрих, бывал при нем и слышел в розговорах от Понятовского, что он гораздо доволен тремя салтанскими аудиенциями, где объявлено ему будет, что салтан по² возможности будет ему во всем помогать, и дал ему 4 серыни денег сребренных турецкой монеты, и в Польшу до генерала свейскаго ево короля проводит своим войском. Укажет, стоит де Стеинбок, имеет войска с 40 000, и ожидают ево с Лещинским в Польшу из Померании сей наступающей весны. Он, Фридрих, сказывает, что в том войске большая часть рекрутов.

В Цареграде слышал он, Фридрих, от иноземцов разных наций: салтан турецкой нынешним летом, розорвав мир, всчать войну с царским величеством намеряет.

Во время де первой аудиенции салтан указывал Понятовскому персону короля свейскаго и говорил чрез переводчика: «Любя де короля вашего, персону, он, салтан, имеет».

Потом салтан указал тому Понятовскому показать свою инфантерию, которой было с 20 000, стояла от Царягорода в миле и объявили тому Понятовскому, что в один выстрел пушечной то число инфантерии собирается.

Там же видел он, Фридрих, подполковника свейскаго, которого король послал из Бендер в Стеколм к матери своей королеве. То и прислан от нея к салтану // л. 3 с прошением, дабы сына ее, короля, не покинул и принял ево под протекцию свою и всякое вспоможение в нуждах чинил, за что обещает заплатить. Слышел и то, что изо всей Швеции выбирают рекрутов, а в волных городех, то есть в Бреславле, в Либку, в Гамбурге³ шведы вербуют салдат. Тот Понятовской пришел от Царягорода в Бендер с пашею, при котором турецкой конницы 6000 для бережения короля.

В приезд того Понятовскаго король⁴ был весел и с тем Понятовским был один на один с утра до полудни. Потом, вышед, пошли до канцелярии к министру Миллярю, где были в трех персонах от полудни до вечера, а о чем разговоры были, того не ведомо. // л. 3 об. В Бендерех слышал Понятовскаго, как он говорил своей братье по приезде своем из Царягорода: «Салдан де турецкой учинил с королем их алианцию такую, что в будущем месяце мае или кончае в июне иттить на Российское государство войною салтану с стороны, а королю их з другой, притом и сказал, чтоб имели то в секрете. Там же слышел от поляка, кой при Бендерском паше толмачем пребывает, а как ему прозвание, того не знает. Тот публично при столах и при иных оказиях всем разглашает, что конечно салтан хочет с⁵ царским величеством зачать войну.

Король свейской и все при нем будучие мыслят так. Естли генерал ево Стеинбок с войском в Полшу придет, в то время на Украине черкасы забунтуют прежде, тогда и он, король, паки на Украину пойдет. Так, будучи в своей канцелярии, при многих // л. 4 он, король, говорил: «Или счастье свое найдет, или королем не будет».

Во всю свою бытность в Бендерах не видал он, Фридрих, и ни от кого не слыхал от переезжих с Украины казаков, ниже оттуду корреспонденций, разве казаков, которые из Украины еще с осени приехали к Бендерам с яблоками, и тех яко шпигов держат за караулом, но токмо видел ксенза полскаго от Лещинского к королю и от короля к Лещинскому переезжающего с писмами, а о чем, того не ведомо.

За день до уходу от Бендер ево, Фридрихова, прислан от салтана куриер х королю, а для чего, того не ведомо. С тем куриером отправлен от короля к салтану тот же Понятовской да с ним для гулянья поехал Воноровской. Как им было слышно, просить тому Понятовскому у салтана вспомочных обещанных войск для провожання // л. 4 об. короля до войск его, а сколько

числом, того не ведомо, да о высвободе шведов 400 человек, которых запродали запоросцы и черкасы в неволю туркам.

Мазепа в Бендерах умер тому четыре месяца. Похоронен в винограде, от Бендер четверть мили. О том говорит подлинно: при короле ныне мазепинцов: Ломиковской, Орлик з женою, казаков конных 700, которых кормит король.

При короле шведов и иных нацей драбантов, драгун и салдат 240 человек, у которых чужеземцы все думают бежать, но препона им великая есть сторожа волоская. Король свейской имеет великое опасение от великороссийских войск, того ради во дни и в ночи имеет лошадей седланных, и естли послышит войска великороссийскаго приход, тогда позволено королю в город пустить.

Он, Фридрих, про себя сказывает, что ушел до Дубосара, где, наняв жида, провожен был до границы волоской.

ОР РНБ. Ф. 905 (Новое собрание рукописной книги). Q. 344. Л. 1–4 об. Копия. 1710 г., февраль. Публикуется впервые.

Помета в верху первого листа: Февраль.

Примечания: ¹ Так в ркп. Имеется в виду французское слово *envoyé* — посланник ² В ркп. описка: со ³ В ркп. описка: Гамеурне ⁴ В ркп. описка: короля ⁵ В ркп. описка: и.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Август II Сильный 56, 62, 63, 118
 Аврелий Марк 356
 Агеева О.Г. 356, 377
 Агесилай 136
 Адлерфельт Г.; Adlerfelt G. 116, 117, 171, 186, 188, 196, 202, 204, 258, 322, 342
 Азанчевский 1-й М. 340, 342, 343
 Айгустов С.И. 147, 202, 388
 А. Л. 298, 299
 Алакшин А.Э. 27
 Алей-ага 72
 Александр Великий Македонский 13, 21, 25, 236, 261, 264, 380, 381
 Александр I 376, 379
 Александр Невский 385
 Александров Е.В. 198
 Алексей I Михайлович 312
 Алексей Петрович, царевич 65, 267, 270, 366
 Алларт Л.-Н., де 41, 76, 95, 118, 122, 123, 128, 139, 143, 146, 178, 183, 198, 199, 209, 230, 231, 234, 237, 250, 251, 252, 256, 262, 263, 277, 278, 281
 Андреева Е.А. 104
 Андрей Первозванный 51, 75, 76, 118
 Андрианов П.М. 341, 343
 Апраксин П.М. 142, 157, 235
 Апраксин Ф.М. 1, 61, 366, 393
 Армфельт К.Г. 51
 Арриан Флавий 236, 295
 Артамонов В.А. 46, 105, 106, 200, 202, 283, 294, 297, 300, 319, 322, 340—342, 344, 384, 385
 Артеус Г. 78, 80, 107
 Анна I 36, 383
 Афанасий, архиепископ 34
 Афонасьев А. 392
 Ахмет III 72
 Аюка 142
 Бабич И.В. 108, 379
 Бабич М.В. 108, 379
 Баггер Х. 27
 Базилевич К.В. 341
 Баиов А.К. 320, 340, 341, 343
 Бакеев П.А. 150
 Балтийский А.А. 27
 Бардили И.В.; Bardili J.W. 162, 201
 Барсов П.П. 108, 294
 Барш Я.С. 375
 Барышников В.Н. 4
 Бахметев И.Е. 199
 Бахметев Я.Х. 370, 371
 Безбах С.А. 200, 341—343
 Безенваль Ж.-В., де 66
 Белли 8
 Беллинг Ф.И., фон 41, 143, 183, 198, 199
 Бём 42
 Бернигерот М. 87
 Берхгольц Ф.В. 368, 369, 378
 Бескровный Л.Г. 202, 341—343
 Беспалов А.В. 105, 106, 147, 199, 202, 294, 296, 299, 341, 343, 344
 Беспярых Ю.Н. 4, 27, 107, 203
 Бидлоо Н. 349
 Боброва Е.И. 104
 Богуславский Г.А. 321, 341
 Боен, де 388
 Бонде Н. 158
 Боньяк, маркиз де, Ж.-Л. д'Уссон; Вонас, де 36, 104, 281, 300
 Болингброк Г.С.-Д. 53, 105
 Боргсдорф Э.Ф. 126, 196
 Борисевич А.Т. 340
 Борисов В.Е. 27
 Борисовская Н.А. 104, 197, 294
 Борнеман Ю.Г., фон 350
 Боур Р.Х. 42, 47, 48, 49, 52, 186, 209, 213, 245, 247, 257, 269, 291, 335
 Боханов А.Н. 326, 340, 343
 Б. П.С. 297
 Брандт М. 45
 Браунштейн И.Ф. 307
 Брынковяну К., валахский господарь 289
 Бреннер Э. 41
 Брокгауз Ф.А. 337
 Брукс Р. 104, 131, 198
 Брюс Я.В. 41, 42, 52, 76, 84, 91, 143, 147, 344, 377
 Буало-Депрео Н. 315, 332, 333, 340
 Буганов В.И. 340
 Бург И., ван ден 176
 Булавин К.А. 66, 159
 Бунин А.И. 150
 Бутурлин Д.П. 197, 343
 Бутурлин И.И. 368
 Бутурлин П.И. 374
 Буш Ю.И. 147
 Бушкович П.А. 10, 27, 106, 108, 204
 Быкова Т.А. 27, 104, 298
 Вайе Ф.Х.; Weihe F.C. 169, 201, 318, 319, 340
 Вальденхайм Г., фон 178
 Василий, волох 192
 Васильев А.А. 147, 150, 157, 199, 200—203, 239, 294—296
 Ватто А. 168
 Вебер Ф.Х. 91, 108, 222, 294
 Вегетий Флавий Ренат 35, 104, 106, 111, 123, 135, 144, 181, 182, 185, 196—199, 204, 226, 237, 256, 258, 260, 261, 295, 297
 Вейандт Л. 66
 Вейде А.А. 392
 Вейзбахи.Б., фон 269
 Вейланд К. 128, 174
 Веллингк О. 52, 53, 77
 Верден Н.Г., фон 41
 Вестфаль Я. 75
 Ветес Л.К., фон; Vetes L.K., von 29, 103
 Видекиндт И.Г. 206
 Виллар К.-Л.-Э. 39, 132, 133, 246
 Вильгельм II 297, 340
 Вит Г., де 362
 Возгрин В.Е. 4, 72, 73, 106, 107
 Волков Б. 25
 Волков М.Я. 393
 Волконская Е.Г. 344
 Волконский А.И. 42, 50, 235, 247, 335, 344
 Волконский Г.С. 42, 51, 138, 145, 150, 153, 219, 220, 326, 336
 Волконский М.Н. 334, 335, 336
 Волконский Н.Ф. 335, 336
 Вольтер (Аруэ Ф.-М.); Voltaire 55, 76, 106, 107, 289, 300, 333, 344
 Волинской Н.П. 344
 Воронин А.Д. 164
 Вреде К. 77
 Вулф Д.В.; Wolf J.B. 54, 105, 108, 110
 Выголов В.П. 27
 Гавриил (Бужинский) 383, 385
 Гамильтон И. 305
 Ганнибал 135
 Гассман Х. 171, 174, 202, 203, 280, 300
 Геништа В.И. 340
 Гессен-Гомбургский, наследный принц; Людвиг 314
 Гзель Г. 72
 Гинтер И.Я. 42, 145, 235
 Глаголева А.П. 107
 Глезнев М.М. 153
 Гломозда К.Ю. 202
 Голиков И.И. 228, 295, 303, 304, 309, 310, 314, 320, 322, 324, 334—341, 343
 Голицын М.М. 40, 41, 47, 50, 51, 151, 182, 183, 186, 230, 231, 257, 269, 341, 342, 392
 Головин А.А. 153
 Головин И.М. 166, 167, 235, 237, 255, 284, 393
 Головин Ф.А. 37, 194, 262,
 Головкин Г.И. 74, 75, 120, 156, 185, 186, 265, 266, 268, 348
 Головкин М.Г. 310
 Гольденберг Л.А. 161, 162, 201
 Гольц Г., фон 50, 51

Гомзяков Л. 151
 Горчаков П.М. 272
 Горяинов С.М. 300
 Греков К. 150
 Григорович А.И. 341
 Григорьев И. 194
 Грофей 65
 Грунд Г. 27, 43, 88, 90, 91, 104, 107, 108, 203
 Гудим-Левкович П.К. 340
 Гульст (Хэльст) Г., ван дер 262, 277, 298, 299
 Гуревич М.М. 27, 104
 Густав II Адольф 52, 53, 101,
 Гюйссен Г., фон; барон Гизен;
 Huyssen Heinrich, van 11, 27, 37, 38, 65, 104, 119, 120, 196, 197, 220–223, 229, 294
 Дальберг Э. 52
 Дальбон П. 183
 Данжо, де; Dangeau, de 359, 378
 Данилевский В.В. 378
 Данилов А.А. 340
 Данков М.Ю. 355, 377
 Дедют А.М. 393
 Делиль Ж.-Н. 379
 Дмитрий Донской 113, 385
 Девлет-Гирей II, крымский хан 72, 291
 Ден Д. 108, 374, 379
 Джеффрис Д. 93
 Дирин П. 340, 342
 Долгова С.Р. 105,
 Долгоруков В.В. 41, 159, 298
 Долгоруков В.Л. 156, 185
 Долгоруков Г.Ф. 76, 142, 193
 Долгоруков Я.Ф. 392
 Домициан, император 33, 377
 Дохтуров Ю.С. 90
 Дюпре 393
 Евгений (Е.А. Болховитинов) 305, 338
 Евгений Савойский; Eugen de Savoye 31, 33, 37, 38, 104, 246
 Екатерина I, Екатерина Алексеевна, царица, потом императрица 7, 10, 368, 376
 Екатерина II 163, 342, 372
 Елизавета I Петровна, императрица 311, 313
 Епифанов П.П. 343

Еремеева А.И. 304
 Еремеева Н.И. 304
 Ерёмин И.П. 194
 Еропкин П.М. 337
 Ерц Хелт (Гелт, Хед) 267
 Есипов Г.В. 198, 339, 340
 Ефрон И.А. 337

Желябужский И.А. 106
 Жувене Ф. 382

Захаров А.В. 108
 Зильтман Д.Н. 176
 Злаин А.И. 341–343
 Зубов А.Ф. 166, 306, 316, 347, 372
 Зырянов П.Н. 340

Иван Алексеевич V 302
 Иванюк Я.Г. 197
 Игнатович Д. 299, 340, 343
 Игнатьев И.А. 259
 Ильин М.А. 27
 Инглис А.Ю. 273, 274
 Иосиф I 65, 268
 Истомин К. 34, 136

Кайзер Я. 40, 121, 123
 Калязин Е.А. 339
 Калязина Н.В. 339, 377, 378
 Каменский Е.С. 343
 Кантемир Д.К. 363
 Карабанов П.Ф. 336, 344
 Каравакк Л. 358
 Карамзин М.Н. 339
 Карл X 52
 Карл XI 52
 Карл XII, король Швеции, «северный лев», «Александр Македонский Нового времени», «горячий Карлус» 9, 10, 24, 28, 29, 31, 37–41, 44, 46, 49, 51–57, 60, 62–71, 73–78, 83, 93, 102, 105–107, 113, 115, 116, 119, 121, 127, 130, 131, 133, 137, 140, 141, 144, 146, 169, 171, 178, 181, 182, 184–190, 193, 195, 199, 206, 207, 238, 239, 242, 243, 245–252, 257, 258, 260–262, 265, 267, 276, 278, 280–282, 285–288, 290, 292, 293, 296, 297, 300, 321, 323–325, 327, 328, 331, 332, 335–337, 341, 350, 358, 383

Карл Фридрих, герцог Гольштейн-Готторпский 368
 Карпеев Э.П. 337
 Карсунский М.Т. 159
 Карцов П.П. 340
 Кафенгауз Б.Б. 320, 327, 341, 343
 Кёгорн М. 171
 Кейт Д. 130
 Келин А.С., комендант Полтавской крепости 113, 133, 134, 142, 153–157, 188, 341
 Кёнигфельс Т. 374, 379
 Киган Д. 30, 103
 Кирющенко Н.В. 4, 379
 Клецкий А.И. 159
 Козаченко А.И. 341, 343
 Козлов Л.В. 159
 Козлов В.П. 339
 Кок Д. 207
 Кокс У. 334, 344
 Колосов Е.Е. 169, 170, 177, 201–203
 Кольца С. 195
 Колычёв С.А. 269
 Комелова Г.Н. 377, 378
 Конов Ю., фон 105
 Константин Великий, император 21, 380
 Копиевский И. 13
 Корх А.С. 341
 Корчмин В.Д. 84, 353
 Косулина Л.Г. 340
 Кочетов С. 159
 Крассау Э.Д., фон 71
 Крафт Д., фон 69, 140
 Крафт И.В. 310
 Кребс О.М. 350
 Крейц К.Г. 61
 Крёкшин А.М. 304
 Крёкшин А.Р. 302
 Крёкшин Г.Н. 302, 303, 338
 Крёкшин П.Н. 153–155, 158, 229–231, 266, 275, 276, 295, 301–315, 317, 319–333, 337, 339–343
 Крёкшин Ф.П. 304
 Крёкшина Анастасия (Настасья) С. 304, 306
 Крёкшина А.П. 304
 Крман Д. 160, 163, 171, 174, 177, 180, 203, 250, 255, 278, 283
 Кропотов Г.С. 99, 100, 393
 Кропотов А.С. 208, 270, 272

Кротов П.А. 3, 4, 79, 103–106, 108, 133, 148, 197, 198, 202, 282, 294, 296, 298, 300, 342, 379, 383, 385
 Кротова В.В. 6
 Круазе А. ван дер Коп 378
 Крунийорт А., Крониорт 81
 Кук Д. 65
 Кунингам Н.В. 156
 Куракин Б.И. 41
 Куракин Ф.А. 196
 Курчавова М.И. 331
 Кутузов М.И. 384
 Кучма В.В. 103, 104, 198

Лави А. 366, 381
 Лагеркруна А. 195
 Лармессен Н. 234
 Ласковский Ф.Ф. 130, 131, 197, 198
 Лебедев Н. 198, 199
 Лебедева И.Н. 104
 Леблон Ж.-Б.-А. 225, 275, 356
 Лев VI Мудрый (Миротворец), император 34, 69, 111, 112, 141, 144, 196, 198, 236, 254, 257, 258, 261, 286, 296, 297, 300
 Левашов В.Я. 137
 Лёвенгаупт А.Л. 24, 47, 60, 68–70, 74, 75, 93, 126, 180, 209, 213, 240, 242, 244, 245, 247, 259, 278, 293, 296, 362, 364, 371, 392
 Леер Г.А. 74, 107, 141, 198, 297, 340, 342
 Ле Метр де Со; Le Maitre de Saus 174, 176, 177, 203
 Лефкен Т. 309
 Лефорт Ф.Я. 16
 Ликург 136
 Лим Ю. 279
 Лит А., фон дер 268
 Лихачев Н.П. 340
 Ломоносов М.В. 337
 Людовик XIV 104, 140, 196, 197, 281, 340
 Людовик XV, король Франции 383
 Лют Й.М. 350
 Ляскоронский В.Г. 341, 343
 Мазепа И.С. 46, 49, 71, 73–75, 191–195, 230, 295, 338
 Майдель Г. 45
 Макаров А.В. 223

Маковская Л.К. 109
 Максимилиан Эммануэль, принц
 Бюртембергский 162, 346
 Мальборо Д.Ч.; Churchill J., duke of
 Marlborough 29, 31, 33, 34, 37–39,
 103, 104
 Маннерсверд Х. 318
 Мардефельд А.А. 46
 Мартен Младший П.-Д. 61, 124, 232,
 234
 Мартынов И.Ф. 378
 Масловский Д.Ф. 203, 257, 297, 340,
 342
 Матвеев А.А. 63
 Мезин С.А. 335–337
 Мелентьев М. 92, 93, 179, 391, 392
 Менгден (Фамендин) И.А., фон 156, 157
 Меншиков А.А. 334
 Меншиков А.Д., светлейший князь,
 «полудержавный властелин» 24,
 29, 30, 32, 42, 43, 45–47, 49–52, 64,
 91, 103–105, 108, 130, 143, 149, 159,
 164, 165, 167, 176, 183, 198, 199,
 213, 230, 231, 235, 237, 238, 240–
 241, 247, 251, 264, 266, 271, 274,
 277, 287, 291, 299, 308, 309, 311,
 335, 339, 343, 346, 362, 363, 369,
 388, 393
 Мержеиовский Э. 342
 Мериан Младший М. 37
 Мещерский Н.Ф. 151
 Микетти Н. 359
 Милоков П.Н. 338
 Миних Б.К. 341, 374
 Михневич Н.П. 340
 Мишуков З.Д. 375, 379
 Моисеева Г.Н. 337
 Молтусов В.А. 132–134, 197, 198, 200,
 320, 344
 Монтекуколи Р. 38, 101, 257, 297
 Мордвиновы 338
 Мориц Саксонский 31, 33, 117–119,
 131, 132, 134, 171, 231, 237, 286
 Мотрей (Мотре) О., де ла 280, 300
 Муравьев М.А. 136, 198
 Мусикийский Г.С. 118, 346
 Мусин-Пушкин И.А. 21, 24, 25, 311, 339
 Мышковский Е.В. 109

 Наполеон I 131, 164, 197, 257
 Нартов А.А. 199

Нартов А.К. 310, 339, 358, 378
 Нарышкин К.А. 88
 Натье Ж.-М. 10
 Неелов Г. 150, 151
 Неллер Г. 8, 34, 36,
 Никанорова Е.К. 328, 337, 343, 344
 Никитин И.Н. 186
 Никифоров Л.А. 341–343
 Николаева М.В. 339
 Николай II 376, 377
 Нилус А.А. 109, 202
 Новиков Н.И. 301, 338
 Ной 381
 Нордберг Й.А. 44
 Норов М.Е. 151
 Носков А.А. 27, 127, 196, 197, 379
 Нурсберг И.М. 176
 Н.Ч. 339

 Образцова Л.Н. 4
 Огильви Г.Б., фон 87, 92
 Озеров 156
 Олег Вещий 144
 Оллер Й. 319
 Орлов Г.И. 92, 93, 392, 393

 Павел, апостол 346
 Павленко Н.И. 200, 202, 322, 342, 343,
 385
 Павлов Н.П. 84
 Павловский И.Ф. 341, 343
 Палей С. 71
 Палли Х.Э. 279, 299
 Панов В.А. 341, 343
 Панов С.И. 147, 148, 151
 Паппандопулло Д. 298
 Парфёнов В.Н. 377
 Пассек В. 379
 Пассек Д. 379
 Паткуль И.Р., фон 37
 Пекарский П.П. 104, 107
 Пётр, апостол 21, 347
 Пётр I Великий, император, царь, Его
 Императорское Величество, Его
 Царское Величество; Пётр Алексе-
 ев сын Михайлов; «российский
 Самсон», «Ной российской
 истории» 1, 7, 8, 10–13, 16, 17, 20,
 21, 24–37, 40, 43, 47, 49–52, 58, 59,
 62, 64–67, 69, 70, 72–76, 79–81, 83,
 84, 89, 103, 104, 107, 108, 111–113,

115, 117–123, 125, 128, 130–134,
 136–144, 146–148, 152–156, 159,
 161, 165, 169, 172, 173, 175, 177,
 179, 181–184, 186–190, 195–198,
 213, 220–231, 234, 236–239, 244,
 245, 247, 251, 252, 254, 255, 257–
 266, 270, 275–277, 281, 282, 285,
 286–288, 290, 291, 295, 297–299,
 301, 307–309, 311, 313–315, 318,
 320–328, 330–335, 338–371, 374–
 385, 388, 393
 Петре Р. 60, 157, 190, 200
 Петрякова М.М. 198, 377
 Петухов Е. 385
 Пештич С.Л. 339
 Пикарт П. 42, 118, 253, 316
 Пино Н. 358
 Пильстрём А.; Pihlström A. 128, 197
 Пипер К. 65, 66, 69, 139, 206, 207, 346,
 350, 364
 Плейер О.А., фон 25, 27, 377
 Плотицын В. 341
 Плюханова М.Б. 324, 342
 Погодин М.П. 314, 340, 341
 Погоский А.Ф. 340, 342
 Погосян Е.А. 379
 Подьяпольская Е.П. 106, 117, 118, 196,
 286, 300
 Полиен 136, 198, 264, 298
 Поликарпов Н.П. 199, 200, 201, 271–
 273, 293, 294, 298, 299
 Поликарпов-Орлов Ф.П. 21, 34
 Полонский Я. 393
 Понятовский С. 171, 202, 256, 257,
 280, 297
 Попов В.И. 340
 Попов П.Х. 200
 Попов Н.Н. 202
 Попович И. 192
 Порфирьев Е.И. 197, 199, 200, 276,
 297, 341–343
 Посошков И.Т. 86, 89, 93, 108
 Пузыревский А.К. 104, 113, 196, 197,
 236, 295, 340
 Пустошкин Ф.М. 89
 Пушкарёв Л.Н. 34, 103
 Пушкин А.С. 51, 205, 234, 237, 244,
 251, 252, 371
 Пушкин Н. 308
 Пчёлов Е.В. 340
 Пфлуг К.Г. 49

Рабинович М.Д. 199, 200, 338
 Разумовский А.Г. 314
 Ранго К., фон 158
 Растрелли Б.-К. 356–358
 Рахимов Р.Н. 201
 Ригельман А.И. 325, 342
 Ревен Г. 156
 Рённе К.Э.М., фон 42, 47–49, 116,
 164, 183, 198, 199, 209, 270
 Рёншильд К.Г. 29, 37, 39, 52, 53, 55,
 57, 62, 76–78, 83, 105, 116, 133, 146,
 181, 182, 189, 206, 207, 209, 238,
 243, 245–247, 286–288, 323, 346,
 350, 364
 Ренцель С., фон 41, 76, 143, 166, 183,
 184, 198, 199, 213, 235, 265, 273, 387
 Репнин А.И. 41, 52, 64, 76, 182, 183,
 230, 231, 237, 250, 392
 Роан А., де 25
 Родостамов М.И. 265, 268
 Ромодановский Ф.Ю. 84, 276
 Ропп К.К., фон дер 99, 152
 Российский М.А. 297, 340–343
 Ростовский А.Н. 197
 Румянцев П.А. 31, 384
 Руус К.Г. 46, 49, 52, 61, 128, 130, 157,
 165, 166, 178, 179, 181, 195, 213,
 218, 219, 234, 235, 237, 265, 273,
 283, 287, 346, 387
 Руф Квинт Курций 13, 21, 24

 Саверкина И.В. 45, 105
 Салтыков П.С. 384
 Сампсоний Странноприимец, святой
 363
 Сандул 192
 Сапега Я.К. 51
 Сахаров А.Н. 326, 340, 343
 Сахаров И.П. 339
 Свердлов М.Б. 27
 Свечин А.А. 186, 204
 Сенявский А.Н. 29, 130, 274, 277
 Сильвестр Л.Д. 56
 Симеон Полоцкий (С.Г. Петровский-
 Ситнианович) 312
 Симонно Ш. 124, 232
 Скоропадский И.И. 73, 138, 142, 145,
 158, 159, 193, 219, 326
 Снепест Э.Л. 176, 351
 Смит Д. 36
 Соколовский А. 196

Соловьёв С.М. 257, 297, 339
 Сомов В.А. 105
 Сорник Д. 16
 Спарре А. 195, 230
 Спасский И.Г. 339
 Спиридов Г.А. 375
 Спиридонов А.В. 4
 Спицион 135
 Станислав I Лещинский 63, 71, 140, 230
 Стакельберг Б.О. 195, 346
 Старовольский С. 34
 Старчевский А. 339
 Стенбок М. 52, 393
 Стефан (Яворский) 269
 Стрешнев Т.Н. 392
 Строгонов Г.Д. 20
 Стромиллов А.М. 208
 Струков Д.П. 294, 296
 Стюарт К.М. 52, 53
 Суворов А.В. 31, 257, 287, 384
 Сухомлин С.А. 340

Тактик Элиан 35
 Таллар К. 39
 Тарле Е.В. 200, 321, 323, 326, 341–343
 Татарников К.В. 109, 379
 Татищев А.Д. 25
 Татищев В.Н. 88, 89, 108
 Татищев И.И. 89
 Татищев Н. 89
 Тельпуховский Б.С. 198, 200, 257, 297, 341–343
 Тёмкин А. 161
 Тессинг Я. 13
 Тизенгаузен Г.Р. 393
 Тизенстен Л. 319
 Тимурин Ф. 150
 Толочко А.П. 339
 Толстой П.А. 72, 120
 Толстой Ф.А. 108
 Торси Ж.-Б.-К., де 29, 75
 Траян Марк Ульпий 358, 359, 378
 Трезини Д. 361
 Трейден Т.И. 157
 Трубников А.А. 150, 220
 Турвиль К., де 28, 54, 103, 105, 250, 252, 254, 290, 296
 Турова И.П. 307
 Тюренн А. 33, 101
 Тюхменева Е.А. 27, 377

Уитворт Ч. 26, 27, 36, 43, 46–48, 53, 77, 82, 86, 87, 90–93, 105, 107, 171, 176, 188, 190, 203, 264, 352
 Уиткрофт Э. 30, 103
 Урбих И.Х. 268
 Уредссон С. 54, 105
 Устрялов Н.Г. 107

Фабрис Ф.Э., фон; Fabrice F.E., von 165, 169, 201
 Фальк Х. 37
 Фаминцын Е.И. 309
 Федосеев М. 159, 160
 Феодосий (Яновский) 25
 Феофан (Елеазар Прокопович) 193, 194, 204, 223–228, 259, 260, 275, 295, 297, 317, 348, 352, 353, 363, 377
 Феофилакт (Лопатинский) 360, 361
 Фихтенгейм И.С., фон 157
 Флеминг Я.Г., фон 37
 Фредрик IV 43
 Фридрих I 268
 Фридрих II Великий; Frédéric de Prusse 33, 121, 130, 132, 146, 197, 199, 286, 300
 Фридрих, принц Гессен-Дармштадтский 183
 Фрик М.В. 4
 Фролов А. 159
 Фронтин Секст Юлий 33, 34, 111, 136, 196, 198
 Фуллер В.К.; Fuller W.C. 30, 103

Хайнц О.; Haintz O. 31, 103
 Хейнске (Генскин) И.К. 42, 49, 213, 283
 Хермелин О. 66, 69, 72
 Хлопов С.Т. 99
 Хорд Е. 158

Цедерфельм Ю. 364, 369
 Цезарь Гай Юлий 11, 13, 136, 221, 360, 380

Чактор-Джаба (Чапдержап) 142
 Чамберс И.И. 182, 183
 Чандлер Д.Г.; Chandler D.G. 30, 31, 103
 Челюскин И.Р. 92, 392
 Черепнин Л.В. 108
 Чистов К.В. 27

Шарыпкин Д.М. 107, 328, 343, 377
 Шаумбург (Шонбурх) О.Р., фон 42, 392, 393
 Шафиров П.П. 65, 348
 Шебалдина Г.В. 20, 27
 Шёблад К.Г. 51
 Шёман Ю. 176
 Шереметев Б.П. 41, 43, 46, 47, 52, 64, 81, 145, 147, 150, 151, 167, 183, 202, 218, 219, 231, 235, 251, 259, 276, 279, 286, 323, 326, 335, 387, 388, 392, 393
 Шидловский Ф.В. 151
 Шишов А.В. 31, 103, 104
 Шлаттер И.А. 309
 Шлиппенбах В.А., фон 213, 279, 346
 Шмидт С.О. 324, 342
 Шмидт Г.Ф. 30
 Шмурло Е.Ф. 339
 Шперк В.Ф. 197, 202
 Шрек Ф. 29
 Шульц Я.; Schultz J. 153, 174, 289
 Шумков А.А. 338
 Шуттой В.Е. 201–203, 296, 299, 300
 Шхонебек А. 15, 19

Щербатов М.М. 225

Эйлер Л. 310
 Экил Х. 192
 Энглунд П. 78, 79, 106, 107, 162, 198, 200–204, 244, 256, 258, 265, 280, 281, 284, 293–298, 300, 319, 340, 344
 Эренмальм Л.Ю. 25–27, 82, 107, 174, 203
 Эренстраль Д.К. 9, 65, 207
 Эреншёльд Н. 20, 367

Юлленклу А.Г. 181

Юлленкрук А. 116, 162, 196, 201, 254, 296
 Юль Ю. 88, 108, 361, 378
 Юнаков Н.Л. 199, 266, 341
 Юсуф-паша 289
 Юхт А.И. 339

Яковлев В.И. 379
 Яковлев П.И. 73, 191, 192
 Якуб Собеский 66

Andolenko S. 300

Black J. 103

De la Barre, Duparcq 109
 Dumont J. 104
 Dussieux L. 378

Foe D., de 299
 Frost R.I. 105, 106, 296, 344

Hughes L. 202

Limiers H.-P., de 297
 Lövgren J. 200

Marsengo M. 341, 343
 Marteau P. 298

Petschauer P. 104

Rakoczy F. 103

Sandin P. 297
 Soulié E. 26

Wimmer J. 109

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Азия, конт. 207, 300	Васа, г. 51
Азов, г. 16, 50, 72, 73	Васильевский о-в 45
Аландские о-ва 51, 371	Великая Польша, рег-н 45
Альтранштедт, замок 63	Великие Луки, г. 293
Амстердам, г. 34, 355, 383	Великий Новгород, г. 55, 65, 262, 273, 274, 295, 302
Анзёр, о-в 354	Вена, г. 268
Астраханский кремль 369	Веприк, кр. 147
Африка, конт. 300	Византий, г. 20, 135
	Византия, Византийская империя, г-во 33, 34, 103, 104, 111, 135, 236
Балтийское море, Балтика 64, 65, 67, 68, 242, 354, 362, 365, 369, 380	Вильно, г. 87
Батурин, г. 42, 46	Водская пятина, рег-н 302
Белая Русь, рег-н 201	Волга, р. 142, 369
Белгород, г. 151	Волынь, рег-н 50, 51, 63, 201
Белевский у. 92, 392	Воронеж, г. 71, 75
Белое море 355	Ворскла, р. 71, 72, 112–113, 116, 117, 121, 122, 126, 143, 147, 156, 157, 166, 188, 189, 192, 194, 209, 236, 242, 245, 246, 255, 291, 293, 336
Белозёрская сл. 306	Восточная Европа, рег-н 64, 242, 243
Бендеры, г. 289	Выборг, г. 361, 393
Берлин, г. 268	Выборгская, стор. 313, 376
Благовещение, с. 392	Вяземский у. 394
Бленхайм, г. 38	
Большая Нева, р. 309	Гаага, г. 63
Бранденбург, г-во 289	Гангут, п-в 92, 365, 367, 371, 372
Британия, г-во 54	Гвардейский шанец, укр. 157, 166, 178, 213
Будищи, с. 142	
Бузулук, р. 159	
Вавилон, г. 21	
Варшава, г. 52, 67, 68, 176	

* В указателе приняты следующие сокращения: г. — город; гав. — гавань; г-во — государство; герц-во — герцогство; губ. — губерния; д. — деревня; дор. — дорога; зал. — залив; кр. — крепость; конт. — континент; м. — мыза; мон. — монастырь; оз. — озеро; о-в, о-ва — остров, острова; п-в — полуостров; р. — река; рег-н — регион; с. — селение, село; сл. — слобода; стор. — сторона; у. — уезд; укр. — укрепление; ур. — урочище.

Германия, рег-н 201, 365
Голландия, г-во 54, 176, 379
Головчино, с. 53, 60, 61, 132, 182
Голтва, с. 192
Голштейн-Готторп, герц-во 48, 165, 393
Гохштедт, г. 38, 39
Гренгам, о-в 371, 372
Греческая империя, 25
Грипсхольм, г. 9, 57, 66, 192, 207
Гродно, г. 87, 101, 132

Дания, г-во 54, 66, 67
Данциг, г. 66
Денен, г. 246
Дербент, г. 353, 354, 380
Дерпт, г. 17, 47, 393
Доброе, с. 51, 60, 92, 93, 183, 392
Днепр, р. 28, 46, 51, 60, 69–71, 73, 93, 139, 140, 150, 151, 186, 189, 190, 192, 194, 199, 257, 260, 268, 269, 278, 280–282, 285, 286, 289–293, 328, 350, 363, 384, 393
Дон, р. 16, 66, 113, 159
Донец, р. 159
Древний Рим, г-во 135
Дубна, г. 64
Дунай, р. 384
Дюнамонде, кр. 393

Европа, конт. 26, 30–32, 36, 41, 53, 72, 78, 86, 94, 95, 102, 108, 118, 131, 132, 140, 172, 207, 263, 266, 282, 286, 290, 296, 300, 364

Жолква, с. 63, 64, 68, 112, 172, 384
Жуки, с. 192

Западная Двина, р. 364
Запорожская Сечь, рег-н 72, 73, 194
Зеландия, о-в 54
Золотая орда, г-во 113

Иерусалим, г. 34, 258
Ингрия, рег-н 390, 391
Изюм, г. 143, 159

Казань, г. 305
Казыккермен, кр. 392
Калиш, г. 42, 44, 45, 49, 100, 262
Канны, г. 135

Карлскруна, г. 55
Каспийское море 353, 369, 380
Кёльн, г. 267, 293, 298
Киев, г. 172, 224, 259, 265, 266, 275, 290, 348
Клишов, г. 37, 38, 55, 56, 62, 238, 247
Киевская губ. 392
Китай-город (в Москве), кр. 66
Кобеляки, с. 73, 291, 292
Кожухово, с. 50
Конец-озеро, д. 303
Константинополь, г. 21, 280
Копенгаген, г. 52, 54, 156, 167, 185, 240
Копорье, кр. 17
Котлин, о-в 307, 308, 363, 365, 367, 370
Котлинский рейд 375
Кременчуг, г. 290
Кремль (московский), кр. 67, 164
Крестовоздвиженский мон. 166, 235, 255, 273
Кричев, г. 69
Кроншлот, кр. 363, 370, 373
Кронштадт, г. 370, 373
Кронштадтская гав. 307
Кронштадтский рейд 373
Крымское ханство, Крым, г-во 72, 73, 194, 291, 293
Курляндия, рег-н 47, 259, 392

Ладожское оз. 354
Лаппола, д. 51
Левобережная Украина, рег-н 24, 46, 158, 193, 194
Лейпциг, г. 63, 363
Лесная, д. 24, 42, 46, 48, 51, 60–62, 70, 75, 80, 106, 212, 221, 230, 274, 293, 294, 319, 363, 371
Липецк, г. 10
Литва, г-во 140, 201
Лифляндия, рег-н 390, 391
Лондон, г. 48, 90, 93, 190
Лохвицы, с. 151
Львов, г. 51, 63
Люксембург, г. 267

Македония, рег-н 264
Малобудищенский лес 127, 160, 163, 165, 236, 254, 257, 260, 283
Малые Будищи, с. 158, 164, 193, 209, 212, 260

Малороссия, рег-н 151, 342
 Мальплаке, с. 39, 130, 132
 Медведица, р. 159
 Мекленбург, герц-во 365, 393
 Могилёв, г. 68
 Митава, г. 20, 92, 392
 Можайск, г. 67, 69
 Молдавия, г-во 363
 Москва, г. 17, 20, 25, 32, 34, 37, 43, 48, 65, 66, 69, 71, 72, 82, 84, 87, 93, 126, 164, 173, 174, 176, 190, 198, 230, 258, 262, 264–266, 268, 270, 298, 308, 309, 347, 348, 350, 351, 377, 393
 Московия, г-во 27, 298, 377
 Московская Русь, г. 21
 Мур-мыза, м. 47, 92, 259, 286
 Муравский шлях, дор. 71

Нарва, г. 17, 21, 46, 47, 51, 52, 55, 60, 76, 77, 78, 84–86, 92, 103, 132, 133, 189, 238, 261, 262, 298, 340, 343, 392, 393
 Нарова, р. 55
 Нева, р. 38, 225, 264, 309, 339, 354, 356, 361, 362, 364, 365, 373
 Невский край, рег-н 164, 173
 Непрядва, р. 113
 Нидерланды, г-во 176
 Ниеншанц (Нюенсканс), г. 47, 364
 Нехвороша, с. 393
 Новгородский у. 302, 303
 Новоиерусалимский Воскресенский мон. 50
 Новые Сенжары, с. 291
 Норвегия 54
 Норчёпинг, г. 394
 Нотебург, кр. 16, 18, 19, 47, 51, 354
 Нью-Йорк, г. 118

Олешковская Сечь, укр. 192
 Онежское оз. 10
 Орешек, кр. 16, 47, 354
 Орша, г. 69
 Османская империя, г-во 71, 72, 76, 192, 363
 Острог, г. 64
 Охта, р. 393
 Очаков, кр. 57, 150, 269, 278, 293

Париж, г. 164, 246
 Петровка, с. 116, 230, 234, 329

Переволочна, кр. 46, 51, 150, 155, 191, 192, 268, 280–282, 285, 286, 289, 291, 292, 295, 350, 362, 384, 393
 Перекоп, кр. 291
 Переславль-Залесский, г. 50
 Побыванка, балка 48, 117, 145, 158, 162, 165, 209, 219, 236, 336
 Побыванка, р. 137, 159, 161, 162, 336
 Подкамень, г. 51
 Полоцк, г. 84, 159, 160
 Полтава, г.; Полтавская кр. 3, 29–32, 36, 40, 41, 48, 50, 51, 55, 61, 63, 70, 71, 73, 74, 76, 77, 83, 86, 92, 100, 103, 106–108, 112, 113, 115–117, 129, 130, 132, 139, 142, 143, 145, 146–158, 160, 162, 164, 166–169, 170, 173, 175, 178, 179, 181, 183, 185, 186, 188, 189, 191, 192, 194, 196–204, 209, 212, 218, 223, 224, 230, 232, 235, 236, 239, 241, 255, 256, 259, 262, 265–268, 270, 272, 277, 280, 282–285, 287, 289, 290, 292–298, 300, 329, 330, 332, 334, 336, 340, 341, 343, 344, 348, 356, 360, 362, 363, 367, 371, 375–377, 381, 384, 386, 387, 392
 Полтавские поля 51, 62, 139, 140, 164, 228, 229, 236, 250, 336, 348, 351, 377, 385
 Польша, г-во 63, 64, 70, 82, 201, 298, 344
 Померания, рег-н 47, 118, 393
 Посадская сл. 306, 312
 Правобережная Украина, рег-н 70
 Пруссия, г-во 383
 Псёл, р. 290
 Псков, г. 65
 Пушкарёвка, с. 157, 164, 165, 181, 189, 193, 235, 255–257, 260, 269, 290–292

Рамилы, г. 39
 Ревель (Таллин), г. 363, 365, 375
 Ревельская кр. 369, 370
 Ревельский рейд 376
 Речь Посполитая, г-во 45, 63, 70, 76, 159, 193
 Решетиловка, с. 151, 290
 Рига, г. 47, 69, 70, 92, 364, 392, 393
 Рим, г. 21, 264
 Римская империя, г-во 25, 259
 Россия, Российская империя, Россий-

ская Федерация, г-во 11, 21, 24–27, 29, 30, 37, 40, 45, 47, 51, 63–66, 71, 72, 82, 88, 90–91, 103–108, 118, 139, 164, 165, 172, 177, 184, 194, 197, 198, 207, 227, 230, 231, 266, 282, 296, 297, 300, 334, 341, 343–346, 351, 356, 360, 362, 363, 365, 366, 371, 375–377, 380, 381, 383, 385
 Ростов, г. 365
 Рублёвка, с. 151
 Рушук, г. 384
 Рязанская епархия 360

Саксония, г-во 63, 64, 66, 364
 Самара, р. 73, 289
 Санкт-Петербург, г. 1, 3, 10, 20–22, 25–27, 32, 37, 45, 67, 72, 81, 123, 163, 172–174, 178, 193, 222, 225, 275, 294, 296, 305, 306, 309, 312, 314, 340, 342, 352, 354, 356, 362–364, 366–369, 371, 377, 381, 383, 393
 Санкт-Петербургская, губ. 306
 Санкт-Петербургская (Петропавловская) кр. 309, 311, 361, 362, 366, 370, 373, 376, 379
 Санкт-Петербургская, стор. 304, 305, 306
 Санкт-Петербургский о-в 303, 352
 Св. Римская империя германской нации, г-во 63
 Северская Русь (Severien), рег-н 201
 Семёновка, д. 116, 117, 120, 142, 246
 Семёновское, с. 50, 120
 Серпухов, г. 67
 Сестра, р. 81
 Сибирь, рег-н 70, 374
 Скандинавские страны, рег-н 298
 Слободзея, г. 384
 Смоленск, г. 24, 25, 68, 69, 172, 173, 177
 Соловецкий кремль, кр. 355
 Соколка, с. 393
 Соловки, Соловецкие о-ва 354, 355
 Сойкина м. 392
 Спа, г. 356, 365
 Спарта, г-во 136
 Средиземное море 375
 Средний Восток, рег-н 72
 Стамбул, г. 72, 73, 120

Стариши, с. 69
 Стародуб, г. 68–70
 Старые Сенжары, с. 147
 Стокгольм, г. 26, 54, 72, 206, 394
 Сумы, г. 75
 США, г-во 118

Тавань, кр. 392
 Тавров, г. 71
 Тарки, кр. 353, 355
 Тарту, г. 47
 Тахтаулово, с. 158
 Тобольск, г. 374
 Тоннинг, г. 393
 Травенталь, г. 54
 Трапезундская империя, г-во 25
 Троице-Сергиев, мон. 50, 67
 Турция, г-во 57, 71, 107

Украина, рег-н 164, 201, 366
 Умео, г. 393
 Урал, рег-н 10

Финляндия, рег-н 51, 298
 Финский зал. 367
 Фландрия, рег-н 101
 Фонтенуа, д. 131, 132, 286
 Франция, г-во 29, 75, 117, 366, 383
 Фрауштадт, г. 57–59, 106, 256
 Фридрихсгам, г. 136
 Фридрихштадт, кр. 393

Харьков, г. 143
 Хиос, о-в 375
 Холмогоры, г. 34
 Хопёр, р. 159
 Хуммули, м. 47, 279

Чесма, г. 375

Шведская могила, ур. 376, 379
 Швеция, Шведское королевство, г-во 29, 30, 54, 55, 64–67, 76, 102, 186, 192, 196, 197, 199, 202, 204, 207, 267, 289, 297, 298, 300, 312, 341, 342, 346, 360, 366, 380
 Шелленберг, г. 38
 Шелонская пятина, рег-н 302, 303
 Шлиссельбургская, кр. 17
 Шлотбург, кр. 17
 Штеттин, г. 393

Южный Буг, р. 73, 269, 280, 281
 Юрьев Ливонский, г. 17, 47
 Эзель (Сааремаа), о-в 369
 Эстляндия, рег-н 47, 55, 365
 Эстония, рег-н 299
 Эраствере, м. 47, 279

Яворов, г. 64
 Яковцы, с. 119, 127, 129, 142, 187, 194,
 236, 238
 Ямбург, кр. 17
 Яссы, г. 363

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив ВИМАИВ и ВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

Архив СПбИИ РАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)

БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ВА — Вопросы архивоведения

ВЖ — Военный журнал

ВИ — Вопросы истории

ВМ — Военная мысль

ВС — Военный сборник

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

ГРМ — Государственный Русский музей

ГСВ — Гистория свейской войны (Подённая записка Петра Великого)

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва)

ГЭ — Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЖИРВИО — Журнал Императорского русского военно-исторического общества

ЖОРВЗ — Журнал Общества ревнителей военных знаний

ИЗ — Исторические записки

ОЗ — Отечественные записки

ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ПБИПВ — Письма и бумаги императора Петра Великого
 ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года
 ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 РА — Русский архив
 РАН — Российская академия наук
 РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
 РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
 РИ — Русский инвалид
 РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
 РС — Русская старина
 Сб. ВИМ — Сборник военно-исторических материалов
 Сб. РИО — Сборник Императорского русского исторического общества
 ТИРВИО — Труды императорского Русского военно-исторического общества
 ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
 НН — Historiska handlingar
 KFÅ — Karolinska forbundets årsbok
 KKD — Karolinska krigares dagboken

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия 7

О значении Полтавской победы. Мотивы полководческой и преобразовательной деятельности Петра I.

Глава I

Становление Петра I как полководца 28

Освоение античного и византийского опыта полководческого искусства. Изучение Петром I европейского военного опыта XVII — начала XVIII столетий. Помощники Петра I на полях брани. Полководческий стиль Карла XII и генерал-фельдмаршала К.Г. Рёншильда. Стратегические планы Петра I и Карла XII. Тактика боя пехоты и конницы, разработанная Петром I против шведов. Качество личного состава российских войск. Вооружение русской и шведской пехоты и конницы, состояние артиллерии.

Глава II

Подготовка к решающей битве 111

Выбор места для битвы и инженерное укрепление занятых позиций. Готовил ли Пётр I для шведов неотразимое искушение «золотым мостом» для бегства? Стягивание российских войск к месту битвы и их рассредоточение на полях брани. Выделение резервов. Каков был гарнизон редутов? Численность регулярной русской кавалерии в Полтавской битве. Гарнизон Полтавской крепости. Сосредоточение нерегулярных воинских формирований. Общая численность российских войск в баталии. Значение артиллерии в битве. «Ордер де баталии» Петра I. Желал ли Пётр I атаковать? Шведское воинство перед битвой.

Глава III

«И грянул бой, Полтавский бой!» 205

Начало баталии — сражение у редутов. Какие войска разгромили отряд генерал-майора К.Г. Рууса? Кавалерийский резерв князя Г.С. Волконского. Общение Петра I с воинами и его речь. Тактика российской стороны на

решающей фазе битвы на поле за редутами. Соотношение сил на поле битвы. Продолжение баталии. Почему русская регулярная армия не преследовала шведов вне поля битвы? Пётр I на поле брани. Цена победы. Цена поражения для шведов. Эффективность действий русской и шведской армий на полях под Полтавой. Был ли Пётр I великим полководцем? Оценка действий Карла XII. Эпилог при Переволочне 30 июня 1709 года.

Глава IV

П.Н. Крёкшин и сотворение мифов о Полтавской битве 301

Феномен петербургского писателя П.Н. Крёкшина: жизненный путь, личность и творчество. Прославление писателем деяний Петра Великого путём «благородного вымысла» и усвоение литературных мифологем отечественной историографией.

Глава V

Пропагандистское использование «преславной виктории» 345

Торжества 1709 г. Монументальная пропаганда. Празднование годовщин победы.

Заключение 380

Приложения 386

№ 1. [1709 г., июня 27–28]. — Ведомость унтер-офицерского и рядового состава регулярных кавалерийских полков, участвовавших в Полтавской битве, с указанием количества убитых по полкам и списочного состава полков после окончания баталии; № 2. [1709 г., июля 26]. — «Ведение» генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева о численности войск в ретраншементе, редутах и отряда генерал-поручика С. фон Ренцеля во время Полтавской битвы; № 3. 1711 г., [до марта 25]. — Табель численности российской армии; № 4. 1720 г., марта 25. — Сказка прапорщика Шлиссельбургского пехотного полка Мелентия Мелентьева; № 5. 1720 г., апреля 19. — Сказка полковника Ингерманского пехотного полка Григория Иванова сына Орлова; № 6. 1709 г., июля 13. — Сказка украинского казака Лубенского полка Тимофея Харченко о преследовании отряда Карла XII и И.С. Мазепы за Днепром до реки Южный Буг; № 7. 1710 г., февраля 1. — Выписка из показаний сержанта шведской армии Фридриха Шульца, бежавшего из Бендер в Брацлав.

Указатель имён 398

Указатель географических названий 406

Список сокращений 411

SUMMARY

The monograph presents an original concept according to which Tsar Peter I from the early years of his life was determined to make Russia an internationally recognized empire and a major power in Europe and Asia and was concerning himself with the attainment of this goal consciously and persistently. The brilliant victory in the battle of Poltava in 1709 was a decisive event contributing into his determination.

The author tried to show that, first of all, Tsar Peter I followed the example of the great statesmen of the ancient times: Alexander the Great, Julius Caesar, Emperor Trajan. On their pathway to glory their statesmanship and generalship were of equal worth. The Battle of Poltava was the Tsar's triumph as a statesman and as a master of the art of war. The victory in this forever glorious battle was seen by the first Russian Emperor as the symbol of Russia's Rebirth.

In the book the author brings to light the sources of the military operation skills of Peter I. The new approach of the author to historiography is that he emphasizes the role of the ancient and Byzantine art of war in the development of the Tsar's generalship. Thus one of the core ideas of the book is that ancient discourses into the art of war were of major importance in the formation of this Russian monarch. The author gives detailed examination of the strategy developed by associates of the Swedish King Charles XII aiming at complete defeat of the Russian State, as well as the counter attack plan of military operations developed by Peter I and his associates. The author features battlefield combat tactics designed by the Tsar for the defeat of the Swedes. The book also highlights the changes in the armament, training of soldiers and the fighting spirit of the Russian troops before the battle.

Combat maneuvers and generalship techniques employed by Peter I in the Poltava battle are described in detail. The concluding part of the book says that before this decisive battle the Russian army expanded to as many as 80 000 men. Thus the Russian troops outnumbered significantly the army of Charles XII.

The monograph explains that many deep-seated historiography 'facts' about the Poltava battle are a 'chivalrous' creation of the brain of P.N. Kryokshin, a St. Petersburg author (1692/1693–1764), and therefore are literary fiction. This writer imagined some events called 'facts' so that to glorify his idol Emperor Peter the Great by literary means.

Peter the Great instituted annual festivities to commemorate the Battle of Poltava. The monarch granted them the status of Russian public holiday. This victory day has become a symbol of the success of the Tsar's determination to eliminate the backwardness and under-development of the Moscovy Russia and make it a modern major power on two continents called Russian Empire.

The key question asked in the book if Peter the Great really was a great European military commander gets an affirmative answer from the monograph author. No other commanders including P.S. Saltykov, P.A. Rumiantsev, A.V. Suvorov had the experience of capturing an entire enemy army in the course of the decisive battle.

КРОТОВ

Павел Александрович

Битва при Полтаве

К 300-летней годовщине

научное издание

Редактор Л.Н. Образцова

Художник А.В. Спиридонов

Технический редактор А.В. Слободин

Корректор М.В. Фрик

Главный редактор Н.В. Кирющенко

Подписано в печать 10.05.2009. Формат 70 × 100 1/16

Гарнитура Newton. Печать офсетная

Объем 26 п. л. Уч.-изд. л. 25,37. Тираж 500 экз.

Заказ № 3071

Издательство «Историческая иллюстрация»

192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89

e-mail: info@ist-il.spb.ru

Тел./факс: (812) 567 0737

ISBN 978-5-89566-082-9

9 785895 660829

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“».

198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38, к. 2